

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е.Л. БЕСПРОЗВАННЫХ

**ЛИДЕРЫ ТИБЕТА И ИХ РОЛЬ
В ТИБЕТО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
XVII—XVIII ВВ.**

Волгоград 2001

ББК 63.3(5Кит)-64
Б53

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. *Е.Г. Блосфельд*;

д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин*;

д-р ист. наук, проф. *Е.Г. Олейникова*

Научный редактор

д-р ист. наук, проф. *Д.М. Туган-Барановский*

Печатается по решению редакционно-издательского совета
университета

Беспрозванных Е.Л.

Б53 **Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII—XVIII вв.** — Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. — 356 с.

ISBN 5-85534-462-2

Книга посвящена истории тибето-китайских отношений в XVII—XVIII вв., а также рассмотрению роли тибетских лидеров в этом процессе. Отношения двух стран исследуются на основе сравнительного анализа традиционных китайских и тибетских внешнеполитических концепций, что позволяет наиболее достоверно оценить характер отношений Тибета и Китая на определенном историческом этапе. Рассмотрение деятельности семи политических и религиозных лидеров Тибета дает возможность выявить их роль в процессе включения Тибета в состав Цинской империи, показать влияние борьбы между церковью и государством на изменение международного статуса Тибета. Значительное внимание уделяется анализу роли и места Тибета в составе империи Цин.

Предназначено для всех, интересующихся историей Тибета и Центральной Азии.

ISBN 5-85534-462-2

© Е.Л. Беспрозванных, 2001

© Издательство Волгоградского
государственного университета, 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	4
<i>Глава 1.</i> ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ И ТИБЕТА	37
<i>Глава 2.</i> ОТНОШЕНИЯ ТИБЕТА С КИТАЕМ И МОНГОЛИЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV — НАЧАЛЕ XVII ВВ.	64
<i>Глава 3.</i> ДАЛАЙ-ЛАМА V НГАГБАН ЛОВЗАН ЧЖАМЦО	85
<i>Глава 4.</i> ДЭСРИД САНЧЖАЙ ЧЖАМЦО	118
<i>Глава 5.</i> ЛХАВЗАН-ХАН	147
<i>Глава 6.</i> КАНЧЕННАС	163
<i>Глава 7.</i> ПОЛХАНАС	188
<i>ГЛАВА 8.</i> ЧЖУРМЭД-НАМЧЖАЛ	222
<i>Глава 9.</i> ПАНЧЕН-ЛАМА III БАЛДАН-ЕШЕЙ	244
<i>Глава 10.</i> ПОСЛЕДНЕЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ XVIII ВЕКА	270
<i>Заключение</i>	302
<i>Примечания</i>	314
<i>Источники и литература</i>	345

ВВЕДЕНИЕ

История отношений Тибета и Китая насчитывает более четырнадцати веков (VII—XX вв.). В течение этого огромного исторического периода тибетский и китайский народы торговали и воевали, заключали разного рода договоры и соглашения, обменивались культурными и техническими знаниями и т. п. Случалось, что тибетские войска захватывали столицу Китая, а в другие времена тибетская столица оказывалась в руках китайских воинов. Затем вновь наступали периоды мира и спокойствия на границах. В эти процессы, обычные для истории любого народа и государства, активно вмешивались другие страны и народы Центральной Азии, выступая в качестве союзников или противников той и другой стороны.

Развитие Тибета шло в тех же общих рамках, что и развитие других государств центрально-азиатского региона. В то же время Тибет имел ряд особенностей, связанных с природными и географическими условиями, которые придавали его развитию уникальный характер. Страна снегов (как называют свою родину сами тибетцы) обладала скудными природными ресурсами, сравнительно небольшим населением. Холодный климат тибетских высокогорий и своеобразные фауна и флора определили оригинальный уклад жизни тибетского населения, во многом повлияли на архитектуру и ремесла. Тибет подвергался различным культурным влияниям: китайскому, монгольскому, иранскому, индийскому. Наиболее важным оказалось индийское влияние, способствовавшее проникновению в Тибет буддизма и преобразованию его здесь в особую форму, часто называемую ламаизмом.

Тибетский буддизм (ламаизм) стал основой духовной жизни Тибета и во многом повлиял на его политическое развитие. Отсюда тибетские формы буддизма (в лице различных сект) распространились на Непал, Бутан, Сикким и Ладак. Страны, входившие в «монгольский мир» (Южная Монголия и Халха, Кукунор и Джунгария, Бурятия и Калмыкия), приняли тибетский буддизм в форме, проповедовавшейся сектой Гелугпа. Превращение Тибета в центр северного буддизма и идеологическое влияние, шедшее отсюда на монгольские страны, превращало Тибет в желанную добычу для любого завое-

вателя, желавшего подчинить себе монгольские народы. В XVII—XVIII вв. две крупнейшие державы региона — Джунгарское ханство и Цинская империя, — претендовавшие на гегемонию в регионе, стремились контролировать Тибет, исходя именно из этих соображений.

Однако до 40-х годов XVII в. Тибету удалось сохранить свою независимость, чему способствовала международная обстановка в Центральной Азии (борьба между китайцами, монголами и маньчжурами, отвлекавшая их внимание от Тибета). Установлению иностранного господства в Стране снегов способствовала религиозно-политическая борьба, охватившая Тибет в первой половине XVII в. Введение в XVII в. хошоутского, а в XVIII в. китайского протектората означало утрату Тибетом своей независимости, и в конце XVIII в. он был полностью интегрирован в структуру Цинской империи. Лишь на сравнительно короткий срок — с 1911 по 1950 гг. — Тибету удалось вернуть суверенитет.

Современная тибетская эмиграция, возглавляемая Далай-ламой XIV, категорически отрицает право Китая владеть Тибетом, настаивая на том, что между двумя странами в XVII—XIX вв. существовали отношения добровольного религиозно-политического союза, конкордата, но не зависимости и подчиненности. Китайские официальные круги, в свою очередь, утверждают, что Тибет являлся вассальной страной при нескольких китайских династиях, а при Цинской династии окончательно вошел в состав империи. Нынешние руководители Китая являются правопреемниками китайских императоров в плане прав на Тибет, а тибетский народ является национальным меньшинством Китая. Таким образом, тема исследования является политически актуальной.

Не менее актуальной является проблема тибето-китайских отношений и в научном плане. Поскольку обе стороны — тибетская и китайская — в своем споре аргументируют собственные позиции с помощью исторических фактов (зачастую одних и тех же), существует настоятельная необходимость проанализировать тибетский и китайский подходы к различным вопросам международной политики, выявить причины расхождений в оценке исторических фактов, сопоставить тибетские и китайские взгляды на взаимоотношения с внешним миром и т. п.

Несомненно, что состояние тибето-китайских отношений зависело от ряда конкретных внутри- и внешнеполитических факторов: международной обстановки в регионе, состояния экономики и подготовленности армии, стабильности или отсутствия таковой внутри каждой из стран и др. В то же время нельзя отрицать и влияния на историческое развитие отдельных людей, входивших в высший эшелон власти и непосредственно участвовавших в принятии тех или иных политических решений, в том числе имевших принципиальное значение для дальнейшего хода тибетской истории. Поскольку роль лидера, «сильной личности» в переломный момент истории могла оказаться чрезвычайно значительной, было бы весьма интересно и полезно «персонифицировать» историю Тибета в указанный период, выделив группу лиц, повлиявших на развитие тибето-китайских отношений.

В отечественной историографии не существует специальных работ, посвященных тому или иному политическому деятелю Тибета XVII—XVIII вв. Однако упоминания о наиболее заметных религиозных или политических деятелях содержатся в трудах, посвященных тибето-китайским отношениям.

Первым российским ученым, исследовавшим проблему взаимоотношений Тибета и Китая, был Н.Я.Бичурин (в монашестве о. Иакинф). В ряде своих трудов¹, прямо или косвенно затрагивавших эту проблему, им были заложены основы концепции, суть которой состояла в следующем.

Н.Я.Бичурин отмечает определенную преемственность политики, проводившейся китайскими династиями Юань, Мин и Цин в отношении Тибета. Суть этой политики заключалась в поддержке, оказывавшейся китайскими государями буддизму (независимо от того, являлась ли конкретная династия монгольской, ханьской или маньчжурской). При этом цели, преследовавшиеся каждой династией, были различными: Юани стремились с помощью буддизма обуздать «воинственный дух тибетского народа»²; Мины желали теми же средствами нейтрализовать («умиротворить») монголов; Цины старались с помощью буддизма добиться полного подчинения себе Монголии.

Для достижения своих целей династия Юань установила в Тибете двойственное управление — светское и духовное, раздробив страну на несколько ленных владений. Мины сохрани-

ли указанное разделение властей и еще более раздробили Тибет в административном плане³.

Несколько иначе обстояло дело с Цинами. К концу правления Минской династии баланс властей был нарушен в пользу светской аристократии, что побудило Далай-ламу V обратиться за помощью к хошоутскому Гуши-хану. Гуши-хан устранил светского правителя Тибета и стал править страной совместно с Далай-ламой. Позднее, опасаясь конкуренции со стороны соплеменников-джунгаров, Гуши-хан вместе с двумя тибетскими иерархами вступил «под покровительство Китая»⁴. «Покровительство», или «зависимость», определяются Н.Я.Бичуриным так: «Различие между зависимостью и подданством состоит в том, что зависимый государь, хотя признает себя подданным другой державы, но в управлении своими владениями полновластен; а признавшие совершенное подданство должны безусловно повиноваться законам владычествующей державы»⁵. Впервые эта формальная зависимость была признана тибетскими лидерами в 1642 г., т. е. еще до завоевания маньчжурами Китая; после же захвата Китая Далай-лама V получил в Пекине «печать и грамоту» и тем самым подтвердил формальную зависимость. Как и китайские официальные историографы, Н.Я.Бичурин считает Далай-ламу V «преданным» сторонником Цинов⁶.

Итак, в Тибете сохранялось разделение властей на светскую (Гуши-хан и его потомки) и духовную (Далай-лама); имелось также некоторое китайское влияние (сравнимое с минским). Эта расстановка сил была нарушена в результате джунгаро-китайской войны, происшедшей в конце XVII в. Причиной войны было стремление как джунгарского Галдана Бошокту-хана, так и цинского императора Сюань Е захватить Северную Монголию.

В этом споре двух великих держав Центральной Азии Тибет, находившийся в формальной зависимости от Китая, занял сторону Джунгарии. Причиной этого, по мнению Н.Я.Бичурина, была «приверженность» Далай-ламы V к своему духовному сыну Галдану Бошокту-хану⁷. Естественно, что и «тибетский король» (первый министр Далай-ламы V Санчжай Чжамцо) также тайно поддерживал Галдана⁸. Эта позиция тибетской иерархии вызвала ухудшение тибето-китайских отношений, которые не улучшились даже после гибели Галдана,

так как Санчжай Чжамцо избрал очередного Далай-ламу «без отношения к китайскому двору»⁹. Это вызвало вмешательство Пекина во внутренние дела Тибета: «по требованию» императора Сюань Е правнук Гуши-хана Лхавзан убил Санчжая Чжамцо, а также сместил и выслал из страны Далай-ламу VI, который вскоре умер. Бичурин называет Лхавзана «преданным Китаю» и отмечает, что он отверг требование джунгарского хана Цэван-Рабдана о передаче ему Тибета¹⁰.

Тогда джунгары вторглись в Тибет, убили Лхавзана и завладели страной, причем сами тибетцы, как отмечает Н.Я. Бичурин, «более желали быть под элитами, нежели под властью Китая»¹¹. Перед Цинами возникла угроза полностью утратить влияние в стране, являвшейся центром северного буддизма, что, в свою очередь, ставило под вопрос стабильность цинской власти на захваченных монгольских территориях. Как подчеркивает Н.Я. Бичурин, «пекинский кабинет употребляет буддаистскую религию к управлению умами монголов; по сей причине старается иметь Далай-ламу и прочих важнейших хутухт на своей стороне»¹². В связи с джунгарской агрессией в Тибете Цины осознали, что для «успокоения» монголов «прежде нужно покорить сам Тибет, а потом уже сделать Далай-ламу орудием для управления Монголией»¹³.

Изгнав из Тибета джунгаров, Китай «совершенно покорил государство своей власти»¹⁴. В Тибете вновь было восстановлено традиционное деление власти на светскую (премьер-министр из аристократов) и духовную (Далай-лама), «непосредственно зависящие от Пекинского двора»¹⁵. Однако светские правители время от времени пытались «освободить свое отечество от китайского ига»¹⁶. В середине XVIII в., подавив последний антикитайский мятеж в Тибете, Цины упразднили пост премьер-министра и передали всю власть в стране Далай-ламе и двум китайским генералам¹⁷. Обязанность последних сводилась лишь к информированию Пекина о действиях Далай-ламы, получившего право назначать и смещать чиновников.

С 1794 г. система управления в Тибете была изменена: цинские генералы (амбани) были уравнены в правах с Далай-ламой и Панчен-ламой. Теперь тибетские иерархи могли лишь предлагать кандидатуры чиновников, но утверждал их сам император, опиравшийся на мнение амбаней.

Без согласия последних тибетские иерархи не могли осуществлять «никаких важных дел ни по гражданской, ни по военной части»¹⁸. Был изменен также порядок избрания высших перерожденцев: процедура была поставлена под контроль амбаней, и в перерожденцы стали попадать дети «из домов, преданных Китаю»¹⁹.

Таким образом, схема тибето-китайских отношений в XVII—XVIII вв. содержит следующие ключевые моменты:

1. Традиционность «тибетской» политики Цинов, состоявшая в «покровительстве» буддизму со стороны императора и формальной зависимости местных духовных и светских правителей по отношению к династии.

2. Стремление Цинов использовать буддизм как инструмент для «умиротворения», или подчинения, монголов.

3. Борьба проджунгарской и прокитайской партий в Тибете и временная победа первой партии в 1717 г. (захват джунгарами Тибета).

4. Изгнание джунгаров китайскими войсками и восстановление двойственного управления под китайским контролем.

5. Отказ Цинов от принципа разделения власти на светскую и духовную и передача власти главе буддийской церкви.

6. Установление жесткого цинского контроля над Тибетом в конце XVIII в. («совершенное подданство»).

Концепция тибето-китайских отношений, разработанная Н.Я. Бичуриным, оказалась весьма устойчивой: ее использовали востоковеды не только XIX, но частично XX века. Разумеется, это не исключало уточнения некоторых моментов или критики отдельных положений концепции: так в очерке истории тибето-китайских отношений, опубликованном М. Оводовым (Илларионом) в 1853 г.²⁰, приводится ряд фактов, не упомянутых Н.Я. Бичуриным в его трудах, хотя общая схема соответствует бичуринской.

Влияние бичуринской концепции заметно в трудах российских ученых XIX — начала XX вв. (работы В. Котвича²¹, Н.И. Сувилова²², Г.Ц. Цыбикова²³).

В то же время бичуринская концепция имеет и ряд недостатков, среди которых самым существенным является односторонность интерпретации исторических фактов, вызванная тем, что Н.Я. Бичурин в своих исследованиях базировался ис-

ключительно на китайских источниках и литературе. В связи с этим бросается в глаза то обстоятельство, что автор следует шаблону цинской официальной историографии, оценивая отношения двух стран с «китайской» точки зрения.

Попытка преодолеть эту односторонность была сделана в книге И. Попова, посвященной истории тибетского буддизма. Автор, использовавший не только китайские, но и тибетские источники, усомнился в достоверности цинских сообщений о добровольном подчинении Тибета Китаю в XVII в. Как отмечает И. Попов, «вследствие полюсно противоречивого характера китайских и ламских известий, нельзя утверждать того, чтобы во время свидания и личных переговоров Далай-ламы с отцом Канг-хи, этому последнему была передана фактическая власть над Тибетом, а, следовательно, Далай-лама продолжал оставаться полным распорядителем “Снежного царства”²⁴. И. Попов выдвинул собственную версию тибето-китайских переговоров 1652—1653 гг. в Пекине. Он полагает, что Далай-лама V надеялся «подчинить своему духовному игу маньчжуров и привлечь на свою сторону их императора, предоставив ему номинальную власть над Тибетом, но не допуская его до серьезного вмешательства в дела страны»²⁵. Автор считает, что замысел Далай-ламы V вполне удался. Этому способствовали два обстоятельства: стремление Цинов с помощью буддизма «удержать в повиновении монголов»²⁶ и личная склонность императора Фу Линя к буддизму.

Рассмотрение И. Поповым переговоров 1652—1653 гг. как взаимовыгодного компромисса означало, что Тибет был равноправным дипломатическим партнером сильнейших держав Центральной Азии, а не только объектом их политических комбинаций. Этот вывод мог стать исходным пунктом перспективного направления в отечественной историографии тибето-китайских отношений. Но этого не произошло, и бичуринская схема продолжала доминировать в российском востоковедении.

Политические перемены, происшедшие в России после Октябрьской революции 1917 г., отразились и на развитии отечественного востоковедения: наука стала более зависимой от государственной власти, которая непосредственно влияла на выбор научных приоритетов. К этому времени Тибет, воспользовавшись свержением в 1911 г. монархии в Китае, сумел вос-

становить государственную независимость. Однако в тот период советские востоковеды рассматривали отделение Тибета от Китая как происки империалистов, стремившихся расколоть и ослабить Китай. В этом плане весьма характерным является следующее высказывание Г.С.Кара-Мурзы: «Используя национальный вопрос, империализм прямо инспирирует “национальные восстания” в целях прямого раздела Китая. Под лозунгом “помощи” монгольскому национальному самоопределению Япония оккупирует Внутреннюю Монголию, создает новое “независимое” государство в Долонноре; под лозунгом “самоопределения” дунган Япония и Англия осуществляют захват Синьцзяна; “помогая” тибетцам, Англия оккупирует Чуань-бянь»²⁷.

В то же время повышенный интерес советских востоковедов вызывал Китай, где происходили революционные процессы, и который мог стать в будущем союзником Советского государства. Советские ученые 20—30-х годов, стараясь разработать новые, марксистские концепции истории Китая, вынуждены были касаться и внешней политики этой страны, в том числе и отношений с Тибетом. Их в основном интересовали два вопроса: мотивы цинской экспансии в Центральной Азии в XVII—XVIII вв. и статус завоеванных Китаем стран.

Одной из таких работ является книга К.А. Харнского, изданная в 1927 г. Автор полагает, что экспансия Цинов в XVII в. была в основном самозащитой: династическим интересам маньчжурских правителей угрожала широкомасштабная агрессия кочевников-джунгаров²⁸. Таким образом, цинская экспансия в XVII в. была в значительной степени вынужденной и осуществлялась традиционными для феодального Китая методами. В Тибете, где существовали как прокитайские, так и проджунгарские группировки, Цины усиливали свое влияние чисто политическими средствами²⁹.

В XVIII в. ситуация в Китае меняется: в результате ряда мер, осуществленных маньчжурами, складывается маньчжуро-китайское абсолютистское государство, где при формальном господстве феодалов реальная власть принадлежит торговому капиталу (купечеству, ростовщикам).

Именно торговый капитал оказывает давление на правительство, побуждая его к новым захватам в Центральной Азии.

Цель этих захватов — не получение дани, а создание в покоренных землях «наивыгоднейших условий для китайской торговли»³⁰.

В XVIII в. Цины вводят в Тибет свои войска, ставят на пост Далай-ламы «своего» человека, аннексируют часть тибетской территории. Но полностью покорить тибетцев Китай смог лишь тогда, когда уничтожил Джунгарское ханство — потенциального союзника антикитайской партии в Тибете. «С тех пор, — отмечает автор, — несмотря на сохранение видимости самоуправления, Тибет был настоящей колонией Китая»³¹. Из содержания книги К.А. Харнского следует, что Тибет интересовал китайский торговый капитал как рынок, т. е. был колонией капиталистического типа.

Модернизаторские построения К.А. Харнского, основанные на теории «торгового капитализма» М.Н. Покровского, были отвергнуты во второй половине 30-х годов. В 1936 г. была опубликована книга П.И. Фесенко, посвященная новой истории Китая, в которой автор (ранее разделявший взгляды К.А. Харнского) утверждает, что основным мотивом цинской экспансии было стремление укрепить феодальное государство. При этом превалируют интересы маньчжуро-китайских феодалов, тогда как интересы торгово-ростовщических кругов имеют подчиненный характер³². Следовательно, цинские колонии (к числу которых автор относит и Тибет) были колониями феодального типа.

Аналогичных взглядов относительно мотивов цинской экспансии и статуса завоеванных земель придерживался и Л.И. Думан³³.

В работе Г.С. Кара-Мурзы, изданной в 1939 г., была сделана очередная попытка соединить некоторые положения дореволюционной историографии с тогдашней советской. Автор пишет, что в цинское время существовали две формы зависимости азиатских стран от Китая: вассалитет (аналогичный бичуринскому «покровительству») и колониальная зависимость. Рассматривая мотивы цинской экспансии в Центральной Азии, Г.С. Кара-Мурза отмечает, что Китай «завоевывал колонии не как источники сырья, сбыта своих товаров и экспорта своих капиталов. Феодальные колонии были земледельческими колониями»³⁴. У автора нет сомнений в том, что в XVII—XVIII вв. в

Китае господствовал феодализм: «Тибет, Синьцзян и Монголия стали колониями Китая в тот период, когда сам Китай еще не представлял собой полуколонии мирового империализма, а был могущественной военно-феодальной державой»³⁵.

В 40-х годах работ по истории тибето-китайских отношений создано не было (как и по истории Тибета вообще). Единственным исключением была обзорная статья в энциклопедии, не содержащая каких-либо новых положений³⁶.

В 1949 г. к власти в Китае пришли коммунисты, которые, пользуясь поддержкой социалистического лагеря и опираясь на военно-политический союз с СССР, в октябре 1950 г. ввели свои войска в Тибет. Тибетские власти, не имея возможности сопротивляться, подписали в мае 1951 г. с Китаем Соглашение о мероприятиях по мирному освобождению Тибета³⁷. Тибет получил автономию, но вновь вошел в состав КНР.

Российское востоковедение 50-х годов, отражая благожелательное отношение советского руководства к борьбе Китая за «объединение Родины», попыталось научно обосновать новое присоединение Тибета к Китаю. В 1959 г. была опубликована рецензия В.П. Леонтьева на книгу итальянского востоковеда Л. Петеха «Китай и Тибет в начале XVIII в.». Полемизируя с Л. Петехом, автор, основываясь на трудах Н.Я. Бичурина, относит непосредственное вхождение Тибета в состав Китая ко времени монгольской династии Юань³⁸. С точки зрения В.П. Леонтьева, Минская и Цинская династии являлись правопреемницами Юаней в плане владения Тибетом. Исходя из постулата о многовековой принадлежности Тибета Китаю, автор называет гражданскую войну 1727—1728 гг. в Тибете «заговором» с целью отделения страны от Китая³⁹, восхваляет «дружбу и единство» китайского и тибетского народов в борьбе с джунгарами⁴⁰.

Прокитайская точка зрения В.П. Леонтьева была шагом назад не только по сравнению с советской историографией 20—30-х годов, но даже и по сравнению с концепцией Н.Я. Бичурина, писавшем о стремлении тибетцев «освободить свое отечество от китайского ига»⁴¹.

Аргументы, изложенные В.П. Леонтьевым, были в кратком виде повторены в 1958 г. в книге Б.П. Гуревича⁴².

В 1959 г. китайская власть в Тибете пошатнулась: произошло крупное антикитайское восстание, жестоко подавленное войсками. Далай-лама XIV бежал из Страны снегов в Индию, где было образовано правительство Тибета в изгнании.

Почти одновременно, в конце 50-х годов отношения между СССР и КНР резко ухудшились, и это обстоятельство не могло не сказаться на идеологизированной исторической науке СССР, которая в очередной раз пересмотрела свои взгляды в отношении китайской истории. В то же время переход с апологетического курса на критический положительно сказался на развитии как китаеведения, так и дисциплин, изучающих историю соседних с Китаем стран. Выдвижение руководством КНР территориальных претензий ко всем своим соседям вызвало потребность более тщательного изучения китайских документов и материалов при одновременном привлечении не китайских источников.

Среди первых работ такого рода была монография И.Я. Златкина, изданная в 1964 г. и посвященная истории Джунгарии. Автор справедливо указывает на огромное идеологическое влияние Тибета на ход событий, происходивших в Центральной Азии в XVII—XVIII вв., и отмечает, что и в 40-х, и в 50-х годах XVII в. Цины и тибетские иерархи были заинтересованы во взаимном сближении. При этом тибетские иерархи руководствовались желанием установить официальные отношения с сильным соседом, а Цины — стремлением использовать тибетскую церковь для подчинения стран с ламаистским населением⁴³. Но в правящей верхушке Тибета, отмечает автор, были не только сторонники, но и противники династии Цин, и потому «Лхаса в 70—80-х годах оказывала тайную поддержку чуть ли не каждому антимагнчжурскому выступлению»⁴⁴. Именно в это время в Тибете и в Джунгарии зародились «планы создания объединенной Монголии под эгидой верховного ламы Тибета»⁴⁵. Воплотить эти планы в жизнь взялся джунгарский правитель Галдан Бошокту-хан, тесно связанный с тибетской иерархией и получавший из Лхасы мощную, хотя и скрытую, религиозную поддержку.

В связи с таким пониманием исторических событий И.Я. Златкин дает следующую оценку ситуации в Центральной Азии в конце XVII в.: «Перед нами несомненный конфликт двух про-

тивоположных сил и тенденций: с одной стороны — панмонгольские, а возможно и панламаистские устремления некоторых руководящих кругов церкви в Тибете, с другой — экспансионистские планы маньчжурских и китайских феодалов, заинтересованных в захвате всей Монголии и в первую очередь Халхи»⁴⁶. Разгром Галдана означал не окончание джунгаро-цинской борьбы, а лишь начало ее нового этапа; при этом обе стороны стремились к контролю над Тибетом и его церковью. Усиление цинского влияния в Тибете вызвало ответный захват этой страны джунгарами в 1717 г., но спустя 3 года Цины отвоевали Тибет у джунгаров.

Концепция тибето-китайских отношений в XVII—XVIII вв., выдвинутая И.Я. Златкиным, стоит гораздо ближе к взглядам советских востоковедов 20—30-х годов, чем к прокитайской позиции ученых 50-х годов. В то же время автор, исследуя историю Джунгарского ханства, а не тибето-китайские отношения как таковые, практически не дал им оценки после 1720 г.

Более детальная схема тибето-китайских отношений в XVII—XVIII вв. была предложена в 1966 г. А.С. Мартыновым. Автор делит двухвековой процесс подчинения Китаем Тибета на 9 периодов. Начало тибето-маньчжурских отношений А.С. Мартынов относит к 1639 г.; позднее эти отношения были оформлены в виде принятия Далай-ламой V номинального вассалитета, но фактически это был «взаимовыгодный политический союз»⁴⁷. Союз этот не мог быть долговременным, так как партнеры расходились во взглядах на роль и место монголов в Центральной Азии: с точки зрения Цинов, монголов следовало подчинить, используя для этого идеологическое влияние тибетской церкви, а с точки зрения тибетской иерархии, монголы должны были доминировать над китайцами или хотя бы сохранять независимость. Скрытая поддержка, оказанная Лхасой Галдану в период джунгаро-китайской войны 1690—1697 гг., убедила Цинов в неэффективности номинального вассалитета и необходимости установления реального, т. е. военно-политического контроля над Тибетом.

Контроль был установлен в 1720 г. после ввода в Тибет цинских войск, но полностью система военно-политического контроля сложилась только к середине XVIII в. «Главными компонентами этого контроля, — отмечает автор, — были правительственные резиденты (амбани) в Лхасе и гарнизоны маньч-

журских войск»⁴⁸. С конца 50-х годов XVIII в., т. е. после гибели Джунгарского ханства, Цины перестали нуждаться в поддержке тибетской церкви, равно как и перестали опасаться «подрывного» влияния ее среди монголов. В течение последующих тридцати лет система контроля над Тибетом оставалась неизменной. После тибето-непальской войны 1789—92 гг. контроль над Тибетом был ужесточен: был осуществлен «целый ряд мероприятий по реорганизации тибетской администрации, фактически поставивших ее под власть цинских министров-резидентов»⁴⁹.

В схеме А.С. Мартынова чувствуется определенное влияние взглядов И.Я. Златкина. В то же время в его концепции, как и в концепции И.Я. Златкина, некоторые моменты перекликаются с положениями, выдвинутыми еще Н.Я. Бичуриным (использование Цинами буддизма для подчинения монголов, борьба прокитайской и проджунгарской группировок в Тибете, установление жесткого китайского контроля в Тибете в конце XVIII в. и др.). Следует отметить, что большинство советских исследователей разделяли взгляды, высказанные А.С. Мартыновым. Так, В.А. Богословский, Б.П. Гуревич и Л.И. Думан отмечали, что на протяжении XVIII в. «...маньчжуры постепенно укрепляли в Тибете свои позиции. В 1792 г. Тибет был включен в состав Цинской империи»⁵⁰.

В 70-х годах в советском востоковедении заметно возрос интерес к изучению китайских традиционных внешнеполитических представлений и их связи с реальными международными отношениями. В ряде статей Л.И. Думана⁵¹, А.А. Бокшанина⁵², А.С. Мартынова⁵³ и других рассматривались такие понятия, как «данническая система», «варварство и цивилизация», «монархия и ее функции», «традиции во внешней политике Китая» и т. п. Отечественное востоковедение поднялось, по сути дела, на новый уровень развития и преодолело жесткие рамки официальной методологии, догнав зарубежных исследователей, давно уже разрабатывавших подобные проблемы.

В 1978 г. была опубликована монография А.С. Мартынова «Статус Тибета в XVII—XVIII веках», которая представляет собой интересную попытку показать развитие тибето-китайских отношений с точки зрения китайской внешнеполитической доктрины. Автор предлагает общую модель тибето-китайс-

ких отношений, которая подходит для любого династического периода, поскольку определяется специфическими чертами китайского феодализма. При любой китайской династии «требования, предъявляемые центральной властью к Тибету, имели характер общегосударственных: поддержание мира, пресечение беспорядков, сохранение лояльности, соблюдение установленных ритуалов в отношениях с императорским двором»⁵⁴. Отсюда автор делает вывод, что тибето-китайские отношения «сводились к политическому верховенству, к гегемонии, оформленной как вхождение в состав территории империи и, по сути дела, не затрагивали ни экономического, ни политического господства тибетских феодалов в пределах территории Тибета»⁵⁵. Такими же тибето-китайские отношения оставались и в цинское время, т. е. «вплоть до конца XVIII в. не вышли за рамки политического верховенства»⁵⁶.

Рассматривая статус Тибета в XVII в., А.С. Мартынов утверждает, что статус страны выражался через персональный статус Далай-ламы; иначе говоря, Тибет в лице Далай-ламы получил статус номинального вассала Цинов. С формальной точки зрения, такое положение вполне вписывалось в традиционную систему «Китай — варвары», хотя реально Страна снегов «находилась не только за пределами имперского управления, но, пожалуй, даже за пределами маньчжурских интересов»⁵⁷.

Что же касается XVIII в., то в это время Цины были вынуждены подчинить Тибет политически, чтобы заставить Лхасу проводить процинскую политику среди монголов. Политическое подчинение Тибета Китаю выражалось через контроль амбаней и даннические посольства из Лхасы в Пекин. В Тибете было создано прокитайское правительство, но страна сохраняла широкую внутреннюю автономию. После же разгрома Джунгарского ханства Лхаса, по мнению Цинов, утратила роль идейного объединителя монгольских племен; в связи с этим «процесс постепенного подчинения Тибета маньчжурам прекратился»⁵⁸. Оценивая статус Тибета в конце XVIII в., автор отмечает, что «в представлении маньчжурских дипломатов Китай и Тибет не были чем-то единым»⁵⁹, что статус страны по-прежнему выражался через статус буддийских иерархов. Иными словами, не произошло территориальной интеграции Тибета с Китаем, и Тибет был по-прежнему «варварским государством», номинальным вассалом.

Таким образом, работа А.С. Мартынова является попыткой доказать при помощи китайских источников и с использованием традиционной китайской внешнеполитической терминологии тезис о том, что Тибет не принадлежал Китаю даже в конце XVIII в. При всей оригинальности и научной фундаментальности исследования конечный вывод автора не кажется убедительным, и не только из-за несомненного влияния политической конъюнктуры тех лет. Целый ряд убедительных фактов говорит именно об интеграции Тибета, но не с Китаем (хотя, как известно, Китай прямо аннексировал Восточный Тибет в 20-х годах XVIII в.), а с империей Цин.

Концепция тибето-китайских отношений, выдвинутая А.С. Мартыновым, была поддержана в 80-х годах Н.С. Кулешовым⁶⁰ и Е.И. Кычановым⁶¹. Так, Е.И. Кычанов пишет: «В XVIII в. Тибет оказался под контролем Цинской империи, не являясь полностью частью Китая»⁶². Здесь, как нам представляется, смешиваются два разных понятия: Тибет как часть Китая (каковым он мог стать только после полной аннексии и заселения его китайцами) и Тибет как часть Цинской империи. Ошибочность такого подхода мы постараемся показать в настоящем исследовании.

Кроме того, следует отметить ряд работ отечественных авторов, в которых прямо или косвенно затрагиваются вопросы, связанные с внешней политикой Тибета, тибето-китайскими отношениями в XVII—XVIII вв. или деятельностью отдельных тибетских лидеров⁶³.

Таким образом, отечественная историография тибето-китайских отношений за два века (XIX—XX вв.) проделала путь от слепого следования китайским официальным концепциям, в основе которых лежал тезис о многовековой вассальной зависимости Тибета от Китая, до признания фактической независимости Страны снегов до 1720 г. Была проделана большая работа по выявлению мотивов и целей цинской экспансии в Центральной Азии, в частности, в Тибете. Чрезвычайно важным этапом в развитии отечественного востоковедения явился этап исследования традиционной внешней политики Китая, методов и приемов китайской дипломатии. При этом особое внимание уделялось политике Китая в эпоху Цин, когда Китай захватил большинство стран Центральной Азии.

В то же время следует отметить, что изучению Тибета, в том числе и его внешней политики, уделялось гораздо меньше внимания. Не было выявлено форм и методов внешней политики, присущих именно Тибету, не была разработана общая концепция тибето-китайских отношений, учитывавшая специфику Тибета как центра северного буддизма, иначе говоря, сохранялась определенная односторонность в освещении тибето-китайских отношений, при которой учитывались лишь внешнеполитические мотивы китайской (цинской) стороны, в то время как Тибет выглядел лишь как пассивный объект борьбы более сильных держав. Практически не была выявлена роль тибетских лидеров в тибето-китайских отношениях XVII—XVIII вв., либо эта роль дается чрезвычайно однопланово (например, Далай-лама V именуется «послушным орудием Цинов»⁶⁴, что никак нельзя считать верной характеристикой этого выдающегося деятеля).

Зарубежную историографию тибето-китайских отношений можно условно разделить на три группы: китайскую, тибетскую и историографию, созданную в других странах мира.

Китайская историография тибето-китайских отношений возникла в XIX в. До этого времени работы исторического характера, создававшиеся по специальному распоряжению императора группами чиновников, представляли собой своды источников, соответствующим образом подобранных и прокомментированных⁶⁵. Наиболее известными китайскими историками XIX в. были Вэй Юань и Хэ Цютао. Оба они рассматривали тибето-китайские отношения, исходя из постулата многовековой зависимости Тибета от Китая. Вэй Юань (1794—1857) в своей основной работе «Записи о священных войнах» утверждает, что зависимость Тибета от Цинской династии возникла во времена маньчжурского хана Абахая⁶⁶. В работе Хэ Цютао и Чжан Му «Записки о монгольских кочевьях» также сообщается, что «в царствование Тай-цзу и Тай-цзуна, Далай-лама и Баньчэнь-эрдэни ... изъявили покорность»⁶⁷. Все дальнейшие отношения Китая с Тибетом рассматривались по традиционной китаецентристской схеме, которая не предусматривала за тибетцами никаких прав, кроме безусловного подчинения воле императора.

Более объективный подход к проблеме тибето-китайских отношений наступил только после Синьхайской революции 1911 г., когда власть маньчжурской Цинской династии в Китае была ликвидирована. Представитель нового поколения китайских историков Ли Юнбин рассматривает захват китайцами Тибета как меру, необходимую для удержания Монголии и безопасности китайских границ⁶⁸. Автор отмечает прагматичность цинского императора Сюань Е по отношению к тибетскому буддизму, стремление использовать его в политических целях⁶⁹. Ли Юнбин видит причину недовольства тибетцев цинским режимом прежде всего в подстрекательстве со стороны джунгаров и полагает, что с падением Джунгарского ханства исчезла и причина для недовольства: «Без иностранного подстрекательства народ стал таким же мирным и покорным, каким император мог видеть его в любой части своей империи»⁷⁰. Ли Юнбин доводит свой рассказ о тибето-китайских отношениях до конца XVIII в. В целом картина, нарисованная им, довольно реалистична, хотя полностью устранить влияние национализма автору не удалось; например, он пишет, что после победы китайцев над непальцами «благодарность тибетцев была безграничной, и они охотно передали свое внутреннее управление маньчжурам»⁷¹.

В 20—40-х годах XX в. господствующее положение в Китае заняла гоминьдановская историография. В 1941 г. Су Шуси, профессор Яньцзинского университета, опубликовал работу, посвященную международным отношениям Китая. Автор уже не утверждает прямо, что Тибет зависел от Китая с древних времен, как это делали императорские историографы, но отмечает, что для династии Тан тибетцы стали «проблемой»⁷². Международные отношения Китая в цинское время (точнее в XVII—XVIII вв.) описываются Су Шуси следующим образом: существовала территория Собственно Китая (19 провинций и 2 столичных префектуры) и «широкие территории на севере и западе под прямым управлением Китая»⁷³. На востоке, юго-востоке и юге располагались «полузависимые» государства, из которых главными были Корея, Рюкю, Аннам, Сиам и Бирма. Правители этих государств получали инвеституру от цинского императора и присылали дань ко двору. Тибет относился к территориям, находившимся под прямым управлением Лифаньюаня. Светская власть, подчеркивает автор, давалась тибетским

иерархам только по желанию цинского двора и в случае необходимости она у них отбиралась. Когда во время войны с Непалом Далай-лама VIII «проявил некомпетентность», его место во главе Тибета занял «имперский комиссар», т. е. амбань⁷⁴.

В 1943 г. была опубликована книга «Судьбы Китая», автором которой был глава партии Гоминьдан Чан Кайши. Автор, осуждая внутреннюю и внешнюю политику Цинов, в то же время пропагандировал тезис о существовании единой китайской нации (чжунхуа миньцзу), в которую входят «пять родов»: ханьцы, маньчжуры, монголы, тибетцы и мусульмане. Движущей силой слияния «пяти родов» в единую китайскую нацию была культура, а не военное насилие; стремление же некитайских «родов» к независимости объясняется злонамеренной деятельностью Цинов, проводивших в жизнь «дьявольский план раскола между родами»⁷⁵.

После победы в 1949 г. Компартии Китая в стране началось развитие марксистской историографии. Были сделаны серьезные шаги по преодолению стереотипов цинской и гоминьдановской историографии. Авторы коллективного труда «Очерки истории Китая», написанного во второй половине 50-х годов, колеблются между традиционным (националистическим) и более объективным подходом к проблеме тибето-китайских отношений. С одной стороны, они пишут, что «в годы правления Канси, Юнчжэн и Цяньлун маньчжуры совершали непрерывные походы против Тибета, стремясь завоевать его, так как “Тибет служил прикрытием Цинхая, Юньнани и Сычуани”, и вместе с тем они жаждали овладеть его драгоценными камнями и сокровищами»⁷⁶. Дав краткий очерк тибето-китайских отношений, авторы заявляют, что «в условиях жестокого маньчжурского гнета и эксплуатации формы политической власти, экономика и культура тибетцев надолго впали в состояние застоя и даже регресса»⁷⁷. С другой стороны, те же авторы полагают, что «история Тибета уже давно связана неразрывными кровными узами с историей Китая»⁷⁸, что тибетцы — это «национальное меньшинство» Китая и т. п.⁷⁹

Те же идеи, но в более примитивной форме содержатся в книге Дун Цимина, изданной в 1959 г. Дун Цимин, как и авторы цитированного выше сочинения, считает, что тибето-китайские отношения начались при династии Тан и продолжа-

лись при Юанях, Минах и Цинах. Отношения с Цинами охарактеризованы только двумя историческими моментами: прибытием Далай-ламы V в Пекин для «изъявления уважения» и помощью китайских войск в изгнании непальцев из Тибета. Маньчжуры «подрывали дружественные чувства между народами всех национальностей и побуждали их питать злобу друг к другу»⁸⁰. Но у Дун Цимина появляется и некая новая нота: «Единое управление маньчжурского правительства предоставляло благоприятные условия для экономических и культурных изменений среди людей разных национальностей»⁸¹.

Это осторожное «одобрение» цинского режима и, следовательно, политики Цинов в отношении Тибета, уже в начале 60-х годов сменилось безудержным восхвалением. Так, Лю Данянь писал в 1961 г.: «Достижением периода ранних Цинов была дальнейшая, закончившаяся при Канси стабилизация границ обширной китайской территории. После вступления Канси на престол антицинские силы “трех князей-вассалов” — У Саньгуя и др. — отторгли провинции Юго-Западного Китая. Антицинские силы, оставшиеся после Чжэн Чэнгуна, все еще контролировали Тайвань, цинское правительство еще не установило прочной власти в Тибете, Синьцзяне и Мобэе. Чтобы покончить с раздробленностью, объединить государство класса помещиков, утвердить обширные территориальные границы Китая, Канси провел ряд войн. ... С 1690 по 1699 г. он трижды ходил против Галдана, и воссоединил Мобэй. В 1720 г. он совершил марш на Тибет и, изгнав чжунгар, вновь, таким образом, воссоединил Тибет»⁸². Автор исходит из того, что «маньчжурская нация — одна из национальностей Китая»⁸³, равно как и тибетцы. Цины, «объединив» все «национальности Китая», тем самым дали толчок во всех областях общественной жизни, благодаря чему «выросло производство и жизненный уровень некоторых районов нацменьшинств»⁸⁴. Нетрудно заметить, что это высказывание весьма напоминает концепцию «единой китайской нации» гоминьдановских авторов, но с той лишь разницей, что Цины не критикуются, а восхваляются.

В 70—80-х годах многие китайские историки продолжали рассматривать внешнюю политику Цинов в XVII—XVIII вв. в плане создания «единой китайской нации»⁸⁵.

В 90-х годах появились работы Я Ханьчжана, посвященные жизни и деятельности главных буддийских иерархов Тибета — Далай-лам и Панчен-лам. Автор широко использует тибетские и китайские источники, официальные документы, указы императоров и т. п. Рассматривая биографии тибетских иерархов, Я Ханьчжан неоднократно касается проблем тибето-китайских отношений, таких, как отправка посольств, ввод цинских войск в Тибет, административные реформы, проводившиеся в Тибете и т. п. При этом автор продолжает оставаться на позициях своих предшественников: он придерживается постулата о многовековой принадлежности Тибета Китаю, правительство любой китайской династии именуется не иначе как «Центральным», а любое тибетское — «местным», считает тибетцев национальным меньшинством Китая. Любой тибетский лидер, духовный или светский, рассматривается им с позиций лояльности китайскому правительству, т. е. с позиций, заявленных еще Вэй Юанем и Хэ Цютао. Так, говоря о тибето-китайских отношениях в XVII—XVIII вв., Я Ханьчжан пишет: «В этих конфликтах Далай-ламы и Панчен-ламы должны были выбирать: встать ли на сторону У Саньгуя, Галдана и Цэван-Рабдана, которые пытались расколоть национальное единство, или поддержать Центральное правительство Цинской династии ради обеспечения дела объединения Китая. Третьего пути не существовало»⁸⁶.

Таким образом, можно констатировать, что историческая наука Китая и в конце XX в. по вопросу тибето-китайских отношений в XVII—XVIII вв. продолжала занимать старые, националистические позиции.

Тибетская историография тибето-китайских отношений невелика и представлена работами тибетских эмигрантских деятелей, оппозиционных правящему режиму Китая.

В 1967 г. был опубликован труд В.Д.Шакабпы, посвященный политической истории Тибета. Автор, рассматривая историю Тибета с древности до наших дней, категорически отвергает идею зависимости Тибета от Китая в любой исторический период, в том числе и в цинский. По мнению автора, тибето-китайские отношения строились по религиозной формуле «лама — милостынедатель», что предполагало равенство сторон: так было и в 1720 г., когда китайские войска впервые

появились в Стране снегов, и в конце XVIII в., в период борьбы с непальцами. Любой из политических или религиозных лидеров Тибета XVII—XVIII вв., будь то Далай-лама V, Лхавзан-хан или Полханас, были практически независимыми монархами. Как пишет В.Д. Шакабпа, «отношения “патрон — лама” между Далай-ламой и маньчжурским императором были основаны на взаимной ответственности каждого. Патрон предоставлял временную помощь, лама — духовное руководство»⁸⁷. Когда Цины были сильны в Китае, они исправно исполняли свои обязанности по отношению к Тибету; но их ослабление в XIX в. привело, соответственно, к упадку их влияния на тибетские дела ⁸⁸.

Те же идеи, хотя и не столь сжато и четко (из-за популярного характера книги), высказываются в работе старшего брата Далай-ламы XIV, Т. Дж. Норбу и К.М. Тернбулла. Авторы говорят, что, начиная с XIII в. Тибет установил «общепринятый базис международных отношений с двумя могущественными соседями — Китаем и Монголией. Это был базис политического равенства, когда Тибет представлял религиозных наставников и советы в обмен на защиту»⁸⁹. Этот «базис» сохранялся и в другие века.

В начале 90-х годов была опубликована книга, автором которой является Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. Книга не содержит анализа истории тибето-китайских отношений, однако автор неоднократно подчеркивает, что «в историческом плане Тибет был всегда отделен от Китая»⁹⁰.

В западной историографии XIX в. проблема тибето-китайских отношений специально не рассматривалась, входя в качестве составной части в работы, посвященные истории Китая. Определенные сведения по указанной проблеме содержатся в трудах Дж. Макгоуэна ⁹¹, Д.Ч. Боулджера ⁹²; сведения эти заимствованы из китайских источников и интерпретированы авторами в духе официальной китайской историографии.

Специальное изучение проблемы тибето-китайских отношений началось с работы В. Рокхилла, посвященной отношениям тибетских первосвященников и цинских правителей. В. Рокхилл, в отличие от упомянутых выше авторов, построил свое исследование на китайских и тибетских источниках, в результате чего пришел к новым выводам. К числу таких выводов

относится положение о союзнических, а не вассальных отношениях между Далай-ламой V и императором Фу Линем, сложившихся после визита иерарха в Китай⁹³. Автор отмечает, что вмешательство Китая в дела Тибета началось задолго до джунгарской интервенции 1717 г., которая послужила лишь удобным предлогом для китайского вторжения в Страну снегов⁹⁴. По мнению В. Рокхилла, именно это вторжение «положило конец автономии Тибета и Желтой церкви»⁹⁵. Автор отмечает несколько попыток восстановить независимость Тибета, особо останавливаясь на визите Панчен-ламы III в Китай; провал этих попыток и неспособность Тибета противостоять непальской агрессии привели к полному закабалению страны в 90-х годах XVIII в.⁹⁶

В 1931 г. была опубликована книга Ч. Белла «Религия Тибета», содержащая краткий обзор тибето-китайских отношений. Автор полагает, что «китайское правительство было обычно достаточно мудрым, чтобы понимать, что зависимые территории могут управляться собственными правителями при сохранении лишь номинального контроля»⁹⁷. В то же время он отмечает недовольство тибетских лидеров «мудрой» политикой императоров: Панчен-лама III «выступал за возвращение власти великим ламам Тибета и особенно центральному правительству Лхасы»⁹⁸. Ч. Белл, как и В. Рокхилл, считает, что власть Цинов в Тибете усилилась в конце XVIII века⁹⁹.

В 1950 г. была опубликована книга итальянского тибетолога Л. Петеха, посвященная взаимоотношениям Тибета и Китая в первой половине XVIII в. Исследование проведено автором на самом высоком научном уровне с использованием тибетских, китайских и европейских источников, что позволило Л. Петеху создать весьма ценный труд. Л. Петех предлагает схему тибето-китайских отношений, которая сводится к следующему: до 1705 г. Цины обладали в Тибете «лишь призрачной формой сюзеренитета, унаследованной ими от Юаньской и Минской династий»¹⁰⁰, т. е. считали Тибет своим «вассалом», как и весь окружающий мир. В период правления Лхавзан-хана (1706—1717) отношения двух стран были союзническими, хотя в 1710 г. Цины формально провозгласили свой протекторат над Тибетом¹⁰¹. Реально же протекторат был установлен в 1720 г., когда Тибет «добровольно и полностью перешел под китайскую

власть»¹⁰². И с этого момента, по мнению автора, речь шла только о цинских экспериментах в сфере управления Тибетом: должен ли управлять страной светский правитель или же глава церкви, нужен ли цинский гарнизон и какова роль амбаней; заключительным этапом этих экспериментов стал 1793 г. с его реформами¹⁰³. Л. Петех считает, что Цины всегда молчаливо признавали право Далай-лам на власть в Тибете и потому передали в 1751 г. светскую власть Далай-ламе VII¹⁰⁴. Поскольку буддийская церковь и цинские императоры нуждались друг в друге, возникла «курьезная и уникальная форма двойственного правления»¹⁰⁵, просуществовавшая до Синьхайской революции.

Выводы В. Рокхилла и Л. Петеха были подвергнуты критике в книге Ли Дэцзэна, посвященной историческому статусу Тибета. Ли Дэцзэн поддерживает традиционный китайский постулат о зависимости Тибета от Китая с древних времен и считает, что «принесение дани» Далай-ламой V в 1652 г. подтвердило эту зависимость¹⁰⁶. Автор считает, что лишь неустойчивость положения Цинов в Китае и Монголии удерживала императора от жестких мер в отношении Тибета, когда тибетские правители интриговали с У Саньгуем и Галданом. Поэтому Цины могли осуществлять лишь «верховный сюзеренитет» над Тибетом (вероятно, автор имеет в виду «номинальный вассалитет»)¹⁰⁷. Ли Дэцзэн не согласен с тезисом В. Рокхилла о планомерной подготовке цинского вторжения в Тибет и заявляет, что «обстоятельства в большей степени, чем планы отдельных личностей, привели китайско-тибетские отношения в новую фазу»¹⁰⁸. Полемизируя с Л. Петехом, автор отмечает, что с момента цинского вторжения в Тибет Далай-лама не обладал никакой властью и полностью зависел от воли императора, который мог дать власть то одному, то другому политику¹⁰⁹. По мнению Ли Дэцзэна, тибетцы с удовлетворением восприняли реформы начала 90-х годов XVIII в., окончательно лишившие страну самостоятельности: «Вероятно, только глупость и надменность маньчжуров в последующие времена, их военная слабость и интриги держав привели к тому, что Тибет пожелал покинуть свое традиционное место в государственной структуре Китая»¹¹⁰.

Великоханьская концепция Ли Дэцзэна встретила возражения Х.Е. Ричардсона, опубликовавшего в 1962 г. исследование

по истории Тибета. Автор подчеркивает самостоятельный характер внутренней и внешней политики Тибета в XVII в. и детально описывает мероприятия императора Сюань Е по подготовке к установлению цинского контроля над Тибетом. Х.Е. Ричардсон подчеркивает, что император мастерски использовал в своих целях джунгарское вторжение в Тибет: он «захватил Лхасу, а вместе с ней и ключ к религиозному контролю над монголами»¹¹¹. Х.Е. Ричардсон предлагает свою периодизацию тибето-китайских отношений в XVII в, построенную в виде циклов: ввод императорских войск в Тибет — реорганизация тибетского правительства — падение цинского влияния — внутренний кризис — новый ввод цинских войск и т. д.¹¹²

Следует отметить, что среди западных историков имеются сторонники тибетского взгляда на тибето-китайские отношения, выраженного в упомянутой выше книге В.Д. Шакабпы. В 60—70-х годах были опубликованы статьи З. Ахмада¹¹³, Ч. Сузуки¹¹⁴, Д.М. Фаркура¹¹⁵, посвященные отношениям по формуле «лама — милостынедатель», значению титула «бодхисатсва Маньчжуши» по отношению к китайским императорам, влиянию некоторых буддийских концепций на политику первых Цинов и т. п.

Наконец, следует отметить работу И.Л. Малика, посвященную жизнеописаниям всех Далай-лам. И.Л. Малик, специально не рассматривая тибето-китайские отношения в XVII—XVIII вв., в то же время определенно отмечает, что Тибет до 1720 г. находился в зависимости от хошоутов, а с 1720 г. хошоутский протекторат был заменен китайским¹¹⁶. Формальную утрату Тибетом своего суверенитета автор относит к концу XVIII в., к моменту разгрома непальских интервентов¹¹⁷.

Таким образом, зарубежную историографию тибето-китайских отношений можно рассматривать как состоящую из трех научных направлений, два из которых (китайское и тибетское, вместе с примыкающими к ним западными авторами) являются принципиально противоположными, что во многом определяется политическими пристрастиями авторов. Западная историография выглядит как наиболее объективное направление, не скованное местной политической конъюнктурой, как бы стоящее над тибето-китайским спором. Но в этом же кроется и основной недостаток данного подхода, поскольку возни-

кает опасность упрощения, схематизации по европейскому образцу, когда не учитываются традиционные внешнеполитические представления и религиозные взгляды, присущие тибетским и китайским политикам.

В связи с этим целью настоящего исследования является рассмотрение отношений Тибета и Китая в XVII—XVIII вв. и выявление роли тибетских лидеров в этом процессе. В ходе исследования были поставлены следующие задачи:

1. Выявить характерные особенности внешней политики Тибета на разных исторических этапах существования тибетского государства.

2. Дать в кратком виде очерк истории тибето-китайских отношений в середине XIV — начале XVII вв. (период китайской династии Мин).

3. Рассмотреть постепенное изменение статуса Тибета в XVII—XVIII вв. (степень зависимости от империи Цин).

4. Показать взаимоотношения буддийской церкви и государства через деятельность тибетских лидеров.

5. Оценить место и роль Тибета в составе империи Цин.

6. Выявить роль тибетских лидеров в процессе включения Тибета в состав Цинской империи.

Критерием для отбора группы исторических деятелей Тибета послужила их близость к рычагам управления страной и стремление изменить ход тибетской истории в том направлении, который им представлялся наилучшим. Деятельность семи политических и религиозных деятелей рассматривается в монографии в хронологическом порядке, по мере их прихода к власти в стране. Исключением является Панчен-лама III, который, не обладая светской властью в стране, был несомненным лидером Тибета в 60—70-х годах XVIII в.

В ходе исследования использованы тибетские, китайские, монгольские, непальские и европейские (в том числе российские) источники.

В группу тибетских источников входят хроники «Пагсам-джонсан» и «История Кукунора», написанные тибетским ученым Сумба-Хамбо Ешей-Балджором (1704—1788), «Дэбтэр-чжамцо», принадлежащая перу тибетского историка Браггон-Шабдрун-Гончок-Дамба-Рабчжая (1801), «Биографии Панчен-лам» в переводе С.Ч. Даса, «Драгоценная шелковая ткань» —

биография Далай-ламы II, написанная дэсридом Санчжаем Чжамцо, труд Цзонхавы «Большое руководство к этапам пути пробуждения» и произведения, написанные Далай-ламой XIV Тензином Гьяцо. К категории тибетских источников относятся также хроника секты Кармапа, составленная Н. Дугласом и М. Уайт из тибетских текстов «Кармапа: тибетский лама в черной короне». К этой же группе относится сборник документов и материалов «Тибет. Правда, основанная на фактах». Кроме указанных источников, целый ряд материалов тибетского происхождения входит в источники, которые рассматриваются в группе европейских источников (материалы миссии Дж. Богля, приложение к книге В.Киркпатрика, документы миссии С. Тернера).

Хроника «Пагсам-джонсан»¹¹⁸, переведенная Р.Е. Пубаевым и снабженная его же примечаниями, содержит краткие сведения по истории Тибета с XI в. до 1746 г. и представляет собой ценнейшие источники по религиозной и политической жизни Тибета, включая также некоторые внешнеполитические моменты (джунгарские и китайские вторжения, антикитайские восстания и т. п.). Лаконичность языка хроники почти не позволяет судить о личном отношении автора к тому или иному событию или политическому деятелю; тем не менее автор явно одобряет тех правителей, которые приводили страну к миру и спокойствию, а также были щедры к церкви (Полханас, Канченнас), и не симпатизирует правителям воинственным и не слишком твердым вере (Лхавзан-хан, Чжурмэд-Намчжал).

«История Кукунора»¹¹⁹, написанная тем же автором и снабженная вводной статьей Б.Д.Дандарона, охватывает более короткий период — с 1612 по 1786г. и формально посвящена истории Кукунора. Но, поскольку кукунорская история самым тесным образом связана с тибетской, автор приводит ряд интересных сведений по истории Тибета, в том числе и по его внешней политике, деятельности Далай-ламы V, Санчжая Чжамцо, Лхавзана.

Последний, например, прямо обвиняется в ереси, а деятельность джунгаров в Тибете в 1717—1720 гг. признается полезной для Гелугпы. Автор показывает одну из причин кукунорского восстания 1723 г. — недовольство хошоутов установлением цинского проектората в Тибете.

Хроника «Дэбтэр-чжамцо»¹²⁰ также посвящена истории Кукунора, но, как и в случае с рассмотренным выше источником, она содержит многочисленные сведения по истории Тибета. Переводчик хроники Р.Н.Дугаров предпослал тексту источника обширное введение, посвященное истории отношений тибетцев с монголами Кукунора. Приведенный в книге текст, представляющий собой лишь часть хроники, содержит интересные сведения о возвышении секты Гелугпа (XVI — начало XVII вв.), религиозных распрях в Тибете, деятельности Далай-ламы V и о кукунорском восстании 1723 г.

Несколько тибетских источников представляют собой биографии религиозных деятелей Тибета. В них, среди общих сведений личного и религиозного характера, содержится значительная информация об исторических событиях в Тибете и его связях с Китаем. Так, в официальной биографии Цзонхавы, основателя секты Гелугпа, сообщается о приглашении, присланном ему минским императором¹²¹; такое же приглашение посетить Китай получил, судя по его биографии, и глава Кармапы¹²². Биография Далай-ламы II, написанная Санчжаем Чжамцо, сообщает о распрях между сектами Кармапа и Гелугпа¹²³. Среди биографий Панчен-лам, переведенных С.Ч.Дасом, наибольший интерес представляет биография Панчен-ламы III, особенно его внешнеполитическая деятельность, связанная с Китаем¹²⁴.

Значительный интерес в плане изучения проблемы тибето-китайских отношений представляет сборник материалов и документов, изданный тибетским эмигрантским центром в Дхарамсале (Индия). В нем дается тибетская точка зрения на отношения двух стран в исторической перспективе, уделяется много внимания религиозно-политическому принципу «лама — милостынедатель», на котором основывались связи Тибета с Китаем¹²⁵.

Сочинения Далай-ламы XIV Тензина Гьяцо, современного тибетского лидера и главы буддийской церкви Тибета, представляют большой интерес в плане понимания взаимоотношений между различными тибетскими сектами в исторической ретроспективе¹²⁶. Именно борьба Гелугпы и Кармапы стала главным фактором утраты Тибетом независимости в начале XVII в.

Группа китайских источников довольно разнообразна и по форме, и по содержанию: сюда относятся извлечения из исторических хроник, официальные описания военных кампаний, императорские указы, связанные с политикой в отношении Тибета, своды законов для зависимых территорий, свидетельства очевидцев.

Важным историческим источником, опровергающим китайские утверждения о принадлежности Тибета Китаю в минское время (1368—1644), является минская официальная хроника «Мин ши», один из разделов которой посвящен китайской пограничной политике в отношении Тибета¹²⁷. Материалы хроники показывают, что главной заботой минских властей было недопущение нападений тибетцев на приграничные китайские пункты, для чего применялись традиционные методы экономического давления.

Ряд источников посвящен джунгаро-цинской войне 1690—1697 гг., во время которой произошли серьезные изменения «тибетской» политики Цинов. К ним относится хроника военной кампании, переведенная А.Л. Леонтиевым (1716—1786) и содержащая предисловие императора Сюань Е.¹²⁸ Поскольку книга подверглась личной цензуре императора, она наиболее точно выражает цинские официальные взгляды на проблему взаимоотношений Галдана с Далай-ламой V и Санчжаем Чжамцо, на «подрывную» деятельность Чжирун-хутухты и т. п.

Если вышеуказанная хроника представляет собой перечисление событий и подробный пересказ дипломатической переписки цинского двора с тибетскими официальными лицами, то сборник документов по истории международных отношений в Центральной Азии¹²⁹ содержит точный перевод текстов, что позволяет сравнивать данные двух источников и делать объективные выводы.

Важным цинским источником является «Бацзи тунчжи» («Всеобщее описание восьми знамен»), содержащий, помимо изложения структуры цинской восьмизнаменной армии и ее истории, ряд императорских указов, в том числе и посвященных Тибету. Так, в указе императора Сюань Е от 6 ноября 1720 г. содержатся сведения, касающиеся цинской политики в отношении Тибета и организации цинского похода в Тибет¹³⁰.

Ряд материалов и документов (главным образом императорских указов) содержится в двухтомном сборнике¹³¹, изданном Фу Лошу. Хотя тематически сборник посвящен отношениям Китая со странами Запада, в нем имеются документы, касающиеся статуса Тибета, непальской войны и т. п.

К числу важных источников следует отнести также труд китайских историков XIX в. Хэ Цютао и Чжан Му «Записки о монгольских кочевьях»¹³². Являясь справочником о расселении монгольских племен по территории империи Цин, эта книга содержит множество цинских документов, касающихся войны с Галданом, восстания 1723 г. Кукуноре, т. е. событий, косвенно связанных с цинской политикой в Тибете.

Важным источником является работа историка Вэй Юаня «Шэн у цзи» («Записи о священных войнах»), в которой содержатся сведения об установлении тибето-китайских отношений и их развитии во времена императоров Сюань Е и Инь Чжэна, о борьбе китайцев с джунгарами, некоторых событиях в Тибете, связанных с китайским влиянием (убийство Санчжая Чжамцо)¹³³. Особое место Вэй Юань отводит событиям, связанным с тибето-непальскими войнами и заграничным походом цинской армии¹³⁴. Особую ценность этой работы составляют тексты императорских указов относительно Тибета.

Особо ценным источником является свод законов, разработанных для управления «внешними владениями» (зависимыми территориями) империи Цин и изданный в 1828 г. на русском языке в переводе С. Липовцова¹³⁵.

Специальный раздел свода законов посвящен Тибету. В нем рассматриваются обязанности Далай-лам и Панчен-лам перед цинским двором, а также вопросы, относящиеся к организации тибетской армии и местного чиновничества и т. п. Главное значение этого источника состоит в том, что зафиксированные в нем правовые нормы, во-первых, ставили Тибет на один уровень с прочими зависимыми территориями, а во-вторых, показывали систему управления Тибетом в том виде, какой она приобрела после многочисленных изменений, проведенных в течение XVIII в.

Разнообразные и многочисленные сведения по истории Тибета и тибето-китайским отношениям собраны в книге Лу Хуачжу «Описание Тибета в нынешнем его состоянии», пере-

веденной и прокомментированной Н.Я.Бичуриным. Кроме того, весьма интересным документом, раскрывающим цинскую политику в отношении Тибета, является текст указа императора Сюань Е по случаю изгнания джунгаров из Страны снегов¹³⁶.

Не менее интересным представляется указ императора Хун Ли, связанный с освобождением Тибета от непальских интервентов, который помещен в книге Ч. Белла «Тибет. Прошлое и настоящее», изданной в 1924 г.¹³⁷

Кроме того, следует отметить, что большое число документов, связанных с развитием тибето-китайских отношений, помещено в виде приложений к уже упоминавшимся выше трудам Л. Петеха и Х.Е. Ричардсона¹³⁸.

Наконец, нужно упомянуть сборник материалов «О тибетском вопросе», опубликованный в 1959 г. Этот сборник содержит взгляд на отношения Китая и Тибета, практически тождественный гоминьдановской точке зрения, считая тибетцев «нацменьшинством» Китая, а Тибет — частью Китая¹³⁹. Как уже отмечалось выше, данный подход к проблеме тибето-китайских отношений не изменился до конца XX в.

К группе монгольских источников относятся монгольские хроники, прямо или косвенно затрагивающие проблему тибето-китайских отношений (к их числу мы относим и калмыцкие исторические источники), а также свод монгольских законов «Великое уложение».

Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ»¹⁴⁰, написанная тайчжи Галданом (1795), издана в переводе и с примечаниями А. Позднеева. Она содержит материалы (включая разного рода послания, тексты императорских указов) по истории Северной Монголии с 1636 по 1736 г., в том числе о войне с Галданом и другими джунгарскими завоевателями. А. Позднеев приводит отрывки из «Записей о священных войнах» Вэй Юаня, показывающие взаимосвязь между событиями в Тибете и кукурским восстанием 1723 г.

Летопись XVII в. «Шара туджи» (автор неизвестен) интересна в плане исследования проблемы тибето-китайских отношений, прежде всего сведениями о Лигдан-хане Чахарском, традиционно считавшимся врагом секты Гелугпа. Судя по летописи (по титулатуре хана), он был покровителем буддизма,

но в «красношапочной» форме и, следовательно, мог бы причинить серьезные неприятности Гелугпе¹⁴¹.

Среди калмыцких исторических хроник следует отметить «Сказание о дербен-ойратах», написанное Батур-Убуши Тюменем и содержащее материал о захвате Тибета хошоутами во главе с Гуши-ханом и установлении хошоутского протектората¹⁴². Не менее интересной является «Биография Зая-пандиты» (автор Ратнабадра), дающая представление о политике Далай-ламы V в Джунгарии и других монгольских землях¹⁴³.

Свод монголо-ойратских законов «Их цааз» («Великое уложение»), принятый на всемонгольском съезде 1640 г. в Джунгарии, напрямую не связан с тибето-китайскими отношениями. Однако исследователи расценивают данный съезд не только как попытку выработать общемонгольские законы, но и как своеобразный призыв к объединению перед лицом маньчжурской опасности. Между тем на съезде присутствовали представители Далай-ламы V в Джунгарии и Монголии и тем самым освящали эту скрытую антиманьчжурскую тенденцию¹⁴⁴.

Непальские источники состоят из документа, называющегося «Экстракт из мемориала Двора в Катманду, относительно происхождения войны с Тибетом», и летописи «История Непала».

«Экстракт», являющийся приложением к книге В. Киркпатрика о Непале, представляет собой официальную версию о происхождении первой войны между Непалом и Тибетом. Непальская версия, повествуя о валютной проблеме, возникшей в отношениях Непала и Тибета, всю вину за вооруженный конфликт перекладывает на тибетские власти¹⁴⁵.

«История Непала», изданная Д. Райтом, представляет собой обычную феодальную хронику, повествующую о деяниях непальских правителей. В главе, рассказывающей о правлении в Непале династии Горкха, тибето-непальская война расценивается как удачный военный набег, совершенный по подстрекательству Шамарбы. Карательный поход китайцев в Непал в период второй тибето-непальской войны упомянут, но об итогах войны сказано так туманно, что складывается впечатление, что победили непальцы¹⁴⁶.

Последняя группа источников представляет собой материалы дипломатических миссий, посылавшихся из Индии

в Тибет английскими властями, дипломатическую переписку, связанную с этими миссиями или непало-тибетскими войнами, а также материалы мемуарного характера, написанные европейцами или азиатами, получившими европейское образование.

Одним из самых ранних европейских источников является «Очерк Тибета», написанный католическим миссионером И. Дезидери. Он пробыл в Тибете с 1716 по 1721 г. и, следовательно, был очевидцем джунгарского вторжения в эту страну. И. Дезидери, симпатизировавший хошоутскому правителю Лхавзан-хану, убитому джунгарами, полагал, что вступление китайской армии в Тибет и подчинение его — это акт возмездия и торжество справедливости¹⁴⁷.

Определенный интерес в плане нашего исследования представляет краткий очерк истории Тибета, написанный другим свидетелем тибетских событий — капуцинским миссионером О. делла Пенна. Весьма интересным является описание им заговора 1727 г., когда был убит ставленник китайцев Канченнас. По словам О. делла Пенна, этот заговор имел довольно масштабный характер, а, следовательно, не был просто верхушечным¹⁴⁸.

Весьма ценным и интересным источником по проблеме тибето-китайских отношений являются материалы миссии Дж. Богля, побывавшего в Тибете в 1774—1775 гг. В числе этих материалов имеется отчет Дж. Богля о проведенных в Тибете переговорах и о том, что провал его миссии вызван опасением тибетских чиновников решать что-либо самостоятельно, без санкции из Пекина¹⁴⁹.

Это наблюдение Дж. Богля было подтверждено еще раз С. Тернером, главой очередной британской дипломатической миссии, направленной в Тибет в 1783 г. Хотя власти Ташилунпо, принимавшие С. Тернера, имели некоторую автономию, в целом Тибет находился в серьезной зависимости от Цинов¹⁵⁰.

Материалы миссии Дж. Богля и С. Тернера включают в себя дипломатическую переписку между английской администрацией Бенгалии и руководством монастыря Ташилунпо. Особый интерес вызывают те документы, в которых говорится о попытках тибетского лидера Панчен-ламы III ослабить цинский контроль над Тибетом¹⁵¹.

Англо-тибетская и англо-непальская переписка хронологически продолжена в упомянутой выше книге В. Киркпатрика. В приложении к этой книге есть письмо Далай-ламы VIII к английскому генерал-губернатору по поводу войны с Непалом, в котором сообщается, что Тибет имеет постоянную «защиту» со стороны Китая¹⁵².

В XVIII и XIX вв. в Тибете побывали буддийские паломники из Российской империи, оставившие работы мемуарного характера о своих путешествиях. Целью каждого из них было паломничество; тем не менее их наблюдения имеют значительный научный интерес. Дамба-Доржи Заяев, побывавший в Стране снегов в 1734—1741 гг., отметил, что сами тибетцы считают себя находящимися под властью Китая с 1720 г.¹⁵³ Г.Ц. Цыби-ков (также бурят по национальности), получивший европейское образование, дал подробный очерк тибето-китайских отношений. Но, поскольку он посетил Тибет веком позже, его очерк представляет меньший интерес по сравнению с наблюдениями относительно структуры монастырей, организации монастырской жизни и т. п.¹⁵⁴

В 1881 г. в Тибет тайно проник индийский ученый С.Ч. Дас, чья книга о путешествии в Тибет была опубликована в русском переводе с обстоятельным предисловием В. Котвича¹⁵⁵. Автор сообщает ряд сведений о структуре местного и центрального управления, налоговой системе, формах трудовой повинности и т. п. Эти сведения, как и сведения Г.Ц. Цыбикова, могут быть отнесены и к XVII—XVIII вв. (в силу определенной замедленности развития этой цинской окраины).

Таков круг источников, положенных в основу монографии.

1. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ

Внешняя политика Китая с древнейших времен и до начала XX в. была политикой традиционной, базировавшейся на нескольких взаимосвязанных концепциях. Эти концепции, практически не менявшиеся в течение ряда столетий, образовывали стройную внешнеполитическую теорию, которой руководствовались государственные деятели Китая при всех династиях.

КОНЦЕПЦИЯ «КИТАЙ — ВАРВАРЫ»

Одним из основополагающих моментов китайской внешнеполитической теории было представление о делении мира на две части — «цивилизованный» Китай и «варварскую» периферию (хуа — и). Между этими двумя частями существовало принципиальное различие: «варвары», в отличие от китайцев, не знали этических норм, были склонны ко злу, вследствие чего и не могли создать цивилизацию, пребывая в состоянии хаоса и неустройства¹. Картина мира в глазах китайцев выглядела моноцентристской: в центре — «цивилизованный» Китай, а вокруг него концентрическими кругами расположены «варварские» земли, причем по мере удаления от центра хаос возрастал².

По мнению А.С. Мартынова, различия между китайцами и «варварами» воспринимались в Китае как нечто естественное, предопределенное природными условиями: в Китае, благодаря его расположенности в географическом центре мира, «жизненные начала» (ци) изначально здоровые, что влечет за собой появление высоконравственных людей. Земли же «варваров», расположенные по краям, имеют нездоровые «жизненные начала», а отсюда и грубость нравов их обитателей³.

Таким образом, превосходство китайцев над «варварами» понималось прежде всего как превосходство нравственное: «Варвары — (лишь) лицом люди, духом же — звери. И нет у них ни чувства долга, ни правил поведения»⁴.

Концепция «Китай — варвары», часто называемая также концепцией «китаецентризма», тесно смыкается с концепцией китайской монархии.

«МИРОУСТРОИТЕЛЬНАЯ» МОНАРХИЯ

Хаотический, «неупорядоченный» внешний мир, расположенный вокруг Китая, побуждал правителей Китая либо к изоляции от него, либо к преобразованию «варваров». А.С. Мартынов полагает, что политике преобразования внешнего мира оказывалось предпочтение⁵. Нам представляется, что имперские власти Китая чередовали политику изоляции и преобразования в зависимости от соотношения сил Китая и «варваров» в конкретный момент, а иногда и совмещали (примером является самоизоляция империи Цин в XVIII в., совмещавшаяся с внешней агрессией).

Кто же и каким образом осуществлял преобразование хаотического «варварского» мира? Эту задачу выполнял китайский монарх, который, согласно китайской традиции, обладал «особой таинственной силой, способной привести страну к цели, правильно организовать разделение пространства по четырем направлениям, обеспечить чередование времен года и течение всего естественного процесса в целом»⁶. Эта сверхъестественная сила, называемая «дэ», возникала у императора благодаря непосредственным контактам с Небом и имела не только космогонические, но и политические функции.

Ключевые моменты концепции мироустроительной китайской монархии таковы: 1) власть китайского императора — единственная; 2) власть эта — универсальная; 3) для императора нет в мире «внутреннего» и «внешнего»⁷.

Благотворное императорское влияние «дэ» распространялось подобно кругам по воде (в связи с китаецентристской картиной мира) — сначала на «ближних», т. е. китайцев, затем на «дальних» — «варваров». Распространение благотворного влияния приводило к глубокой внутренней трансформации «варваров». Суть трансформации заключалась в том, что они переходили в новое состояние — «обращались» или «предавались искренности» (гуй чэн, тоу чэн)⁸.

ПРИЕЗД «ВАРВАРОВ» К ИМПЕРАТОРСКОМУ ДВОРУ

«Обращенные варвары» усваивали совершенно новые нормы поведения, и одним из основных признаков «преображения» было стремление «варваров» приехать в Китай, ко двору императора, и поднести дань. По словам А.С. Мартынова, «с точки зрения высокой теории значение приезда ко двору заключалось в том, что он давал возможность «варварам» выразить свою «искренность».⁹

Для китайских правителей приезд «варваров» ко двору содержал важный сакральный смысл: он означал завершение процесса установления порядка в мире¹⁰. Если же приезд «варварского» посольства совпадал с одним из трех главных праздников, то глава посольства становился участником аудиенции-ритуала. Смысл аудиенции как ритуального акта сводится к тому, чтобы «послать поздравление величию предков», т. е. продемонстрировать успехи своего правления перед высшими силами, и чтобы «ниспослать счастье и успокоение искренности из десяти тысяч земель»¹¹. Конкретный же внешнеполитический смысл состоял в демонстрации эффективного контроля Китая над окружающими его народами. Именно доминированием сакрально-ритуального аспекта приезда «варваров» ко двору объясняется тот факт, что до 1861 г. иностранные дела находились в ведении Палаты церемоний (Либу)¹².

Целью сакрализации и ритуализации приезда ко двору иностранных представителей было стремление «интерпретировать мировой политический процесс как процесс, направляемый исключительно императорским двором»¹³.

С практической точки зрения приезд «варваров» ко двору имел весьма серьезное значение, так как «состояние искренности вело к состоянию подчиненности»¹⁴. Именно этим объясняется обязательный характер приезда «обращенных варваров»: неявка означала либо неповиновение «варваров», либо несоответствие данного правления воле Неба¹⁵. Если мистическая сила «дэ» почему-то не оказывала должного влияния на «варваров», следовало принять другие меры: «дипломатические миссии с “призывом ко двору” (чжао) или даже применение “угрозы” (вэй) и оружия (бин)»¹⁶. Непокорных «варваров» следовало «усмирять» или даже уничтожать, т. к. они противились императорскому влиянию, которое символизировало волю Неба. Иде-

олог великоханьского шовинизма Ван Чуаньшань, живший на рубеже минской и цинской эпох, писал о «непокорных варварах»: «Любую борьбу с варварами Срединное государство не должно называть войной, так как их уничтожение не является жестокостью, обман их не является вероломством, занятие их территории и конфискация их собственности не являются несправедливостью»¹⁷.

ВАССАЛИТЕТ

Все «варварские» страны и народы считались зависимыми от Китая, а их правители — вассалами императора, обязанными приезжать ко двору с данью. Степень зависимости теоретически определялась глубиной усвоения ими норм морали и поведения: «принявшие цивилизацию» (гуй хуа), «присоединившиеся» (гуй фу; гуй лай), вассалы¹⁸.

Вассалы делились на две главные категории: внутренние (фань) и внешние (шу). «К категории «фань» относились те вассалы, чьи земли управлялись имперской администрацией (зачастую, как, например, в Монголии, сохранялась и власть местной аристократии), а также те, на чьей территории постоянно находился имперский наместник (Тибет). Земли вассалов категории «шу» не входили в состав территории Китая, в их столицах не было имперских наместников»¹⁹.

В современном китаеведении вассалитет «варварских» народов по отношению к Китаю подразделяется на два вида: номинальный и реальный. Номинальный (формальный) вассалитет выражался в следующем: «1) в признании местными властями своего вассалитета путем соблюдения определенных форм обращения к китайскому императору в официальных бумагах и посланиях, а также в “послушании” императору; 2) в принятии местными властями китайского титула “ван”; 3) в присылке один раз в 3 года посольств с данью императору и личном прибытии один раз в 30 лет самих иноземных властителей в Китай; 4) в соблюдении иноземными послами в Китае строго определенного церемониала и оказании положенного приема китайским послам за рубежом; 5) в принятии китайского летосчисления»²⁰.

Сюзеренитет Китая по отношению к номинальному вассалу выражался в следующем: «1) в провозглашении верхов-

ной власти китайского императора; 2) в праве утверждать ванами местных властителей; 3) в направлении в иноземные страны китайских послов с императорскими посланиями и указами; 4) в праве вознесения жертв “духам гор и рек” иноземных стран»²¹.

Номинальный вассалитет практически не затрагивал внутренней и внешней политики государства-вассала, поскольку ни императорские послания, ни пожалование титула «ван» не воспринимались местными правителями как атрибут зависимости от Китая. «Дань», привозившаяся иноземными послами в Китай, рассматривалась как своего рода меновая торговля, поскольку за нее полагались эквивалентные по стоимости дары²². Таким образом, номинальный вассалитет был не более чем пропагандистским приемом, предназначенным прежде всего для собственного, китайского населения.

Реальный вассалитет, включая в себя все перечисленные выше черты номинального вассалитета, был связан с постоянным контролем китайских властей над внешней политикой вассального государства, а также с определенными ограничениями во внутривластной жизни. В этом случае прочность и устойчивость положения местной администрации прямо зависели от лояльности императорской династии Китая.

ДАНЬ И ТОРГОВЛЯ (ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Представление дани было одним из краеугольных камней китайской внешнеполитической теории. Дань, как и приезд вассала ко двору императора, означала признание данниками своей зависимости от Китая, что, в свою очередь, поднимало престиж династии среди китайского населения, поскольку свидетельствовало о благосклонности Неба к данной династии. В связи с этим каждая династия предпринимала колоссальные усилия для привлечения в Китай иноземных данников: так, Минская династия, едва установив свое правление, направила специальные миссии в страны Юго-Восточной Азии, а затем организовала морские экспедиции Чжэн Хэ²³.

Иноземные послы, приезжавшие в Китай с данью, обязаны были представлять в качестве дани «местные произведения или продукты». К числу таких «местных произведений» могли относиться предметы роскоши и драгоценности, обыч-

ные для Китая или экзотические животные, а также их шкуры, оружие, дорогая посуда и др. В качестве вознаграждения данники получали «специальные дары» и «ответные дары». «Специальные дары» давались от имени императора правителям государств, приславших дань, а также всем членам даннических посольств (шелковые ткани, одежда, обувь, украшения). Как отвечает М. Россаби, «правители и послы “варварских” государств часто желали специальных подарков от двора. Товарами, которые они требовали, чаще всего были текстиль, чай и фарфор. Государства Центральной Азии не раз просили одежду с драконами или другие украшенные одеяния, хотя такие просьбы двор обычно отвергал. Другие народы Внутренней Азии требовали разнообразных товаров, включая лекарства, бумагу, музыкальные инструменты, книги и оружие»²⁴. Таким образом, «специальные дары» были своеобразной платой китайского правительства за признание «варварами» своего вассалитета (подлинного или мнимого).

«Ответные дары» были просто оплатой привезенной «дани» (в натуральной и частично в денежной форме). Китайские власти устанавливали твердые ставки вознаграждения за различные виды «дани»: например, в конце XV в. минский двор выплачивал за лошадь 1-й категории комплект одежды из цветного шелка, за лошадь 2-й категории — 1 кусок тонкого шелка, 8 кусков грубого шелка и некоторое количество бумажных денег, за новорожденного жеребенка — 3 куска грубого шелка²⁵. В качестве натуральной оплаты с китайской стороны использовались нефрит, ляпис-лазурь, золотые и серебряные сосуды.

«В теории, — пишет М. Россаби, — император, проявляя сострадание и милосердие, предлагал подарки в ответ на принесение дани иностранцами. На практике, однако, китайцы и народы Внутренней Азии договаривались о точном объеме обмена и, хотя эта норма колебалась за время существования династии, обе стороны обговаривали ее ранее принесения дани и «ответных даров». Поскольку китайцы и обитатели Внутренней Азии по необходимости договаривались об условиях, это было соглашением, основанном на равенстве, и соответственно должно определяться как торговля»²⁶.

Если для «варваров» принесение дани было выгодной формой меновой торговли, то для китайских императоров по-

лучение дани было в экономическом плане убыточным: помимо «специальных даров», казна должна была тратиться на банкеты для даннических посольств. Выдача вознаграждения, превышающего стоимость дани, может быть оценена как подкуп некитайских правителей и ярко свидетельствует о доминировании политических интересов над экономическими.

Приоритет политических целей перед экономическими, причем открыто, а не в замаскированном конфуцианскими догмами виде, проявлялся и во внешней торговле Китая. Китай импортировал меха, металлы, драгоценные камни, лекарства, мелкий и крупный рогатый скот, верблюдов и лошадей, охотничьих соколов и др., расплачиваясь за это традиционными китайскими товарами. Торговля осуществлялась в нескольких формах: торговля в Пекине (данническим посольствам, после принесения дани разрешалось продавать собственные товары); приграничная торговля на специальных рынках; контрабандная торговля.

Китайские правители, проводя ограниченную внешнюю торговлю, неоднократно заявляли, что торговля Китая с «варварами» должна рассматриваться как знак императорского благоволения к последним, т. к. сам Китай ни в чем не нуждается. Это утверждение было правдой лишь наполовину. Китай мог, разумеется, обойтись без предметов роскоши или забавы, но существовали виды товаров, которые китайцы могли получить только из-за рубежа. Так, например, в Китае не разводились лошади, но для армии их требовалось большое количество. В минское время, когда Монголия и Кукунор еще не были захвачены Китаем, главным видом меновой торговли на приграничных рынках был обмен чая на лошадей. Торговле с «варварами» китайские власти придавали более политический, чем экономический характер и нередко использовали ее как орудие экономического шантажа, закрывая приграничные рынки и затем диктуя политические условия «варварам».

Однако экономические санкции далеко не всегда имели нужный эффект; монголы, например, вместо признания себя вассалами Китая, предпочитали решать торговые проблемы силой оружия. «Требование открыть рынки, — пишут авторы «Истории Монгольской Народной Республики», — было основным, неизменно выставлявшимся монгольскими феодала-

ми условием отказа от набегов на города и села Китая и поддержания мира»²⁷.

Другим следствием закрытия рынков был рост контрабандной торговли, подрывавшей политические планы китайских властей. Именно поэтому контрабанда каралась смертью. Минский источник сообщает: «Чай является жизненной необходимостью для тибетцев. Поэтому строгими законами запрещаем контрабанду, а обменом (чая) на лошадей вознаграждаем (их). Так мы контролируем жизнь тибетцев, укрепляем китайскую границу, отделяем тибетцев от монголов»²⁸.

КИТАЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Полное повиновение и покорность вассалов и «варварских» народов обеспечивались различными методами — военными, экономическими и дипломатическими.

Традиционная китайская дипломатия, имея определенное сходство с дипломатией стран Запада, обладала в то же время и весьма своеобразными чертами. Она была основана на философском учении конфуцианства, а ее стратегия и тактика строились на принципах военного искусства древнего Китая.

Одной из особенностей китайской дипломатии было наличие чрезвычайно развитого дипломатического церемониала (ритуала). Целью дипломатического церемониала было утверждение идеи о превосходстве Китая над окружающим его миром и тем самым — укрепление престижа императора. Представитель некитайской стороны не воспринимался как равноправный партнер на переговорах: на него «смотрели лишь как на потенциального исполнителя непреложной воли повелителя Поднебесной; если же он не был готов исполнить эти предначертания, то такого «неусмирного» варвара, если были силы, наказывали, если не было возможностей наказать — презирали»²⁹.

Еще одна специфическая особенность традиционной дипломатии заключалась в ее стратагемности. По определению В.С. Мясникова, «стратагемная дипломатия — дипломатия, обеспечивающая реализацию стратагемы и черпающая средства и методы не в принципах, нормах и обычаях международного права, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства»³⁰.

Сама по себе стратагема (т. е. военная хитрость), заимствованная из древнекитайской военной теории, была просто образцом, моделью поведения в сложной обстановке. Только очень точная оценка ситуации в той стране, с которой имели дело китайские дипломаты, позволяла использовать ту или иную стратагему и добиться успеха. Принципы стратагемной дипломатии, нацеленной на «усмирение» и подчинение «варваров», были сформулированы в виде лаконичных правил: «управлять варварами с помощью варваров», «привлекать дальних, нападать на ближних», «применять яд в качестве противоядия» и т. п.³¹

ПОГРАНИЧНАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ

Одной из форм политического контроля над приграничными «варварами» (в число которых включались и неханьские народности внутри Собственно Китая) была система «тусы». Термин «тусы» переводится как «племенной (туземный) вождь», система же «тусы» означает «государственный аппарат с туземным устройством»³².

Система «тусы» возникла в ханьскую эпоху, затем получила свое развитие при династиях Тан и Сун; сохранилась она и при Юанях. В минскую и цинскую эпохи система «тусы» получила окончательное оформление.

Земли, на которых находились «тусы», именовались термином «цзими» («земли связывания сил», или «обузданные земли»). В зависимости от того, располагались ли земли «цзими» внутри или вне границ империи, система «тусы» служила выполнению трех задач.

Если земли «цзими» располагались внутри имперских границ, то одной из задач системы «тусы» была практическая реализация принципа «управлять варварами с помощью варваров». «Тусы назначались императорским правительством, — пишет У Хань, — подавляли всякое недовольство подчиненного им простого народа и способствовали порабощению и обиранию его; императорское правительство держало в повиновении вождей племен, обладающих реальной силой, раздавая им должности и титулы, награды и подарки, чтобы они тяготели к нему, поддерживали стабильность положения на местах и

способствовали упрочению императорской власти над населением. Можно сказать, что они были нужны друг другу»³³.

Вторая задача системы «тусы» на внутренних землях «цзими» (т. е. расположенных внутри линии китайских укреплений и караулов) состояла в реализации принципа «превратить варваров в ханьцев» (бянь и вэй ся)³⁴. Правители Китая стремились по возможности бесконфликтно, безболезненно осуществить переход земель «цзими» под непосредственное управление китайской администрации, интегрировать неханьское население в политико-экономическую структуру Китая. С этой целью в некоторые земли «цзими» назначались так называемые передвижные чиновники из ханьцев, организовывались военные поселения, создавалась система почтовых станций и т. п. Правительство постепенно «укрепляло власть над племенами и в конечном счете преобразовывало владения тусы в округа и уезды во главе с “передвижными” чиновниками, непосредственно управляемыми императорским двором»³⁵.

Третья задача выполнялась землями «цзими», расположенными вне линии китайских укреплений. Эта задача заключалась в том, чтобы служить для Китая «щитом и оградой», задерживая или смягчая агрессию, идущую извне, т. е. входить в так называемую буферную зону. В.С. Мясников считает, что «политика “цзими” применялась как внутри, так и вне имперских рубежей в зависимости от того, насколько силен был Китай в тот или иной период»³⁶. В цинское время политика «цзими» и «тусы» не утратила своего значения для контроля за неханьским населением Юго-Западного Китая (в том числе и в районах, аннексированных Китаем у Тибета в 20-х годах XVIII в.).

В то же время следует отметить изменения, происшедшие на границах империи в цинскую эпоху. В течение XVII—XVIII вв. северные и западные рубежи Собственно Китая были прикрыты буферной зоной (пинфань — «заслон» или бяньцзин — «рубеж»), состоявшей из покоренных Китаем соседних стран (Монголии, Джунгарии, Восточного Туркестана и Тибета). Все эти страны, вошедшие в состав империи Цин, именовались общим термином «внешние владения» или «вассальные территории» (при этом вассалы именовались термином «фань», т. е. «внутренние вассалы») и находились в ведении Лифаньюаня, т. е. Палаты по делам зависимых территорий.

В.П. Васильев пишет: «Самое слово “вассал” на китайском языке собственно значит “забор”, “плетень”, т. е. вассал должен служить преградой нападениям живущих за ним иностранцев. Уж если они будут сильны, так пусть-ка прежде пробьются через этот забор; следовательно, чем шире пространство, занимаемое вассальными землями, тем спокойнее собственно Китаю»³⁷. В.С. Мясников и Н.В. Шепелева называют эти «внешние владения» термином «наместничества-протектораты», что вполне адекватно отражает степень их зависимости от Пекина³⁸.

Собственно Китай и «внешние владения» составляли одно целое — Цинскую империю. С этим согласны многие отечественные авторы. Так, О.Е. Непомнин пишет: «Цинская империя, созданная маньчжурскими богдыханами путем завоевательных войн, состояла из Маньчжурии — отчизны и домена завоевателей и покоренных ими земель. В число последних входили Собственно Китай (18 провинций) и зависимые территории — Монголия, Синьцзян, Тибет»³⁹.

Тибет, полностью вошедший в состав Цинской империи в конце XVIII в., в принципе ничем не отличался от других «внешних владений»: современный китайский автор Я Ханьчжан называет его «щитом для Цинхая, Юньнани и Сычуани»⁴⁰, говорит о «тибетском барьере»⁴¹ и т. п. Как показывают современные исследования, Тибет представлял собой, с точки зрения пекинских властей, **внутреннюю часть** буферной зоны: граница Тибета с пригималайскими государствами (Ладак, Непал, Бутан, Сикким) являлась в то же время границей между внутренней и внешней частями буферной зоны. Тибет как часть империи Цин имел четкую внешнюю границу, которую он был обязан защищать либо сам, либо с помощью китайских войск; пригималайские же государства, находившиеся в состоянии номинального вассалитета от Цинской империи (т. е. **внешняя часть** буферной зоны), на китайскую помощь рассчитывать не могли. Если они желали, то могли отнимать территорию друг у друга или расширяться на юг, но в случае затруднений Китай отказывался посылать им на помощь войска⁴².

II. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТИБЕТА

ЭКСПАНСИЯ ТИБЕТА В ПЕРИОД ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА (VII-IX ВВ.)

С V по VII вв. происходило становление тибетской государственности: тибетцами управляли 32 полулегендарных цэнпо (царя) династии Ярлунг⁴³. В этот период тибетская народность расселена в основном в своих национальных (этнических) границах и не ведет активной внешней политики.

С VII в. Тибетское государство заявляет о себе как об одной из доминирующих сил Центральноазиатского региона. Внешняя политика Тибета, с ростом могущества государства и особенно после проведения внутренних реформ в период правления цэнпо Сронцзана Гамбо (613-649), становится не просто активной, но и экспансионистской. Тибет активно раздвигает свои границы, захватывая чужие территории и присоединяя их к своему государству; превращает некоторые государства в вассальные; устраивает набеги на территории соседних государств ради получения военной добычи. Тибетская экспансия идет по всем сторонам света: на западе нападениям подверглись Балтистан, Гилгит, племена шангшунг⁴⁴; на юге тибетцы устраивали походы в Бенгалию, Бутан, сделали Непал своим вассалом⁴⁵; на востоке и юго-востоке воевали с государствами Тууюхунь (Кукунор) и Наньчжао (Юньнань)⁴⁶; на севере шла многолетняя борьба за Восточный Туркестан⁴⁷.

Особо следует выделить тибето-китайские отношения. Воинственным тибетским правителям пришлось иметь дело с одним из сильнейших государств тогдашней Центральной Азии — Танским Китаем (618—907). Как сообщает китайский официоз времен Мао Цзэдуна, «эпоха Танской династии была эпохой большого развития дружественных связей между двумя великими национальностями — ханьской и тибетской. В эту эпоху была заложена прочная база сплоченности тибетского народа со всеми народами Китая и, в первую очередь, с ханьцами, база для вступления тибетского народа в великую семью Родины и для создания совместно с другими народами Родины единого государства»⁴⁸.

Современная тибетская религиозная эмиграция в ответ на подобные высказывания заявляет: «Фактически же тибетские и китайские исторические хроники свидетельствуют о прямо противоположном и говорят об этих странах (Тибете и Китае. — *Е.Б.*) как о самостоятельных и сильных державах»⁴⁹.

Думается, что тибетская точка зрения ближе к истине. Невозможно отрицать огромное культурное влияние Китая на Тибет, однако тибето-китайские отношения VII—IX вв. напоминают хронику одной большой войны, изредка и ненадолго прерывавшейся мирными договорами. Помимо многолетней тибето-китайской борьбы за Восточный Туркестан (что означало контроль над Великим шелковым путем)⁵⁰, тибетские войска неоднократно вторгались в Китай с целью грабежа и даже захватывали танскую столицу Чанъань⁵¹. С другой стороны, династия Тан не упускала случая вмешаться во внутренние усобицы в Тибете с целью его ослабления или возвращения захваченных им территорий⁵².

К середине IX в. внутренние процессы, происходившие в Тибете (в том числе и религиозные разногласия), привели к ослаблению некогда могущественного государства. Завоевательные потенции Тибета были исчерпаны, и он начал терять свои окраинные территории.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ ТИБЕТА

К международным договорам Тибета следует отнести договоры союзные (не всегда оформлявшиеся письменно) и мирные.

Союзные договоры в период существования тибетского централизованного государства заключались с различными странами и народами. Эти договоры имели характер военных союзов: в конце VII в. тибетцы заключили временный союз с Западным тюркским каганатом против Китая⁵³, в 715 г. — с арабами против танских отрядов в восточном Туркестане⁵⁴, в 752 г. — с народностью мань (Юньнань) против Танов⁵⁵, в 750 г. — с тайцами (Сиам)⁵⁶. Эти союзные соглашения носили временный и тактический характер и теряли значение после проведения соответствующей военной кампании.

Мирные договоры являлись весьма важными дипломатическими актами, поскольку помимо прекращения военных действий и провозглашения периода мирных отношений они

включали в себя ряд других вопросов. Одним из самых важных вопросов, входивших в мирный договор, был вопрос о границе. Так, по договору 730 г., между Тибетом и Китаем граница была установлена по хребту Чилин (Улан-Шара-Даба, восточнее г. Синин)⁵⁷; по тибето-китайскому договору 783 г., границей между двумя государствами признавался горный хребет Хэланьшань в Восточном Ордосе и линия, продолженная к югу от него⁵⁸; в 822 г. очередной договор между двумя странами подтвердил указанную границу⁵⁹. Демаркации границы не производилось, равно как и ее охраны при помощи постоянной стражи, но создавалась некая нейтральная территория, называемая «пограничным районом»⁶⁰.

Вторым важным вопросом, включавшимся нередко в текст мирного договора, был вопрос о приграничных рынках. Так, по договору 730 г., открывался приграничный рынок в Чилине⁶¹.

Некоторые авторы сообщают о взимании Тибетом дани с Китая, что, несомненно, должно было входить в тексты договоров⁶².

Весьма важным моментом являлось оформление мирного договора. Тибет, как правило, настаивал на равенстве партнеров по договору и на том, чтобы этот момент нашел отражение в тексте договора⁶³. К сожалению, не все тексты договоров сохранились до настоящего времени, и в этой связи нельзя утверждать, что тибетцы добивались желаемого. Китай, со своей стороны, даже в заведомо проигрышных условиях стремился подчеркнуть свое превосходство над Тибетом. В результате возникали курьезные ситуации, когда Китай, заключая явно невыгодный для себя договор, кичливо именовал своего императора «дядей», а тибетского правителя — «племянником»⁶⁴. При заключении договоров о мире соблюдались определенные ритуалы, связанные с буддизмом и Боном, а также приносилась клятва в нерушимости условий договора: «(Мы), положив начало тому великому времени, когда Тибет будет счастлив на земле Тибета, а Китай будет счастлив на земле Китая, для того чтобы это клятвенное соглашение никогда не было нарушено, призвали в свидетели три сокровища (буддийской веры), все божества, солнце и луну, планеты и звезды. Слова клятвы были произнесены, животные принесены в жертву, клятвенная присяга совершена, и договор вступил в силу»⁶⁵.

Текст договора высекался на каменных стелах, которые устанавливались на границе двух государств: «Чилин был назначен границей и по вершинам его поставлены большие камни, на которых вырезан был договор»⁶⁶. Отмечен случай, когда китайская сторона, нарушив мирный договор, уничтожила каменные стелы с его текстом⁶⁷. С другой стороны, тибетцы тоже не считали международные договоры чем-то неизблемым и полагали, что с течением времени их необходимо возобновлять — например, если умирал государь, участвовавший в заключении договора. «Для тибетцев, следовательно, привычным был такой порядок вещей, когда только личное участие в клятве-договоре могло послужить основанием для выполнения тех или иных условий “клятвы”, даже тогда, когда речь шла о договоре с другим государством»⁶⁸.

Разработка условий договора и его оформление было процессом сложным и трудоемким, что требовало частой отправки посольств в Китай или другую страну: «Эта тенденция видна и из китайских источников, сообщающих более 25 раз об отправлении посольств с мирными предложениями из Тибета в Китай и обратно»⁶⁹. В качестве тибетских дипломатов использовались, вероятно, сначала «великие советники» царя (например, из клана Гар), а позднее это могли быть уже специалисты, получившие образование в Китае (уже Сронцзан Гамбо направил группу «дворянских детей в китайскую столицу для образования в науках»)⁷⁰.

Китайские авторы конца 50-х годов XX в. пишут: «С восцарением Танской династии из Тибета к танскому императорскому двору часто направлялись посланцы. Каждый раз, когда умирал гялбо (правитель Тибета), об этом доносилось танскому двору. Когда вступал на трон новый танский император, из Тибета поступали поздравления. Кроме того, из Тибета к танскому двору направлялось множество посланцев с просьбой о разрешении торговли и для подношения дани и подарков»⁷¹. Итак, между двумя странами были действительно оживленные дипломатические отношения, совмещавшиеся, вероятно, с продажей тибетских товаров, привезенных в Китай членами посольств.

Что же касается «подношения дани» тибетцами, то, как видно из истории тибето-китайских отношений в VII—IX вв.,

дань должны были платить китайцы Тибету, а не наоборот. Об этом же говорят и тибетские источники. Так, на каменной стеле, установленной в окрестностях тибетской столицы, говорилось: «Король Трисонг Децэн был человеком мудрым. Количество дел, которые он обсуждал, было огромно, но все, что он ни делал для королевства, завершалось полным успехом. Он завоевал и держал под своей властью многие округа и крепости Китая. Китайский император Хеху Киван и его министры были запуганы. Они непрерывно подносили подарки, ежегодно платили в качестве дани 50 тыс. кусков шелка, и Китай обязался платить такую дань. Когда китайский император-отец Хеху Киван умер, сын Ван Пэнван наследовал трон. Он оказался неспособным платить дань Тибету, и король Тибета был оскорблен этим. Нганлам Лукхонг был главным на совещаниях среди высказывавшихся за начало войны Тибета с Китаем, против резиденции китайского императора Кенгшир»⁷².

Выше уже говорилось о подписании Тибетом договоров с Китаем, где правитель Тибета формально занимал положение ниже танского императора (назывался «племянником»). Как нам представляется, данная ситуация, вопреки тексту договора, воспринималась в Тибете с прямо противоположных позиций (т. е. так, как это было в реальной жизни): «В тот период, когда из-за несогласий с Китаем началась война с ним, тибетские ламы и крупные китайские хэшаны помирили (тибетского) царя-дядю и китайского императора в Китае и Тибете... (договор) оказался весьма полезным»⁷³.

МЕЖДИНАСТИЧЕСКИЕ БРАКИ

Междинастические браки — известная в мировой истории форма укрепления связей между государствами с монархической формой правления. Тибетские цари не были в этом плане исключением. Знаменитый тибетский правитель Сронцзан Гамбо имел в числе своих жен непальскую и тангутскую принцесс ⁷⁴; его внук Мангсон Мангцэн (638—676) взял в жены принцессу из Гилгита ⁷⁵; цэнпо Тридэ Цугтэн имел женой принцессу из Балтистана ⁷⁶. Как видно из этого короткого списка, правители Тибета охотно брали жен из вассальных или завоеванных стран, тем самым становясь «родственниками» местных правящих домов и укрепляя свои позиции в этих странах.

Несколько иначе обстояло дело с Китаем. Танская династия преследовала те же цели, выдавая китайских принцесс за «варварских» правителей, зависимых от Китая; но Тибет не был зависимой от Китая страной и не собирался подчиняться. Тем не менее, в 634 г. Сронцзан Гамбо направил в Китай посольство с просьбой отдать за него замуж танскую принцессу. Сронцзан Гамбо, как пишут отечественные историки, «во-первых, не хотел быть хуже туюйхуней и тюрок, правители которых были женаты на китайских принцессах, а во-вторых, рассчитывал этим браком укрепить как международное положение Тибета, так и свой личный престиж. Однако он получил отказ»⁷⁷. Только после набега тибетцев на Сычуань и нескольких столкновений с китайскими войсками, в 641 г. танский император Тай-цзун отдал Сронцзану Гамбо в жены принцессу Вэнь-чэн. Согласно китайской традиции, именно принцесса Вэнь-чэн, будучи буддисткой, привезла с собой в Тибет статую Будды и ритуальные предметы для богослужения, а также несколько китайских монахов в своей свите.

Брак с китайской принцессой, вероятно, тешил самолюбие Сронцзана Гамбо, но отношений с Китаем он не улучшил. Напрасно китайский двор «наградил» тибетского правителя титулами «императорский зять-военачальник», «ван Западного края»⁷⁸ — Тибет продолжал свою независимую внешнюю политику.

В 713 г. танский император согласился на брак китайской принцессы Цзинь-чэн и тибетского правителя Тридэ Цугтэна. Вместе с Цзинь-чэн в Тибет были доставлены китайские музыкальные инструменты, ремесленные изделия, классические конфуцианские трактаты. Это обстоятельство позволяет китайским авторам утверждать, что «являвшиеся достоянием ханьской национальности кустарные изделия и производственная техника, а также музыка и научные взгляды получили дальнейшее распространение в районе Тибета»⁷⁹. Кроме того, с точки зрения танского двора, став «императорским зятем», тибетский правитель становился в определенной степени зависим от Китая (что, собственно, и выражала формула «дядя — племянник»). Но, как и в предыдущем случае, этот брак и мнимая зависимость Тибета не принесли спокойствия Китаю: тибетцы

продолжали вести независимую и агрессивную внешнюю политику.

В 730 г. Таны постарались склонить тибетского правителя к мирным переговорам с Китаем, воздействуя на него через жену: было решено «предписать Цзинь-чэн царевне вступить в договор с кяньбу. Это есть лучшее средство к отвращению пограничных беспокойств и доставлению тишины подданным»⁸⁰. Вероятно, Цзинь-чэн сумела воздействовать на Тридэ Цугтэна, поскольку в 730 г. был подписан мирный договор между Тибетом и Китаем; но, как уже отмечалось выше, договор оказался для китайцев невыгоден и был позднее ими же нарушен.

Таким образом, в VII—IX вв. тибетское централизованное государство проводило абсолютно независимую, экспансионистскую внешнюю политику. Нет никаких доказательств, свидетельствующих об «исконной» принадлежности Тибета Китаю, кроме обычных китаецентристских утверждений о «пожаловании» тибетским правителям титула «ван» или «императорского зятя». Тибет в указанный период своей истории являлся мощным государством, в определенные периоды доминировавшим в Центральной Азии.

В середине IX в. центральная власть в Тибете ослабевает, и страна распадается на ряд независимых мелких владений. В этот период внешняя политика Тибета носит пассивный характер. «В середине IX в. тюрки, уйгуры и карлуки положили конец тибетскому господству в Восточном Туркестане. Тибет, лишенный большинства своих владений, раздробленный и ослабленный, замкнулся в своих этнических границах, сформировавшихся в X в. примерно в современном виде, оставаясь малоизвестным соседям»⁸¹.

ПОСРЕДНИЧЕСТВО

Посредничество являлось одной из традиционных форм тибетской внешней политики. Вначале этот политический прием использовался исключительно внутри страны, в случаях каких-либо внутренних столкновений, но постепенно сфера применения посредничества расширилась и приобрела международный характер.

Характерной особенностью тибетского посредничества было то, что оно всегда осуществлялось высшими буддийски-

ми священнослужителями, независимо от того, к какой секте они принадлежали. Можно выделить три вида посредничества: 1) посредничество между тибетцами; 2) между тибетцами и иностранцами; 3) посредничество тибетского священнослужителя между двумя иностранными противниками.

Посредничество первого типа — наиболее часто встречающаяся в тибетских источниках форма. Так, например, «Пагсам-джонсан» сообщает, что, когда в 1507 г. началось столкновение сторонников и противников клана Пхагмоду, «Чжэ Гэдун-Чжамцо помирил враждующие стороны»⁸². Как правило, более слабая сторона в конфликте, даже соглашаясь на заведомо невыгодные условия, не «теряла лица», т. к. договоренность через посредника не означала позорной капитуляции. Авторитетный буддийский посредник, в свою очередь, стремился достичь такого соглашения, которое было бы приемлемым для обеих сторон. Ярким примером межтибетского посредничества является вмешательство Панчен-ламы II, Сакья-ламы и представителя Далай-ламы VII в ход гражданской войны 1727—1728 гг.⁸³

Посредничество между тибетцами и иностранцами часто помогало остановить продвижение чужеземцев вглубь тибетской территории или хотя бы избежать лишних жертв (если иностранные войска были приглашены в страну одной из тибетских группировок). Так, в «Пагсам-джонсан» сообщается, что «в год железа-курицы (1621 г.) монгольские войска победили цзанцев в Чжантангане, окружив их на горе Чагпо-ри. Тогда панчен-ринпочэ и другие устроили спасение жизни около ста тысяч людей»⁸⁴. Другой источник уточняет обстоятельства: «Панчен-ринбоче, настоятель монастыря Галдан ... встретились с послом (Цзанбы) как дядя с племянником и договорились о взаимоотношениях»⁸⁵. Интересно отметить, что монголы-победители, упомянутые в источнике, выступали на стороне секты Гелугпа, иерархи которой были посредниками.

Посредничество третьего типа, т. е. тибетских иерархов между соперниками-иностранцами, являлось свидетельством высокого авторитета, которым пользовалась буддийская церковь Тибета в странах с буддийским населением. В тибетских, монгольских и китайских источниках зафиксировано несколько случаев, когда вмешательство тибетских иерархов или их представителей прекращало монгольские набеги на Китай или

взаимные распри между монголами. Наиболее известна попытка представителя Далай-ламы V, Лодоя Чжамцо (более известного как Галдан-ширету) примирить враждовавшие северомонгольские группировки в 1686 г.⁸⁶ Во второй половине XVII в. цинский император Сюань Е попытался использовать в своих экспансионистских целях тибетское посредничество, но был очень разочарован и разгневан, убедившись, что тибетские посредники осуществляют свою деятельность традиционным образом, т. е. нейтрально и добросовестно.

Высокий авторитет и добросовестность тибетских религиозных посредников были столь широко известны, что их помощь буддийские страны пытались использовать даже в отношениях с европейцами. Так, в 1773 г. к Панчен-ламе III обратился правитель Бутана, чья территория подверглась оккупации английскими войсками. Панчен-лама III откликнулся на эту просьбу и выступил как посредник в англо-бутанском конфликте⁸⁷.

Лишение тибетских иерархов права поддерживать международные связи, осуществленное в конце XVIII в. Цинами, означало прекращение тибетского посредничества как одного из приемов международной политики.

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ «ЛАМА — МИЛОСТЫНЕДАТЕЛЬ»

Политическая раздробленность Тибета (середина IX — середина XIII вв.) сопровождалась также религиозной раздробленностью. Буддизм, который появился в Тибете в VII в. (условно), пользовался определенной поддержкой тибетских правителей (цэнпо) и, несмотря на противодействие местной религии Бон, завоевал прочные позиции. Но гонения на буддизм, начавшиеся в период правления царя Лангдармы (836—842), привели к падению влияния буддизма в Центральном Тибете и к возникновению обособленных монастырей и сект на окраинах страны (в Нгари, Каме, Амдо). Как правило, каждая буддийская секта имела базовый монастырь и ряд более мелких, подчиненных монастырей. По словам Р.Н. Дугарова, «каждый монастырь имел свой приход, и настоятель налаживал отношения с населением, старейшиной по установившейся традиции чхой — йон (лама — покровитель)»⁸⁸.

Взаимоотношения между буддийским монахом и мирянином или же между буддийской церковью и мирянами в целом в тибетской традиции обозначаются формулой «чой — йон» (мчод — йон, чод — йон и т. п.). Эта формула переводится различными авторами по-разному: «духовный наставник — милостынедатель», «духовный учитель — донатор», «капеллан — патрон» и т. д. Мы предпочитаем употреблять перевод «лама — милостынедатель», который, как нам кажется, ближе всего стоит к первоначальной санскритской формуле «бхикшу — данапати».

Истоки формулы «лама — милостынедатель» коренятся в том периоде, когда буддизм начал зарождаться на своей родине — в древней Индии в VI в. до н. э. Буддизм, как известно, не делил людей по расам, национальностям, кастам и т. п. Тем не менее, с момента своего появления буддизм выделил среди своих приверженцев особую группу людей, которые встали на путь «спасения», ведущий к нирване — монахов, объединявшихся в буддийскую общину — сангху. Буддисты-миряне, не порвавшие с семьей и обществом, занимавшиеся производственной или иной деятельностью, считались не полностью вставшими на путь «спасения», а потому были обязаны почитать и кормить монахов. Монахам же, согласно правилам поведения (Винае), было запрещено заниматься чем-либо, кроме молитв и религиозных обрядов. Возникла зависимость между монахом, который жил за счет сбора милостыни, и мирянином, для которого раздача милостыни считалась религиозной заслугой. Так возник тип отношений «бхикшу — данапати» («лама — милостынедатель»), согласно которому получатель милостыни (монах, «лама») являлся наставником и помощником в религиозных вопросах для того, кто эту милостыню давал («милостынедатель», мирянин).

Индия в период возникновения буддизма была страной, где существовало несколько религий. Как утверждает Б.Н. Луня, «буддизм так и остался бы небольшой индуистской сектой, если бы не покровительство правителей»⁸⁹. Среди этих государей-покровителей особо выделяются Ашока (273—239 гг. до н. э.), Канишка (120—160 гг.) и Харша (606—647 гг.). Правители, разделявшие буддийское мировоззрение, предоставляли монахам защиту и привилегии, дарили общинам землю и другие ценности, строили монастыри и приюты, создавали ог-

ромное количество культовых сооружений (ступ). Эти знаменитые покровители буддизма получили в буддийской историографии титул «чакравартина» (дословно «правитель, колеса колесницы которого движутся везде»), т. е. могущественного монарха, который в то же время является буддийским монархом, хранителем нравственного закона⁹⁰. Благодаря покровительству ряда индийских монархов-дхармараджей (защитников Закона) буддизм постепенно вырос в мировую религию.

В Тибете середины IX — середины XIII вв. формула «лама — милостынедатель», как уже говорилось, использовалась во взаимоотношениях монастырей той или иной секты с местным тибетским населением, причем эта формула одинаково применялась и ко взаимоотношениям отдельного монаха с бедняком, и ко взаимоотношениям целого монастыря и крупного клана, доминировавшего в данной местности. В этот период формула «лама — милостынедатель» еще не стала принципом внешней политики и использовалась исключительно внутри Тибета.

В первой половине XIII в. главной силой Центральной Азии стали монголы. Именно они насильно вывели Тибет из состояния вынужденной изоляции, в которой он оказался после развала централизованного государства.

В 1240 г. монгольский царевич Годан, второй сын хана Угэдэя, чьим уделом являлся район Бьян-нос с центром в Лянчжоу, направил в Тибет военный отряд. Этот отряд, разрушая на своем пути населенные пункты и монастыри, добрался до местности Дам; поскольку цель данного отряда была явно разведывательной, а не завоевательной, то отсюда монголы вернулись назад, в ставку Годана. Они доложили царевичу о ситуации в Тибете и назвали наиболее известных людей тогдашнего Тибета, среди которых был и Кунга Чжалцан, глава монастыря Сакья и секты Сакьяпа, обычно именуемый почетным титулом Сакья-Пандита (1182—1251).

В 1244 г. царевич Годан пригласил Сакья-Пандиту в Лянчжоу; отказаться от «приглашения» было слишком опасно, и иерарх секты Сакьяпа был вынужден отправиться, взяв с собой двух своих племянников — Пагба-ламу и Пьягна-дорчже. Сакья-Пандите удалось произвести хорошее впечатление на монгольского правителя, излечить его от серьезной болезни, и

Годан решил сделать его своим представителем в Тибете; как отмечает Л. Петех, Сакья-Пандита принял на себя «роль агента монгольской политики в своей родной стране»⁹¹. Годан выдвинул ряд требований, которые, в случае их беспрекословного исполнения, гарантировали тибетцам спокойную жизнь: признание тибетскими аристократами и главами буддийских сект монгольского суверенитета, проведение переписи населения и уплата дани монголам, назначение по всей стране чиновников лишь после консультаций с иерархами секты Сакьяпа⁹². Иначе говоря, на первом этапе между монгольскими правителями и иерархами Сакьяпы была установлена связь по типу «сюзерен — вассал».

После смерти Сакья-Пандиты в 1251 г. новым всемонгольским хаганом стал Мункэ (1251—1259). Он разделил Тибет на 11 уделов, которые раздал членам своей семьи. Так, Хубилаю достался в Тибете удел, охватывавший те районы, где самой влиятельной сектой была Цалпа; Ариг-букэ — Таглунпа; за Годаном осталась Сакьяпа и т. д.⁹³ Как отмечает Л. Петех, тибетцы воспринимали раздел своей страны на монгольские зоны влияния с чисто религиозной точки зрения: «Для них это не было введением монгольского квази-феодализма, но просто установлением отношений йон — мчод (патрон — протеже, донор — реципиент, ученик — учитель) между монгольскими князьями и тибетскими школами и монастырями — тип отношений, известный им со старых времен»⁹⁴. Следует отметить, что хаган Мункэ, в отличие от Годана, не отдавал предпочтения какой-либо одной буддийской секте, хотя, как и многие монгольские ханы, стал буддистом.

После смерти Сакья-Пандиты, который приложил немало усилий для распространения буддизма среди монгольской верхушки, его племянники перебрались в ставку хана Хубилая. Как сообщают современные тибетские авторы, «преемник Годан-хана, Хубилай-хан принял буддизм и пригласил Дрогона Чойгьяла Пхагпу, племянника Сакья-Пандиты, быть своим духовным наставником. Таким образом, отношения «чой — йон» реализовались в принятии Хубилаем буддизма как государственной религии его империи и в признании Пхагпы ее высшим духовным авторитетом. В благодарность за это Хубилай в 1254 г.

предоставил своему Учителю политическую власть над Тибетом, присвоив ему различные почетные титулы»⁹⁵.

В тибетской хронике «Пагсам-джонсан» говорится: «Когда он (Сакья-Пандита. — *Е.Б.*) умер, его племяннику Пагбе преподнесли печать с дипломом «Гушри — учитель императора», власть над тремя округами Тибета — религией, населением и лошадьми»⁹⁶. Получив в 1254 г. политическую власть над Тибетом, Пагба-лама еще целое десятилетие продолжал находиться при дворе хана Хубилая. Помимо выполнения своих главных обязанностей как духовного наставника хана, Пагба-лама, по поручению Хубилая, разработал новый монгольский алфавит («квадратное письмо»), а также написал ряд сочинений на религиозные темы, «всемерно превознося власть монголов в империи средствами теологии и приравнивая монгольских хаганов во главе с Чингисом к индийским и тибетским царям, объявлял их “великими хаганами-чакравартинами”»⁹⁷.

Только в 1265 г. Пагба-лама временно вернулся в Тибет и провел некоторые внутренние реформы с целью усилить власть Сакьяпы над страной: «Сакьяский иерарх считался духовным главой Тибета. При нем состоял пончен — верховный чиновник, который ведал всеми гражданскими и военными делами. Страна была поделена на 13 трипонов, во главе каждого из которых был поставлен свой правитель. Дважды была проведена перепись населения — в 1268 и 1287 гг. От местопребывания иерархов Сакья и пончена до китайской границы было учреждено 27 джам — ямских почтовых станций. Новая централизованная власть Сакья ограничила права прежде независимых феодальных правителей и монастырей»⁹⁸. Таким образом, в Тибете была установлена теократия Сакьяпы.

Итак, религиозная буддийская формула «лама — милостынедатель», применявшаяся первоначально внутри Тибета, была затем перенесена в область международных отношений и стала основным принципом внешней политики Тибета в XIII—XIV вв. Но, как отмечают тибетские авторы, «отношения “чой — йон” имели личностный характер, основываясь на почитании патроном своего духовного наставника»⁹⁹; «существенным элементом этих отношений была защита патроном своего духовника в благодарность за наставления, но не в обмен на преданность»¹⁰⁰. Можно допустить, что между монгольскими ханами (позднее

юаньскими императорами) и тибетскими иерархами действительно существовали подобные отношения, основанные на равенстве сторон или даже, как утверждают некоторые авторы, на «примате теократического иерарха над светским правителем»¹⁰¹. Но если такие отношения и были возможны на личностном уровне, то в плане межгосударственных отношений они были недопустимы. Как пишут Е.И. Кычанов и Л.С. Савицкий, «Пхагпа-лама заявил, что если Хубилай желает учиться у него, то он будет обязан воздавать ему почести как своему учителю, т. е. кланяться ему, уступать дорогу и предоставлять право садиться первым и на более почетное место. Хубилай ответил, что как частное лицо он готов выполнять эти требования, когда будет оставаться с Пхагпой вдвоем, но отказывается делать это публично, так как такое его поведение нанесло бы урон его престижу и власти монголов вообще»¹⁰².

Сам по себе иерарх Сакьяпы представлял всего лишь одну из нескольких сект Тибета, но не весь тибетский буддизм и не страну в целом. «Даровав» главе Сакьяпы политическую и религиозную власть над Тибетом, Хубилай-хан сразу же вывел монголо-тибетские отношения на межгосударственный уровень: теперь, при сохранении личностных отношений между монгольским ханом (юаньским императором) и тибетским иерархом, даже смерть одного из них или обоих ничего не меняла в системе тибето-монгольских отношений. Сущностью же этих отношений был протекторат династии Юань над Тибетом¹⁰³. Это прекрасно понимало население Тибета. Ч. Далай отмечает, что деятельность иерархов Сакьяпы, «под прикрытием религии вступивших в сговор с монгольскими хаганами»¹⁰⁴, вызывала недовольство тибетцев.

Итак, Тибет стал протекторатом, входившим в состав Юаньской империи, куда входили также Китай и монгольские земли. Современная тибетская историография, настаивая на «независимости» Тибета от империи Юань, ссылается на то, что «ни один монгольский император никогда не предпринимал попыток управлять Тибетом непосредственно, Тибет никогда не платил монголам дани и не рассматривался монгольскими императорами частью Китая»¹⁰⁵. Это утверждение не выдерживает критики. Тибет действительно не рассматривался Юанями как часть Китая, потому что рассматривался состав-

ной частью империи в целом. Тибет не платил монголам дани, но в Тибете существовала трудовая повинность (обслуживание почтовых станций), местное ополчение (милиция) и сельскохозяйственный налог¹⁰⁶. Тибет не управлялся монголами непосредственно, поскольку их вполне устраивало косвенное управление через наместников — иерархов Сакьяпы.

Следует отметить еще одно обстоятельство. Тибет в юаньский период мог испытывать несколько меньший гнет по сравнению с другими частями империи, в связи с тем, что представлял собой своеобразный домен монгольских вассалов — иерархов секты Сакьяпа. Объявив буддизм главной религией империи, юаньские правители возлагали большие надежды на помощь тибетского духовенства в плане миссионерской и религиозной деятельности. В 70-х годах XIII в. было написано (предположительно по указанию Хубилая) сочинение, посвященное проблемам государственного управления — «Цаган тэуке» («Белая история»). Основной идеей этой книги была концепция «двух законов», т. е. светской и духовной власти: светская власть должна была иметь приоритет в мирских (государственных) делах, а церковь — в делах религии. Власть правителя освящается духовенством, которое, в свою очередь, пользуется поддержкой государства: «Закон истинной религии неразрушим, подобно шелковому узлу, закон строгого хагана неразрушим, подобно золотому ярму»¹⁰⁷. Таким образом, концепция «двух законов» была не чем иным, как формулой «лама — милостынедатель», примененной в общегосударственном масштабе. Превращение внешнеполитического принципа «лама — милостынедатель» во внутривластный конкордат церкви и государства означало, что юаньские императоры и тибетские буддийские иерархи должны действовать рука об руку в рамках единой империи.

Юаньский протекторат в Тибете, прикрывавшийся формулой «лама — милостынедатель», был выгоден как юаньской верхушке, так и сравнительно небольшой части тибетского духовенства, связанного с сектой Сакьяпа. Другие же секты и тибетцы-миряне были недовольны как зависимостью от монголов, так и доминированием секты Сакьяпа. Уже после смерти Сакья-Пандиты в 1251 г. в Тибете начались волнения, подавленные монгольскими войсками¹⁰⁸. В 1290 г. монголы помог-

ли администрации Сакьяпы справиться с восстанием секты Бригунгпа¹⁰⁹.

Власть секты Сакьяпа над Тибетом всегда опиралась на мощь юаньских императоров, и когда эта мощь стала ослабевать, соответственно, уменьшилось и влияние Сакьяпы в Тибете¹¹⁰. В середине XIV в. против власти Сакьяпы выступил трипон (губернатор) провинции Уй, Чангчуб Чжалцан, выходец из рода Пхагмоду. Он захватил большую часть Центрального Тибета — провинции Уй и Цзан. Монгольская династия Юань, доживавшая в Китае последние годы, не смогла оказать помощи своим ставленникам, и секта Сакьяпа утратила монополию на власть в Тибете¹¹¹.

После падения в Китае династии Юань отношения по типу «лама — милостынедатель» продолжали существовать как внутри Тибета, так и в виде отдельных международных контактов (паломнические миссии и приношения от отдельных монгольских князей), но уже не поднимались до такого межгосударственного уровня, как это было в XIII—XIV вв. Династия Мин, сменившая монгольскую династию Юань в Китае, не смогла установить ни прямого, ни косвенного контроля над Тибетом.

ОТНОШЕНИЯ ТИБЕТА С КИТАЕМ И МОНГОЛИЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV — НАЧАЛЕ XVII В.

Падение теократии Сакьяпы в Тибете и почти одновременное падение монгольской династии Юань в Китае позволили тибетскому народу восстановить свою независимость. К власти в Китае пришла китайская династия Мин (1368—1644).

В Тибете же за время правления династии Мин сменилось несколько местных династий. С середины XIV в. страной правила светская династия Пхагмоду, основатель которой, Чангчуб Чжалцан (1302—1364) известен своими реформами: административной, аграрной, налоговой¹. В 1481 г. режим Пхагмоду был сменен династией Ринпунг, правившей до 1565 г. В отличие от Пхагмоду, базой которых были Недонг и Уй, Ринпунги, как и сменившие их Цзанба, опирались в основном на провинцию Цзан. Как отмечают Д. Снеллгроув и Х. Ричардсон, ни одной из династий, правивших после Сакьяпы, не удалось поставить под свой контроль весь Тибет: «В течение их правления стал проявляться другой антагонизм, имевший глубокое воздействие на тибетскую жизнь, — соперничество между провинциями Цзан и Уй и, соответственно, между их столицами Шигацзе и Лхасой. Только Чангчуб Чжалцан приблизился к господству над всем Тибетом. Князья Ринпунги никогда не смогли полностью перенять и присвоить все остатки господства Пхагмоду и, хотя короли Цзана были недолгое время правителями почти всего Тибета, они сразу же столкнулись с новым вызовом»².

Смена династий в Тибете, разумеется, не была одномоментным явлением и происходила после длительной борьбы между правившей династией и одним из усиливавшихся феодальных кланов, претендовавших на власть. Тибетская хроника «Пагсам-джонсан», говоря о постепенном усилении дома Ринпунг, сообщает: «В их период Норсанва, Цочжэй-Дорчжэ, Агван-Намчжал и другие из рода Ринпунг периодически вступали в противоречия (букв. «несогласия»), вследствие чего в Цзане и Уйе поднимались междоусобные волнения»³. Как прави-

ло, усиливавшийся местный клан, рвущийся к власти, бывал тесно связан с какой-либо из буддийских сект, доминировавшей в данной местности; эти связи могли быть родственными, дружескими, а также установленными по схеме «лама — милостынедатель». Буддийские секты, обязанные морально поддерживать своих «милостынедателей» из феодальных кланов, постепенно политизировались, проникались политическими воззрениями своих светских покровителей и проявляли враждебность к буддийским сектам, поддерживавшим конкурирующие кланы. Среди сект, наиболее враждебно настроенных друг к другу и, естественно, ориентированных на ту или иную феодальную группировку, особенно выделялись секты Кармапа и Гелугпа.

Кармапа являлась ответвлением секты Кагьюдпа и делилась на 2 подсекты, формально различавшиеся по цвету головных уборов: красношапочную и черношапочную. Они возникли в XII—XIII вв., соперничали с сектой Сакьяпа за благосклонность юаньских императоров, но одолеть иерархов Сакьяпы не сумели. После падения теократии Сакьяпы, руководство Кармапы постепенно стало расширять свою поддержку феодалов из провинции Цзан — сначала Ринпунгов, а затем сменивших их Цзанба (цзанских царей). Представители последней цзанской династии, в знак своей приверженности к этой секте, стали употреблять как часть своего имени слово «Карма». Именно в секте Кармапа (черношапочной линии) возник институт перерожденцев (трулку), впоследствии признанный многими сектами Тибета. Основным политико-религиозным противником Кармапы стала секта Гелугпа.

Возникновение секты Гелугпа тесно связано с именем великого религиозного реформатора и мыслителя Цзонхавы (1357—1419). Цзонхава, прошедший религиозное обучение в нескольких монастырях различных сект, разработал собственную теорию о «степенях пути» (ламрим), который необходимо пройти каждому верующему под руководством особого наставника — ламы. Это означало, что, помимо обычного почитания «трех драгоценностей» (Будды, дхармы и сангхи) верующий непременно должен обращаться за помощью и наставлением к монахам, без чего он не мог надеяться на «спасение»⁴. Необыкновенно возросшее значение монашества требовало и соответ-

ствующей монашеской дисциплины, которая во многих старых сектах начисто отсутствовала: монахи могли жениться, носить светскую одежду, употреблять спиртные напитки и т. п. Поэтому Цзонхава особое внимание уделял монашеской дисциплине, ввел обязательное безбрачие, регулярные общие богослужения, пышную обрядность и музыкальное сопровождение (для привлечения верующих).

Новая секта, основанная Цзонхавой, получила название Гелугпа («Закон добродетели»); из-за цвета монашеских головных уборов она часто именуется «желтошапочной» или просто «желтой». Секта Гелугпа активно использовала учение о перерождении (реинкарнации), издавна применявшееся в индийской религиозной философии и затем возрожденное сектой Кармапа. Перерожденцы (трулку, хубилганы, хутухты) считались земным воплощением одного из будд, бодхисаттв, святых и т. п. и, таким образом, от рождения и до смерти обладали особыми религиозными качествами, недоступными обычным смертным. «Эта теория воплощенцев-хубилганов стала доктринальной основой легитимации и сакрализации высшего тибетского духовенства, от Далай-ламы до настоятелей монастырей»⁵.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на все нововведения и реформы, произведенные Цзохавой, и на различные толкования священных текстов, способы обучения и обрядность, — между сектами Кармапа и Гелугпа не было принципиальных различий. Ни одна из сект не могла считаться «правоверной» или «еретической». По мнению безусловного авторитета в данном вопросе Далай-ламы XIV, «базисные идеи карджупы, сакьяпы и гелукпы те же самые с философской точки зрения»⁶. Таким образом, враждебность между сектами вызывалась прежде всего причинами политического характера.

Гелукпа быстро укреплялась, пользуясь покровительством феодалов из дома Пхагмоду, а после утраты ими власти — других феодальных кланов провинции Уй. Монастыри Гелугпы возникли в Центральном Тибете (в Уе), а также в Каме и Амдо. Особенно известными были монастыри, возникшие в районе Лхасы: Галдан (1409), Дрепунг (или Брайбун, 1416), Сэра (1419). Но в Цзане, традиционном оплоте Кармапы, Гелугпа особым влиянием не пользовалась. Только в 1447 г. Гелугпе удалось построить там крупный монастырь Ташилунпо, но в провинци-

альном центре Шигацзе, близ которого находился монастырь Ташилунпо, располагалась резиденция Ринпунгов, а затем сменивших их Цзанба. Как уже отмечалось, они были настроены враждебно к Гелугпе.

«Биография» Цзонхавы сообщает: «В 1409 г. Чжэ Ринпоче учредил в Лхасе великий молитвенный праздник — Монлам, который длится 15 дней 1-го месяца тибетского Нового года. Он прошел весьма величественно: в нем воспроизводились те события и деяния, которые Будда раньше совершил в “месяц чудес” (1-й лунный месяц)»⁷. Учреждение этого многолюднейшего, долгого и требовавшего больших средств праздника явилось свидетельством того, что Цзонхаве удалось найти в Уе достаточно богатых светских покровителей.

Укрепление секты Гелугпа и рост числа ее последователей совпали по времени с началом борьбы между цзанским кланом Ринпунг и династией Пхагмоду. Как сообщает тибетский источник, «Гарба-Донъюд-Дорчжэ, сын Гунсана и правитель Ринпуна, по совету красношапочника Карма-Чойдаг-Чжамцо с года железа-коровы (1481 г.) привел в Уй десяти тысячное войско, изгнал покровителя секты гэданпа, который был в Нэу-цзоне, и захватил в свое владение тибетский Уй, хотя Ти-Монлампа два раза изгонял его посредством больших жертвоприношений (богам). После этого к востоку от Лхасы с целью подавить выступление монастырей Сэра и Брайбун, Карма основал монастырь на темно-красной земле и, вознамерившись уничтожить Сэра и Брайбун собственными силами, призвал войска сект кармапа и бругпа, обратил на свою сторону некоторые маленькие монастыри гэлугпы, захватил отдельные «жертвенные поместья» Сэры и Брайбуна, в результате чего две секты, кармапа и гэлугпа, стали (ярыми противниками), подобными летучей мыши и солнечному свету»⁸.

Итак, судя по данным тибетского источника, новая династия Ринпунг (хотя Пхагмоду еще сохраняла кое-какие свои владения) начала с преследования секты Гелугпа и ее монастырей: преобразование монастырей Гелугпы в монастыри Кармапы, захват монастырских поместий, строительство монастырей Кармапы в зоне влияния Гелугпы. Затем, как сообщает тот же источник, духовенству Гелугпы было запрещено участвовать в праздновании Монлама — религиозного праздника,

основанного Цзонхавой⁹. Запрет сохранялся с 1498 по 1518 г. Другой исторический источник, написанный знаменитым дэсридом Санчжаем Чжамцо, рассказывает о конце этого инцидента: «В тот год монахи монастырей Сэра и Дрэпунг обратились к властям с просьбой разрешить им присутствовать на собственном празднике. Такое разрешение было получено, и 300 монахов из Сэра, а также почти 1000 монахов из Дрэпунга заняли свое место в центре собрания. Гьялва Гэндун Гьяцо (Далай-лама II, 1475—1542. — *Е.Б.*) совершил традиционное чтение джатак»¹⁰.

Известный тибетолог Дж. Туччи комментирует исторический эпизод, изложенный выше, следующим образом: «Школы пытались перехватывать одна у другой празднование Нового года не только в силу его религиозного значения, но и из-за престижа, сопутствующего тем официальным лицам, которые его организовывали. ... Таким образом, восстановление в праве на празднование Монлама свидетельствует о новой политической ситуации и убеждает, что, в то время как судьба семьи Ринпунг сплетается с судьбой кармапа, желтые находят поддержку в лице клана Пхагмотрупа, которые хотя и сильно сдали позиции, но все еще представляли верховную власть в Тибете и могли оказать вооруженное сопротивление любой попытке возвыситься над ними»¹¹.

Весь XVI век в Тибете происходила религиозно-политическая борьба. В военные действия вмешалась секта Бригунпа, которая «захватила 18 монастырских общин секты гэданпа, такие, как Луншон, Одна и другие, в которых изменили головные уборы, одеяния и религиозные ритуалы»¹². Ринпунги в этот период начали слабеть и в 1517 г. были вытеснены из Лхасы. Против Ринпунгов выступил их бывший министр Цзэтан Дорчжэ, который захватил главный город Цзана — Шигацзе (Самдрубцзе). На несколько десятилетий Тибет охватила война всех против всех: часть аристократических родов поддерживали слабеющий дом Ринпунг или еще более слабый, но формально легитимный дом Пхагмоду, другие же поддерживали будущих царей Цзана. Как пишет Дж. Туччи, «Пхагмотрупа были все еще сеньорами этих аристократов, но им оставалась только тень былой славы, а на горизонте, после упадка семейства Рин-

пунг, уже поднималась счастливая звезда новых царей провинции Цанг»¹³.

Сумба-Хамбо, явно имея в виду руководство секты Кармапа, пишет, что в это время в Тибете «мирские люди в обличье монахов... поступали по совету собственных покровителей-глупцов, которые войсками разрушали «три опоры» и (разгоняли) общины монахов, наносили большой вред религии и людям, совершали много других величайших злодеяний»¹⁴.

Внешняя политика Тибета во второй половине XIV — начале XVII вв. носила чрезвычайно пассивный характер из-за постоянных внутренних распрей и вызванной ими слабости государства. Хотя связи дипломатического, торгового и религиозного характера между Тибетом и внешним миром имели место, но эти связи были случайными и не имели характера целенаправленной политики.

Отношения Тибета с Минским Китаем можно разделить условно на 2 категории — официальные и приграничные. Как отмечает тибетское эмигрантское издание, «контакты между Тибетом и Минским Китаем были редки и ограничены главным образом поездками лам из соперничавших монастырей в Китай, где они получали почетные титулы и дары от китайского императора»¹⁵. Современное китайское издание «О тибетском вопросе» утверждает, что ликвидация теократии Сакьяпы ничего не изменила в «зависимом» положении Тибета, т. к. на смену Сакьяпе пришла секта Гэцзюйпай (Кагьюдпа): «Впрочем, это не внесло каких-либо изменений во взаимоотношения между районом Тибета и Родиной, выражавшиеся в подчинении района центру»¹⁶. Когда глава этой секты прислал представителей в Китай, чтобы поздравить первого минского императора Тай-цзу с восшествием на престол, то император «издал эдикт, даровавший ему управление тремя частями Тибета»¹⁷. Китайский историк Я Ханьчжан утверждает, что «режим Пхагду (Пхатмоду. — *Е.Б.*) мирно подчинился центральному правительству Минской династии»¹⁸. Доказательством этого «подчинения» китайский историк считает присылку администраторами режиму Пхагмоду (деши) посольств с «данью» к минскому двору. Далее выясняется, что минские императоры весьма щедро раздавали почетные титулы религиозного характера иерархам сект Сакьяпа, Бригунпа и других сект, а также

настоятелям различных буддийских монастырей. Объясняя эту щедрую раздачу титулов, Я Ханьчжан отмечает: «Политика Минской династии в отношении религии в Тибете была основана на убеждении, что лучшее применение — это использование традиционного влияния духовенства среди населения. Осуществляя эту политику, минский двор даровал различные почетные титулы лидерам всех буддийских сект в Тибете»¹⁹. Только лица, получившие почетные титулы, имели право «представлять дань» к минскому двору. Нет ни малейшего сомнения, что носители почетных титулов использовали их как право для осуществления так называемой посольской торговли с Китаем. Это подтверждает и китайский источник: «Согласно статистическим данным Министерства обрядов минского двора, в 50-х годах XV в. из Тибета в Пекин ежегодно приезжали с данью 300—400 человек, а в 60-х годах их число увеличилось до 3—4 тысяч человек»²⁰.

Вероятно, приезды «даннических» посольств из Тибета рассматривались минскими императорами как свидетельство вассальных отношений, связывающих «данников» с династией Мин. Но, по справедливому замечанию авторов эмигрантской публикации, «поскольку те ламы не управляли Тибетом, то, какой бы характер ни имели эти связи, они не могли поставить под вопрос независимость Тибета»²¹. Даже если принять во внимание регулярную присылку «дани» от единственно легитимной, с точки зрения Китая, династии Пхагмоду, то, как уже говорилось выше, ее реальная власть над Тибетом продолжалась лишь до 1481 г. и не охватывала территории всей страны.

К разряду официальных тибето-китайских отношений следует отнести также и поездки отдельных тибетских иерархов или их представителей в Китай. Так, в 1407 г. Кармапа V Дешин Шегпа (1384—1415) по приглашению минского императора Чжу Ди (1403—1424) посетил Нанкин: «Император подарил Кармапе семьсот мер серебряных предметов и пожаловал ему титул “Драгоценный религиозный царь. Великий Сочувственный с Запада, Могущественный Будда Мира”»²². Так же охотно минские императоры приглашали и иерархов конкурирующих сект. Так, тот же самый император Чжу Ди, который с помпой принимал иерарха Кармапы, прислал любезное приглашение и Цзонхаве, который его отклонил. В ответ на вторичное пригла-

шение Цзонхава направил в Китай своего ученика Чжамчен Чочже Шакья Еше, который стал личным ламой императора и получил титул даже более впечатляющий, чем Дешин Шегпа. Он был следующим: «Всезнающий, понимающий и благожелательный миротворец света, великий любящий, обожаемый всеми, великий князь и лама из счастливого и прочного королевства Запада, Чжамчен Чочже, великий лама императора»²³. Что касается самого Цзонхавы, то он тоже не был обойден вниманием Минов. «Император Чэн-цзу присвоил Цзонкабе титул «Великомилостивый фа-ван», а император Сюань-дзун, в свою очередь, даровал ему звание «государственный наставник»²⁴.

Таким образом, официальные тибето-китайские отношения строились на основе обычной китаецентристской схемы и не выходили за рамки номинального вассалитета. С тибетской стороны эти отношения могли восприниматься как отношения по формуле «лама — милостынедатель», но, поскольку эти отношения со стороны Тибета имели частный характер, они не могут служить основанием для утверждений о зависимости Тибета от Китая. Как пишут тибетские авторы, «в 1406 г. царь Дакпа Гьялцен не принял императорского приглашения посетить Китай. Это ясно свидетельствует о суверенности власти тибетских правителей в то время»²⁵.

Какова была главная цель минской политики в Тибете? Наиболее четкий и сжатый ответ дается в высказывании минского сановника Лю Чуня: «Тибет лежит на далеком западе. Нравы там в высшей степени дикие. Для умиротворения и приобщения к цивилизации (тибетского населения) там учреждены четыре должности фа ванов («князей учения»). Им (разрешен) проезд с данью ко двору. (Все это сделано) исключительно ради того, чтобы заставить их поддерживать мир в своих владениях и не причинять беспокойства (нашим) границам»²⁶.

Граница между Тибетом и Минским Китаем проходила по линии Таочжоу — Сунпань. Как сообщает китайский источник, «при династии Мин инородческие племена, обитавшие в нынешнем округе Сунпань, то изъявляли свою покорность Китаю и представляли дань ко двору, то возмущались и были усмиряемы силою оружия»²⁷.

Граница между Минским Китаем и Тибетом не была четко обозначена: существовала линия укреплений и караулов, охраняемых китайцами от Таочжоу до Сунпани, но при натиске местных племен эти караулы могли быть отодвинуты на восток, укрепления забрасывались и разрушались; при более благоприятном стечении обстоятельств цепь укреплений восстанавливалась или передвигалась на запад. Целесообразнее говорить не о пограничной линии, а о пограничной зоне, которая распространялась по обе стороны границы и которую А.С. Мартынов называет «фаньской периферией». Он пишет: «Под фаньской периферией ... имеется в виду район соприкосновения китайского государства с тибетскими племенами: 39° с. ш. будет северной, а 28° — южной границей этого района. В меридианальном направлении он вытянулся между 102° и 104° в. д.»²⁸.

Политика Минов в приграничном районе (имея в виду тибетоязычное население по обе стороны границы) представляла собой сочетание системы «цзими», «тусы» и использования буддийских учреждений в административных целях. Как отмечает китайский историк У Хань, «правительство управляло цянскими племенами Северо-Запада двумя методами. Во-первых, оно назначало их вождей чиновниками страж с правом передачи должности по наследству. Во-вторых, учитывая туземные обычаи, оно строило буддийские монастыри, жаловало вождям почетные монашеские звания и управляло местным населением через религиозные институты»²⁹.

Светская знать и высшее духовенство тибетских племен приграничья, получившие минские должности и почетные титулы, были обязаны представлять «дань» к императорскому двору. Но эта «обязанность» воспринималась тибетскими «данниками» как удобная возможность получать ответные дары за привезенную «дань», а также использовать посещение китайской столицы для торговли. Как отмечает А.С. Мартынов, «история функционирования системы дани в минское время есть история стихийного и неудержимого роста этого института и непрерывной борьбы китайской администрации с его ростом. Вот некоторые показатели этого процесса. В 1426—1449 гг. (Сюань-дэ и Чжэнтун) из Тибета в Китай каждые 3 года направлялись посольства человек в 30—40. За 1450—1456 гг. (Цзин-тай) эта цифра постепенно поднялась до 300 человек, в 1457—1464 гг. (Тянь-шунь)

она подпрыгнула до 2—3 тыс., но не остановилась на этом и продолжала расти и дальше. По старым правилам, из района Цзиньчуани должно было приезжать ко двору не более 150 человек. К 1505—1521 гг. (Чжэн-дэ) их число увеличилось до 300 человек. Но уже в 1515 г. оттуда в столицу приехало 510 человек»³⁰.

Особую проблему для минских властей представлял приезд ко двору «данников» из числа духовенства. В 1515 г. министр церемоний докладывал императору: «Для каждого посольства с данью ... было определено количество людей. Сроки приезда также были установлены. (Но) за последние годы уже никто не может разобраться, кто у дальних варваров подлинный (посол), а кто мнимый. Дошло до того, что беглые рекруты и ремесленники выучивают тибетский язык, сами бреют волосы (как монахи), едут ко двору, подносят дань лошадьми и надеются на вознаграждение. Кроме того, многие строят монастыри и обращаются ко двору с просьбой дать им имя. Как только им даруется соответствующее распоряжение, они начинают приносить дань, и притязания (их) становятся беспредельными»³¹.

Рост числа «данников» тяжело отражался на состоянии китайских финансов. В 1470 г. из Министерства общественных работ поступил доклад на имя императора: «Число варваров, являющихся с данью ко двору, растет с каждым днем. Годового производства одежды, шелка и (прочих товаров) для дарений не хватает»³². Престиж «Сына Неба» слишком дорого обходился минскому государству.

Но, помимо подкупа верхушки тибетских племен, какой являлась практика ответных подарков за принесенную «дань», Минская династия использовала также экономические средства контроля за поведением тибетцев на границе. Одним из таких средств был обмен китайского чая на тибетских лошадей. В самом Китае в эпоху Мин коневодство не получило серьезного развития (при Цинах ситуация в этом плане заметно изменилась); между тем лошади требовались для армии, почтовых станций и т. п. С другой стороны, китайская казна была заинтересована в сбыте за границу избытка чая (залежавшиеся или непопулярные сорта). В связи с этим была введена государственная монополия на продажу чая и учреждены управления по сбору чайного налога (ча кэ сы)³³. В 1372 г. было создано

управление по обмену чая на лошадей (ча ма сы) в Циньчжоу, в 1374 г. — в Хэчжоу, чуть позднее — в Таочжоу и Ячжоу³⁴.

Взаимовыгодный обмен чая на лошадей рассматривался Минами в первую очередь с политической точки зрения: «В древности императоры и ваны, управляя Поднебесной, всегда строго разграничивали варваров (и) и Китай (ся): ведь варвары алчны и ненасытны. И если их не обуздать, то они непременно будут с презрением относиться (к Китаю) и начнут вторгаться в (его) пределы. Тибетцы из района Догань, Усыцзан, Чанхэси издавна пригоняли в Китай лошадей для обмена на чай»³⁵. В «Мин ши» («Истории Минской династии») пояснялось: «Тибетцы (фаньжэнь) любят кумыс, (однако), не имея чая, они страдают (до такой степени), что могут заболеть. Поэтому, начиная с (династий) Тан и Сун, обмен чая на лошадей использовался для подчинения цянов и жунов. А при Минской (династии) контроль (над ними) стал еще более строгим»³⁶.

Государственная монополия на чай позволяла минским чиновникам произвольно устанавливать пропорцию обмена чая на лошадей, руководствуясь не законами рынка, а императорской установкой: «Путь подчинения варваров заключается в том, чтобы обесценить то, что они имеют, и сделать дорогим то, чего у них нет»³⁷.

Эта целенаправленная политика экономического давления со стороны Минской династии на тибетских «варваров» подрывалась двумя факторами: коррупцией минского пограничного чиновничества и контрабандой.

Пограничные чиновники, ведавшие обменом китайского чая на тибетских лошадей, получая взятки от китайских купцов, выдавали им документы, позволявшие производить указанный обмен частным образом, в обход казенной монополии: «Лучшие лошади тибетцев попадали в руки хитрых купцов, а то, что покупали чайные управления, — это были второсортные и третьесортные лошади. Тибетцы, получив чай, бунтовали и подчинялись по своему усмотрению»³⁸.

Контрабанда чая, вопреки стараниям минского двора, также подрывала пограничную политику Китая в отношении Тибета. В 1536 г. цензор Лю Лянцин в своем докладе отмечал: «Вывоз чая за границу контрабандистами, так же, как и (пропуск его) через заставы и проходы, в результате недосмотра

(чиновников), по закону карается смертной казнью путем четвертования. Ведь (среди) территорий по западной границе нет таких, которые не примыкали бы к тибетцам»³⁹. Контрабандой чая занимались и китайцы, и тибетцы (в том числе «даннические» посольства от глав буддийских монастырей). Так, чиновник Хоу Гуй сообщал трону свои соображения относительно приезда таких «вассалов»: «То, что они (данники) подносят, это всего лишь буддийские реликвии, изображения Будды, (шерстяная материя) пуло, марена да лошади среднего и низкого качества. Полагаю, что их намерения заключаются в том, чтобы, прикрываясь приношением дани, тайком провозить серебро и золото и по возвращении закупать на рынке контрабандный чай и другие товары»⁴⁰. Вследствие этого и других подобных докладов был издан специальный указ императора о наказании за контрабандную торговлю чаем, из которого видно, что контрабандой занимались не только купцы, но и чиновники и офицеры всех рангов и их слуги и домочадцы, а также ветеринары, переводчики и т. д. В указе, изданном в 1482 г., в частности, говорилось: «Все торговцы контрабандным чаем, тайно проживающие в пограничных районах и вступающие в торговые отношения с тибетцами (фанями), а также (лица), торгующие (чаем) во внутренних областях и вступающие в отношения с варварами возвращающимися (домой) после принесения дани, независимо от количества (проданного чая) ссылаются на каторгу в местности с жарким и влажным климатом»⁴¹.

Необходимо отметить еще один аспект китайской политики в отношении тибетского пограничья: стремление не допустить политического альянса между тибетцами и монголами. По мнению чиновников минского Военного министерства, «тибетские племена не искренни и не постоянны, а монголы непрерывно занимаются грабежами»⁴². В связи с этим политический смысл обмена чая на лошадей формулировался следующим образом: «Так мы контролируем жизнь тибетцев, укрепляем китайскую границу, отделяем тибетцев от монголов»⁴³. Когда в 1577 г. южномонгольский лидер Алтан-хан потребовал от минского двора открыть на монголо-китайской границе рынки по обмену чая на лошадей, то минский цензор Ли Шичэн заявил: «Тибетцы живут чаем. Если монголы, воспользовавшись этим, подчинят тибетцев, то тибетцы непременно последуют

за монголами. И начнутся немалые беды». (Тогда) Ведомство финансов постановило выдать (ему) более 100 корзин, но не открывать рынков»⁴⁴.

Таким образом, политика Минского Китая по отношению к Тибету носила осторожный и сдержанный характер. Китай, весьма озабоченный состоянием своих северных границ, которым длительное время угрожали монголы, прежде всего стремился к сохранению статус-кво в отношениях с Тибетом. Для достижения этой цели использовался почти весь традиционный арсенал китайской внешней политики: раздача титулов и одаривание «данников» (номинальный вассалитет), использование традиционной тактики «цзими» и «тусы», политизация внешнеэкономических отношений. Как полагает китайский историк У Хань, «в племенах на западной окраине все вожди и монахи находили, что поддерживать такие отношения с минским правительством им выгодно, вели себя тихо, не допускали никаких инцидентов с минскими властями ради ответных подарков за дань, прибыли от торговли, сохранения своих наследственных должностей и пожалованных им привилегий. В течение почти 300 лет существования династии Мин на западных границах империи было сравнительно спокойно и не было больших войн»⁴⁵.

Отношения Тибета с Монголией во второй половине XIV — начале XVII вв. менее изучены, чем отношения с Минским Китаем. В тибетском эмигрантском издании утверждается, что «монгольские правители продолжали поддерживать тесные религиозные и культурные отношения «чой — йон» с тибетцами в течение веков после прекращения политических отношений»⁴⁶. Но прямых указаний на такие контакты в исторической литературе не дается. Нам представляется, что правильнее было бы говорить о тибето-монгольских контактах на границах Тибета и Монголии, в частности, в Кукуноре ⁴⁷.

После свержения власти династии Юань в Китае монголы были вынуждены вернуться в свои родные степи к северу от Великой стены. Последующие 300 лет в монгольской историографии рассматриваются как период феодальной раздробленности ⁴⁸. Тем не менее и в этот период «монгольская угроза» считалась самой серьезной для Минского Китая, которому пришлось неоднократно вступать в борьбу с монгольскими ха-

нами. Начиная с середины XV в., после «тумуской катастрофы» 1449 г., когда китайская армия была разгромлена западными монголами (джунгарами), а минский император Ин Цзун попал в плен, Минская империя как никогда стала заинтересована в сохранении статус-кво на всех рубежах империи; все силы Минского Китая были направлены на отражение «монгольской угрозы»⁴⁹.

В течение периода феодальной раздробленности было сделано несколько попыток объединить Монголию и воссоздать сильное централизованное государство. Одно из таких объединительных движений пришлось на середину XVI в. Новым собирателем монгольских земель выступил тумэтский феодал Алтан-хан (1507—1582). Он успешно покорял и объединял под своей властью раздробленные монгольские владения, нанеся ряд поражений джунгарам, успешно воевал с Минским Китаем. Как утверждает Р.Н. Дугаров, опираясь на данные тибетского источника «Дэбтэр-чжамцо», Алтан-хан держал у себя на службе и использовал для дипломатических поручений различных тибетских лам⁵⁰. В конце 50-х годов XVI в. тумэтские войска захватили Кукунор, тем самым приблизившись к северо-восточным рубежам Тибета. Алтан-хан не делал прямых попыток захватить Тибет; тем не менее некоторые историки говорят о стремлении монгольского лидера «распространить свое влияние на Тибет» или даже воссоздать империю Чингис-хана⁵¹. И.А. Крывелев пишет: «Первым шагом на этом пути должно было быть присоединение Тибета, вторым — завоевание Китая. Тибет можно было завоевать путем принятия ламаизма и разделения власти с Далай-ламой»⁵². Е.И. Кычанов и Л.С. Савицкий полагают, что Алтан-хан нуждался во введении в своем государстве такой религии, которая помогла бы укреплению власти феодалов⁵³. Буддизм же был религией, знакомой монголам со времен династии Юань, хотя он и не проник в широкие народные массы. Как бы то ни было, налицо была заинтересованность монгольского хана в установлении связей с буддийскими иерархами Тибета.

Между тем в Тибете продолжались религиозно-политические междоусобицы. Тибетский источник сообщает: «В год дерева-коровы (1565г.) во времена Цэдан-Дорчжэ из Ринпуна в Цзан-Роне и его сына Бадма-Гарбо захватили Самдуб-цзэ,

подчинили своей власти сторону Цзана, а Бадма-Гарбо стал известен как царь Верхнего Цзана. Затем в год железа-лошади (1570 г.) Х рабджуна Бригон и Таглун (два монастыря) вступили между собой в войну. В год воды-обезьяны (1572 г.) в Чжидшоде началось восстание против Пхагду. Хотя Чжэ-Гэдун-Чжамцо помирил (враждующие стороны), в год дерева-свиньи (1575 г.) Ринпун снова привел свои войска вплоть до Чжидшо-на, которые причинили немного вреда и вернулись обратно»⁵⁴.

Как видно из приведенного отрывка, режим Ринпунг потерял сначала столицу Цзана — Шигацзе (Самдрубцзе), а затем и весь Цзан, который перешел в руки бывших министров этой династии, известных в летописях как «цари Цзана» или Цзанба. На самом деле власть их распространилась далеко за пределы провинции Цзан; особенно больших успехов достиг сын упомянутого выше Цзэтана Дорчжэ, Карма Тенсунг Вангпо, в период правления которого, как сообщает Шакабпа, влияние Цзанба было весьма значительным⁵⁵. Политические успехи правителей Цзанба означали, что в религиозном плане Тибет подпадает под влияние секты Кармапа, которая, разумеется, поспешила поставить под свой контроль возможно большее число монастырей. Успехи секты Кармапа в Тибете отвлекали ее внимание от событий, происходивших в Монголии и Кукуноре.

В эти смутные времена секту Гелугпа возглавил Соднам Чжамцо (1543—1588), занимавший по традиции пост настоятеля монастыря Дрепунг. «В 1559 г. Соднам Чжамцо посетил Недонг и получил от местного правителя, представителя увядшей династии Пхагмоду, печать и красную тушь — символы власти»⁵⁶. Руководство Гелугпы, в отличие от процветавшей Кармапы, было весьма заинтересовано в монгольской поддержке, поскольку позиции секты в Тибете становились все более шаткими.

В 1571 г. ставку Алтан-хана в Кукуноре посетил некий монах Цзо-гэ А-сэнг, который намекнул хану о желательности приглашения в Кукунор лидера секты Гелугпы⁵⁷. Алтан-хан направил в Тибет посольство с дарами и приглашением Соднаму Чжамцо посетить Монголию. По сообщению тибетского источника, в 1571 г. Алтан-хан «проникся светом учения» и у него «возгорелась неугасимая вера»⁵⁸. Глава секты решил использовать удобный случай и «установить связь ламы и милостынеда-

теля»⁵⁹. Для предварительных переговоров в Монголию из Тибета был отправлен ученый лама Цзондуи Санбо.

Вероятно, эти переговоры были успешными, поскольку в 1576 г. Алтан-хан прислал в Тибет новое посольство, вновь пригласившее Соднама Чжамцо в Монголию. Летом 1578 г. Соднам Чжамцо прибыл в Кукунор, в ставку Алтан-хана в урочище Цабчил, где гостю были оказаны всевозможные почести. В ходе состоявшихся переговоров было достигнуто соглашение о распространении буддизма в Монголии при активном содействии секты Гелугпа. Были установлены права и привилегии буддийских священнослужителей, запрещены шаманистские обряды и жертвоприношения. Как сообщает источник, во время этой встречи «заложили (начало) пути (распространения) учения всевышнего, закрепив (связь) ламы и милостынедателя, подобно неразлучным солнцу и луне»⁶⁰. Образцом послужили отношения тибетских иерархов и монгольских ханов периода Юань: решено было «восстановить религию и правление подобно тому, как Богдо Хубилай Сецен-хан и хутукту Пагбалама восстановили правление и религию»⁶¹.

Соднам Чжамцо получил от монгольских феодалов богатые подарки и ему были оказаны высшие почести. Во время этой встречи Алтан-хан и Соднам Чжамцо поднесли друг другу почетные титулы, что отнюдь не было простой вежливостью, но обязательным ритуалом, закреплявшим связь «ламы» и «милостынедателя». Хан получил титул «Царь учения, великий Брахма среди богов», а Соднам Чжамцо — «Далай-лама» («Великий лама, чья мудрость безбрежна как океан») ⁶². Двум предшественникам на посту главы секты Гелугпа титул «Далай-лама» был присвоен задним числом, так что Соднам Чжамцо стал Далай-ламой III.

Далай-лама III освятил монастырь Чхабца Тхэгшэн Чхойнхорлин, заложенный на месте его встречи с Алтан-ханом ⁶³. Затем Алтан-хан отправил в Тибет монаха Цзогэ А-сэнга с богатыми дарами для соборного храма Чжоканг в Лхасе и для главных монастырей Гелугпы. Вернувшись из Тибета, Цзогэ А-сэнг привез письмо, в котором иерархи Гелугпы просили Соднама Чжамцо поскорее вернуться на родину ⁶⁴. Однако Далай-лама III решил довести до конца дело внедрения буддизма среди населения Восточного Тибета и Монголии. Во время своей

поездки он посетил ставку Бинту-нойона, сына Алтан-хана, и заложил там монастырь; он также посетил монастырь Пунцок Дарчжай-лин, заложенный монгольским князем Сэцэн-Дайчином⁶⁵. Затем, захав на короткое время на китайскую территорию, Далай-лама III отправился в Кам, где основал монастырь в Литане.

В 1583 г. тумэтский Алтан-хан умер. Как сообщает калмыцкий источник, многие монгольские феодалы были настроены враждебно к буддизму и заявляли: «Эти ламы живут только обманом — необходимо их изгнать»⁶⁶. Однако сын покойного хана, Сэнгэ Дурэнг-хан, продолжил роль «милостынедателя» по отношению к Гелугпе; он пригласил Далай-ламу III прибыть в ханскую резиденцию в Хух-хото. Во время этого путешествия Далай-лама III неоднократно принимал на себя обязанности посредника между враждовавшими монгольскими князьями. Когда в 1586 г. Сэнгэ Дурэнг-хан умер, держава Алтан-хана распалась на ряде обособленных мелких княжеств.

Далай-лама III начал активно искать новых «милостынедателей» среди князей Северной и Южной Монголии. Найти деятелей, подобных Алтан-хану, который мог равнять себя с Хубилаем, Далай-ламе III не удалось, однако с ним вступали в контакт довольно крупные деятели, такие, как халхаский Абаттай-хан. Тибетский иерарх пожаловал очередному «милостынедателю» почетный титул «Номун-хан» — вероятно, за усилия по распространению буддизма в Халхе⁶⁷. По мнению Ю.Н. Рериха, именно деятельность Далай-ламы III в Монголии заложила «фундамент будущего главенства своей секты в Тибете и монгольских кочевьях»⁶⁸. Приобретая светских покровителей за рубежом, в случае необходимости иерархи секты могли рассчитывать на вооруженную поддержку монгольских князей.

Постепенно стали расширяться связи секты Гелугпа с минским Китаем. Ю.Н. Рерих полагает, что встреча Алтан-хана и Соднама Чжамцо была инспирирована минским двором, который стремился с помощью буддизма «умиротворить» такого опасного соседа, каким был Алтан-хан⁶⁹. Это предположение не кажется невероятным, если учесть традиционно прагматический подход Минов к буддизму (о чем упоминалось выше). Один из минских сановников Ван Чунгу писал по поводу распространения буддизма среди монголов: «Пусть ламы из Тибета»

та преуспеют в обращении варварского народа и превратят дикарей в добропорядочных людей»⁷⁰. Д. Снеллгроув и Х. Ричардсон отмечают: «Хотя Минская династия была озабочена поддержанием связей с Тибетом посредством монашеских миссий, которые получали значительные торговые льготы, она наблюдала с подозрением на первых порах и старалась охладить инициативу монголов по расширению их религиозных связей с Тибетом. Позднее, с появлением понимания того, что военная мощь монголов будет значительно ослаблена буддийским влиянием, китайская политика изменилась, и тибетские ламы, которые имели контакты с Китаем, стали поощряться в плане посещения монгольских вождей»⁷¹.

В период переговоров Алтан-хана и Соднама Чжамцо минский двор прислал подарки и приглашение Далай-ламе III посетить китайскую столицу⁷². Китайское влияние просматривается и в решениях, принятых монгольским ханом и тибетским иерархом: «Запретить грабить и покорять китайцев, тибетцев и другие народы»⁷³. Когда Далай-лама III, завершив переговоры с Алтан-ханом, отправился в Восточный Тибет, по пути он заехал на китайскую территорию, в область Ганьчжоу, где официально принял в ведение Гелугпы монастырь Трулпэйдэ⁷⁴. Из Ганьчжоу Далай-лама III направил письмо минскому императору Чжу Ицзюню (1573—1619), сообщив о своем согласии приехать ко двору, что повлекло за собой очередное приглашение из Пекина⁷⁵. Но дела по укреплению буддийского влияния в Монголии отвлекли Далай-ламу III от предполагавшейся поездки, и план этот так и не был реализован.

После смерти Далай-ламы его преемником стал Йонтан Чжамцо, внук Алтан-хана. Тот факт, что монгольский аристократ стал Далай-ламой IV (1589—1617), свидетельствовал о стремлении иерархов Гелугпы сохранять и укреплять религиозно-политический союз с монголами, сложившийся во времена Далай-ламы III и Алтан-хана. Новый Далай-лама до 12 лет находился с родителями в Монголии, где прошел курс первоначального религиозного образования при помощи тибетских учителей. В 1601 г. в сопровождении конного отряда монголов Йонтан Чжамцо прибыл в Лхасу и был официально интронизирован как Далай-лама IV. Дальнейшее религиозное обучение Далай-ламы IV прошел в монастыре Дрепунг под руководством

ученого ламы Лоцзана Чосгьяна, специально вызванного из монастыря Ташилунпо. Позднее этому монаху было даровано звание Панчен-лама («Великий учитель»), и он открыл линию перерожденцев из монастыря Ташилунпо, занимающих второе место в тибетской религиозной иерархии.

Далай-ламы и Панчен-ламы находились между собой в довольно сложных отношениях. Панчен-лама считался перерождением будды Амитабы, достигшего нирваны и не участвовавшего непосредственно в земных делах; духовным сыном Амитабы, или его эманацией является бодхисаттва Авалокитешвара (тиб. Ченреци, или Чжанрайсиг). Таким образом, если Амитаба в религиозном смысле является более высокой фигурой, чем Авалокитешвара, то и перерожденцы Амитабы формально являются более высокими духовными лицами, чем перерожденцы Авалокитешвары. На практике же главой буддийской церкви Тибета был Далай-лама, а Панчен-лама был вторым лицом; это не означало, что он был заместителем или помощником Далай-ламы. Панчен-лама пользовался определенной религиозной и экономической автономией: после победы в Тибете секты Гелугпа Панчен-лама, находившийся в монастыре Ташилунпо в Цзане, стал располагать особыми земельными владениями, не контролировавшимися Лхасой, мог назначать настоятелей в определенные монастыри в Тибете и за его пределами, мог вступать в дипломатические отношения с правительствами других стран.

Панчен-лама, как и Далай-лама, не мог передать свою власть по наследству ввиду безбрачия членов Гелугпы, не мог назначить своим преемником родственника или угодного ему человека. Очередной Панчен-лама, как и Далай-лама, «отыскивался» при помощи специальной процедуры, которая предусматривала создание специальной комиссии из числа духовенства, предсказания ламы-прорицателя, сбор слухов о всевозможных необычных явлениях в местах предполагаемого появления перерожденца, проверку «истинности» кандидата в перерожденцы и т. п. Затем следовало религиозное обучение и поэтапное принятие монашеских обетов, завершением чего было официальное вступление на пост иерарха. Более старший из двух иерархов (Далай-лама или Панчен-лама) курировал религиозное обучение младшего несовершеннолетнего иерар-

ха. В случае смерти Далай-ламы Панчен-лама должен был временно исполнять обязанности главы церкви и государства.

Далай-ламе IV пришлось провести свою короткую жизнь в обстановке религиозно-политической борьбы, еще более обострившейся в Тибете в начале XVII в. Новая вспышка насилия началась с простого недоразумения, когда приближенные Далай-ламы IV неправильно истолковали аллегорические стихи, написанные членом Кармапы. В ответ на это мнимое «оскорбление» от имени Гелугпы было составлено «дурное, оскорбительное послание, вследствие чего старинный конфликт между сектами кармапа и гелугпа был возобновлен еще одним новым (конфликтом)»⁷⁶. Последовал карательный поход цзанских войск в район Лхасы ⁷⁷.

Затем произошел еще один инцидент со стихотворным «оскорблением»; приближенные Далай-ламы IV «ошибочно интерпретировали поэму как оскорбление Далай-ламы. Его монгольская кавалерия рассердилась и провела рейд на стоянки и дома красношапочников Кармапы. В результате Карма Тенсунг Вангпо, вождь Цзана и сторонник Кармапы, в 1605 г. повел большой корпус войск в Лхасу и изгнал монголов, которые эскортировали Далай-ламу в Тибет»⁷⁸. Несмотря на явный перевес династии Цзанба и Кармапы, провинция Уй оставалась за Гелугпой.

После смерти Карма Тенсунга Вангпо в 1611 г. к власти пришел его сын, Карма Пунцок Намчжал (1611—1621). Он контролировал Западный Тибет и провинцию Цзан, а также часть Уйских земель ⁷⁹. Этот правитель чувствовал себя настолько сильным, что дважды вступал в войну с Бутаном. Именно он впервые за многие десятилетия сделал попытку лично встретиться с главой враждебной партии Далай-ламой IV. Но просьба об аудиенции была отклонена под тем предлогом, что глава Гелугпы находился в глубокой медитации, и его нельзя было беспокоить. Цзанский правитель был глубоко оскорблен, и попытка примирения не состоялась ⁸⁰.

В 1617 г. Далай-лама IV скончался в возрасте 28 лет. В.Д. Шакабпа пишет, что Далай-лама IV умер от ревматизма; Г.Ц. Цыбиков же сообщает, что среди монголов ходили слухи, будто бы «тибетцы убили его из племенной ненависти, расporов

живот, т. е. способом убийства монголами баранов»⁸¹. В Тибете обвиняли в его смерти цзанского правителя ⁸².

После смерти Далай-ламы IV цзанский правитель Карма Пунцок Намчжал, вследствие личной неприязни, возникшей после нанесенного ему оскорбления, проявил, по словам Я Ханьчжана, «утонченную жестокость»: он запретил Далай-ламе IV перерождаться ⁸³. Только после настоятельной просьбы Панчен-ламы I, которому удалось избавить цзанского правителя от серьезной болезни, запрет на перерождение был отменен.

В тибетской историографии образ Карма Пунцок Намчжала дается в самых мрачных красках: «(Он не понимал), что хорошие законы, проповеданные желтошапочниками и являющиеся сердцем буддийской религии, в основе своей не осквернены грязью греха, освободились от соперников и подобны владыке Солнцу, поэтому вознамерился их уничтожить»⁸⁴. Но, как уже отмечалось, в определенной степени вина за обострение отношений с Цзаном лежала и на руководителях Гелугпы.

Нгагбан Ловзан Чжамцо родился в местности Чонгяс (провинция Уй) в 1617 г. В 1619 г. специальная комиссия, посланная на поиски преемника умершего Далай-ламы IV, сообщила в Лхасу и Ташилунпо, что перерожденец найден. Его семья относилась к секте Нинмапа и имела определенные связи с кланом Пхагмоду и монастырем Самье. Есть даже сведения о том, что секта Кармапа была готова объявить ребенка одним из своих перерожденцев¹. Но секта Гелугпа оказалась более проворной. Панчен-лама I и Соднам Чоспел, помощник покойного Далай-ламы IV, отправились в указанную местность лично, чтобы убедиться в правильности сообщения; мальчик, появившийся на свет в Чонгясе, был признан истинным перерожденцем Далай-ламы IV.

Религиозно-политическая ситуация в Тибете в конце второго десятилетия XVII в. была довольно сложной. В стране продолжалась борьба за власть, постоянно переплетававшаяся с борьбой различных сект буддизма. В 1618 г. цзанский правитель Карма Пунцок Намчжал захватил провинцию Уй, окружил своими войсками дворец правителя Дровая Гонпо из династии Пхагмоду и вынудил его бежать. Затем он назначил в качестве своего деши Чойинга Дорчже, главу Черношапочной линии секты Кармапа, но реальная власть оставалась в руках Карма Пунцок Намчжала (он же Цзанба-хан)². Столицей его владений был город Самдрубцзе (Шигацзе).

Падение режима Пхагмоду после захвата цзанскими войсками Недонга в 1618 г. означало, что положение секты Гелугпа ухудшилось: режим Пхагмоду, давно уже не владевший Тибетом, все же был покровителем Желтой секты в провинции Уй. Теперь же Гелугпе пришлось иметь дело с цзанским правителем, подстрекаемым его союзницей, сектой Кармапа. В 1618 г. цзанские войска атаковали Лхасу, перебили многих приверженцев Гелугпы, а монастыри этой секты силой преобразовали в монастыри Кармапы³. Неподалеку от Лхасы было поставлено два военных лагеря цзанцев, один из которых перерезал сообщение между Лхасой и монастырями Сэра и Дрепунг, а

другой блокировал главную дорогу, ведущую в Лхасу⁴. Таким образом, в Уе было установлено постоянное военное присутствие цзанцев.

На помощь секте Гелугпа в 1619 г. вернулись монгольские отряды, вытесненные из Лхасы в 1605 г. цзанским правителем Карма Тенсунгом Вангпо. Некоторое время монголы не предпринимали активных действий, выжидая подходящего момента. В 1621 г. монголы, сочтя момент достаточно удобным, обрушились на цзанские военные лагеря: «В год железа-курицы (1621) войска цзой-хор-сог (монголов и ойратов), численностью более двух тысяч, начали сражение с основными войсками в Жантан-гане Лхасы (под руководством) двоих — молодого лхабцуна Лобцзан-Данцзин-чжамцы и Гуру хунтайджи. Тибетские войска, потерпев поражение, укрылись в крепости “Железная гора”»⁵. После этого поражения правитель Цзана приготовился двинуть в Уй более крупные войска. Панчен-лама I, настоятель монастыря Галдан Султим-Чхоймпхэл и другие представители духовенства, стремясь не допустить крупномасштабной войны, выступили в качестве посредников. Монголы согласились прекратить военные действия при условии, что цзанские военные лагеря близ Лхасы будут уничтожены, а монастыри Гелугпы, насильно отнятые у нее, будут возвращены этой секте. Как сообщает тибетский источник «Пагсам-джонсан», «все монастыри и религиозные общины секты гэданпа, такие, как Саньягкхар и другие, которые отошли (отреклись) от (секты гэлугпа), испугавшись силы заклинаний йога-мантры и могущества военных действий монголов-милостынедателей, непременно вынуждены были снова веровать и поклоняться ей, сочли необходимым возвышать ее»⁶.

Помощь монгольских «милостынедателей» на время изменила ситуацию в пользу Гелугпы: «Дворец Галдан-Побран Лхасы (вновь) стал центром “колеса учения”, и заново установились (границы) владений подданных. Вновь собрали приписанных (к монастырям) Сэра и Брайбун крепостных крестьян, изменили правила учения гелугпы в Уе и Цзане и вновь вернули потерянные до этого земли»⁷. Тем не менее враждебность между сектами Гелугпа и Кармапа сохранялась. Правитель Цзана Карма Пунцок Намчжал, будучи не в состоянии нарушить условия перемирия, выразил свою враждебность тем,

что выстроил близ монастыря Ташилунпо, резиденции Панчен-ламы I, кармапасский монастырь Таши-Зилнон («Подавляющий Ташилунпо»). Камни для строительства этого монастыря собирались с горы, прилегающей к Ташилунпо; рабочие намеренно скатывали огромные валуны на монастырские строения, повреждая дома и убивая монахов. Когда монахи из Ташилунпо шли в близлежащий цзанский город Шигацзе, местные власти подвергали их притеснениям⁸.

Неустойчивость политической ситуации в Тибете вынуждала руководство Гелугпы скрывать местонахождение юного Далай-ламы V. Вместо того, чтобы поселить его в монастыре Дрепунг, его содержали в Нанкарце и не спешили с его интронизацией.

В 1622 г. умер правитель Цзана Карма Пунцок Намчжал, которому преемствовал его сын Карма Тенкионг Вангпо (1622—1643). Напряженность в стране временно ослабела, и в том же году Далай-лама V был переведен в монастырь Дрепунг, где Далай-ламы традиционно считались настоятелями⁹. Монгольские сторонники Гелугпы, находившиеся в Тибете, полагали, что обстановка в стране недостаточно спокойна, и предложили отправить юного Далай-ламу в Кукунор. Это предложение не устраивало руководство Гелугпы, которое опасалось слишком сильного монгольского влияния в Тибете (учитывая то, что предыдущий Далай-лама был монголом по национальности). Поэтому юный понтифик был опять спрятан, на это раз — от монгольских «милостынедателей». Через некоторое время его вернули в монастырь Дрепунг, с в 1625 г. он принял обет гэцула. По словам источника, «пригласили его в Кукунор, но когда (он) отказался ехать, то решили принудить силой войска; тогда Победоносный (с помощью) святой силы некоторое время скрывался в округе Эри»¹⁰.

На протяжении 20-х — начале 30-х годов XVII в. между сектой Гелугпа, с одной стороны, а также монгольским и джунгарскими племенами — с другой, стали все более укрепляться связи по типу «лама — милостынедатель». Монголы и джунгары прибывали в Уй в качестве паломников, привозя богатые дары и получая соответствующие духовные наставления. В 1625 г. монастырь Дрепунг посетил Тоба-тайчжи, потомок Чингисхана, крупный тумэтский феодал¹¹. В 1731 г. «многочисленные

войска халхаского Акха Дайчина и ойратов прибыли в Лхасу, (стремясь избежать) междоусобных столкновений»¹². Цзанский правитель с завистью наблюдал обогащение монастырей Гелугпы и в то же время с подозрением относился к появлению военных формирований монголов; в частности, упомянутое прибытие в Лхасу в 1631 г. джунгарских и монгольских войск едва не привело к новому вооруженному столкновению между цзанцами и сторонниками секты Гелугпы¹³.

В первой половине XVII в. неустойчивое политическое равновесие, сложившееся в Тибете после мирного соглашения 1621 г., стало колебаться. Причиной этого стали события в Южной и Северной Монголии, вызвавшие миграционные процессы среди монголов. В одном из своих трудов Далай-лама V, касаясь этих событий, отмечает: «Вначале шесть кланов согпо создали единое сообщество, не испытавшее горя внешних потерь, проистекающих от длительных военных конфликтов, однако Лигдэн чахарский и Цогту продемонстрировали образец беззакония»¹⁴.

Монгольский источник «Шара Туджи» дает следующую краткую справку о Лигдан-хане Чахарском: «Линдан Хутугту, прозванный Суту Чингис Дай-мин Сэцэн, победитель всех стран, великий Чакраварти, тэнгри из тэнгриев, всей вселенной Хормуста, вращающий золотое колесо, владыка учения, превосходным образом осуществил два правления. Вследствие прежних деяний у ханов и простого народа шести тумэнов увеличилось стремление к неподчинению. Не сумел уговорить их мирным путем. Тогда, силою собрав шесть великих народов, тридцать один год на престоле сидел»¹⁵.

Итак, Лигдан-хан Чахарский (1594—1634), потомок Чингис-хана, попытался восстановить империю своего великого предка. Борьбу за подчинение монголов он начал с княжеств Южной Монголии, приводя к покорности местных князей весьма крутыми мерами. Реакция последовала незамедлительно: часть южных монголов, не желая подчиниться Лигдан-хану, откочевала на север, в Халху. Среди ушедших в Северную Монголию был и упомянутый выше Цогт-тайчжи. Как сообщает «Дэбтэрчжамцо», «многочисленные чахарцы, прибыв в Халху, стали причиной междоусобной борьбы, и (затем) Цогт вместе со своими войсками был вытеснен из Халхи. Прибыв в Кукунор в

год воды-обезьяны десятого рабчжуна (1632), (он) подчинил (своей власти) все владения туметов»¹⁶.

Причина междоусобной борьбы в Северной Монголии, из-за которой Цогту-тайчжи с его людьми пришлось покинуть Халху и перебраться в Кукунор, не вполне ясна. Но можно с уверенностью предположить, что она была связана с борьбой между Лигдан-ханом Чахарским и правителями Маньчжурского государства, стремившимися покорить Южную Монголию. Борьба эта была для Лигдан-хана затяжной и неудачной. В 1634 г. как сообщает Вэй Юань в своем труде «Шэн у цзи», «Линдан-хан хотел сопротивляться, но подвластные его упали духом; вследствие этого Линдан-хан, влача за собою более 100.000 народа и скота, бежал на Гуйхуачэн, оттуда переправился чрез Хуанхэ и бежал на запад. По дороге растерялись у него из 10 частей 7 или 8. Линдан, в бегстве своем, умер в больших луговых степях (Дацао-тань) в Кукэ-норе»¹⁷. Вероятно, Цогт-тайчжи пытался каким-то образом поддержать Лигдан-хана в его борьбе с маньчжурами и, скорее всего, вызвал этим неудовольствие местных феодалов, не желавших привлекать к себе внимание опасного врага — маньчжуров.

Помимо враждебного отношения к маньчжурам, Лигдан-хана и Цогта-тайчжи объединяла также приверженность «красношапочному» буддизму (судя по данным тибетского источника, к одной из подсект Кагьюдпы)¹⁸. Ш.Б. Чимитдоржиев считает, что приверженность Лигдан-хана и Цогта-тайчжи к «красной» секте определялась прежде всего политическими соображениями: «Международная обстановка в Центральной Азии в первой половине XVII в. была такова, что антиманьчжурская платформа неминуемо должна была принять характер выступления против политики пятого далай-ламы»¹⁹. Думается, что данное утверждение в корне неверно. В начале 30-х годов XVII в. Далай-лама V не имел никаких отношений с маньчжурскими правителями; напротив, у него были самые тесные отношения с монголами и джунгарами, к которым относились и два названных феодала.

Появление в Кукуноре нового режима, враждебного секте Гелугпе, не прошло незамеченным в Тибете. Цзанский правитель Карма Тенкионг Вангпо установил контакт с Цогтом-тайчжи: «Цогт-хан как последователь Карма-Кагью обещал

послать в надлежащее время армию в 10 000 всадников под командованием своего сына, чтобы покончить с сектой Гелугпой»²⁰. Итак, два врага секты Гелугпа объединились. Третьим противником Гелугпы был феодал Доньо Дорчжэ, правивший владением Бэри в Восточном Тибете, который, как отмечает В. Шакабпа, «преследовал монахов в Литанском монастыре»²¹. Необходимо отметить, что Доньо Дорчжэ с одинаковой неприязнью относился к любым буддийским сектам, поскольку сам был приверженцем исконной тибетской религии Бон. Между тремя врагами Гелугпы наметился альянс, в котором каждый из участников преследовал собственные цели, маскируемые «борьбой за веру». В связи с этим неверными представляются утверждения некоторых историков о том, что правитель Цзана был патриотом и боролся за национальную независимость Тибета: нет сомнений, что обе религиозно-политические группировки стремились к гегемонии в стране и готовы были принять иностранную помощь²².

Политическая ситуация в Стране снегов вновь резко осложнилась. Даже в документах секты Кармапа отмечается, что «король Тибета Деси Карма Тенкьонг Уангпо, бывший последователем Кармапы, стал резко настроен против Гелугпы, и правление его было отмечено религиозной дискриминацией»²³. Растущая угроза со стороны правителя Цзана и его союзников заставила высшее руководство секты Гелугпа (к которому относились прежде всего Далай-лама V, Панчен-лама I и настоятели трех великих монастырей) искать помощи за пределами Тибета. Вполне понятно, что такую помощь могли предоставить только «милостынедатели», т. е. монголы или джунгары. Но южномонгольские «милостынедатели» были либо покорены маньчжурами, либо, как Лигдан-хан и Цогт-тайчжи, являлись приверженцами враждебных сект. Вследствие маньчжурских завоеваний северомонгольские «милостынедатели» были отрезаны от Тибета. Оставались только джунгары. Поэтому было решено отправить специальную делегацию в Джунгарию, где с 1616 г. распространялся буддизм «желтошапочного» толка и имелось немало «милостынедателей».

Китайский автор Я Ханьчжан считает, что главным инициатором этого решения, изменившего судьбу Тибета, был Панчен-лама I Лоцзан Чосгьян²⁴. Дж. Туччи полагает, что глав-

ными фигурами были приближенные Далай-ламы V Соднам Чоспел (он же Соднам Рабтан) и Чагцзе Кончог Чхойпэл²⁵. При этом оба автора ссылаются на молодость и неопытность Далай-ламы V, которому в тот момент было всего 16 лет. Так или иначе, но выбор был сделан.

В 1633 г. глава тибетской делегации Соднам Чоспел встретился с джунгарскими феодалами. Как сообщает источник, «олетские ханы придерживались только одной религии Цзонкапы, в течение многих своих рождений высказывали пожелание, чтобы освободить ее от нанесенного ей вреда. Они действительно были таковыми. Вследствие этого в то время третий из пяти сыновей Ханы, владетельного князя хошодов (хошутов) из среды четырех хошунов ойратов, перерожденец дхарма-раджи Ямандаки, у которого настоящее имя было Торал-Бэху и которого тибетцы называли Данцзин-Чойчжал, а монголы — Гуйшри-хан или Гэкен-хан, в 13 лет захватил Гокар, в 20 лет уладил распри между олетами и халхасцами. В 55 лет он, поверив сведениям, доставленным правителем Соднам-Чойпэлом и другими, заверил их в наступлении времени, когда станет необходимым защитить религию в той стороне (Тибете)»²⁶. Видимо, к такому решению Гуши-хана подтолкнули не только религиозные чувства, но и миграционные процессы, происходившие в джунгарском обществе в связи с потребностями хозяйственного развития²⁷.

Будучи опытным полководцем, Гуши-хан решил лично оценить военную ситуацию в Тибете и Кукуноре и отправился в Лхасу под видом паломника. Именно в этот момент, «в год дерева-свиньи (1635), Цогт-отец и (его) сын, «красношапочник» Рабчжампа вместе с Цзанбой и с (его) правительством решили уничтожить (даже) имя гелуг(пы)»²⁸. Цогт-тайчжи направил своего сына Арсалана с десяти тысячным войском в Тибет для совместного удара по центрам секты Гелугпа. Когда Гуши-хан с небольшим сопровождением прибыл в Тибет, то, не доходя до Лхасы, он встретил монгольские войска во главе с Арсаланом. До Лхасы Гуши-хан и Арсалан ехали вместе, проводя время в беседах; из этих бесед Гуши-хан узнал все необходимое о военных возможностях кукунорцев, а также сумел склонить Арсалана на сторону Гелугпы. Вместо запланированного нападения на территорию, подведомственную Гелугпе,

Арсалан напал на цзанские войска в Ямдрок. Но справиться с цзанским правителем, имея сравнительно небольшие силы, Арсалан не мог и решил вернуться в Кукунор. В это время «красношапочник» Рабчжампа и командующий тайчжи направили секретное письмо Цогту-тайчжи, сообщая об измене сына. «Цогт ответил, что (нужно), обманув его, убить»²⁹. На обратном пути Арсалан был действительно убит: по одной версии — по приказу отца, по другой — при дележе добычи.

Результатом разведывательной поездки Гуши-хана стало решение вторгнуться сначала в Кукунор, где находился один из самых опасных врагов Гелугпы. В этом случае хошоутский вождь и выполнял свое обещание, и приобретал прекрасные новые пастбища. Гуши-хану удалось собрать для готовящейся экспедиции только один тумэн войска (10 000 человек), в то время как у Цогта-тайчжи было 3—4 тумэна. Таким образом, все решали внезапность нападения и военное искусство. Как сообщает источник, «Гуши-хан (выступил) из Джунгарии в год огня-мыши (1636) не из-за своего корыстолюбия, а только в интересах религии»³⁰. Нападение было внезапным, а бой чрезвычайно жестоким: «Одновременно разгромили три тумэна войск Цогта. Вершины двух гор покраснели от крови, и с тех пор эти вершины называют Большим и Малым Улан-Хошо. Сын (Гуши-хана) Даян-тайджи и другие, преследуя остатки войска по льду (реки) Лхаргэл, разгромили (их). Некоторые из них (воины Цогта) сдались в плен на левом (берегу), в степи, которая теперь называется Шахалта. Цогт-нойон был пойман в норе тарбагана, где спрятался, спасаясь (от преследования)»³¹.

После разгрома Цогта-тайчжи и подчинения коренного тибетоязычного населения (тангутов) в захваченную страну из Джунгарии переселились племена хошоутов и частично торгоутов³². Часть монголов, посланных Цогтом-тайчжи на помощь цзанскому правителю, находилась в Центральном Тибете, в районе озера Намцо, когда до них дошли известия о падении государства Цогта-тайчжи. Не решаясь вернуться, они остались в Центральном Тибете, образовав особую племенную группу согде³³. В тот же период, когда происходило переселение хошоутов в Кукунор, началось распространение власти Гуши-хана на весь Амдо. Как сообщает Сумба-Хамбо, «в тот же период его сын Радна-тайджи захватил военной силой всех тибетцев, на-

селяющих Амдо. Придя в центральный монастырь района Бари, Гонлун-жамлинг, он просил, чтобы ему дали “великого из области небожителей”. Общим хором ему дали тантрийское благословение»³⁴.

В 1658 г. Гуши-хан прибыл в Лхасу в качестве паломника, где был торжественно встречен руководством Гелугпы во главе с Далай-ламой V. В соборном храме Чжоканг была проведена церемония награждения его титулом Тензин Чоский Гьялпо (Царь религии и хранитель веры)³⁵. Таким образом, между Далай-ламой V и Гуши-ханом были официально установлены отношения «лама — милостынедатель», что крайне встревожило конкурирующую секту Кармапа: «Вся эта нерелигиозная деятельность очень беспокоила Кармапу; в письме к Далай-ламе он объяснил, что не был расположен к какой-либо вооруженной акции, предпринимаемой во имя религии, и что ни он, ни школа Кагьюдпа никоим образом не могли одобрять действия короля Цанга. Далай-лама ответил, что так и думал, и дал заверение, что ничего неблагоприятного не произойдет. Тем не менее Кармапа понял, что события примут другой оборот. Король Цанга начал организацию крупного войска, собирая и готовя к боям людей Конгпо»³⁶. Если учесть, что написавший письмо глава секты Кармапа Чойинг Дордже и часто упоминаемый в летописях «красношапочник» Рабчжампа — это одно и то же лицо, то очевидно, что его заявления были чистым лицемерием. Что же касается ответа, данного Далай-ламой V, то он, вероятно, надеялся на сохранение некоего равновесия сил, когда хошоуты были бы удовлетворены захватом Кукунора и Амдо, а правитель Цзана, опасаясь вмешательства хошоутских «милостынедателей», не стал бы провоцировать вооруженные столкновения с Гелугпой.

Но эти надежды оказались необоснованными. Карма Тенкионг Вангпо, встревоженный укреплением хошоутов в Кукуноре и Амдо, «мобилизовал армию из тринадцати районов Тибета»³⁷. Затем он обратился к бэрийскому правителю Донью Дорчжэ с предложением объединенными усилиями покончить с Гелугпой. В ответном послании правитель Бэри заверял: «В следующем году я соберу в Каме армию и направлю ее в Уй. В это же время Вы должны прибыть с Вашей армией из Цзана. Вместе мы совершенно уничтожим секту Гелугпа, так что и

следа будет не найти»³⁸. Но письмо было перехвачено сторонником Гелугпы и передано Гуши-хану.

Гуши-хан сообщил об этом инциденте в Лхасу, а также информировал Далай-ламу V о своем плане разгромить по очереди бэрийского и цзанского правителей. В руководящих кругах Гелугпы начались разногласия по этому поводу. Далай-лама V заявил: «Наши отношения с цзанской группировкой в последний год не так уж плохи. Они сейчас не притесняют Гелугпу, а вред, который они причинили монастырям Сэра и Дрепунг, фактически был вызван ошибкой Гелугпы, отказавшей правителю Цзана в аудиенции у Далай-ламы IV. Я не вижу причин для соперничества с Недонг Гонгма или сектами Кагьюдпа и Чжонангпа. Что касается нас, Гелугпы и Ганден Побрана, то мы уже вполне удовлетворены»³⁹. Очевидно, Далай-лама V считал, что Гуши-хан уже выполнил свою роль, устранив Цогта-тайчжи. Войдя же в Центральный Тибет, хошоуты могли там и остаться. Ближайший помощник Далай-ламы V и главный администратор владений секты Соднам Чоспел полагал, что столкновений с цзанским правителем не избежать, и лучше воспользоваться услугами «милостынедателя» Гуши-хана для объединения страны под властью Гелугпы.

В конце концов было найдено компромиссное решение: Далай-лама V одобрил предстоявшее вторжение хошоутов в Бэри, причем в связи с создавшейся там угрозой для буддизма в целом, без упоминания отдельных сект; в письме также содержалось пожелание, чтобы Гуши-хан затем вернулся в Кукурнор, а вопрос о походе в Цзан был обойден вообще. Однако несмотря на данный ответ, Далай-лама V подозревал, что Соднам Чоспел за его спиной все же одобрит планируемый поход в Цзан⁴⁰.

В 1640 г. «Гуши-хан, во главе великой монгольской армии, несущейся, как страшный ураган, совершил поход в страну царя Бэри, который вредил вообще всем направлениям буддийской религии. Большинство народа, населяющего страну Кам, он захватил богатырской силой армии. В год Железа-дракона (1640), 26-го числа 11-го месяца захватил царя, известного под титулом “царь Бэри”, и посадил его в тюрьму. Царем Бэри были раньше посажены в тюрьму все ламы и ноены, принадлежавшие к сектам Сакья, Гелугпа, Гармава, Брукпа, Бре-

дак, другие монахи и миряне, много всякого народа, а теперь их освободил (Гуши-хан). По этой причине в той стране распространились радостные и прекрасные (о нем) слова. Он захватил страну Кам целиком до верхних районов Жансадама»⁴¹.

Следующим объектом нападения хошоутов, как и было сообщено Далай-ламе V, должен был стать Цзан. В 1641 г. войска Гуши-хана двинулись в Цзан через провинцию Уй; в этот момент Соднам Чоспел признался, что он действительно сообщил Гуши-хану об одобрении руководством Гелугпы всех его планов, поскольку считал, что действует на благо секты. Вновь возник спор, в ходе которого Далай-лама V заявил: «Если мы убедим Гуши-хана уйти, это будет для нас политически выгодно и реабилитирует нашу честь»⁴². Но Соднам Чоспел заявил, что теперь остановить наступление хошоутов невозможно.

Правитель Цзана Карма Тенкионг Вангпо, опасаясь столкновения с войсками хошоутов, обратился к Панчен-ламе I с просьбой о посредничестве: «Гуши-хан сказал, что он должен забрать весь Тибет у Цзанба-хана; но, если он добровольно передаст свою военную и административную власть, ему будет позволено провести оставшую жизнь в шике (поместье. — *Е.Б.*)»⁴³. На это цзанский правитель не согласился, и хошоутские войска, дойдя до границ Цзана, без особых препятствий вошли на территорию провинции и осадили главный город Шигацзе. Шигацзе представлял собой мощную крепость, которую кочевники сразу взять не смогли: осажденные яростно сопротивлялись, метко поражая стрелами нападавших. Тогда хошоуты блокировали Шигацзе и стали ждать, пока голод заставит защитников крепости сдаться. Но и сами кочевники среди враждебного населения чувствовали себя не очень-то уютно. Ситуация сложилась довольно неопределенная, и все зависело от того, кто из соперников получит помощь от тибетцев.

Далай-лама V колебался, не решаясь, очевидно, открыто поддержать чужеземцев. Его советник Соднам Чоспел предложил верховному иерарху не только открыто выразить свою позицию, т. е. призвать всех сторонников Гелугпы к поддержке хошоутов, но и привлечь к этой борьбе приверженцев секты Нинмапа, с которой была связана семья Далай-ламы V. Как сообщает «Дэбтэр-чжамцо», «сам Содном-Рабдан соизволил сказать Великому Пятому о том, что сейчас и в будущем необ-

ходимо взять на себя труд, связанный с защитой религии». Он просил так: «Возможно, что угодные божества сект новых направлений и хороши — они действительно очень могущественны в делах, направленных вовне, но для внутренних дел от них особой пользы нет. Здесь лучше (секта) Нинмапа, которая действует, как собачий жир на раны. Извольте выразить ваше благоволение в интересах настоящего и будущего собственной религии, исходя из (положений) Нинмапы, которая обладает всеми достоинствами, необходимыми для решительных мер (дословно: для швыряния, сжигания и подавления)»⁴⁴.

Далай-лама V продолжал колебаться, не вполне представляя себе, очевидно, действия Гуши-хана после возможной победы. Нерешительная позиция главы секты вызвала нетерпение и недовольство высшего духовенства Гелугпы, что привело к серии «чудес» в главных монастырях секты: «Но тем не менее никаких мер в интересах религии не было предпринято. И тогда на целый день изо рта (статуи) Вхайравы в монастыре Брайбун потекла кровь. На (статую) Дхарма радны Чжон-кхра пришлось надеть железные веревки. С лица Делпы закапала кровь. Часто был слышен голос (статуи) Дхармараджи из монастыря Галдан. Многие видели, как из Цзана за монахами и мирянами от Ущелья черного вихря до Ралпартина следовала женщина на муле, везущем труп. Говорили, что это душа Дэсрид Цзанбы. С подножия (горы) монастыря Брайбун (все) яснее и точнее слышался непрекращающийся сильный рыдающий голос, похожий на женский. И было видно много других предзнаменований неотвратимых (бедствий)»⁴⁵.

Наконец, Далай-лама V осознал, что ситуацию изменить уже нельзя, и с горечью заявил Соднаму Чоспелу: «Мы теперь должны идти до конца в этой войне, которую так неосторожно начали. Если Гуши-хан победит, то и хорошо. Если же он проигрывает, мы должны будем оставить Лхасу и искать другую страну для проживания»⁴⁶. С этого момента Гелугпа перестала соблюдать видимость нейтралитета, и все ее сторонники должны были оказывать помощь войскам хошоутов любыми способами: продовольствием, фуражом для лошадей, поставкой оружия и боеприпасов. Для скорейшего взятия Шигацзе была построена гигантская катапульта⁴⁷. Сторонники Гелугпы также непосредственно участвовали в военных действиях, сначала в

тех районах Уя, где стояли цзанские гарнизоны, а затем Соднам Чоспел «двинул в Цзан большое число войск и соединился с лагерем Гуши-хана»⁴⁸. К боевым действиям на стороне Гелугпы удалось привлечь и секту Нинмапа: «Цзанцы для усмирения Сэра и Брайбуна построили крепость Донкар-цзон. Войска, собранные из сторонников учения Нинмапы, захватили ее и еще одну крепость, Шол»⁴⁹.

Относительно падения Шигацзе существуют разные версии. Я Ханьчжан утверждает, что благодаря посредничеству Панчен-ламы I Карма Тенкионг Вангпо согласился капитулировать, надеясь сохранить себе жизнь⁵⁰. В.Д. Шакабпа, напротив, пишет, что в начале 1642 г. город-крепость Шигацзе и монастырь Таши-Зилнон были взяты после отчаянного сопротивления, причем цзанский правитель был захвачен со своей семьей и сторонниками⁵¹. Думается, вторая версия соответствует истине, поскольку в хронике секты Кармапа говорится: «прошло несколько дней, и Гуши-хан напал на Шигаце, столицу Цанга. Город был окружен и на восьмой день первого месяца года водяной лошади и перешел в руки монголов после жестокой битвы, а король Цанга был схвачен. Были тысячи убитых и раненых»⁵². Карма Тенкионг Вангпо был брошен в тюрьму, но позднее, в связи с тем что вокруг него могла сформироваться оппозиция, Гуши-хан изменил свое решение: он «приказал положить его (бывшего правителя. — Е.Б.) в кожаный мешок (и бросить в реку)»⁵³.

После разгрома цзанского режима Гуши-хан пригласил Далай-ламу V в Цзан. В апреле 1642 г. в монастыре Ташилунпо была проведена торжественная церемония, на которой Гуши-хан объявил, что передает Далай-ламе V власть над всем Тибетом. Эта верховная власть понималась как власть духовная. Гуши-хан, объявив себя защитником буддийской веры, сохранил в своих руках военную власть. Хотя он удержал за собой Кукурнор, но, как и опасался Далай-лама V, не ушел из Тибета: он поселился на равнине Дам, в восьми днях пути от Лхасы⁵⁴. Как утверждает источник, «хотя Далай-лама мог возвеличить религию, но был не в состоянии справиться с раздробленностью (Тибета)»⁵⁵. Для непосредственного руководства административными делами Гуши-хан назначал специального чиновника, который выполнял функции премьер-министра и носил титул

дэсрид (часто в текстах этот титул также называется «диба» или «деши»). Первым дэсридом был назначен ближайший помощник Далай-ламы V Соднам Чоспел.

Таким образом, в 1642 г. в Тибете был установлен хошоутский протекторат. Формально хошоутский протекторат вполне укладывался в традиционную буддийскую схему «лама — милостынедатель», и именно так секта Гелугпа преподносила своему населению факт присутствия в стране чужеземцев. Образцом такой религиозной пропаганды, восхваляющей хошоутского «милостынедателя» как дхармараджу и чакравартина, служит апологетическое описание деятельности Гуши-хана в хронике Сумба-Хамбо: «Если выразиться кратко, то, высоко распространив правомочность в военной силе и праведных делах, он во всех странах стал знаменитым как Данзин-Чойжал (царь законов, опора религии). Его армия обладала богатырской силой, спокойным поведением и могла сравниться с великой армией царя Ашоки. Она шла как хмурые дождевые облака, как черный ураган, наносила оружием страшные удары как жестокий гром, как непрерывные красные молнии. В результате проявления следствий, посеянных прежними черными и злыми деяниями, появились враги религии цзонхавинских желтошапочников и ее опоры в высших мудрецах и поклонниках. Враги питали острую ненависть и злобу (к желтой религии) и были как каменные скалы, но он (Гуши-хан) подавил их и установил весьма гуманный закон, пустил «корабль», обеспечивающий девять желаний. Воздвиг в Тибете «горы» религии и светского закона, покрытые прекрасными садами и плодами. Расширил их как летнее полноводное море. Укрепил связь между монахами и поклонниками религии как нерушимую связь небесных светил. ... Царь, учитывая будущее спокойствие, в случае появления действий против религии и подавления его силой, для установления дружеской связи между высшими жрецами религии и мирскими ее поклонниками, основал свою династию, прокладывая первую борозду тибетских царей: он первым занял трон»⁵⁶.

Несомненно, что подобное религиозное обоснование зависимости Тибета от иностранцев оказывало определенное влияние на массы верующих; в то же время ряд сект и принадлежавших к ним феодалов отнюдь не были убеждены этой ритори-

рикой и выступали как против Гелугпы, так и против ее хошоутских покровителей. В этой связи присутствие хошоутских войск в Тибете объективно способствовало становлению нового теократического режима.

До появления хошоутов Тибет можно было называть государством только условно: в стране существовало множество феодальных владений при отсутствии центральной власти. Режим Цзанба-ханов (правителей провинции Цзан) не являлся вполне легитимным до 1618 г., т. е. до гибели последнего официального правителя из династии Пхагмоду. Кроме того, при его явном доминировании, он все же не контролировал всей территории страны (постоянная борьба с Гелугпой в Уе, наличие независимых владений вроде Бэри). Главной причиной отсутствия централизованного государства в Тибете к середине XVII в. была, без сомнения, религиозно-политическая борьба между сектами Гелугпа и Кармапа, создававшая условия для феодальной анархии и сепаратизма. Эта борьба, усугубляемая вмешательством различных монгольских группировок, серьезно дезорганизовала хозяйственную жизнь страны, препятствовала ее нормальному развитию. Государство, по сути, нужно было создавать заново.

Эту историческую миссию взял на себя Далай-лама V, которого его биографы характеризуют следующим образом: он был «... спокойным и серьезным, смелым и решительным; ... был немногословным, и потому каждое его слово было убедительным»⁵⁷; «был великим ученым и глубоким мыслителем, но сверх того имел политическую проницательность и предусмотрительность»⁵⁸. Сочетание выдающихся личных качеств и уникального положения, которое он занимал в стране, обеспечили успех его начинаний.

Далай-ламе V пришлось в течение его жизни иметь дело с тремя хошоутскими вождями, сменявшими друг друга: Гушиханом, Даян Очир-ханом и Даньцзин Далай-ханом. При этом каждый очередной хан все менее и менее интересовались государственными делами, и власть их в Тибете постепенно становилась номинальной.

Однако в период правления в Тибете хошоутского Гушихана-Туру-Байху (1582—1655) присутствие хошоутов в Тибете было весьма ощутимым. Несмотря на разгром цзанского пра-

вителя, в стране существовала серьезная оппозиция Гелугпе и прежде всего — со стороны секты Кармапа. Когда хошоутские войска вошли в провинцию Цзан, глава Кармапы Чойинг Дорчже со своими приближенными ушел в Ямдур и стал там лагерем. Там высшее духовенство Кармапы и переждало события, связанные с осадой и взятием Шигацзе. «Будучи в Ямдуре, Кармапа получил письмо от Далай-ламы, спрашивающее, готовится ли он воевать с Гелугпой, и требующее от него слова, что не начнет никаких враждебных действий против них. “Как мы можем причинить вред Гелугпе, если мы никогда не делали этого в прошлом?” — ответил Кармапа. Он добавил, что согласится с любой просьбой Далай-ламы доказать свою искренность в этом. При получении ответа возникли споры, и министры Гелугпы обратили внимание на то, что Кармапа не пообещал определенно никогда не вредить последователям Далай-ламы. В результате были посланы вооруженные силы атаковать лагерь Кармапы. Большое число последователей его нашли смерть, их палатки и имущество были разорены. Кармапа избежал резни и разослал оставшихся в живых в разные части страны»⁵⁹.

Сам Чойинг Дорчже бежал в Лхобраг (Лходаг) — район на границе с Бутаном, и там организовал восстание местных приверженцев Кармапы против новой власти. Восстание было подавлено хошоутами во главе с Даньцином Далай-ханом, сыном Гуши-хана, который насильно переделал местные монастыри Кармапы в монастыри Гелугпы⁶⁰. Затем произошло еще несколько восстаний приверженцев Кармапы под общим руководством Гарпа Япсе. Наиболее серьезным был мятеж в Конгпо, где в 1642 г. монастырь Гелугпы Зингче был сожжен восставшими. Гуши-хан и Соднам Чоспел, объединив хошоутские и тибетские войска, двинулись в Конгпо, убив 7000 повстанцев и еще больше взяв в плен⁶¹.

После казни цзанского правителя Карма Тенкионга Вангпо и бегства главы Кармапы Чойинга Дорчже в китайскую провинцию Юньнань оппозиция лишилась руководства и надежды восстановить прежний режим, и к 1645 г. все восстания были подавлены. Монастыри секты Кармапа, непосредственно участвовавшие в мятежах, были насильственно преобразованы в монастыри Гелугпы⁶²; та же участь постигла секту Чжонанг-

па, которая поддерживала Кармапу и у которой в результате остался единственный монастырь Дзамтангон в Амдо⁶³. В то же время Далай-лама V не ставил своей целью ликвидацию каких-либо сект на территории Тибета: после преобразования части «касношапочных» монастырей в «желтошапочные» и наложения крупных штрафов на тех, кто был замешан в оппозиционных выступлениях, другие секты и их монастыри получили свободу религиозной и хозяйственной деятельности. В период эмиграции Чойинга Дорчже монастырями Кармапы управлял его личный представитель Гьялцаб Ченпо Дракпа Чоянг. В 1653 г. благодаря посредничеству главы монастыря Таклунг главный иерарх Кармапы получил разрешение вернуться в Тибет и в 1673 г. получил прощение от Далай-ламы V в Потале⁶⁴. Секта Кармапа благополучно дожила до наших дней, как и большинство других течений тибетского буддизма.

Далай-ламе V явно не был присущ религиозный фанатизм, что подтверждается и его личным вниманием к учению Нинмапы, и тем, что в числе его приближенных имелись ламы из чужих сект⁶⁵. О религиозной терпимости иерарха Гелугпы свидетельствует и тот факт, что в 1675—1676 гг. в Тибете побывали католические миссионеры и, по словам Ли Юнбина, были там хорошо приняты⁶⁶. В то же время, являясь главой доминирующей секты, которая со временем стала отождествляться с тибетской церковью вообще, Далай-лама V был вынужден и жестко противостоять другим сектам в случае необходимости, и заботиться о развитии прежде всего собственной секты.

В Тибете постоянно строились новые монастыри Гелугпы, ремонтировались старые, что требовало огромных денежных затрат (в середине XVII в. в Тибете было 750 монастырей Гелугпы с 50 800 монахами)⁶⁷. В связи с этим Гуши-хан приказал, чтобы весь доход от налоговых сборов передавался Далай-ламе V для последующего финансирования монастырей, государственного аппарата и т. п.⁶⁸

Поскольку Далай-лама V являлся религиозным главой Тибета, считалось, что он не должен заниматься лично сугубо мирскими делами, которые должен был контролировать его дэсрид. При жизни Далай-ламы V пост дэсрида (главного администратора) поочередно занимали пять чиновников, которых формально назначали хошоутские ханы. На самом же деле

выбор подходящего человека оставался в руках Далай-ламы V; в отдельные периоды он сам, не избирая нового дэсрида, непосредственно управлял страной⁶⁹.

Внутренняя политика Далай-ламы V может быть охарактеризована как централизаторская. Он последовательно подчинил провинции и области Тибета центральной власти, не останавливаясь даже перед разрушением замков непокорных феодалов⁷⁰. Столицей страны была объявлена Лхаса, а правительство в обыходе именовалось по названию зала в монастыре Дрепунг — Ганден Подранг. Свою резиденцию Далай-лама V решил построить в центре Лхасы, на месте, где когда-то стоял дворец, построенный в 636 г. Сронцзаном Гамбо. Постройку этого дворца, получившего название Потала и ставшего резиденцией Далай-лам на протяжении трех веков, начали в 1645 г.

Значительным шагом на пути создания централизованного государства стало реформирование государственного аппарата. Далай-лама V ввел в действие разработанный им табель о рангах для чиновников и соответствующую каждому рангу форменную одежду национального образца⁷¹. Под его руководством были основаны две академии: одна для чиновников-монахов, другая — для светских чиновников. В обеих академиях, помимо религиозных и управленческих дисциплин, преподавались астрология, санскрит, основы стихосложения, а для светских чиновников дополнительно — стрельба из лука и верховая езда⁷².

Наладив работу чиновничьего аппарата, Далай-лама V организовал перепись населения. На основе результатов переписи была введена новая налоговая система: уплата налогов стала обязательной для всех, и никто не мог от нее уклониться. Сведения о порядке сбора налогов и его размерах были зафиксированы в специальных книгах⁷³. Для развития сельского хозяйства Тибета глава государства всячески поощрял заселение пустовавших земель; там же строились новые монастыри, игравшие роль культурных и хозяйственных центров⁷⁴. Важным событием стало издание уголовного кодекса, содержавшего точные определения различных преступлений и соответствующих наказаний. Законы были весьма суровы, но, как отмечает И.Л. Малик, «жизнь в стране стала намного безопаснее, а торговля увеличилась»⁷⁵.

В Тибете было создано централизованное теократическое государство, во главе которого стоял верховный буддийский иерарх, а все посты в административном аппарате дублировались чиновниками-монахами. Далай-лама V впервые объявил себя (а следовательно, всех бывших и будущих Далай-лам) перерождением бодхисаттвы Авалокитешвары (по-тибетски Ченреτσι, или Чжанрайсиг)⁷⁶. Своего духовного наставника, настоятеля монастыря Ташилунпо Лоцзана Чосгьяна (1570—1663) он объявил перерождением будды Амитабы и даровал ему звание «Панчен-лама» («великий учитель»)⁷⁷. Эти нововведения были признаны всеми тибетскими сектами и населением тех стран, где распространился северный буддизм (ламаизм), и престиж Далай-ламы V повысился как внутри страны, так и за ее пределами. Полубожественный статус Далай-ламы V и огромное количество монастырей превратили постепенно Тибет в «святую землю», куда устремлялись тысячи паломников из стран Азии.

Внешняя политика Тибета в период правления Далай-ламы V была довольно четко ориентирована по сторонам света. Самым спокойным было северное направление: находившиеся к северу от Тибета Восточный Туркестан и Джунгарское ханство были отделены от Тибета горным хребтом Куэнь-лунь и пустынями Такла-макан и Цайдам. С Джунгарским ханством поддерживались отношения религиозного характера, а с мусульманским населением оазисов Восточного Туркестана имели место редкие торговые контакты. Известен лишь один факт косвенного вмешательства Далай-ламы V в религиозно-политическую борьбу, развернувшуюся в Восточном Туркестане в 70-х годах XVII в. Лидер мусульманской религиозно-политической группировки «белогорцев» ходжа Аппак, изгнанный из Восточного Туркестана конкурирующей группировкой «черногорцев», обратился за помощью в Тибет. Далай-лама V, желая, очевидно, иметь дружественного правителя к северо-западу от Тибета, написал джунгарскому хану Галдану: «Аппак — великая личность, которую Исмаил изгнал из Кашгара. Вам надлежит послать войско, чтобы восстановить его»⁷⁸. Джунгары без особых трудностей захватили Восточный Туркестан, увели в плен правителя Исмаила и установили власть ходжи Аппака, пре-

вратив Восточный Туркестан в зависимую от Джунгарского ханства страну.

В южном направлении Тибет действовал более активно: по отношению к пригималайским странам — Непалу, Сиккиму и Бутану — где население либо частично (Непал), либо полностью было буддийским (Сикким и Бутан), Тибет выступал и как торговый партнер, и как крупнейший центр буддизма, и как союзник или враг в военных конфликтах. Отношения с Индией сводились в основном к редким посольствам и торговле.

При вступлении Гуши-хана на «высокий трон тибетских царей», сообщает Сумба-Хамбо, «приветствовали его некоторые цари Индии, Непала и страны Ньяри»⁷⁹. Одновременно эти послы поздравили Далай-ламу V с принятием верховной власти над Тибетом; вероятно, в это время маленькое государство Сикким получило от Тибета гарантии военной помощи в случае какой-либо опасности⁸⁰, т. е. стало вассалом Тибета.

Наиболее трудно складывались отношения Тибета с Бутаном. Это небольшое государство, очень напомилавшее Тибет по государственному устройству (партнерство светской и церковной власти по типу «лама — милостынедатель»), проводило независимую и агрессивную политику и не испытывало особого почтения к правящему в Тибете режиму, поскольку в Бутане доминировала «красная» секта Бругпа (или Лха-Бругпа)⁸¹. В 1645 г. возник конфликт между монастырями области Монпа и Бутаном. Тибетские власти направили в Бутан 700 тибетских и хошоутских воинов под командованием трех офицеров. Влажный климат и густые леса Бутана оказались настолько непривычными и для тибетцев, и для хошоутов, что они не смогли противостоять бутанцам. Экспедиционный отряд был окружен и разбит; при этом командиры попали в плен, а вернуться в Тибет удалось немногим⁸². В 1646 г. было подписано мирное соглашение между Тибетом и Бутаном о сохранении статус-кво на границе и о ежегодных поставках риса из Бутана в Тибет. Но уже в 1647 г. мирное соглашение было нарушено, тибетцы вновь ввели свои войска в Бутан и дошли до населенного пункта Паро. Однако в результате внезапного ночного нападения бутанских войск тибетский отряд был вынужден бежать в сторону границы, бросив все свои вещи и палатки⁸³.

В 1656 г. Далай-лама V направил послание Деб-Радже, светскому правителю Бутана, с требованием подчиниться Тибету. Поскольку тот даже не счел нужным отвечать на это письмо, Далай-лама собрал тибетское ополчение из Гонгпо, Дагпо и Лхока и направил его в Бутан. Война длилась около года, но не принесла успеха ни одной из сторон. Далай-лама V, желая выпутаться из неприятного положения и в то же время «сохранить лицо», прибегнул к испытанному тибетскому способу для улаживания шекотливых дел — посредничеству. Он обратился к Панчен-ламе I, и тот направил в Бутан трех своих представителей с богатыми дарами, которые сумели добиться мирного соглашения⁸⁴.

Тибето-бутанские столкновения из-за области Монпа происходили еще два раза: в 1668 и 1675 гг. Победу не смогла одержать ни одна из сторон, но мирного соглашения подписано не было, и торговля между двумя странами прервалась⁸⁵. Наконец, в 1676 г. произошло новое столкновение, на этот раз из-за Сиккима, на который напали бутанцы. Тибетцам удалось вытеснить бутанцев из Сиккима, но отношения между Бутаном и Тибетом остались и в дальнейшем враждебными⁸⁶.

Отношения между Тибетом и Непалом, который состоял из ряда обособленных феодальных владений, были более спокойными и сводились к взаимному паломничеству и торговле. Только в 1660 г. произошли незначительные столкновения в районе непало-тибетской границы⁸⁷.

Отношения Тибета и Сиккима, как уже отмечалось, были отношениями вассала и сюзерена; для Сиккима этот номинальный вассалитет был не только не обременительным, но даже выгодным, поскольку позволял получать тибетскую помощь в случае опасности. В 1661 г. новый правитель Сиккима, Тенсунг-Намчжал, посетил Лхасу и обратился с просьбой помочь реформировать систему правосудия в Сиккиме по тибетскому образцу⁸⁸.

Что касается отношений с Индией, то тибетские власти питали к этой стране особые чувства, как к родине буддизма; с индийскими княжествами велась незначительная торговля, а иногда оттуда прибывали посольства с подарками или поздравлениями. Так, в 1656 г. в Тибет прибыло посольство с подарками от бенгальского правителя Шуджи⁸⁹.

На западной границе Тибета располагалось небольшое государство Ладак, весьма сходное с Тибетом как по природным условиям, так и по занятиям населения, языку и религии, хотя в Ладаке, как и в Бутане, доминировала секта Бругпа. Будучи фанатичным приверженцем Бругпы и находясь под влиянием как местных лам этой секты, так и верховного иерарха Бругпы в Бутане, король Ладака Делег-Намчжал начал притеснять монастыри Гелугпы в Ладаке, а затем осуществил несколько рейдов в различные районы Западного Тибета. Кроме того, ладакский король, зная о напряженности в тибето-бутанских отношениях, послал в Лхасу письмо, в котором сообщил, что намерен помогать Бутану против Тибета⁹⁰. В ответ из Тибета в Ладак были направлены войска, разбившие ладакскую армию и захватившие столицу страны Лех. Тогда ладакский король обратился за помощью к радже Кашмира, который прислал свою конницу. Поскольку война затягивалась, прибегли к посредничеству верховного иерарха секты Бругпа. В итоге переговоров, тибето-ладакская война 1679—1683 гг. закончилась подписанием соглашения, по которому Ладак уступил часть своей территории в пользу Тибета, а также обязан был посылать один раз в три года миссию с данью Далай-ламе (лапчак)⁹¹.

Особого внимания заслуживает «восточная» политика Далай-ламы V, которая включала в себя отношения с Китаем и различными монгольскими владениями.

Отношения Тибета с будущими правителями Китая — маньчжурами — начались еще до того, как маньчжурская династия Цин установила свое господство в Китае, а Далай-лама V получил верховную власть в Тибете. Обе стороны были одинаково заинтересованы в налаживании контактов: тибетские лидеры полагали, что следует установить нормальные отношения с новой державой, которая подчинила себе Южную Монголию и угрожала Китаю; маньчжурские же правители прекрасно знали о религиозном влиянии, оказываемом Лхасой на монголов. Из Маньчжурии было отправлено посольство в Лхасу во главе с Чахань-ламой, который от имени маньчжурского хана Абахая (1627—1644) пригласил Далай-ламу V приехать в Мукден. В ответ из Тибета была прислана миссия во главе с Илагуксан-хутухтой, которая доставила хану Абахая письма от тибетских иерархов, Гуши-хана и правителя Цзана. В письме

Далай-ламы V содержалась просьба о том, чтобы маньчжурский правитель взял под свое покровительство буддийскую церковь⁹². Ответные письма Абахая религиозным и политическим деятелям Тибета были написаны в благожелательном, но довольно неопределенном тоне: хан знал о борьбе двух религиозно-политических группировок в Тибете, но не был уверен, какая из них победит⁹³.

Это событие, не имевшее в те годы особых политических последствий, по-разному оценивается китайскими и тибетскими авторами. По мнению официальной цинской историографии, равно как и современных китайских авторов, это было посольство с «данью»⁹⁴, т. е. оно ознаменовало начало подчинения Тибета Китаю. Мнение же тибетских авторов сводится к тому, что «между Далай-ламой и маньчжурскими правителями установились отношения «чой — йон»⁹⁵, причем Китая, как третьей страны, эти отношения не касались.

Следующий этап тибето-китайских отношений начался после того, как Гуши-хан передал Далай-ламе V власть над Тибетом, а маньчжуры установили власть своей династии Цин в Китае. Смена династии в Китае и одновременное возникновение теократического государства в Тибете требовали возобновления тибето-китайских связей. Цинская империя была непосредственным соседом Тибета; к тому же она медленно, но настойчиво поглощала территории, населенные монголами-буддистами. Далай-лама V как глава буддийской церкви и государства, проводивший активную политику в отношении всех соседей Тибета, был обязан установить нормальные отношения с новым китайским режимом.

Цинские правители Китая имели собственные виды на Тибет, поскольку он граничил непосредственно с китайскими провинциями Сычуань и Юньнань. Их также беспокоил вопрос о вошедших в состав империи землях, населенных воинственными монгольскими кочевниками. Цины прекрасно понимали влияние на монголов буддизма и надеялись использовать религиозный авторитет Далай-ламы V в своих целях. Далай-лама V получил несколько приглашений приехать для встречи с цинскими правителями⁹⁶. Император Фу Линь (1644—1661), приславший последнее по времени приглашение, объяснял своим приближенным необходимость приезда тибетского иерарха тем, что

«...Халха все еще не подчинилась(нашей империи), так как чужеземцы-монголы прислушиваются только к словам лам»⁹⁷.

Далай-лама V, сумевший к тому времени полностью стабилизировать обстановку в Тибете, принял приглашение императора Фу Линя и в середине 1652 г. прибыл к границе Цинской империи. Отсюда он обратился к императору с просьбой лично встретить его за пределами империи, чем вызвал настоящий переполох в Пекине. Часть придворных, маньчжуры по национальности, советовали императору выполнить просьбу тибетского иерарха, поскольку именно китайская сторона пригласила его; к тому же уважение, проявленное императором к главе буддийской церкви, расположит халхасцев в пользу Китая⁹⁸, другая часть придворных (китайцы) заявили, что императору как владыке Поднебесной не к лицу встречать иностранного ламу: это может сделать кто-нибудь из сановников⁹⁹.

В этом курьезном инциденте, как в капле воды, отразился китаецентристский взгляд на мир, не допускавший даже формального признания равенства китайского императора с иностранными правителями. После некоторых колебаний Фу Линь согласился со второй точкой зрения и решил не встречать Далай-ламу V на границе. Однако, опасаясь, что рассерженный гость может повернуть назад, император не решился отказать ему прямо: он то назначал место встречи во Внутренней Монголии, то, ссылаясь на внутренние трудности и необходимость своего присутствия в столице, уклонялся от приезда. В конце концов Далай-лама V вынужден был приехать в Пекин, где и встретился с императором Фу Линем.

Прибытие Далай-ламы V описано в китайской хронике «Цин ши лу» как обычный визит зарубежного вассала привезшего дань ко двору: «День гуй-чоу. Прибыл Далай-лама. Он нанес визит государю, (находившемуся) в Южном парке. Государь соблаговолил разрешить ему сесть и предложил угощение. Далай-лама подарил государю лошадь и поднес ему местные продукты»¹⁰⁰. Но эту лаконичную запись нельзя воспринимать буквально. Как отмечает В.Л. Успенский, «подобно тому, как человеческое ухо улавливает лишь звуки определенной частоты, а остальные не воспринимает, китайские историографы зачастую фиксировали лишь те факты взаимоотношений императоров с внешними вассалами, которые поддавались ис-

толкованию в терминах традиционных политических представлений»¹⁰¹. В реальной жизни прием Далай-ламы V оказался более пышным и торжественным; специально для прожигания тибетского иерарха в Пекине был построен буддийский храм Хуансы; император вручил ему богатые подарки. В 1653 г. ему была дана инвеститура в виде золотого альбома, в котором была сделана надпись «Далай-лама, наблюдающий за буддийской верой на земле, великий благожелательный самосуществующий Будда Западного Рая»¹⁰², и печати с таким же титулом. Далай-лама V, в свою очередь, даровал цинскому императору Фу Линю почетный титул «Великий владыка, верховный бог Неба, Бодхисаттва»¹⁰³.

С точки зрения Цинов, у империи появился новый вассал. С тибетской же точки зрения, «Пятый Далай-лама и маньчжурский император даровали друг другу высокие почетные титулы и, таким образом, отношения «чой-йон» были подтверждены»¹⁰⁴. Но, что бы ни думала каждая из сторон о статусе своего нового партнера, отношения между Тибетом и Цинским Китаем были установлены.

Несмотря на пышный прием и дорогие подарки, Далай-лама V был, вероятно, обижен действиями императора перед его прибытием в Пекин. В связи с этим осторожные попытки императора Фу Линя управлять новым «вассалом» встретили сопротивление: Далай-лама V не пожелал участвовать в съезде монгольских князей, который планировался императором, и, сославшись на неподходящий климат, в начале 1653 г. покинул Пекин.

Цины не забыли и о Гуши-хане: «ему было пожаловано титуло “следующего просвещению, действующего по истине, счастливого и благоразумного” Гуши-хана, даны были золотые грамоты и печать, лук, стрелы, латы и шлем»¹⁰⁵.

Визит Далай-ламы V в Китай по-разному оценивается историками: одни считают, что он признал себя вассалом цинского императора¹⁰⁶; другие полагают, что Далай-лама V продолжал считать себя независимым от Цинов правителем¹⁰⁷. Как нам представляется, убедительным ответом на этот вопрос является поведение тибетского иерарха во время восстания У Саньгуа в Китае.

У Саньгуй — известная в китайской истории фигура, китайский военачальник, способствовавший вторжению в Китай маньчжурских завоевателей. Он активно способствовал утверждению в стране маньчжурской власти, пользовался доверием Цинов и получил пост наместника южно-китайской провинции Юньнань. Постепенно, однако, усиление У Саньгуя стало беспокоить цинских правителей. В 1673 г. цинский император издал приказ о роспуске войск, находившихся в подчинении китайских наместников трех южных провинций. В ответ на это У Саньгуй поднял антицинский мятеж в 1674 г.; к нему присоединились наместники Гуандуна и Фуцзяни¹⁰⁸. Мятеж в Южном Китае настолько обеспокоил цинский двор, что император Сюань Е обратился к Далай-ламе V с просьбой о присылке хошоутибетских войск для оказания помощи цинским войскам.

Далай-лама V ответил: «Издавна существовали отношения религиозного патронажа между маньчжурским императором и Далай-ламой. Ваш отец, император Шунь-чжи, был чрезвычайно добр и милостив ко мне, когда я посетил Китай, и я всегда молюсь за мир и процветание Вашей страны. Однако я не думаю, что тибетские солдаты могут быть полезны в Китае, так как они не привычны сражаться в вашем климате. Монголы же — отличные воины, но их трудно контролировать, и Вы получите больше хлопот, чем пользы. И монголы, и тибетцы непривычны к жаре и легко могут заразиться оспой, которая сейчас имеет место в Китае. Поэтому я не думаю, что Вам будет от них большая польза, и считаю нецелесообразным посылать их в Китай»¹⁰⁹.

Письмо Далай-ламы V интересно двумя моментами: во-первых, он подтверждает отношения «лама — милостынедатель», сохранявшиеся между тибетским иерархом и цинским императором, хотя Далай-лама V и император Сюань Е лично не встречались и титулами не обменивались; во-вторых, в письме содержится хотя и вежливый, но все же отказ. Вассал вряд ли рискнул бы отказать своему сюзерену в минуту, критическую для династии. Таким образом, вассалитет Далай-ламы V по отношению к Цинам был номинальным, т. е. существовавшим лишь в цинских хрониках и в воображении императоров. Отношения «лама — милостынедатель» между Далай-ламой V и императором Сюань Е в тот период значили не более, чем

отношения тибетского иерарха с любым из монгольских или джунгарских ханов, и не влекли за собой никаких политических последствий. Это понимали и в Пекине, и потому, обращаясь с просьбами в Лхасу, никогда не прибегали к языку угрозы.

Независимость политики Далай-ламы V подтверждается и тем фактом, что, когда в Лхасу прибыло посольство от мятежного У Саньгуя, Далай-лама V, вопреки советам своих приближенных, оказал этому посольству такой же прием, как и китайскому. На просьбу послов У Саньгуя о военной помощи тибетский иерарх дал такой же ответ, как и тот, что был дан императору Сюань Е. При этом он заявил, что намерен соблюдать нейтралитет и будет молиться за мирное разрешение конфликта¹¹⁰. При этом он не забывал и об интересах Тибета: по словам Я Ханьчжана, Далай-лама V послал тибетские войска захватить два города на границе Тибета и Китая. Цинским же властям он сообщил: «Янгдаму и Чжиедаму были первоначально под юрисдикцией двух лам Кармапа (правлящие ламы Черношапочной и Красношапочной линий секты Карма Кагью), но позднее они были оккупированы У Саньгуем. Поэтому я послал войска, чтобы вернуть их»¹¹¹. Император Сюань Е, учитывая сложную ситуацию, в какую попала династия Цин, не решился прямо возражать по этому поводу, но приказал, чтобы «военные и гражданские чиновники всех уровней, посланные для подавления бунта, исследовали письма между У Саньгуем и Далай-ламой V и доставляли их, как только они будут перехвачены»¹¹². В 1680 г., когда сын У Саньгуя У Шипань был окружен цинскими войсками, он отправил в Тибет письмо, обещая уступить Тибету пограничные районы Чжунтянь и Вэйси, если тибетцы помогут ему пройти по их территории в Кукунор. Письмо не дошло до адресата, т. к. было перехвачено маньчжурами¹¹³.

Далай-лама V, несмотря на объявленный им нейтралитет, все же пытался помочь У Саньгую дипломатическим путем. В своем послании императору Сюань Е он писал: «Я с тревогой узнал, что У Саньгуй восстал... Если У Саньгуй подчинится, сохраните, пожалуйста, ему жизнь, а если он будет упорствовать в том, что делает сейчас, разумно было бы уступить ему территорию и установить с ним мир»¹¹⁴. Император ответил с гневом: «У Саньгуй первоначально, при Минской

династии, был офицером низкого ранга. Его отец был убит восставшими крестьянами. Он пришел просить нашей помощи. Император Шицзу даровал ему титул князя и выдал принцессу императорской фамилии за его сына. Я пожаловал ему другой титул князя, и даровал ему больше привилегий и почестей, чем министрам двора, что редко бывало в истории. У Саньгуй не оценил нашего доверия и причинил нам много ущерба, а народу — убытка. Небеса и люди полны гнева. Я — повелитель своего народа под Небесами. Как же я могу отдать ему территорию и заключить с ним мир?! Но если он раскается, я пощажу его»¹¹⁵. Но никаких обвинений в адрес Далай-ламы V не прозвучало.

По отношению к монгольским странам, включая и Кукунор, Тибет выступал как центр буддизма, а Далай-лама V — как высший религиозный и моральный авторитет. Посещение тибетских святынь и лицезрение Далай-ламы было для верующего монгола тем же, чем для мусульманина — посещение Мекки. Это положение позволяло Далай-ламе V взять на себя роль арбитра в сложных или конфликтных ситуациях, периодически возникавших как в монгольских землях, так и на границе с Китаем. Как сообщает «Шэн у цзи», в 1667 г. кукунорские хошоуты, «забушевав», начали нападать на пограничные китайские поселения, и местный цинский пограничный начальник Чжан Юн даже собирался «построить пограничную стену от Бяньду-коу в Си-шуй-гуань до Цзя-юй-гуана, чтобы разграничить внешних и внутренних»¹¹⁶. В 1668 г. они повторили набег, но, «получив увещательное письмо от Далай-ламы, остановились и, представив верблюдов, лошадей, коров и баранов для извинения, вышли из границ, потому что они в то время были еще только “привязанные” (цзими, а не покорные) к Китаю»¹¹⁷. В.Д. Шакабпа описывает эту ситуацию следующим образом: «Тремя годами позже к Далай-ламе был прислан настоятельный призыв от нового маньчжурского императора (Сюань Е. — Е.Б.) послать представителя в район Кукунора для умиротворения тамошних монголов, которые постоянно грабили пограничные китайские города. Далай-лама отправил своего представителя, которому монголы повиновались, и ситуация стабилизировалась. Было достигнуто соглашение, по

которому монголы прекращали рейды на китайскую территорию и одновременно возобновлялась торговля между Монголией и Китаем»¹¹⁸.

В ряде случаев вмешательство Далай-ламы V прекращало внутренние распри в монгольских владениях. Один из таких случаев приводит «Дэбтэр-чжамцо»: «Когда началась междоусобная борьба, (Далай-лама V) отправил в Куку-нор Гоман бонлоб Принлай-Лхундуба. (Он, прибыв) в (местность) при слиянии Чжулаг и Шугшабад, собрав в амдоском монастыре Дагна князей, установил их владения, разделил на правое и левое крыло. Установились (мир) и спокойствие»¹¹⁹. Посредническая и миротворческая политика Далай-ламы V в монгольских странах, из-за которой некоторые историки именуют его «послушным орудием Цинов»¹²⁰, была, во-первых, традиционной для Тибета, а во-вторых, как нам кажется, была столь же выгодна монголам, как и Цинам, поскольку позволяла им сохранить силы и не тратить их в случайных набегах или междоусобных стычках. В.Д. Шакабпа подчеркивает, что Далай-лама V был сторонником монгольского единства и неоднократно предпринимал меры в этом направлении (посылка специальных эмиссаров из Лхасы, принятие клятв от монгольских владельцев о сохранении единства)¹²¹. На наш взгляд, Далай-лама V предпринял вторую (после Эрдэни Батура-хунтайчжи) попытку мирного объединения монгольских народов. Одним из самых знаменитых эмиссаров Далай-ламы V был крупный ученый и религиозный деятель Зая-пандита, чьей главной задачей, по мнению И.Я. Златкина, было «примирить всех говорящих на монгольском языке и исповедующих ламаизм, подготовив, таким образом, условия для их объединения в могущественное единое государство под эгидой церкви, т. е. лхасских первосвященников»¹²². Таким образом, «монгольская» политика Далай-ламы V, не являясь в прямом смысле слова антицинской, преследовала все же совершенно иные цели, чем те, на которые надеялись в Пекине.

Политика Далай-ламы V, достаточно активная и независимая как внутри Тибета, так и вне его, все же должна была проводиться с определенной оглядкой на хошоутов. Но в 1655 г.

умер Гуши-хан, человек воинственный и суровый, олицетворявший собой хошоутский протекторат над Тибетом. Далай-лама V в своей книге «Записи о тибетских королях и министрах» называл Гуши-хана титулом «Чакаварти Раджа (правитель, колеса колесницы которого везде вращаются без помех) этой калпы, Тензин Чоский Гьялпо»¹²³. В память о нем была нарисована картина, помещенная в храме Чжоканг: «Он изображен беседующим с первым банчэн-ринпочэ, своим влиятельным современником. Легенда говорит, что изображение его было воспроизведено здесь по приказанию благодетельствованного им пятого далам-ламы»¹²⁴.

Со времени смерти Гуши-хана влияние хошоутов на политику Далай-ламы V начинает ослабевать. Следующий хошоутский правитель, Даян-хан (1658—1668), вначале правил Тибетом совместно со своим братом Даши-Батуром, но в 1660 г. они разделили свои владения и Даяну достался Тибет, а Даши-Батуру — Кукунор¹²⁵. Как отмечает Р.Н. Дугаров, «за четырнадцать лет пребывания Даян-хана на престоле тибетских царей почти не было больших внешнеполитических акций и событий, где можно было бы использовать военные силы Тибета. Хошуты к этому времени освоились на кочевьях Дам-сока, мирно пасли свой скот и табуны и не стремились к вмешательству в дела тибетцев. Даян-хан большую часть времени отсиживался в своей загородной урге, среди своих домочадцев, вдали от сует и интриг придворной Лхасы»¹²⁶.

Ослаблением хошоутского влияния немедленно попытались воспользоваться противники иностранного присутствия в Тибете. Источник «Дэбтэр-чжамцо» сообщает, что один из буддийских иерархов Дэба Чжидшодпа, представлявший группу кар-дан, стал распространять тайные воззвания, призывавшие к борьбе с хошоутами. Однако в плане военном хошоуты продолжали оставаться достаточно сильными, и это движение потерпело поражение¹²⁷.

В 1668 г. Даян-хан умер, а его сын, Далай-хан Ратна, стал считаться хошоутским ханом только с 1771 г. (очевидно, в связи с малолетством). В том же 1668 г. умер очередной дэсрид (главный администратор) цзайсан Деба Принлас Чжамцо, в кото-

ром многие историки видят ставленника хошоутского хана, старавшегося поставить под хошоутский контроль деятельность сановников Далай-ламы V¹²⁸. Тибетские источники ничего не сообщают по этому поводу, однако следует отметить то обстоятельство, что в период «междоусобия» Далай-лама V сам управлял административными делами, не избирая себе дэсрида¹²⁹.

Следует отметить, что полное избавление от хошоутского протектората было не в интересах Далай-ламы V и возглавлявшейся им секты Гелугпа: их более всего устраивало присутствие хошоутов в виде своеобразной военной касты, не вмешивавшейся в политические дела. Доминирование Гелугпы и необходимость подчиняться центральной власти устраивали в Тибете далеко не всех, и чем дальше от Лхасы находилась та или иная тибетская территория, тем независимее чувствовали себя местные власти и монастыри. В 1678 г. в Гьялтане (Восточный Кам) вспыхнуло восстание, на подавление которого были двинуты тибетские и хошоутские войска, которые, по словам В.Д.Шакабпы, «сумели восстановить закон и порядок»¹³⁰. Борьба с сепаратизмом местных феодалов, проявлениями недовольства населения — все это, с точки зрения руководства секты Гелугпа, оправдывало присутствие в стране хошоутских «милостынедателей».

Далай-лама V должен был, разумеется, уделять большую часть своего времени религиозным делам: молебнам, разного рода ритуалам, встречам с паломниками, инспекционным поездкам по монастырям. Важным мероприятием в этом плане было нахождение перерожденца Панчен-ламы I, скончавшегося в 1662 г. Общее руководство процедурой отыскания перерожденца, его официальное признание и принятие в дальнейшем от него монашеских обетов осуществлялось Далай-ламой V. Панчен-ламе II было дано имя Ловзан Ешей (1663—1737).

Далай-лама V оставил определенный след в культуре Тибета: его сочинения религиозного и исторического характера составили 25 томов. Под его руководством началось строительство великолепного памятника тибетской архитектуры — дворца Потала в Лхасе, который на протяжении нескольких веков был официальной резиденцией Далай-лам.

В 1682 г. Далай-лама V скончался. К моменту его кончины Тибет стал страной, покончившей с бесконечными религиозными войнами, феодальной анархией, неопределенностью во внешней политике. Тибету удалось нормализовать отношения с большинством соседних государств, несколько расширить свою территорию (на западе), стабилизировать внутреннюю ситуацию, восстановить хозяйство. Во всем этом была несомненная заслуга Далай-ламы V, которого один из российских востоковедов назвал «самым славным, самым знаменитым из всех Далай-лам»¹³¹.

В стране сложился своеобразный феодально-теократический строй при формальном сохранении хошоутского протектората. Влияние хошоутов на внутреннюю и внешнюю политику Тибета благодаря авторитету и дипломатическому искусству Далай-ламы V было сведено к минимуму. Хошоуты превратились в тибетское военное сословие, а их ханы были готовы бороться с внешними или внутренними врагами секты Гелугпа, что вполне укладывалось в рамки отношений «лама — милостынедатель». Иначе обстояло дело с Цинским Китаем. В то время как тибетские иерархи трактовали отношения с Цинской империей в привычных терминах «лама — милостынедатель», не вкладывая в это понятие никакого политического содержания, Цины рассматривали отношения с тибетскими лидерами по столь же привычной схеме «сюзерен — вассал», т. е. под чисто политическим углом зрения. Тибет интересовал Цинов и в плане использования религиозного влияния на монголов (с целью их «умиротворения» или подчинения, т. е. опять-таки по политическим мотивам), и в плане подчинения непосредственно тибетской территории, поскольку Тибет соприкасался с китайскими провинциями Сычуань и Юньнань. Правда, вторая задача могла представляться как весьма отдаленная, учитывая независимость Халхи и Кукунора на том этапе. Тем не менее в связи с тибето-китайскими отношениями в период восстания У Саньгуя, исключать эту задачу было бы неверным.

В период правления Далай-ламы V два принципиально различных подхода к тибето-китайским отношениям — тибетский и китайский — существовали как бы параллельно, без проти-

воречий. Тибетские и китайские лидеры предпочитали «не замечать» различных неувязок в своих отношениях, поскольку ни те, ни другие не были в состоянии навязать свою волю друг другу. На определенном этапе такой подход был выгоден обеим сторонам, т. к. позволял решать многие проблемы мирным путем. Важную роль, несомненно, играло и дипломатическое искусство тибетского иерарха, сумевшего в течение своей жизни сохранить неустойчивое равновесие в отношениях Тибета и Китая. Вероятно, самую верную оценку жизни и деятельности Далай-ламы V дали сами тибетцы, с полным основанием назвавшие его «Великим Пятым».

Санчжай Чжамцо родился в Абаре в 1653 г. Он происходил из знатного тибетского рода и был племянником Принлая Чжамцо, одного из дэсридов (главных администраторов) при Далай-ламе V. 14 июля 1679 г. он был назначен на пост дэсрида¹. Через три года Далай-лама V умер, и руководство внутренней и внешней политикой страны перешло в руки Санчжая Чжамцо. За время его пребывания на посту дэсрида в Тибете последовательно сменилось три хошоутских хана: Далай-хан Ратна (он же Даньцзинь Далай-хан, 1671—1701) и его сыновья Даньцзинь Ванчжал (он же Даньцзинь Банпиг, 1701—1703) и Лхавзан (1703—1717). Первые два хана практически не интересовались государственными делами, поэтому до 1703 г. Санчжай Чжамцо не имел особых хлопот с хошоутами.

О кончине «Великого Пятого» следовало объявить всем монахам и мирянам тибетского государства для проведения соответствующих заупокойных церемоний, возведения ступы, куда помещались останки покойного иерарха. Всеми этими мероприятиями должен был руководить Панчен-лама II, к которому временно переходила высшая церковная власть; он же должен был заниматься отысканием перерожденца умершего иерарха, назначением регента на время его несовершеннолетия и т. п.

Однако дэсрид Санчжай Чжамцо пошел на беспрецедентный шаг: он скрыл смерть Далай-ламы V, не сообщив о ней ни в Тибете, ни за рубежом. Вместо этого он объявил, что Далай-лама V решил стать отшельником, уединившись в особом помещении дворца Потала, и погрузился в медитацию. Известие об этом не вызвало никакого удивления в Тибете, поскольку отшельничество практиковалось в стране на протяжении многих веков. Вот как пишет об этом А. Уоддель, лично наблюдавший религиозную практику отшельников: «С того мгновения, как запирается дверь, отшельник остается в полной темноте в течение всего своего добровольного заключения на первую или вторую степень святости или на всю жизнь. Он не может различать дня, ночи или течения времени. Его единственное обще-

ние с внешним миром состоит в том, что ему ежедневно ставят пищу на выступ окна; в силу обета он не имеет права впускать к себе свет или выглядывать наружу. В течение всего заключения он не смеет никого видеть, ни с кем говорить»².

В то же время дэсрид не нарушил религиозной традиции Тибета: перерожденец покойного иерарха был соответствующим образом обнаружен в Монъюле. В 1688 г. ребенок был тайно перевезен в Нанкарцзе, где его обучением занялись специальные учителя, назначенные дэсридом³. Будущий Далай-лама VI подрастал, и через несколько лет он должен был взойти на престол в Потале. Все 15 лет, прошедшие от дня кончины Далай-ламы V до момента интронизации Далай-ламы VI, дэсрид Санчжай Чжамцо правил страной от имени якобы здравствовавшего иерарха.

Каким образом дэсриду удалось так долго хранить тайну? И.Л. Малик полагает, что истинное состояние дел было известно очень узкому кругу лиц — не более трех человек, включая самого дэсрида⁴. В.Д. Шакабпа пишет: «Чиновники и подданные восприняли без всяких вопросов заявление деши, что Далай-лама погрузился в медитацию на неопределенный срок и что его нельзя беспокоить. Любой, желавший видеть Далай-ламу по делу чрезвычайной важности, получал информацию о том, что он находится один в своей личной комнате. Еда подавалась в комнату как обычно, и делалось все, чтобы показать, что он жив и здоров. Чиновники стояли за пределами комнаты и могли слышать лишь звуки маленького барабана и колокольчика, применявшихся в ритуальных целях и означавших, что Далай-лама находится в глубокой медитации. Во время публичных церемоний его парадное платье возлагалось на трон в зале приемов, и все шло по заведенному порядку, как если бы он действительно присутствовал»⁵.

Несколько труднее обстояло дело с иностранными паломниками или послами, многие из которых проделали долгий и трудный путь до Лхасы, привезли ценные подарки или послания и желали лично видеть Далай-ламу V. Однако выход был найден. Некий монах из монастыря Намчжал Драцанг, имевший внешнее сходство с Далай-ламой V, надевал специальные церемониальные одежды и головной убор, сделанный из бус и ячьих хвостов, который почти полностью закрывал

лицо и, окутанный клубами фимиама, предстал перед посетителем⁶. Естественно, что, ради сохранения тайны, монах содержался под своего рода «домашним арестом». Несколько раз, устав от такого образа жизни, он пытался сбежать из Поталы. Если он отказывался играть роль Далай-ламы V, то его либо избивали, либо старались подкупить⁷.

С какой целью дэсрид Санчжай Чжамцо скрыл смерть Далай-ламы V? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть положение дэсрида в политической структуре Тибета в XVII в. Он был высшим чиновником, назначаемым или увольняемым по приказу хошоутского хана (но с согласия высшего церковного иерарха). Санчжай Чжамцо был назначен на свой пост по желанию Далай-ламы V, пользовался его несомненным расположением, так что даже ходили слухи о том, что дэсрид являлся родным сыном покойного иерарха⁸. В случае объявления о смерти старого и нахождении нового Далай-ламы, во главе церкви автоматически становился Панчен-лама II. Именно он должен был выбирать кандидатуру на пост регента при малолетнем Далай-ламе VI. Дэсрид мог и не стать этим регентом; но даже если бы он и был назначен на этот пост, его положение в стране было не слишком прочным. Панчен-лама II, мог, сговорившись с хошоутским ханом, отстранить Санчжая Чжамцо и назначить нового регента. Скрыв же смерть Далай-ламы V, Санчжай Чжамцо мог любое свое решение подкрепить авторитетом этого иерарха: достаточно было поставить под документом отпечаток личной печати Далай-ламы V.

Таким образом, Санчжай Чжамцо был прямо заинтересован в сокрытии факта смерти Далай-ламы V, поскольку в этом случае он оставался почти абсолютным правителем страны до интронизации нового Далай-ламы. Но для чего ему была нужна эта власть? Был ли он честолюбивым интриганом, как полагают многие историки, или же им двигали иные мотивы? Ответ на этот вопрос может дать рассмотрение деятельности дэсрида Санчжая Чжамцо как внутри Тибета, так и на международной арене.

Прежде всего следует отметить огромное внимание, которое уделял Санчжай Чжамцо завершению строительства дворцового комплекса Потала: под наблюдением дэсрида было

закончено сооружение Пхобран Марпо (Красного дворца). Строительство требовало огромных финансовых затрат, большого количества рабочих рук и строительного материала и велось много лет; известие о смерти Далай-ламы V могло вызвать протесты и феодалов, и зависимого населения против дополнительного бремени, связанного со строительством дворца. И.Л. Малик считает, что именно стремлением без помех закончить сооружение Поталы объясняется сокрытие дэсридом смерти «Великого Пятого»⁹. Дэсрид также основал 12 монастырей Гелугпы, каждый из которых имел в своем названии слово «Галдан» (обитель радости, местопребывание Майтрейи)¹⁰.

Об административной деятельности дэсрида Санчжая Чжамцо известно не много: тибетские хроники не содержат конкретных сведений по данному вопросу. Но нет упоминаний и о мятежах, войнах и т. п., что само по себе свидетельствует о стабильной обстановке в стране; не исключено, правда, что эта стабильность сохранялась благодаря авторитету такого выдающегося лидера, каким был якобы живой Далай-лама V. Тибетский историк В.Д. Шакабпа пишет: «Санчжай Чжамцо выполнял тогда многочисленные обязанности, включая обязанности Далай-ламы. Его правление было безупречным. Он регулярно посещал суды и конторы, и в каждом правительственном учреждении для него было отведено место на тот случай, если ему придется решать что-либо непредвиденное»¹¹. Сохранилось предание, будто бы Санчжай Чжамцо, подобно Гаруну ар-Рашиду из арабских сказок, любил бродить по Лхасе переодетым, чтобы из первых рук узнавать о событиях в стране, настроениях населения и т. п. Горожане довольно быстро узнали об этом и стали осторожней в своих высказываниях. По словам В.Д. Шакабпы, дэсрид, пытавшийся узнать мнение одного из посетителей таверны о действиях правительства, получил ответ: «Мое дело — пить пиво. Остальное — дело деши»¹².

Весьма значительным является научное наследие Санчжая Чжамцо. В 1683—1687 г. им были написаны труды по астрономии и астрологии «Вайдурья-гарбо» и «Вайдурья-ясел»; в 1687—1688 гг. — медицинский трактат «Вайдурья-онбо»; в 1692—1696 гг. трехтомное дополнение к «Автобиографии» Далай-ламы V; в 1698 г. — исторический трактат «Вайдурья-сэрбо»¹³. Кроме того, под

патронажем дэсрида в 1682 г. в Пекине было начато издание буддийского канона и комментариев к нему — Ганьчжура и Даньчжура¹⁴.

Несомненной заслугой Санчжая Чжамцо было создание медицинского центра в Чагпори, где готовились кадры для всего Тибета и который просуществовал до 1916 г.¹⁵

Таким образом, в научном и культурном плане дэсрид Санчжай Чжамцо был достойным преемником «Великого Пятого». Его внутренняя политика и его научное наследие позволяют говорить о нем как о талантливом ученом и администраторе, далеком от того образа заговорщика и интригана, который создан в целом ряде исторических работ.

В то же время большинство обвинений в адрес дэсрида прозвучало в связи с проводимой им внешнеполитической линией. Так, современный китайский автор Я Ханьчжан пишет: «Деба Санчжай Чжамцо сохранил смерть Далая V в тайне, пытаясь монополизировать религиозную и политическую власть. С этого момента стал развиваться раскол между тибетским местным правительством и Цинской династией, т. к. Санчжай Чжамцо внешне «повиновался» цинскому двору, но тайно поддерживал тех, кто действовал против цинской политики объединения»¹⁶.

Надо сказать, что не только китайские, но и большинство европейских авторов сходятся на том, что внешняя политика Санчжая Чжамцо носила антикитайский характер и что дэсрид играл роль идейного вдохновителя завоевательной политики джунгарского хана Галдана, боровшегося с Цинами в Центральной Азии. Однако существуют и определенные расхождения: часть историков исходит из постулата о вассальной зависимости Тибета по отношению к Китаю и, соответственно, рассматривает дэсрида как мятежника, взбунтовавшегося против законного государя¹⁷. Другая группа историков считает Санчжая Чжамцо дальновидным правителем и патриотом, стремившимся не только освободить Тибет от хошоутской опеки, но и предотвратить растущую опасность со стороны Цинской империи¹⁸. Обе группы авторов основываются на одной и той же источниковой базе — цинских хрониках.

На наш взгляд наличие вассальной зависимости Тибета от Китая или отсутствие таковой не имеют в данном случае прин-

ципиального значения: как уже отмечалось выше, китайская и тибетская стороны подходили к этому вопросу с прямо противоположных позиций. До конца 80-х годов между лидерами Китая и Тибета не возникало серьезных разногласий и даже существовало определенное сотрудничество. Что же изменилось за несколько лет, прошедших после смерти Далай-ламы V?

Главной причиной тибето-китайских трений явилось, на наш взгляд, то обстоятельство, что в 1683 г. маньчжурам удалось завоевать остров Тайвань, где все еще сохранялась национальная китайская государственность. Как отмечают отечественные историки, «падением последнего оплота национального сопротивления завершилось завоевание Китая маньчжурами»¹⁹. Полностью покорив Китай, маньчжурская династия Цин могла начать теперь экспансию за пределы тогдашней Цинской империи. Речь шла о создании на рубежах Собственно Китая пояса буферных территорий, к числу которых должны были относиться Северная Монголия, Кукунор и — в более далекой перспективе — Тибет. Но на первом этапе цинской экспансии, когда для покорения Тибета не было ни достаточных возможностей, ни четкого осознания необходимости территориального захвата, Тибет уже мог играть значительную роль в великодержавных цинских планах. Тибетская буддийская церковь должна была помогать цинской монархии покорять, а затем удерживать под контролем монгольское население. Но, к неудовольствию цинских правителей, препятствиями на пути цинской экспансии явились собственные внешнеполитические устремления тибетских лидеров и военная активность джунгарского хана Галдана.

Галдан (1644—1697) был шестым сыном знаменитого джунгарского правителя Эрдэни Батура-хунтайчи. Его родным братом был Сэнгэ, остальные же братья были сводными. Отец Галдана известен в монгольской истории организацией в 1640 г. всемонгольского съезда, на котором была сделана попытка идеологически объединить все монгольские территории, которые еще не утратили независимость. Некоторые историки полагают, что стратегическая цель Эрдэни Батура-хунтайчи состояла в сопротивлении расширявшейся маньчжурской экспансии²⁰.

В возрасте шести лет Галдан был отправлен в Тибет для посвящения в монашество и обучения буддийской теологии.

Во время своего пребывания в Лхасе он имел частые контакты с Далай-ламой V, который покровительствовал Галдану и, вероятно, возлагал на него определенные надежды в плане укрепления буддизма в Джунгарии. Однако Галдану пришлось отказаться от духовной карьеры в связи с династическими распрями в Джунгарии. После смерти Эрдэни Батура-хунтайчжи ханом стал брат Галдана Сэнгэ, убитый в 1671 г. своими сводными братьями Цэцэном-тайчжи и Цзотба-батуром. Галдан, узнав об этом, добился от Далай-ламы V разрешения на снятие духовного сана и вернулся на родину. Он жестоко отомстил убийцам брата, но не позволил ни одному из сыновей покойного Сэнгэ занять трон и сам стал джунгарским ханом. После смерти одного из двух сыновей Сэнгэ (Соном-Рабдана, который видимо умер от яда) другой сын — Цэван-Рабдан, опасаясь за свою жизнь, бежал из Джунгарии²¹.

Укрепив свою единоличную власть в Джунгарском ханстве, в 1677 г. Галдан совершил набег на Алашань, где скрывался один из его врагов Чохур-Убаши, и разгромил местных хошоутов²². По совету Далай-ламы V в следующем году Галдан захватил и сделал вассальной территорией Восточный Туркестан (Кашгарию). В 1679 г. в знак своего благоволения Далай-лама V даровал Галдану почетный титул: Галдан Палдзин Бошокту-хан (Галдан — опора учения)²³. Формальным основанием для награждения Галдана этим религиозным титулом могло стать и выполнение поручения Далай-ламы V относительно Восточного Туркестана, и покровительство Галдана буддизму. Как сообщает Сумба-Хамбо, «Галдан Бошокто-хан укрепил основание “степени пути” бодхисаттвы, построил три тантрийских храма и поклонялся им, приносил жертву»²⁴.

Удачный набег джунгаров на Алашань, завоевание ими Восточного Туркестана и тесные связи с теократической верхушкой Тибета сделали Галдана Бошокту-хана заметной фигурой в Центральной Азии, что, естественно, вызвало опасения цинских правителей, видевших в нем возможного соперника.

Отношения хана Галдана до начала 80-х годов XVII в. складывались в форме, устраивавшей обе стороны: джунгарский правитель, начиная с 1677 г. отправлял в Пекин посольства с данью²⁵, т. е., с точки зрения Цинов, признавал себя вассалом. Галдана эта ситуация устраивала, поскольку он, благодаря

чисто формальной зависимости от Китая, получал возможность обменивать продукты кочевого хозяйства на китайские товары.

Джунгаро-китайские отношения начали меняться к началу 80-х годов XVII в., когда Галдан Бошокту-хан пришел к мысли о возможности объединения всех монгольских земель под своей властью. Как полагает В.М. Успенский, эта идея была подсказана джунгарскому хану тибетскими иерархами: «К этому времени на северо-западе, в Чжунгарии, почти созрела мысль об объединении всей Монголии под властью чжунгаров и о свержении ига китайского. Мысль эта, породившая почти столетнюю и отчаянную борьбу чжунгаров с Китаем, воспитана и взлелеяна в Тибете по программе Далай-ламы, и в особенности под влиянием его честолюбивых ди-ба, то есть светских министров, помнивших величие Тибета при Сронцзан-гамбо и его преемниках, нападавших на Индию, завоевавших Болорское царство и овладевших Восточным Туркестаном и южными племенами хойхоров»²⁶. Другие востоковеды полагают, что теократические правители Тибета не могли оказывать серьезного влияния на политическую борьбу монгольских феодалов²⁷. Но в любом случае, создание огромной джунгарской (монгольской) империи означало бы крупный успех тибетской церкви, поскольку во главе этой гипотетической буддийской империи стоял бы человек, тесно связанный с Лхасой, — «опора учения» и «милостынедатель».

Непосредственным поводом для ухудшения джунгаро-цинских отношений стало стремление джунгарского хана Галдана и цинского императора Сюань Е подчинить себе Северную Монголию (Халху).

Ханства и княжества Северной Монголии к началу 80-х годов XVII в. были практически независимы; влияние цинского двора было здесь довольно слабым и характеризуется отечественными историками как номинальный вассалитет²⁸. Начиная с 1661 г. в Северной Монголии развернулась междоусобная борьба двух феодальных группировок, лидерами которых были Тушету-хан и Дзасакту-хан. Эта междоусобная борьба, по замечанию А. Позднеева, была «одним из важнейших предлогов для маньчжуров к тому, чтобы начать свои увещания халхасам и явиться, таким образом, их третейскими судьями»²⁹. Но вынесение решения в пользу одной из феодальных группи-

ровок неминуемо привело бы к недовольству и обиде другой группировки, что при слабости цинского влияния в Халхе могло привести к нежелательным последствиям. С целью выйти из этого щекотливого положения, император Сюань Е обратился в Лхасу с просьбой прислать специального представителя, который помог бы примирить халхаских феодалов. Из Тибета был отправлен Шамба Цэмбу-хутухта, но, доехав в 1684 г. до Хуххото, он умер³⁰. Повторная просьба из Пекина побудила дэсрида Санчжая Чжамцо (действовавшего от имени Далай-ламы V) отправить в Халху для участия в примирительном съезде настоятеля монастыря Галдан, который в истории известен под титулом Галдан-ширету.

В 1686 г. был созван примирительный съезд халхаских феодалов, на котором присутствовали также представитель Далай-ламы Галдан-ширету, представители императора Сюань Е и представители джунгарского хана Галдана. На съезде, происшедшем в местности Хурин-Билчир, произошел незначительный инцидент, имевший далеко идущие последствия. По сообщению монгольского источника «Эрдэнийн эрихэ», «в ту пору, согласно высочайшему повелению, седалище Чжэбцун-дамбы приготовили ровно и одинаково с Галдан-ширетуевым. Тогда ойратский Галдан, прозываемый «Бошокту», вследствие того, что Чжэбцун-дамба-хутухту сидел рядом с Галдан-ширетуем и не выражал ему ни малейшего удовольствия, рассердился, утверждая, что он не оказывает уважения к Далай-ламе»³¹. Однако на самом съезде никто из присутствовавших не возразил против того, что лхасскому представителю и главе монгольской церкви Чжэбцун-Дамба-хутухте были отведены одинаково почетные места.

На съезде был зачитан рескрипт императора Сюань Е, призывавший халхаских феодалов жить мирно и дружно и повиноваться цинскому монарху. Из текста рескрипта следовало, что этого требует от халхасов и буддийская церковь в лице Далай-ламы V: «Я, ради управления (всеми) совокупно живущими во Вселенной, желаю, чтобы и внутренние и внешние сполна, в мире и довольстве находя радости, каждый в отдельности и все вместе жили бы покойно и в согласии... Если, согласуясь с моим конечным желанием благодетельствовать вам, приходившим добром, старательно и мирно принося дань в течение

нескольких поколений, и (если, согласуясь) с милосердою, размышляющею о четырех безграничиях и действующею по шести связям мыслью Далай-ламы, покончите вы сполна свои прежние ссоры, возвратите ваших братьев и данников каждого его родовому правителю и будете жить в дружбе и согласии, то не будет и йоты противоречия моему повелению и желаниям Далай-ламы»³².

Формальное примирение северомонгольских феодалов, достигнутое на Хурин-Билчирском съезде, оказалось непрочным: стороны не торопились возвращать чужих подданных и угнанный из чужих улусов скот. Кроме того, в халхаскую смуту вмешался Галдан, выступивший на стороне Дзасакту-хана и обвинивший Тушету-хана Чихунь-Дорчжи и его брата Чжэбцзун Дамба-хутухту в «оскорблении» Далай-ламы V. Галдан направил в Халху джунгарский военный отряд под командованием своего брата Дорчжичжаба для оказания помощи Дзасакту-хану Шара, но отряд был разбит войсками Тушету-хана, а Дзасакту-хана Шара и брат хана Галдана погибли³³. Это был уже серьезный повод к войне.

Весной 1688 г. 30-тысячная джунгарская армия вторглась в Халху. Ополчение местных феодалов было полностью разгромлено джунгарами. В поисках спасения халхасцы бросились на юг, во Внутреннюю Монголию, надеясь получить помощь и защиту от Цинской империи. Однако, как пишет Н.Я. Бичурин, «им отвечали, что Халха признает себя только зависимою от Китая; но чтобы иметь право на вспоможение военное, надобно вступить в совершенное подданство»³⁴. Обсудив ситуацию, халхаские ханы, князья и тайчжи, при полном одобрении своего первосвященника Чжэбцзуна Дамба-хутухты решили просить о принятии в цинское подданство. Несомненно, что главную роль в принятии этого решения сыграл один из виновников нападения джунгаров — Чжэбцзун Дамба-хутухта, который писал, обращаясь к императору: «Святой повелитель, повсеместно раздавая милости, указал мне заботиться о порядке священного учения. Тщательно последую высочайшему повелению, я прилежно читал священные книги. Неожиданно пришли Олоты, подложили огонь под мои храмы и священные книги, истребили и уничтожили вконец; теперь я уже не знаю, буду ли я в состоянии или нет действовать согласно высочай-

шему повелению святого государя. ... Мои ученики весьма многочисленны, и если будут они жить, склонившись под мирное правление святого государя, то мое заветное желание исполнится. Святой, ради милости ко мне, соизволит ли дать мне земли, хорошей пастбищами и водою? Засим я прошу еще о новом восстановлении храмов. Кроме того, все тайчжи восточной и западной сторон, почитая меня учителем, ламою, говорили: если хутухта намеревается войти в подданство — мы также поддадимся; равно и находящиеся у караулов абаганарские тайчжи тоже говорили — мы поддадимся»³⁵. Именно так, по мнению цинского императора, и должны были вести себя лидеры буддийской церкви — помогать Цинам подчинять и контролировать монголов при помощи своего религиозного авторитета.

Получив официальную просьбу халхаских феодалов о принятии их в цинское подданство, император Сюань Е, начиная с осени 1688 г., стал прилагать все усилия к тому, чтобы вынудить джунгаров уйти из Халхи. В этот период Цинская династия была отвлечена вооруженным конфликтом с Русским государством в Приамурье ³⁶ и потому не была заинтересована в войне с джунгарами. Император Сюань Е вступил в переписку с ханом Галданом, убеждая его помириться с халхасами, «дабы вы, оставя прежнюю между вами ссору, друг с другом купечество имели, каждый из вас свои земли оберегал, и обще все уничтоживши войну и ссору, пребывали в миру и согласии»³⁷. В феврале 1689 г. император обратился в Лхасу с просьбой содействовать скорейшему примирению участников конфликта; при этом Сюань Е совершенно четко признавал: «Халхаские Тушету-хан и Джэбдзун Дамба-хутухта, нарушив указ, первыми подняли оружие, убили Дзасакту-хана и младшего брата Галдана Доржи-Джаба и навлекли на себя гибель. Галдан поднял войска и разгромил их. Халха первой начала раздоры, и за эти бедствия я Галдана не виню»³⁸. В марте того же года, сообщая хану Галдану о принятии халхасов в цинское подданство, император Сюань Е также подчеркивал: «Они начали первыми, вслед за этим ты двинул войска и разбил Халху. Вина за это на Халхе, а не на тебе»³⁹. При этом император намекал, что в случае «повиновения» Галдана, он готов простить ему даже кощунственные действия: «Я не возлагаю на тебя большую вину и за

то, что, будучи последователем буддийского учения, о чем ты почтительно докладывал, ты уничтожил монастыри Халхи и разрушил статуи будд»⁴⁰.

Но уже в начале 1690 г. отношение цинского двора к джунгарскому хану резко изменилось. Прежде всего упрочились международные позиции Цинской империи после подписания в 1689 г. Нерчинского договора между Россией и Китаем. Это позволяло Цинам не беспокоиться более о ситуации на Дальнем Востоке и сосредоточить все силы на монгольском направлении. Кроме того, в Китай поступили известия о династическом перевороте, совершенном в Джунгарии племянником Галдана Цэван-Рабданом.

В начале 1690 г. в Китай прибыло посольство из Тибета во главе с Шамбалин-хамбо, которое доставило просьбу Далай-ламы V (т. е. дэсрида) схватить Тушету-хана и Чжэбцун-Дамба-хутухту и выдать их Галдану. Кроме того, в Китай прибыл специальный представитель Лхасы Чжирун-хутухта, который должен был добиваться примирения Галдана Бошокту-хана с его врагами. Именно с этого момента император Сюань Е занимает новую, более жесткую позицию не только в отношении хана Галдана, но и в отношении Тибета. Император, словно забыв о своих прежних утверждениях относительно невиновности Галдана в развязывании войны с Халхой, разразился возмущенной тирадой в адрес Далай-ламы V: он заявил, что человеколюбие не позволяет ему последовать совету из Лхасы, да и Далай-ламе V как главе церкви такая жестокость не делает чести (хотя в письме из Лхасы давалась гарантия, что жизнь двум халхаским вождям будет сохранена)⁴¹. «Человеколюбие» одного из самых воинственных цинских императоров объяснялось довольно просто: выдача Галдану крупнейших светских и духовных феодалов Халхи, только что принятых в цинское подданство, могла вызвать негативную реакцию среди остальных халхасов и их переход либо на сторону Галдана, либо в подданство России.

В мае 1690 г. посол императора Сюань Е Илагуксан-хутухта и посредник из Тибета Чжирун-хутухта прибыли в лагерь хана Галдана. В июне произошло нападение на лагерь Галдана цинского отряда, который был разбит джунгарами. После этой победы Галдан Бошокту-хан начал двигаться в глубь Халхи, то

ли меня местоположение войск, то ли собираясь вернуться в Джунгарию. Планы Цинов по отношению к Галдану излагаются А. Позднеевым так: «В это время Китайская империя была совершенно спокойна. Незадолго перед этим маньчжуры окончательно уладили трех своих непокорных вассалов, утвердились в Лунь-шу, приняли в подданство Тай-вань (Формозу) и заключили мирный договор с русскими. Император, имея в виду, что Галдан постепенно усиливается, что, вторгнувшись в пределы империи, он обнаружил там свои немалые замыслы, что халхасам, наконец, совершенно невозможно кочевать без прежних земель, собрал в 6-й луне всех вельмож, находившихся при дворе, и объявил, что он сам выступает в поход»⁴². Таким образом, было принято решение о войне с джунгарским Галданом Бошокту-ханом, и отправка в лагерь Галдана цинского посла Илагуксана-хутухты и тибетского посредника Чжирун-хутухты являлась не более чем отвлекающим маневром, призванным усыпить бдительность Галдана. Но, как пишет А. Позднеев, основываясь на цинских официальных документах, «Чжирун-хутухту, вместо того, чтобы склонять Галдана к миру, совещался с ним о дальнейших военных действиях и, по всей вероятности, расчеты заговорщиков на успех борьбы были так вески, что и посол Кансия, Илагуксан-хутухту, соблазнился на них и, изменив своему императору, передался на сторону Галдана. Китайцы убеждены, что в это время Галдан решил с хутухтами и свой поход в юго-восточную Монголию в следующем году; но было ли это так в действительности или нет, мы, конечно, не сможем сказать достоверно»⁴³.

То, что буддийский священнослужитель Илагуксан-хутухта, впоследствии схваченный маньчжурами и казненный⁴⁴, перешел на сторону Галдана, является достоверным фактом. Но Илагуксэн-хутухта был монголом, состоял в цинском подданстве и находился на цинской службе. Обвинения же в адрес тибетского посредника Чжирун-хутухты совершенно ни на чем не основаны. Галдан Бошокту-хан, как видно из его поведения в 1690 г., отнюдь не питал агрессивных замыслов против Цинской империи, но, напротив, поверил в фальшивые обещания императора о будущих мирных переговорах. Именно поэтому он был захвачен врасплох в местности Улан-Бутун в Северной Монголии и испытал серьезное поражение от цинских войск.

Если Галдан ранее питал какие-то иллюзии относительно возможности договориться с Цинами мирно, то теперь он убедился в своей ошибке. От полного разгрома Галдана спасла лишь уловка, подобная той, какие применял по отношению к нему цинский император: «Галдан отправил в лагерь Да-ламу (Чжирун-хутухту. — *Е.Б.*) и в униженных выражениях изъявлял покорность, почему и поворотили войско обратно в лагерь. С 30-го до 7-го числа простояли в том же лагере. Галдан, хотя и отправил посланника с условием покориться, но не дожидаясь приказаний главнокомандующего, собрав скорее всех латников, тихонько убежал»⁴⁵. Чжирун-хутухта в данном случае действовал лишь как посредник и мог даже не подозревать, что «покорность» Галдана — всего лишь уловка с целью выигрыша времени. Но бегство Галдана вызвало гнев императора не только в адрес ловкого джунгарского вождя, но и в адрес Чжирун-хутухты. Когда последний попросил аудиенции у императора (вероятно, с целью объяснить свою невиновность), ему было в этом отказано. Чжирун-хутухте были переданы слова императора: «Стыдно с тобою видеться, что не старался так о мире, как Далай-лама приказывал, и тем довел калков до разорения, а ологов до гибели»⁴⁶. Между тем обвинения императора могли бы быть справедливы только в том случае, если бы Чжирун-хутухта был цинским подданным, каким был Илагуксан-хутухта. Анализ источников показывает, что Чжирун-хутухта действовал именно как независимый посредник (как это и было принято в Тибете), а не как агент императора: он, например, спас от уничтожения цинский отряд, напавший на лагерь Галдана в июне 1690 г.⁴⁷ Как замечает Н.Л. Бичурин, цинский император надеялся «в сем посреднике найти верно-подданного в полном смысле, т. е. раболепнейшего исполнителя своей воли»⁴⁸.

Воспользовавшись отступлением разбитой армии Галдана на запад, император Сюань Е провел в мае 1691 г. Долоннорский съезд, на котором Северная Монголия была официально включена в состав государства Цин. А в следующем месяце император направил письмо на имя Далай-ламы V, в котором сообщил о принятии халхасцев в цинское подданство, о разгроме хана Галдана при Улан-Бутуне в сентябре 1690 г. и о «подозрительном» поведении Чжирун-хутухты. В заключение

император, явно опасаясь того, что хан Галдан может уйти в Тибет, угрожающе заявлял, что «...Галдана он, Далай-лама, принять к себе волен, но только не должен будет на него, Кансия, иметь негодование, если пошлет на Галдана войска, когда Галдан, преступя свою клятву, учинит хотя малое нападение на калков»⁴⁹.

В ноябре 1691 г. из Лхасы прибыло письмо, подписанное Далай-ламой V, в котором утверждалось, что Лхаса сделала все возможное для примирения джунгаров и халхасов. В ответном письме император впервые выдвинул обвинения не только против неугодного ему посредника, но и против неких неназванных лиц из тибетской администрации: «Ты, лама, прежде с уважением относился к приказам ... — говорилось в письме. — Однако твои приближенные и Джирун-хутухта — все имели тайные намерения, не следовали моим и твоим стремлениям... Но тебе (Джирун) докладывал, что прилагает все силы для примирения, что (Галдан) повиновался и дал клятву (о дружбе)... Причина этого (заключается) не только в помыслах одного Джируна, твои приближенные также заодно с (ним) стремились к корысти и вводили в заблуждение тебя, потворствуя и прикрывая содеянное Галданом. ...Я отчетливо понимал, что ты, лама, не причастен к этому, поэтому я не порицал тебя»⁵⁰. Однако от прямых обвинений в адрес дэсрида император все же воздержался.

В период с 1691 по 1695 г. Галдан Бошокту-хан и остатки его армии, находившиеся в основном на западе Халхи, не предпринимали активных военных действий. Вернуться в Джунгарию Галдан не мог, так как власть в ханстве была захвачена его племянником Цэван-Рабданом. В связи с этим император Сюань Е осуществлял постоянную переписку с Галданом, стремясь склонить его к добровольному подчинению Китаю. Неизвестно, надеялся ли император таким способом заманить Галдана в ловушку и уничтожить или же намеревался мирным путем подчинить себе Джунгарию — в любом случае это был самый оптимальный вариант решения «джунгарской проблемы». Галдан, находясь в чрезвычайно сложном положении, лавировал и уклонялся от этого шага, одновременно уверяя императора в своем миролюбии. Вероятно, в эти годы император Сюань Е вновь вернулся к мысли об использовании авторитета буддийской цер-

кви для «приведения в покорность» Галдана: джунгарский хан попал в такое же безвыходное положение, в каком оказались халхасы в 1688 г., когда они были вынуждены прислушаться к советам своего первосвященника.

Для того, чтобы склонить Галдана к такому шагу, нужен был иерарх очень высокого ранга. Но Далай-лама V, по мнению императора Сюань Е, был слишком стар для такого путешествия. К тому же, как уверяют некоторые историки, Сюань Е догадывался, что Далай-лама V уже умер, и даже посылал своих людей в Тибет для тайного выяснения этого вопроса⁵¹. Все эти соображения привели к тому, что император стал настаивать на приезде в Китай Панчен-ламы II. Это был весьма дальновидный шаг: если престарелый Далай-лама V был еще жив, то Панчен-лама был самым крупным иерархом, способным приехать на переговоры; если же он был мертв, то Панчен-лама II становился временным главой церкви. Следовательно, лучшей кандидатуры для склонения Галдана к сдаче нельзя было отыскать. Однако Панчен-лама II в Китай не приехал, в чем император также обвинял дэсрида Санчжая Чжамцо.

В 1694 г. в Пекин прибыло посольство из Лхасы, привезшее подарки («дань») и письмо, подписанное Далай-ламой V, в котором сообщалось, что в связи с преклонным возрастом он поручил управление страной дэсриду Санчжаю Чжамцо, и содержалась просьба утвердить его на этом посту. Император пожаловал Санчжаю Чжамцо титул «Туботэ го ван» (царь Тибетского государства)⁵². Император, вероятно, еще надеялся на приезд в Китай Панчен-ламы II. Но для чего нужен был китайский титул дэсриду, который и без того обладал самыми широкими полномочиями в стране? Как нам кажется, дэсрид готовился сообщить о смерти Далай-ламы V и об интронизации Далай-ламы VI, а в этом случае стало бы известно, что смерть иерарха много лет скрывалась. Следовательно, можно было ожидать негативной реакции со стороны хошоутского хана и даже смещения с поста и наказания. Получение же цинского титула было своего рода «страховкой»: дэсрид становился хотя и номинальным, но все же «царем Тибета».

В том же 1694 г., по сообщению тибетской хроники «Пагсам-джонсан», «дэсрид Санчжай Чжамцо построил девятиэтажный красный храм во дворце Потала, в котором организовал

“общее жертвоприношение и великое молебствие” в память ламы-ринбоче пятого (Далай-ламы V)»⁵³.

Итак, с 1694 г. смерть Далай-ламы V перестала быть тайной для тибетского населения, но официального сообщения в сопредельные с Тибетом страны, в том числе в Китай, отправлено не было. По мнению Х.Е. Ричардсона, дэсрид и не обязан был сообщать цинскому императору об этом событии, поскольку Тибет не был страной, зависимой от Китая; «тем не менее, было глупостью со стороны Санчжая Чжамцо не информировать императора, как того требует дипломатическая вежливость, о смерти Далай-ламы V и обнаружении его преемника»⁵⁴. Вероятно, Санчжай Чжамцо хотел приурочить известие о смерти Далай-ламы V к моменту интронизации Далай-ламы VI, до совершеннолетия которого оставался еще год.

Как бы то ни было, дэсрид продолжал вести дипломатическую переписку с Пекином и от имени Далай-ламы V, и от своего имени. В 1695 г. он направил императору Сюань Е письмо, в котором просил его снять цинские караулы в Кукуноре, поскольку они мешали свободному передвижению кочевников. Император в ответ заявил, что прошение дэсрида — «лукавое, из добротства к Галдану»⁵⁵. В своем указе от 21 мая 1695 г. император прямо обвинял дэсрида в сговоре с Галданом: «Дибя является внешним вассалом. Как смел (он) в докладе просить об отводе пограничных войск нашей династии? Это козни Галдана. Мы (установили) охранные войска, так как Галдан вторгался в наши земли»⁵⁶.

Гнев императора усилился, когда хошоутский Далай-хан сообщил в Пекин, что поездке Панчен-ламы II в Китай воспрепятствовал дэсрид⁵⁷. Рухнула надежда на то, что удастся «усмирить» хана Галдана при помощи религиозного авторитета высшего буддийского иерарха. Но, как нам кажется, император переоценивал силу воздействия буддизма на Галдана. Галдан был хорошо знаком с догматами буддизма, сам строил монастыри в Джунгарии, искренне считал себя покровителем религии и носил титул «Опора учения». В то же время он мог преследовать такого крупного буддийского священнослужителя, каким был Чжэбцун-Дамба-хутухта, мог нарушить клятву о мире, данную именем Будды и т. п. По характеристике И. Попова, Галдан — «человек в высшей степени хитрый, честолюбивый, предпри-

имчивый, отважный, но крайне бессовестный и безнравственный»⁵⁸. Нет сомнения, что отношение к буддизму у Галдана было не менее прагматичным, чем у императора Сюань Е, и вряд ли Чжирун-хутухта или даже Панчен-лама смогли бы убедить Галдана сделать то, что он считал для себя невыгодным.

Летом 1695 г. война между Цинской империей и экспедиционной армией Галдана возобновилась. Войска Галдана прошли в восточные районы Халхи, но в столкновения с цинскими войсками не вступали; нападений на территории Внутренней Монголии также не было. Когда император Сюань Е узнал, что джунгары остановились на зимовку в междуречье Толы и Керулена, он решил нанести окончательный удар по Галдану.

Весной 1696 г. Цинская армия двинулась на север. При этом был снова применен прием с отправкой послов и перепиской, чтобы ввести Галдана в заблуждение и обеспечить фактор внезапности. В июне 1696 г. произошло сражение между цинскими и джунгарскими войсками в местности Цзун-Мод (Чжао Модо), на берегу реки Тэрэльчжи. Джунгары были полностью разгромлены, несколько сот человек попали в плен, но Галдан Бошокту-хан с небольшим отрядом сумел скрыться. «По сообщению сдавшихся ойратов, Галдан в разговоре со своими сподвижниками перекладывал вину за поход в район Керулена на Далай-ламу, якобы уговорившего его отправиться туда вопреки его желанию. Это заявление усилило подозрения Канси относительно связи Галдана с тибетскими теократическими властями. Кроме того, от пленных ойратов стало известно, что далай-лама уже давно умер»⁵⁹. В связи с этим император Сюань Е приказал всю захваченную переписку между Галданом и лхасскими властями собрать, изучить и доставить лично ему⁶⁰. Вероятно, ничего, что могло бы уличить дэсрида в антикитайских замыслах, не было обнаружено, поскольку никаких обвинений в связи с этой перепиской Пекином не выдвигалось.

Опасаясь, очевидно, что бежавший Галдан сможет пробраться в Тибет через Кукунор или же настроить кукунорских князей против Цинов, Сюань Е сообщил феодалам Кукунора о разгроме Галдана, о смерти Далай-ламы V и о том, что дэсрид «хранил это событие в тайне и своей ложью подстрекал Галдана к бунту»⁶¹.

Через месяц после битвы при Чжао Модо в Тибет был направлен длинный императорский указ, в котором подробно излагались претензии императора Сюань Е к дэсриду Санчжаю Чжамцо. В частности, дэсрид вновь обвинялся в том, что по его наущению Чжирун-хутухта подстрекал Галдана сражаться с цинскими войсками, что сам дэсрид помешал отъезду в Китай Панчен-ламы II. Что же касается смерти Далай-ламы V, то в этом смысле указ производит странное впечатление: с одной стороны, император категорично заявлял, что «смерть Далай-ламы была скрыта, а его великое имя использовалось для подстрекательства Галдана!»⁶², с другой стороны, в указе говорилось, что Санчжай Чжамцо, бывший до получения китайского титула «мелким домашним чиновником Далай-ламы», вместе с Галданом «обманывал Далай-ламу и Панчена и нанес ущерб вере Цзонхавы»⁶³. Далее император Сюань Е заявлял, что он не возлагает вины за случившееся ни на хошоутского хана, ни на Далай-ламу. В указе говорилось, что император отправил гонца для окончательного выяснения вопроса о том, жив или мертв Далай-лама V. Если дэсрид в очередной раз воспрепятствует свиданию императорского гонца с Далай-ламой V, ему грозят тяжелые последствия⁶⁴. Содержание этого послания наводит на мысль, что император отнюдь не был уверен в смерти Далай-ламы V и не отвергал полностью вариант, при котором иерарх мог быть еще жив, но страной вместо него правил дэсрид.

Эти два варианта действий императора — на случай, если Далай-лама V еще жив и на случай, если он уже умер — совершенно определенно видны в письмах, посланных императором в сентябре 1696 г. Далай-ламе V Панчен-ламе II, хошоутскому хану Далаю, дэсриду Санчжаю Чжамцо и новому джунгарскому лидеру Цэван-Рабдану. В письмах двум тибетским иерархам и двум ханам — хошоутскому и джунгарскому — император Сюань Е повторил вновь все «проступки» дэсрида, совершенные им по сговору с Галданом. Письмо же к Санчжаю Чжамцо содержало новый нюанс — угрозу в адрес Тибета: «Я знаю, что Далай-лама давно уже умер, ты же до сих пор скрывал это и не доносил мне. Пока Далай-лама был жив, границы нашего государства были спокойны более 60 лет; а ты уже не один раз подстрекал Галдана поднимать оружие. Откуда у тебя подобный образ действия? Поступки твои совершенно без-

законны. Далай-лама и Баньчань, между которыми разделены заботы об учении и просвещении людей, с древних времен наследуют один другому в этом деле (в случае смерти одного), поэтому-то, когда Далай-лама оставил мир, надобно было объявить всем духовным властям, что Баньчань с сих пор возьмет на себя труд наблюдать за чистотою учения Цзункабы; ты же, напротив, приказал народу не обращаться к Баньчаню, а обращаться к тебе. Но это еще не все. Ты воспрепятствовал Баньчаню отправиться в столицу. Я хотел примирить две враждующие области — Халхаскую и Чжунгарскую, — ты послал для этой цели вероломного Цзи-луня, который во время Улун-Бутунского дела гадал и читал «Цзины» (книги учения) за неприятельское войско и, развесив зонт на горе, смотрел оттуда на сражение. Когда Галдан одерживал верх, Цзи-лунь подносил ему хадак, в противном же случае он начинал уверять нас (т. е. китайское войско) в преданности, для того, чтобы остановить наши преследования. Одним словом, ты покровительствовал Галдановым поступкам. Теперь, когда чжунгары покорены, я отправил по обычаю посла известить о том Тибет, вручив ему меч, отнятый у Галдана, кумир Будды, принадлежавший жене его А-ну, и одну нефритовую привеску (как доказательство победы) и приказав ему увидеться с Далай-ламою и привезти в столицу Баньчань-ламу и виновного Цзи-луня. Если мое желание не исполнится, то я прикажу юньнаньским, сычуаньским и шаньсиским войскам отправиться в Тибет и увидеться с тобою под стенами города (Хлассы). Ты возмутил элюотов, жди за это наказания»⁶⁵.

Суровый тон императорского послания мог быть оправдан тем, что, являясь «милостынедателем», император Сюань Е мог быть возмущен нарушением буддийских традиций, т. е. сокрытием смерти высшего иерарха. В то же время «обличения» императора в связи с покровительством дэсрида Санчжая Чжамцо Галдану ничем не подкреплены и абсолютно голословны: как уже отмечалось выше, Чжирун-хутухта вел себя как добросовестный посредник и не более того. Но именно это обстоятельство и приводило императора в ярость. Несомненно, между джунгарским ханом Галданом и теократической верхушкой Тибета существовала взаимная симпатия: Галдан был правителем страны с буддийским населением, рассматривался как «милостынеда-

тель» (такой же, как и император Сюань Е), имел личные отношения с правителями Тибета. Объективно, усиление Джунгарского ханства было бы выгодно и Тибету; тем не менее, нет никаких оснований утверждать, что между тибетским дэсридом и джунгарским ханом существовал сговор, имевший антикитайскую направленность. Между тем ряд авторов проводит в своих трудах мысль, наиболее четко выраженную И. Поповым: «Действуя до известных пределов совместно, каждый из них затем стремился к достижению своих собственных целей: Галдан рассчитывал при помощи Дибы, действовавшего от имени Далай-ламы, привлечь на свою сторону монголов и с их помощью восстановить монархию Чингисхана, а Диба, с своей стороны, желал воспользоваться плодами побед Галдана, чтобы воспрепятствовать китайскому императору вмешиваться в дела Тибета»⁶⁶.

Нам кажется, что никакой определенной договоренности между Галданом Бошокту-ханом и дэсридом Санчжаем Чжамцо не было. Отдельные факты, приведенные выше, которые могут быть истолкованы в плане поддержки Галдана Тибетом, при желании могут быть интерпретированы и по-другому: выдачу врагов Галдану при сохранении им жизни можно рассматривать как посреднические усилия по установлению мира между джунгарами и халхасами; цинские караулы на границах Кукунора действительно могли мешать миграциям кочевников и т. д. Обвинения, выдвинутые в адрес Чжирун-хутухты, вообще представляются надуманными. Исходя из этого, можно предположить, что цинская сторона намеренно интерпретировала отдельные факты в духе «антицинского заговора», желая оказать давление на тибетских руководителей. Надо сказать, что история с сокрытием смерти Далай-ламы V дэсридом дала цинским властям прекрасную возможность встать в позу защитников буддизма и его установлений, а заодно выдвинуть и ряд недоказанных обвинений против Санчжая Чжамца.

В конце 1696 г. в Тибет прибыл цинский посланник Бао Чжу, доставивший цитированное выше письмо императора. Дэсрид Санчжай Чжамцо отверг все выдвинутые против него обвинения и заявил, что не предпринимал никаких антицинских действий⁶⁷.

В начале 1697 г. Панчен-лама посвятил перерожденца Далай-ламы V в первую монашескую степень гэцула, а вслед за тем он был интронизирован в Потале как Далай-лама VI Цаньян Чжамцо (1682—1706)⁶⁸.

Сразу же после восшествия Далай-ламы VI на трон дэсрид Санчжай Чжамцо направил гонцов в Кукунор, Джунгарию, Монголию и Китай с извещением о смерти Далай-ламы V и интронизации нового иерарха. Сообщение в Китай повез крупный священнослужитель Ниматан-хутухта, которому было приказано ехать с максимальной скоростью⁶⁹. В этот момент цинские войска были двинуты на запад для последнего удара по Галдану, и дэсрид, видимо, опасался, как бы император Сюань Е не исполнил заодно свою угрозу о походе в Тибет. Ниматан-хутухта встретился с императором Сюань Е весной 1697 г. близ г. Нинся. Он передал письмо от дэсрида, в котором сообщалось о кончине Далай-ламы V, происшедшей 16 лет назад, и о том, что его преемнику уже 15 лет. Сокрытие этого факта дэсрид объяснял желанием сохранить внутренний мир в Тибете. Санчжай Чжамцо заявлял, что Панчен-лама не поехал в Китай из опасения заразиться оспой, а не из-за препятствий со стороны дэсрида. Он также заверял, что Чжирун-хутухта будет прислан в Пекин, однако просил не казнить его⁷⁰.

Почтительный тон письма и вполне убедительные объяснения, данные дэсридом, не удовлетворили императора Сюань Е. На этот раз он обвинил Санчжай Чжамцо в том, что тот удержал джунгарского правителя Цэван-Рабдана от выступления против Галдана, а также пытался организовать помощь Галдану из Кукунора⁷¹. На наш взгляд, в этом случае цинский император вновь интерпретировал события произвольно, стараясь представить их как «антицинскую деятельность» Санчжай Чжамцо. Вот что сообщает об одном из инцидентов Илла-рион: «Посланец Дибы, на возвратном пути встретив Цэван-Рабтана, собирающего войско для преследования Галдана, сказал ему, что Далай-ламы уже давно нет в живых и что, следовательно, теперь ему уже излишне идти против Галдана. Цэван возвратился»⁷². Речь идет о том, что покровитель Галдана — Далай-лама V давно умер, и что Галдану в его тогдашнем отчаянном положении нечего более рассчитывать на Тибет. К тому

же нет никаких свидетельств того, что слова, сказанные посланцем, исходили от Санчжай Чжамцо.

На таких же косвенных уликах было построено и второе обвинение — в том, что дэсрид Санчжай Чжамцо пытался организовать военную помощь Галдану из Кукунора. Кукунорцы действительно имели какие-то связи с Галданом и, возможно, речь шла о взаимной поддержке; но в документе из Тибета (если такой вообще существовал) нет упоминаний о прямой поддержке Галдана⁷³. Зато в китайских источниках есть упоминание о позиции буддийского духовенства Кукунора, тесно связанного с Лхасой: в 1697 г. император Сюань Е отправил кукунорцам «посланника с вразумлением ко всем улусам; он собрал всех на сейм в Чагань-тологай и объявил им, чтобы в отмщение за Очирту-хана они общими силами старались поймать Галдана. В это время Шаньба-лин-ханбу (настоятель монастыря Шаньба), отправленный Далай-ламой для заведования делами кукунорских монголов, участвуя на сейме вместе со всеми тайджи, отправил к императору поздравить с победой»⁷⁴.

Вероятно, наиболее близки к истине те авторы, которые считают, что дэсрид Санчжай Чжамцо оказывал джунгарскому хану Галдану «моральную поддержку»⁷⁵. Но в условиях начавшейся широкомасштабной цинской экспансии даже «моральной поддержки» оказалось достаточно, чтобы цинский «милостынедатель» перешел к языку угроз.

Во время очередного похода цинской армии в мае 1697 г. император Сюань Е получил известие о самоубийстве Галдана, и напряженность в тибето-китайских отношениях сразу же ослабела. Цинским правителям нужно было поставить под полный контроль Северную Монголию; на очереди был Кукунор. Все это требовало значительных усилий, расходов и времени. Поэтому неприятный период в отношениях двух стран был как бы «забыт». Император Сюань Е послал в Тибет диплом и печать для Далай-ламы VI (по данным «Дэбтэр-чжамцо», их доставил в Тибет Чжанчжа-хутухта I Агван Лобсан Чойдан (1642—1714)⁷⁶, по сведениям «Истории Кукунора», они были доставлены в Кукунор Чжаначжа-хутухтой I, а в Тибет переправлены через Цоха-нойона)⁷⁷.

Тем не менее события, связанные с присоединением Северной Монголии к империи Цин, в частности, «неправиль-

ное» поведение Чжирун-хутухты (представителя тибетской церкви) и «правильное» — Чжэбцун-Дамба-Хутухты (халхаского первосвященника) заставили императора Сюань Е пересмотреть свои взгляды относительно буддизма. Император сохранил убежденность в необходимости использования буддизма как средства идеологического давления на монголов, но сделал два важных вывода: о желательности установления контроля над тибетской церковью (что, видимо, предполагало установление контроля над самим Тибетом) и о необходимости создания местных буддийских церквей, контролируемых не Лхасой, а Пекином.

К моменту вхождения в состав Цинской империи Северная Монголия имела свою церковную организацию, во главе которой стоял Чжэбцун Дамба-хутухта (1635—1724). На Долоннорском съезде 1691 г. цинские власти подтвердили его права: «Чжэбцун-Дамба-хутухту возвели в достоинство великого ламы и дали ему в управление желтую веру»⁷⁸. Резиденцией главы халхаской церкви стал монастырский комплекс Их Хурэ (в районе нынешнего Улан-Батора).

В Южной Монголии особой церковной организации не было, хотя проблема «умиротворения» монголов стояла не менее остро, чем в Халхе и Кукуноре (ряд южномонгольских феодалов перешел на сторону Галдана). В связи с этим император Сюань Е объявил на Долоннорском съезде о своем решении поручить управление южно-монгольским духовенством Чжанчжа-хутухте I, бывшему настоятелю кукунорского монастыря Гонлун⁷⁹. Он заслужил доверие императора своим участием в съезде 1686 г. и особенно тем, что сумел склонить кукунорских князей к принятию цинского подданства⁸⁰. Летней резиденцией Чжанчжа-хутухты стал монастырь Шара-сумэ в Долонноре, зимней — монастырь Юнхэгун в Пекине.

Итак, одна из поставленных задач была успешно решена. На решение же другой задачи — подчинения тибетской буддийской церкви — у династии Цин ушло не одно десятилетие. На какое-то время внешняя угроза Тибету (хотя бы и гипотетическая) была снята.

Но в самом Тибете было не все спокойно. В конце XVII — начале XVIII вв. начинает постепенно усиливаться внутренняя напряженность в тибетском обществе, связанная с личностью

Далай-ламы VI. Странная история, предшествовавшая его интронизации, сама по себе могла заставить задуматься многих буддистов как внутри, так и вне Тибета. Тем не менее при нахождении перерожденца и при восшествии его на трон все обычаи и формальности были соблюдены, и легитимность нового главы церкви никто не оспаривал. Но постепенно стали распространяться слухи о необычном поведении Далай-ламы VI, которое весьма расходилось с нормами поведения, обязательными для духовенства. Далай-лама VI Цаньян Чжамцо хорошо умел ездить верхом, метко стрелял из лука, любил стихи и песни и сам был хорошим поэтом, увлекался спиртными напитками и женщинами. По словам католического миссионера Ипполито Дезидери, жившего в Тибете в первой четверти XVIII в., Далай-лама VI был «развратным юношей, предававшимся всевозможным порокам, совершенно распутным и неисправимым»⁸¹. Такие качества характера и привычки для светского аристократа были бы вполне приемлемы, но от церковного иерарха требовался иной стиль поведения.

Мнения историков относительно нестандартного поведения Далай-ламы VI можно свести к двум версиям. Е.И. Кычанов и Л.С. Савицкий полагают, что дэсрид Санчжай Чжамцо специально воспитывал Далай-ламу VI как феодала-мирянина: «Себе и своему тайному воспитаннику он готовил великое будущее правителей Тибета, господствующих и во всей Центральной Азии, — и просчитался»⁸². И.Л. Малик объясняет поведение Далай-ламы VI тем, что, будучи в течение пятнадцати лет «тайным» кандидатом на высокий пост, Цаньян Чжамцо провел детство с родителями, рос как обычный ребенок и тем самым избежал строгого и сурового монастырского воспитания, положенного будущему понтифику⁸³.

Как бы то ни было, поведение Далай-ламы VI было крайне неприятно Санчжаю Чжамцо, поскольку мнение народа тесно связывало дэсрида и первосвященника (ходили слухи, что Цаньян Чжамцо был внебрачным сыном дэсрида)⁸⁴. Дэсрид попытался воздействовать на Далай-ламу VI уговорами и наставлениями, но все было бесполезно. Между тем Цаньяну Чжамцо исполнилось 20 лет, и ему следовало принять обет гэлуна, т. е. полного монашества. В мае 1702 г. дэсрид обратился с письмом к Пачен-ламе II, сообщив ему, что Цаньян Чжамцо

отказывается от принятия положенного обета под предлогом своей неготовности к такому шагу. Дэсрид просил Панчен-ламу II убедить Цаньяна Чжамцо исполнить свой религиозный долг. Вследствие этой просьбы Панчен-лама II и группа влиятельных церковников и аристократов, среди которых был и Лхавзан, встретились с Далай-ламой VI близ Шигацзе. Встреча имела совершенно неожиданный финал: Цаньян Чжамцо не только наотрез отказался принять полный монашеский обет, но даже официально отказался от духовного статуса вообще. Сумба-Хамбо сообщает в своей хронике: «В году Воды-Лошади 12-го рабджуна (1702 г.) Цаньян-Чжамцо (VI Далай-лама) вернул свой монашеский сан гелуна главе религии Панчену Ринпоче Лобсан-Еше и стал мирянином по имени Ма-шэ»⁸⁵. Хроника «Пагсам-джонсан» сообщает об этом событии более туманно: «Лама-ринбочэ Цаньян Чжамцо был выдворен из Даший-Лхунбо (на перевоспитание) по “нравственному закону” — «шила»»⁸⁶.

Однако, отказавшись от монашества, Цаньян Чжамцо сохранил свое высокое положение и авторитет среди тибетцев, поскольку продолжал считаться перерожденцем Далай-ламы V. И.Л. Малик приводит мнение современного главы тибетской церкви Далай-ламы XIV о том, что Цаньян Чжамцо являлся истинным перерожденцем и, был ли он в монашеской рясе или без нее, он прежде всего заботился об интересах Тибета. «Наиболее популярная теория, принятая тибетцами, состоит в том, — пишет И.Л. Малик, — что Далай-лама VI снял рясу с той целью, чтобы, став мирянином, он мог бы править Тибетом как светский король. Его план состоял в образовании монархии и установлении лучшего контроля над страной, в результате чего усилился бы оборонный потенциал страны. Он мог бы вступить в брак и установить наследственную монархию, при которой ему преемствовал бы его сын и т. п. Но это не сбылось. Тибетцы не заслужили этого, и это — результат их собственной кармы. Вероятно, шестой перерожденец явился слишком рано для той обстановки, которая преобладала в Тибете»⁸⁷.

Современные тибетские авторы нашли объяснение и оправдание для легкомысленного образа жизни Далай-ламы VI: «Мы знаем, что он покидал Поталу в ночное время и отправлялся в Шо, и там посещалдомишки, позднее выкрашенные в желтый цвет в его честь, где он пил чан и занимался любовью.

Но он, хотя и был Гьялва Ринпоче, никогда не принимал монашеского обета и потому не обязан был вести целомудренную жизнь, как этого желали чиновники Гелугпы»⁸⁸. Другим объяснением разгульного образа жизни Цаньяна Чжамцо является утверждение, что он не просто вступал в связь с женщинами, но практиковал тантрические обряды⁸⁹.

Если Цаньян Чжамцо действительно строил планы стать светским правителем Тибета (что нам представляется крайне сомнительным), то последствия его отречения от монашества были для него опасны. В 1703 г. правителем тибетских хошоутов стал Лхавзан-хан, вокруг которого сгруппировались противники дэсрида и Далай-ламы VI, которого считали ставленником дэсрида. Оппозиция стала открыто возмущаться поведением Далай-ламы VI, и дэсриду пришлось сделать заявление, в котором он «выразил ненависть к этому Далай-ламе, и своего старшего сына сделал наследником престола»⁹⁰. Итак, Санчжай Чжамцо ушел в отставку, поставив на свой пост Нгавана Ринчена, но фактически из-за кулис продолжал править государством. С отставкой Санчжая Чжамцо Далай-лама VI лишился своего давнего покровителя и защитника, но шокирующего поведения не изменил.

В 1704 г. обострилась борьба за власть между группировкой экс-дэсрида Санчжая Чжамцо (к которой, хотел он того или нет, относили и Далай-ламу VI) и группировкой Лхавзан-хана. Дело дошло до взаимных нападений и даже попытки отравления соперника, предпринятой Санчжаем Чжамцо⁹¹. Фактически решался вопрос: кто будет править страной — тибетцы или хошоуты; но формально разногласия двух группировок сводились к выяснению «истинности» или «неистинности» Цаньяна Чжамцо как перерожденца Далай-ламы V. В. Петех так описывает сложившуюся в стране ситуацию: «Поскольку в Тибете имелся Далай-лама, который более не являлся духовным лицом, регент без власти и экс-регент, руководивший правительством, то эта ненормальная ситуация не могла не быть наруку хошоутскому правителю»⁹².

Противостояние двух группировок в стране было чревато серьезными междоусобицами. В начале 1705 г. в Лхасе собралось совещание высших иерархов Тибета, на котором было решено положить конец затянувшемуся конфликту между Санчжаем

Чжамцо и Лхавзаном. На совещании явно преобладали сторонники Санчжая Чжамцо и те лица, которым не нравились нападки Лхавзан-хана на поведение Далай-ламы VI. Бывший дэсрид предложил схватить хошоутского хана и убить, но остальные участники совещания отвергли это предложение⁹³. Совещание постановило предъявить ультиматум Лхавзану: он должен был уйти в Кукунор к своим соплеменникам-хошоутам и оттуда осуществлять свои функции «милостынедателя»⁹⁴. Хошоутский хан, не располагавший в тот момент достаточными силами для сопротивления, сделал вид, что подчинился этому решению. Как сообщает источник, «Лхабсан, хотя и удалился, но не дошел до Кукунора, а пришел на реку Нагчу и там собрал армию. В шестом месяце того же года он вернулся в Тибет»⁹⁵. Близ Лхасы произошло сражение между хошоутскими войсками и тибетским ополчением, спешно собранным бывшим дэсридом. Тибетцы были разбиты, потеряв убитыми 400 человек. Санчжай Чжамцо, получив гарантию личной безопасности, капитулировал. Он должен был выехать в поместье в Гондкар-цзоне, но по пути туда он был схвачен хошоутами и казнен. Население Тибета сожалело о гибели дэсрида и обвиняло Лхавзан-хана в нарушении данного Санчжаю Чжамцо обещания⁹⁶. Сын Санчжая Чжамцо Нгаван Ринчен скрылся, но через некоторое время был схвачен и в 1706 г. выслан в Китай.

Так закончилось правление дэсрида Санчжая Чжамцо, одного из интереснейших деятелей Тибета конца XVII — начала XVIII вв. Санчжай Чжамцо в основном продолжал и развивал те же тенденции во внутренней и внешней политике Тибета, которые были намечены «Великим Пятым». Но, не обладая пожизненной духовной или светской властью, дэсрид вынужден был прикрываться авторитетом Далай-ламы V, даже после его смерти; новый же иерарх, опираясь на которого Санчжай Чжамцо мог бы проводить свою политику, не оправдал его ожиданий. Как отмечают Д. Снеллгроув и Х. Ричардсон, «каковы бы ни были его личные мотивы, он, вероятно, использовал мудрейший путь, какой только был возможен, для соблюдения высших интересов Тибета»⁹⁷.

За время пребывания Санчжая Чжамцо на посту дэсрида отношения между Тибетом и Китаем претерпели определенные изменения. Цинский император, раздраженный нежела-

нием тибетских «вассалов» полностью подчиняться воле Пекина, выступил с надуманными обвинениями и угрозами в адрес тибетского лидера. Это изменение в отношении Цинов к Тибету объяснялось, с одной стороны, началом широкой цинской экспансии в Центральной Азии и желанием привлечь к этому буддийскую церковь, а с другой — определенными просчетами, допущенными дэсридом Санчжаем Чжамцо в его политике. Такими просчетами, облегчавшими цинский шантаж в отношении Тибета, было сокрытие смерти Далай-ламы V и неудачный выбор нового иерарха. В результате цинский «милостынедатель», будучи недовольным «непокорностью» тибетской церкви в целом, получил возможность критиковать деятельность Санчжая Чжамцо с ортодоксально-религиозных позиций.

К просчетам политики дэсрида Санчжая Чжамцо следует отнести и недооценку степени хошоутского могущества в Тибете. Традиционное, начавшееся во времена «Великого Пятого» оттеснение хошоутских ханов от власти создало иллюзию ослабления хошоутского протектората в Тибете. Однако военные возможности хошоутов все же были более значительными, нежели у тибетцев, что и доказала гибель Санчжая Чжамцо.

Гибель Санчжая Чжамцо привела к восстановлению хошоутской власти в Тибете.

Хошоутский протекторат над Тибетом был установлен во времена Гуши-хана, который в 1642 г. разбил врагов секты Гелугпа и вручил верховную власть над страной Далай-ламе V. После смерти Гуши-хана в январе 1655 г. его десять сыновей разделили между собой захваченные хошоутами территории: девять сыновей во главе с Даши-Батуром стали владеть Кукунором, а Тибет достался Даяну Очир-хану (1658—1668), которому наследовал его старший сын Далай-хан Ратна (1671—1701). Тибетские хошоуты продолжали вести традиционный кочевой образ жизни: в летнее время они кочевали в местности Дам, зимой же хошоутские ханы жили в Лхасе в своей резиденции Галдан-Кангсар. Разделение хошоутских феодалов на две ветви — кукунорскую и тибетскую — привело к определенному обособлению этих линий, однако полного разрыва не произошло. Тибетские ханы рассматривали Кукунор как территорию, откуда могла поступить военная помощь и где можно было найти убежище на случай неурядиц в Тибете. С другой стороны, кукунорские феодалы, связанные с тибетскими хошоутами родственными узами, полагали, что Тибет должен оставаться под хошоутским протекторатом даже в случае пресечения династии тибетских ханов, поскольку это обеспечивало хошоутам особое место в монгольском мире.

Присутствие хошоутов в Тибете обосновывалось буддийской формулой «лама — милостынедатель», но на практике страна попала в зависимость от чужеземцев. Однако такой тонкий политик, каким был Далай-лама V, сумел использовать присутствие хошоутских войск для проведения собственной внутренней и внешней политики, результатом чего явилось создание стабильного теократического государства. Постепенно влияние хошоутских ханов на тибетскую администрацию было сведено к нулю, и два преемника Гуши-хана не оставили заметного следа в тибетской истории.

Отношения тибетских ханов с Китаем могут быть охарактеризованы как отношения номинального вассалитета. После

визита Далай-ламы V в Китай в 1652—1653 гг. Гуши-хан получил золотую печать, золотой диплом и звание «Почтительный в действиях, просвещенный, верный долгу и мудрый Гуши-хан»¹. В дипломе содержались наставления императора Фу Линя: «...Еще больше старайся проявить искренность (чэн) и верность (чжун), широко распространяя (наше императорское влияние) славой и поучением, стань моим помощником и засланным (на границах) так, чтобы мир воцарился и в уделах, и в метрополии»². Император полностью игнорировал тот факт, что Тибет не был зависим от Китая, равно как и Кукунор, а потому никак не мог считаться «границей» империи. Не обратили внимания в Пекине и на такую «мелочь», как хошоутский протекторат над Тибетом. С другой стороны, тибетские хошоуты рассматривали пожалованные им звания и дипломы не как инвестицию, а, скорее, как обмен дипломатическими любезностями: одобрение или неодобрение действий хошоутских ханов цинским двором ничего не меняло в реальной жизни, и это одинаково четко осознавали и в Пекине, и в Лхасе. До конца XVII в. хошоутские ханы приравнивались Цинами к другим тибетским «вассалам» (Далай-ламе, Панчен-ламе), но никогда не рассматривались как самостоятельные правители страны.

Далай-хан Ратна имел двух сыновей, из которых старший — Даньцзинь-Ванчжал — мало чем отличался от своего равнодушного к политике отца, в то время как младший Лхавзан, родившийся в 1658 г., был энергичным и властным человеком. В 1697 г. Далай-хан Ратна отправил в китайский город Нинся делегацию с поздравлениями императора Сюань Е по случаю победы над джунгарским Галданом Бошокту-ханом; в составе делегации был и Лхавзан. Но, не доехав до Нинся, делегация приняла участие в съезде кукунорских князей, состоявшемся в местности Чагань-тологой в феврале 1697 г. На этом съезде кукунорский первосвященник Чагань Номун-хан передал князьям послание императора и посоветовал прибыть к императору на аудиенцию. Персональное приглашение было передано князю Гумбу, внуку Гуши-хана, который, очевидно, раньше других кукунорских князей вступил в контакт с цинским двором. Это вызвало негодование Лхавзана, который даже собирался устроить набег на кочевья Гумбу; он обвинил Гумбу в попытке установить особые отношения с Китаем в обход других князей:

«Ты пытался получить благосклонность императорского двора один, а это несправедливо»³. Князь Гумбу никуда не поехал, а приготовился к отражению набега.

В результате этой ссоры в Кукуноре возникла атмосфера враждебности и подозрительности, и многие князья решили не ездить ко двору императора. В этот момент решающую роль сыграло вмешательство Чжанчжа-хутухты I Агван-Чойдана (1642—1714), который «побудил князей явиться по своему внутреннему убеждению на аудиенцию к императору»⁴. Император Сюань Е принял часть кукунорских князей в Нинся, а задержавшихся с визитом — в Пекине; кукунорские хошоуты были осыпаны подарками, получили цинские титулы и звания. Тибетскую ветвь хошоутов на императорской аудиенции представлял младший брат Далай-хана Ратны Пунсук, получивший цинский титул бэйлэ⁵.

Что же касается «возмутителя спокойствия» в Кукуноре, то о нем источник сообщает: «А Лхабсан не поехал. В году Земли-Тигра 12-го рабджана (1698 г.), запрудив реку Боро, Лхабсан прибыл в тибетскую провинцию Уй и занял место прежних монгольских ханов»⁶.

В 1701 г. умер хошоутский хан Далай-хан Ратна, и на престол вступил его старший сын Даньцзинь-Ванчжал. Правление его было недолгим: по словам тибетского хрониста, в 1703г. он «был убит ядом»⁷. Нет сомнений, что убийцей был его младший брат Лхавзан, который в том же 1703 г. занял пост главы тибетских хошоутов.

В 1704—1705 гг. развернулась ожесточенная борьба за власть в Тибете между Лхавзан-ханом и его сторонниками, с одной стороны, и группировкой Санчжая Чжамцо, с другой. Борьба эта закончилась поражением и гибелью Санчжая Чжамцо, в результате чего Лхавзан-хан остался единственным правителем страны. Однако Лхавзан-хан не мог чувствовать себя спокойно до тех пор, пока был жив воспитанник покойного дэсрида Далай-лама VI Цаньян Чжамцо; хотел того Цаньян Чжамцо или нет, но он оставался главой антилхавзановской группировки. Сила Цаньяна Чжамцо заключалась в том, что, даже сложив с себя духовные обеты, он как законный перерожденец продолжал оставаться в глазах верующих Далай-ламой VI.

Неподчинение Лхавзан-хана верховному руководству секты Гелугпа и коварное убийство Санчжая Чжамцо вызвали неприязнь к нему у церковной верхушки. Лхавзан сделал попытку наладить пошатнувшиеся отношения с буддийской церковью: в 1705 г. его жена посетила монастырь Ташилунпо и поднесла Панчен-ламе II ценные подарки; монастырю Сэра было передано в качестве дара поместье Грон-смад, ранее принадлежавшее Санчжайю Чжамцо и т. п.⁸ Лхавзан-хану удалось нормализовать отношения с Панчен-ламой II, но главные монастыри Гелугпы в Уе сохраняли скрытую враждебность к новому правителю.

В этих условиях Лхавзан-хан решил заручиться поддержкой за пределами Тибета: помня о той неприязни, которую проявлял император Сюань Е к «изменнику» Санчжайю Чжамцо, он сообщил в Пекин о событиях, происшедших в Тибете, особо акцентировав внимание на «неистинности» Далай-ламы VI. Цинский двор получил желанную возможность вмешаться во внутренние дела Тибета и, разумеется, не преминул это сделать. В Тибет были направлены цинские представители — генерал Си Чжу и канцлер Шу Лань, доставившие Лхавзан-хану почетный титул «Поддерживающий Учение, послушный хан». В императорском послании рекомендовалось сместить Далай-ламу VI с его поста и выслать в Пекин⁹.

Лхавзан-хан, опасаясь негативной реакции духовенства, не решился действовать столь прямолинейно. Весной 1706 г. он собрал совещание, на котором присутствовали высшие священнослужители и аристократы, и потребовал решить вопрос о том, является ли Цаньян Чжамцо истинным перерожденцем Далай-ламы V. Совещание приняло половинчатое решение: с одной стороны, Цаньян Чжамцо был признан истинным перерожденцем; с другой стороны, его разгульный образ жизни свидетельствовал, по мнению иерархов, что он утратил дух «просветления» («бодхи»)¹⁰.

Хотя предложений о смещении Далай-ламы VI на совещании сделано не было, Лхавзан-хан решил выполнить рекомендации императора Сюань Е. Он вызвал Цаньяна Чжамцо в свою резиденцию, перечислил все его проступки и под охраной хошоутских войск отправил его в местность Лхаклу Гацзал близ Лхасы. Население Лхасы выразило свое возмущение дей-

ствиями Лхавзана: в знак протеста были закрыты лавки в столице, но на более серьезные выступления горожане не решились¹¹. 27 июня 1706 г. китайский посол Си Чжу передал Далай-ламе VI императорский приказ прибыть в Пекин, и в тот же день иерарх, охраняемый хошоутами, двинулся в путь. Большая толпа тибетцев сопровождала изгнанника, несмотря на все старания охранников отогнать их. Когда отряд проходил мимо монастыря Дрепунг, множество монахов, вооруженных палками и камнями, напали на хошоутскую охрану и отбили Цаньяна Чжамцо, укрыв его за стенами монастыря. 29 июня войска Лхавзана окружили монастырь и открыли по нему артиллерийский огонь. Цаньян Чжамцо, опасаясь разрушения монастыря и неизбежного кровопролития, добровольно сдался хошоутам, что, однако, не спасло монастырь от разграбления.

Хошоутский отряд, конвоировавший Далай-ламу VI, продолжил путь. 14 ноября 1706 г. Далай-лама VI умер в дороге, на границе между Тибетом и Кукунором. По официальной версии, его смерть наступила от водянки¹², но тибетцы резонно полагали, что свергнутый иерарх был отравлен. Из Пекина по этому поводу последовало указание: «Ложный Далай-лама действовал вопреки буддийской дисциплине, поэтому составлен приказ для вручения Шаннаню Дорчже — выбросить его тело прочь»¹³. Итак, цинский «милостынедатель» Сюань Е сделал первый шаг по реальному подчинению тибетской церкви.

После устранения Далай-ламы VI Лхавзан-хан всенародно объявил, что Цаньян Чжамцо не был истинным перерожденцем Далай-ламы V и что должен быть найден настоящий преемник. Этим преемником стал молодой монах из медицинского центра Чагпори по имени Бадкар Цзинба, который был в 1707 г. интронизирован в качестве Далай-ламы VII Нгагбана Ешея Чжамцо. Активное участие в утверждении кандидатуры нового Далай-ламы и его интронизации принял Панчен-лама II, которого Лхавзан-хан подкупил богатыми земельными пожалованиями¹⁴. Но тибетское население — и ламы, и миряне — рассматривало нового иерарха как «креатуру калмыцкого хана и китайского императора»¹⁵, и, по словам И. Дезидери, испытывало к Лхавзан-хану «неукротимую ненависть»¹⁶.

Не меньшее негодование тибетские события вызвали и в Кукуноре, где местные хошоутские князья, считавшие, что

хошоутский протекторат является общим делом всех потомков Гуши-хана, были возмущены действиями Лхавзана. Император Сюань Е, не желая вызывать неудовольствие ни той, ни другой стороны, решил сослаться на мнение Панчен-ламы II. В Тибет была направлена делегация кукунорских князей во главе с канцлером Великого секретариата Латухунем; делегаты встретились с ханом Лхавзаном, который сослался на мнение Панчен-ламы II, признавшего Бадкара Цзинбу «истинным» перерожденцем Далай-ламы V¹⁷. Сговор Лхавзан-хана с Панчен-ламой II был совершенно явным, и кукунорцы вряд ли были убеждены словами тибетского иерарха. Это хорошо понимали и при цинском дворе и потому сочли этот момент подходящим для усиления цинского влияния в Тибете. Министры подали доклад императору Сюань Е, в котором говорилось: «Цинхайские тайчжи находятся в плохих отношениях с Лхавзан-ханом. Следовательно, Лхавзан-хану неудобно одному управлять Тибетом. В Тибет должен быть послан чиновник для управления тибетскими делами совместно с Лхавзан-ханом»¹⁸. Император Сюань Е одобрил это предложение, и в 1708 г. в Тибет был направлен вице-министр Хэ Шоу, получивший титул «администратор по делам Тибета».

В том же 1708 г. в Литане родился мальчик, в котором ламы местного монастыря признали перерожденца покойного Далай-ламы VI Цаньяна Чжамцо. Новость быстро распространилась и в Тибете, и в Кукуноре, и когда она достигла Лхасы, Лхавзан-хан был вынужден направить специальную ламскую комиссию для выяснения вопроса о литанском ребенке. Вернувшись, ламы заявили, что не имеется твердых доказательств, что литанский ребенок — перерожденец¹⁹. Тем не менее слухи расходились по Тибету и монгольским землям как круги по воде, и положение Лхавзана становилось сомнительным.

Император Сюань Е, зная о тибетских событиях, не спешил официально признавать марионеточного Далай-ламу, интронизированного Лхавзан-ханом и Панчен-ламой II. Направив в Тибет своего чиновника Хэ Шоу, император Сюань Е сделал первую попытку поставить под свой контроль не тибетскую церковь, а непосредственно Тибет; фактически, это была первая попытка установить в Тибете китайский протекторат вместо хошоутского. Однако император переоценил слабость Лхавзана: не пользуясь любовью народа и не сумев поладить со

всей верхушкой Гелугпы, Лхавзан в то же время сумел склонить на свою сторону часть тибетских аристократов и часть духовенства во главе с Панчен-ламой II. С помощью армии он мог контролировать всю страну, в то время как прибывший из Китая Хэ Шоу не мог опереться на военную силу и был полностью зависим от доброй воли Лхавзана. Убедившись, что установить мирным путем контроль над Тибетом не удастся и что китайский резидент не играет в стране никакой роли, император Сюань Е в апреле 1710 г. отозвал своего представителя. Одновременно, как сообщает «Пагсам-джонсан», марионеточному Далай-ламе «китайский император пожаловал печать»²⁰, т. е. официально признал его в качестве своего вассала.

Видя, что вопреки своему титулу Лхавзан не такой уж «послушный хан», да к тому же не пользуется популярностью в Тибете, император Сюань Е решил сделать ставку на на Панчен-ламу II — человека, который казался более «покладистым» и в то же время пользовался несомненным влиянием в стране. Он пожаловал ему почетный титул «Панчен Эрдэни» и отметил в своем эдикте, обращенном к Панчен-ламе II: «Все Панченены распространяли буддизм ради пользы народных масс. Я также поддерживаю буддизм, чтобы обеспечить счастливую жизнь всем. У нас одинаковые цели»²¹. Пожалование титула Панчен-ламе II было началом долгосрочного курса Пекина на создание двух центров религиозной власти в Тибете, которые должны были взаимно ослаблять друг друга и тем самым способствовать усилению там цинского влияния.

Ситуация в Тибете после отъезда имперского эмиссара Хэ Шоу внешне выглядела вполне спокойной. Тем не менее факт одновременного существования двух Далай-лам — религиозный курьез, невиданный прежде в Тибете, — порождал беспокойство и в Лхасе, и в провинциях. В 1714 г. Лхавзан-хан послал в Литан своих людей для убийства предполагаемого перерожденца, но родители ребенка, заранее извещенные о грозившей опасности, в феврале 1714 г. перебрались в Дерге, а оттуда в Кукунор.

Съезд кукунорских князей, собравшийся по этому поводу, решил оказать защиту перерожденцу и обратился в Пекин с просьбой о его официальном признании как кандидата в Далай-ламы. Император Сюань Е, который уже признал офи-

циально марионеточного Далай-ламу, в просьбе отказал и потребовал присылки ребенка в Пекин. Когда же хошоуты выразили недовольство, император распорядился поселить претендента в монастыре Хуншань близ Синина. Это не устроило кукунорских князей, и в итоге было решено, что резиденцией малолетнего перерожденца станет крупный монастырь Гумбум, где он и поселился с семьей в августе 1715 г. Таким образом, будущий Далай-лама VII остался на цинской территории в Кукуноре, не имея официального статуса и находясь на положении почетного пленника. Он приберегался и кукунорцами, и Цинами как козырь в большой игре, ставкой в которой было господство в Тибете.

Внутренняя политика Лхавзан-хана не нашла отражения в тибетских хрониках. Однако определенные сведения о его правлении и о личности хана содержатся в записках католических миссионеров, побывавших в Тибете в первой четверти XVIII в.

Лхавзан-хан был человеком властолюбивым, жестоким, не стеснявшимся в выборе средств для достижения своих целей: он отравил своего брата, физически устранил Далай-ламу VI, казнил дэсрида и готов был расправиться с малолетним литанским перерожденцем. В период борьбы с Санчжаем Чжамцо он применял телесные наказания, аресты и казни против сторонников дэсрида²². Со временем Лхавзан-хану удалось нормализовать отношения с частью тибетского клира и привлечь к себе на службу представителей тибетских аристократических семейств (Полханаса, Канченнаса и др.). По отношению к своим сторонникам Лхавзан-хан был щедр и великодушен, что обеспечивало ему верность офицеров и чиновников в трудных ситуациях. К положительным чертам характера Лхавзан-хана следует отнести его веротерпимость: с 1707 по 1745 г. в Тибете находилась католическая (капуцинская) миссия, а с 1716 по 1721 г. в Лхасе жил иезуитский миссионер И. Дезидери, оставивший интересные записки о Тибете в период джунгарского вторжения.

И. Дезидери, лично знакомый с Лхавзан-ханом, характеризует его следующим образом: «По натуре он был веселым и приветливым. Вежливый со всеми, легко доступный, он выслушивал и утешал всех, кому предоставлял аудиенцию, и был

весьма щедр в отношении денег... Он восхищался благоразумием, с которым он управлялся с делами; занимался каждой мелочью лично, не перекладывая на других... Его надзор за судопроизводством был чрезвычайно справедливым; он не имел фаворита и был любим всеми»²³.

Разумеется, Лхавзан-хан отнюдь не был любим всем народом, и такой наблюдательный человек, как И. Дезидери, не мог не заметить неприязни, существовавшей между правителем и частью высшего духовенства. Почему же описание личности и правления Лхавзана напоминает панегирик? Видимо, дело было в веротерпимости Лхавзан-хана, допустившего в Тибет католических миссионеров, позволившего изучать язык и буддийские тексты, присутствовать на теологических диспутах в крупнейших монастырях и т. п. И. Дезидери, как и положено миссионеру, не упускал возможности обратиться к тибетскому правителю в «истинную» веру: «Его ум был острым и быстрым: так, когда я проповедовал некоторые пункты религиозной доктрины, совершенно противоположные их заблуждениям, он возражал соответствующими доводами и требовал разъяснения каждого пункта в частных и публичных обсуждениях. Будучи умственно острым, он был понятлив, не цеплялся с упорством за заблуждения своей секты, но признавал правоту некоторых пунктов обсуждаемого, а потом уверял меня, что, когда совершенно убедится в фальши их религии и истинности нашей святой веры, то он не только сам примет закон Иисуса Христа, но также утвердит его при своем дворе и во всем королевстве»²⁴.

Скорее всего, Лхавзан-хан не собирался переходить в новую религию, хотя бы потому, что власть хошоутов в Тибете держалась не только на силе оружия, но и на конкордате «лама — милостынедатель». Тем не менее его заявления на сей счет и дружественное отношение к миссионерам могли усилить ненависть к нему буддийской верхушки, особенно учитывая его поведение по отношению к Далай-ламе VI и кукунорскому претенденту.

Внешняя политика Лхавзан-хана была довольно пассивной. Известна лишь одна попытка этого правителя проявить активность в южном направлении — это война 1714 г. с Бута-

ном, которая была неудачной для Тибета, но не повлекла за собой каких-либо серьезных последствий²⁵.

Отношения с Цинской империей были достаточно спокойными: цинский император посылал милостивые указы своим тибетским «вассалам», Лхавзан отправлял в Пекин миссии с подарками («данью») и не пытался вернуть тибетскую область Чагла (Минчэн) с городом Дацзяньлу, захваченную китайцами во времена Санчжая Чжамцо²⁶. Тем не менее после провала китайской попытки поставить в Тибете своего резидента (1708—10) и тибетский хан, и цинский император проявляли определенную настороженность.

Особое место занимали отношения Тибета с Джунгарским ханством. Между правящими домами Тибета и Джунгарии существовало родство: джунгарский правитель Цэван-Рабдан (1697—1727) был женат на сестре Лхавзана, и от этого брака был рожден следующий джунгарский хан Галдан-Цэрэн. В 1714 г. Цэван-Рабдан предложил связать узами брака старшего сына тибетского хана Галдан-Даньцзиня и дочь джунгарского правителя Бойталак. Между молодыми людьми была взаимная симпатия и переписка и, естественно, Галдан-Даньцзинь с радостью принял это предложение. Лхавзан-хан колебался, опасаясь, очевидно, негативной реакции Пекина на этот брак, поскольку отношения Цинской империи и Джунгарского ханства вновь стали очень напряженными. С другой стороны, Лхавзан-хан был заинтересован в союзнике на тот случай, если бы Цины решили силой установить свою власть в Тибете. По утверждению Н.Я. Бичурина, Цэван-Рабдан даже предложил Лхавзан-хану «отложиться от Китая и вступить в союз с Джунгарией»²⁷. Не договорившись между собой относительно предполагаемого брака, Лхавзан и его сын обратились за советом к ламе-прорицателю. Они получили от впавшего в транс оракула настолько двусмысленный ответ, что отец истолковал его в смысле нежелательности и опасности предполагавшегося брака, а сын — в прямо противоположном²⁸. Наконец, Лхавзан-хан согласился, и Галдан-Даньцзинь отправился в Или в сопровождении 300 воинов к своей невесте.

Примерно в это же время руководство великих монастырей — Дрепунга, Сэра и Галдана — тайно обратилось к джунгарскому правителю с просьбой о «защите религии», т. е. об

отправке войск в Тибет с целью свержения Лхавзана. Поводов для этого, по мнению оппозиции, было более чем достаточно: убийство (в нарушении клятвы) Санчжая Чжамцо, свержение законного Далай-ламы VI и интронизация марионеточного, преследование литанского перерожденца и, вероятно, симпатии к христианству. Тибетские хронисты, достаточно осторожные в своих оценках политических деятелей, пишут о Лхавзане: «Лхавзан тайком стал поклоняться старой религии, и за это его ненавидел Яма»²⁹; «совершил нечто неверное в отношении установившейся системы взглядов»³⁰.

Таким образом, Цэван-Рабдан должен был стать новым Гуши-ханом, «спасителем» буддийской церкви от узурпатора Лхавзана, человеком, который восстановит на троне в Потале законного Далай-ламу. Между тем, по справедливому замечанию Л. Петеха, «человек, который правил бы Тибетом в гармонии с ламами, мог быть уверен в том, что в его распоряжении — все влияние ламаистской церкви, великого фактора власти в монгольском мире»³¹. Неизвестно, насколько искренним был Цэван-Рабдан, предлагая Лхавзану устроить брак их детей; но в любом случае возможность захватить Тибет перевесила все остальные соображения. Галдан-Даньцзинь, прибывший в ставку джунгарского хана, был внезапно обвинен в использовании магических заклинаний, имевших целью принести вред джунгарскому владыке, и несколько лет находился на положении пленника. Когда же началась тибетская экспедиция, Галдан-Даньцзинь был казнен путем сожжения между двумя раскаленными котлами³².

Интересно отметить, что духовенство Гелугпы не пожелало обратиться с просьбой о «защите религии» к цинскому «милостынедателю» Сюань Е; оно уже убедилось на примере свержения Далай-ламы V, что скрывается за буддийской риторикой императора.

Военная экспедиция в Тибет готовилась очень тщательно. В связи с тем, что в 1715 г. вспыхнула джунгаро-китайская война в районе Хами-Турфан, джунгарский правитель не мог послать для борьбы с Лхавзаном большое число войск, но он сделал все возможное для успеха этого похода. Войска, предназначенные для тибетского похода, были разделены на два отряда: один отряд должен был пойти обычной и знакомой

дорогой из Джунгарии в Кукунор, захватить в Гумбуме малолетнего перерожденца и доставить его в Тибет. Другой джунгарский отряд (численностью в 6000 человек и под командованием двоюродного брата хана Цэрэн-Дондоба) должен был пройти трудным и малоизвестным путем через Восточный Туркестан и далее через хребет Куэнь-Лунь и появиться в Северо-Западном Тибете. В Джунгарию в качестве проводников прибыло из Тибета несколько молодых монахов, которые должны были облегчить джунгарам тяжелейший путь.

При подготовке экспедиции джунгарское командование активно применяло дезинформацию противника. Так, при выходе отряда Цэрэн-Дондоба из Хотана (Восточный Туркестан) был пущен слух, предназначенный прежде всего китайцам, что джунгарские войска идут в Тибет для оказания помощи Лхавзану в войне с Бутаном³³. Когда же джунгарский отряд, измученный высокогорной дорогой, появился в Тибете, то настороженность местных чиновников была на время снята сообщением, что этот отряд — всего лишь почетный эскорт, сопровождающий молодоженов Галдан-Даньцзиня и Бойталак. Обман, разумеется, был вскоре раскрыт, но этого времени хватило для того, чтобы джунгары восстановили боеспособность и при помощи проводников прошли большое расстояние в направлении Центрального Тибета. Теперь джунгары открыто заявили, что они появились в Тибете не как захватчики, а лишь с целью отомстить за убийство Санчжая Чжамцо и Далай-ламы VI, сместить незаконного Далай-ламу и возвести на трон Далай-ламу VII (кукунорского перерожденца). Эта пропаганда имела большой успех среди тибетского населения.

Лхавзан-хан не мог ожидать помощи даже от сородичей из Кукунора; ему оставалось рассчитывать лишь на свою армию, наиболее боеспособной частью которой были хошоутские конники. Если верить характеристике, данной И. Дезидери, Лхавзан был неплохим правителем в мирное время, но талантом полководца он явно не обладал и потому передоверил управление армией своим ближайшим родственникам. По оценке Л. Петеха, Лхавзан был «старым человеком, склонным к выпивке; он пытался справиться с проблемой, но, хотя он и был способен сражаться и погибнуть как герой, все его планы

во время этой кампании обнаруживают плачевную нехватку проницательности и решимости»³⁴.

Когда джунгарские войска приблизились к равнинной местности Дам, где традиционно кочевали тибетские хошоуты, молодой офицер Полханас, руководивший тибетской частью Лхавзанова войска, резонно предположил, что отборные джунгарские кавалеристы легко справятся с отвыкшими от войны хошоутами. Для того, чтобы лишить врага преимущества, Полханас предложил расположить тибетскую пехоту на горах, прикрывающих проходы из Дама к Лхасе, что позволило бы тибетцам использовать огнестрельное оружие (мушкеты)³⁵. Однако Лхавзан предпочел бой на открытой местности.

Предвидение Полханаса вскоре оправдалось: незанятые тибетцами высоты были захвачены врагом, а на равнине Дам военный успех начал склоняться на сторону джунгаров. Следует отметить и деморализующее влияние джунгарской пропаганды, которая активно поддерживалась и распространялась ламами. В результате тибетские войска сражались вяло, несмотря на все усилия и личное мужество Полханаса. Этот тибетский офицер предложил, чтобы часть армии во главе с сыном хана князем Сурчжей обороняла Лхасу, а сам Лхавзан-хан с основными силами продолжал удерживать врага подальше от столицы; но и этот совет был отвергнут. Лхавзан решил отвести всю армию в Лхасу, которая незадолго перед тем была укреплена каменными стенами и глубокими рвами. Возлагая надежды на неприступность столицы, хан в то же время надеялся и на посредничество Панчен-ламы II, который специально приехал в Лхасу. Панчен-лама II лично знал джунгарского командующего Цэрэн-Дондоба, поскольку ранее тот бывал в Ташилунпо³⁶. Однако посредничество успеха не имело, и в начале ноября 1717 г. армия Лхавзан-хана отошла к Лхасе.

После нескольких неудачных боев Лхавзан-хан, очевидно, не надеясь выиграть войну, направил прошение на имя цинского императора: «Моя семья пользовалась благосклонностью Вашего величества в течение нескольких поколений. Неожиданно дьявольский Цэван-Рабдан отправил 6000 воинов, чтобы начать войну с Тибетом. После двух месяцев борьбы война не была выиграна ни одной из сторон. Ныне враг намерен атаковать Лхасу, которую я сейчас обороняю. Но меня беспо-

коит, что тибетские войска слишком слабы. Если Кам, Уй и Цзан попадут в руки врага, ламаизм будет уничтожен. Поэтому я прошу Ваше величество по возможности скорее послать свои войска и воинов из Цинхяя для спасения Лхасы»³⁷.

Современная тибетская религиозная эмиграция пытается истолковать обращение Лхавзан-хана к императору Сюань Е в духе отношений «лама — милостынедатель»: «Маньчжурский император, например, с готовностью откликнулся на просьбу помочь отразить вторжение джунгарских монголов»³⁸. Но, как было показано выше, духовенство Гелугпы считало «милостынедателем» джунгарского хана Цэван-Рабдана и именно его просило о «защите религии»; Лхавзан же, сам считаясь «милостынедателем» тибетской церкви, никак не мог ее представлять и обращаться от ее имени с просьбой. Фактически его письмо к цинскому императору — это обращение вассала к сюзерену, что предоставляло Пекину исключительно удобный случай для захвата Тибета.

Джунгарские войска некоторое время оставались в Даме, ожидая прибытия в Тибет другого отряда, отправленного для захвата и доставки в Лхасу кукунорского перерожденца; но этот отряд был остановлен на подступах к Кукунору и свою задачу не выполнил³⁹. Получив известие о поражении второго джунгарского отряда, Цэрэн-Дондоб решил скрыть этот факт как от собственных воинов, так и от тибетцев, поскольку именно восстановлением на троне «истинного» Далай-ламы оправдывалось, с точки зрения тибетцев, появление в стране джунгарских войск. Он заявил, что Далай-лама VII освобожден и вскоре будет доставлен в Тибет⁴⁰. После этого джунгарское войско двинулось к Лхасе, куда и прибыло к концу ноября.

Тибетские войска, собранные в столице, подвергались постоянной проджунгарской пропаганде, исходившей из окрестных монастырей Сэра, Дрепунг и Галдан, что привело к их полной деморализации. Боевой дух сохраняли лишь хошоуты, связанные с Лхавзаном племенной общностью, но их было слишком мало для обороны столицы. В связи с этим командующий тибетскими войсками Полханас посоветовал хану уйти через Кам в Кукунор и вернуться с китайской армией. «Но против этого восставала гордость Лхавзана, — замечает Л. Пе-

тех. — Он был стар и ленив, но не был трусом»⁴¹. Хан решил обороняться.

Появление джунгаров близ Лхасы вызвало взрыв энтузиазма у местных монахов: они радостно приветствовали чужеземцев, несли им еду, снаряжение, оружие, а молодые монахи во множестве присоединялись к джунгарской армии, существенно увеличивая ее численность. Джунгары окружили Лхасу, установили связь со своими сторонниками внутри города, и 30 ноября 1717 г. начали штурм столицы. Изменники внутри города открыли северные и восточные ворота, спустили со стен лестницы, и джунгары, сломив сопротивление защитников, овладели Лхасой. Город подвергся безжалостному трехдневному грабежу.

Лхавзан-хан с семьей и несколькими придворными укрылся в Потале, резиденции Далай-лам. Панчен-лама II выступил как посредник и попытался спасти жизнь хана, но джунгары требовали капитуляции без всяких условий и личного прихода хана к Цэрэн-Дондобу. Тогда был разработан план побега: Лхавзан-хан с двумя офицерами должен был бежать в одну сторону, его сын Сурчжа — в другую; жена Лхавзана и его малолетний сын Цэбдан, которые не могли участвовать в побеге, были оставлены в Потале. 3 декабря 1717 г. Лхавзан-хан и его сопровождающие скрытно вышли из Поталы и поскакали по дороге в Клугсбуг. Вскоре началась погоня, и когда лошадь хана упала, не сумев перескочить ров, беглецы были настигнуты. Лхавзан-хан и его спутники отчаянно защищались и все погибли в бою.

Сын Лхавзана Сурчжа, генерал Дондуб-Цэрэн и главный министр Лхавзана прорвались сквозь ряды джунгаров и направились на северо-восток, в Кийд-сод. Там они попросили помощи и убежища у местного губернатора Да-цзебы, однако тот, надеясь на награду, выдал их джунгарам.

Джунгары штурмом захватили Поталу, арестовали жену хана и его сына и разграбили дворец. Марионеточный Далай-лама был смещен с его поста и возвращен в тот монастырь, где он находился раньше. Панчен-лама II пытался убедить джунгарского полководца освободить если не князя Сурчжу, то хотя бы жену хана с младенцем, но добился лишь того, что всем была сохранена жизнь. Семью Лхавзана решено было под силь-

ной охраной отправить в Джунгарию, где она и оставалась несколько десятилетий. Джунгарские правители иногда шантажировали Цинов возможностью возвращения Сурчжи как законного правителя в Тибет, но этого так и не произошло. Сурчжа умер в Джунгарии в начале 40-х годов XVIII в., а его сводный брат Цэбдан после падения Джунгарского ханства попал в руки китайцев и был поселен в Чахаре, подальше от Тибета ⁴².

Таким образом, джунгарское нашествие положило конец хошоутскому протекторату в Тибете. Пренебрежение церковными традициями в теократическом государстве дорого обошлось Лхавзан-хану: духовенство Гелугпы фактически отвергло его в качестве «милостынедателя» и обратилось за помощью к Цэвэн-Рабдану, точно так же, как в первой половине XVII в. оно обратилось за помощью к предку Лхавзана Гуши-хану. Не пользуясь популярностью среди тибетского населения, Лхавзан-хан вынужден был искать поддержки за рубежом, чем немедленно воспользовался цинский двор. Цины предприняли первые попытки поставить под контроль тибетскую церковь и государство и, хотя эти попытки были в основном неудачны, они ознаменовали собой начало нового этапа тибето-китайских отношений — этапа открытого китайского вмешательства во внутренние дела Тибета.

Разгромив тибетских хошоутов, убив Лхавзан-хана и сместив марионеточного Далай-ламу, джунгары тем самым выполнили часть тех задач, которые позволяли объявить их вторжение в Тибет «войной в защиту религии». Они организовали послушное им правительство из проджунгарски настроенных деятелей, во главе которого был поставлен Да-цзеба. Но главного требования тибетцев — водворения в Потале законного Далай-ламы — джунгары выполнить не могли, поскольку кукунорский претендент оставался для них недоступен. Разумеется, джунгары могли править страной при помощи оружия, т. к. в Тибете не было серьезной военной силы, способной противостоять им, но в случае вмешательства Китая настроение местного населения могло сыграть решающую роль. В связи с этим джунгары решили продемонстрировать тибетцам свою религиозность и приверженность учению секты Гелугпа. «Пагсам-джонсан» сообщает, что «джунгарские войска левого крыла закрыли все монастыри секты ньинмапа, как Намчжал-лин, Дорчжэбраг, Миндол-лин и прочие, которые были преподнесены (переданы) главе секты гэлугпа»¹. «История Кукунора» описывает эти события более детально: «В годах Земли-Собаки 1-го рабджана (1718 г.) и Земли-Свиньи (1719 г.), по доносу джунгарского ламы, жившего в Гоманском монастыре, по имени Лобсан-Пунцок, был убит известный лама-волшебник из секты Нингмапа Доржебраг и другие. Были разрушены (красношапочные монастыри) из Гандан-пубрана, храм Гушок-дацан-намчжал-линг, центральный храм Самье, Дорчже-браг и Миндол-линг. Очистили, исправили и защитили устав «Виная» в монастырях Сэр, Брэйбун и Ганден. Всех мудрецов и ученых собрали под ведомство Лхасы и организовали философскую школу «Цанит». Самим ученым из лам дали титул Хамбо и назначили их учителями (школы Цанит) и устраивали церемонии их почитания»². «Пагсам-джонсан», выражая, несомненно, точку зрения руководства Гелугпы, с нескрываемым одобрением пишет, что джунгарский правитель «... разгромил Лхавсана, добился очищения религии, освободив ее от грешников»³.

Однако меры, предпринятые джунгарами по ослаблению неортодоксальных сект буддизма, имели двоякий эффект: высшее духовенство Гелугпы было, несомненно, удовлетворено; но среди простых тибетцев, мало разбиравшихся в тонкостях теологии и одинаково почитавших всех лам, возникло серьезное недовольство. Враждебность населения возрастала и в связи с грабежами и насилиями, чинимыми джунгарами: кочевники, не уверенные в прочности своего положения в Тибете, часто вели себя не как освободители, а как оккупанты. И. Дезидери, очевидец событий, пишет: «Они входили с оружием в руках в дома, не щадя даже своих союзников, захватывали и грабили монастыри, расхищали сокровища, которые собирались и хранились в храмах. Не удовлетворившись, они возвращались вновь и вновь в дома и, не зная ни на возраст, ни на пол, ранили и жестоко избивали одних, другим связывали руки за спиной и подвешивали их к балкам и бичевали, требуя признания, где хранятся их богатства»⁴.

Наиболее враждебно отнеслось к джунгарам население Западного Тибета, где сохранились пограничные войска прежнего режима и чиновники, назначенные еще Лхавзан-ханом. Здесь сопротивление захватчикам оказал Канченнас.

Соднам Гьялпо Канченнас (год рождения неизвестен) был выходцем из старинного, но малоизвестного тибетского аристократического рода. В 1715г. он был назначен губернатором самой западной территории — провинции Нгари-Корсум; именно он первым сообщил Лхавзан-хану о появлении в Тибете в 1717 г. джунгарского отряда. Даже после падения хошоутского режима и гибели Лхавзан-хана Канченнас продолжал оставаться на посту губернатора: вероятно, новые правители не хотели раздражать население Нгари назначением нового чиновника из Лхасы. Но если джунгары рассчитывали, что Канченнас, оставленный во главе провинции, будет вести себя лояльно по отношению к новой власти, то вскоре им пришлось разочароваться: Канченнас четко определил свою позицию, когда напал на джунгарский отряд, конвоировавший в Джунгарию бывших чиновников Лхавзана, и уничтожил его. С этого времени пути, ведущие из Нгари-Корсума на север, стали для джунгаров небезопасными: по словам И. Дезидери, отдельные гонцы и небольшие джунгарские отряды, посылавшиеся Цэван-

Рабданом из Джунгарии, попадали в руки Канченнаса⁵. Неудачей закончилась и попытка джунгаров вывезти из Тибета через Гарток награбленные ценности: по приказу Канченнаса местные власти радушно встретили джунгарский отряд, устроили пир, а затем перебили опьяневших кочевников⁶.

Действия Канченнаса, наносившие серьезный урон захватчикам, все же не могли привести к освобождению страны: и сам Канченнас, и другие антиджунгарски настроенные тибетцы главные надежды возлагали на помощь Цинской империи.

Император Сюань Е в августе 1717 г. получил доклад сининского губернатора Фунинги о том, что из Джунгарии был направлен в Тибет военный отряд, якобы для оказания помощи Тибету в войне с Бутаном⁷. Император сразу усомнился в подлинности этой цели: он полагал, что джунгары намерены либо завоевать Тибет, либо, действуя совместно с Лхавзан-ханом, ударить по Кукунору. Второе предположение казалось достаточно обоснованным, учитывая враждебное отношение кукунорских князей к политике Лхавзана и предполагавшийся междинастический брак, укрепивший бы связи между ханскими династиями Тибета и Джунгарии. Однако в марте 1718 г. император Сюань Е получил письмо от Лхавзан-хана с просьбой о помощи. В императорском указе, адресованном Военному министерству, китайская позиция в отношении джунгарского вторжения в Тибет излагалась так: «Народ турфаньский имеет свои жилища в одной стороне с нашими провинциями Сы-чуань и Юнь-нань и находится от них не в дальнем расстоянии, и что ежели джунгарцы, оным народом овладев и туметов и тангутов обольстя, нападут на хуху-ноурцев (на элетов, или калмыков, при озере Хуху-ноуре кочующих), то тогда не только трудно будет подавать им помощь, но и Дзанской земли из рук их взять невозможно»⁸. В этой связи было решено откликнуться на просьбу Лхавзана.

Весной 1718 г. был послан китайский военный отряд для изгнания джунгаров. В сентябре 1718 г. отряд, возглавлявшийся Эрентаем и Цереном, достиг Нагчу, где вынужден был перейти к обороне. По словам И. Дезидери, «джунгары собрали солдат со всех частей Тибета, и после нескольких незначительных стычек они загнали китайцев в их закрытый лагерь и окружили со всех сторон, не позволяя получать продовольствие. Съев всех

вьючных животных, китайцы от голода были вынуждены есть тела своих товарищей, умерших от истощения»⁹. Тогда, прибегнув к посредничеству тибетских лам, китайцы договорились с джунгарами о пропуске их в Китай с предварительной сдачей ими оружия. Но джунгары, нарушив соглашение, перебили их всех¹⁰.

Неудача первой китайской экспедиции в Тибет показала цинскому двору, что он явно недооценил противника. Цинские сановники, как сообщает Илларион, советовали императору не посылать больше войска в Тибет. Но Сюань Е напомнил им о стратегическом значении этой страны: «Тибет, — писал он в своем приказе, — примыкает к Хухэнору и к губерниям Юнь-наньской и Сы-чуаньской. В случае грабительств чжунгаров на границах не будет ни одного дня спокойствия»¹¹.

Но прежде всего следовало узнать о планах противника и о ситуации в Тибете. Император Сюань Е, учитывая религиозность джунгаров, решил разыграть «буддийскую карту». Он обратился к главе монгольской церкви Ундур-гэгэну с посланием, в котором, сообщая о «беззакониях», чинимых джунгарами в Тибете, предлагал уговорить Цэван-Рабдана вывести войска из Тибета. Ундур-гэгэн, исполняя императорскую волю, несколько раз отправлял послов в Джунгарию¹². В свою очередь, Цэван-Рабдан, претендовавший на роль защитника тибетской церкви, осенью 1716 г. сообщил императору Сюань Е свою версию событий. Он объяснял вторжение своих войск в Тибет преступлениями, совершенными Лхавзан-ханом против религии и церкви, которые требовали соответствующего наказания.

В Пекине решили подыграть джунгарскому хану: его объяснения были приняты к сведению, а в Тибет была направлена представительная делегация, которая должна была разведать обстановку в Тибете, настроение населения и попытаться убедить Цэрэн-Дондоба уйти из страны. В состав делегации входили не только китайцы, но и представители претендента на пост Далай-ламы из Гумбума, что, с точки зрения тибетцев, придавало этой миссии особую значимость. Переговоры с Цэрэн-Дондобом ни к чему не привели: «Генерал ответил, что силой он захватил Тибет и с помощью силы не только удержит его, но, возможно, захватит и другие королевства»¹³. Делегация всту-

пила в контакт не только с джунгарами, но и с тибетцами, входившими в марионеточное правительство, с высшим духовенством Лхасы и Ташилунпо, которое вручило послам подарки для передачи их гумбумскому перерожденцу. Результатом китайской миссии, побывавшей в Тибете в конце 1718 — начале 1719 г. было выяснение двух важных вопросов: 1) джунгары не намерены добровольно оставить Тибет; 2) тибетцы — и настроенные проджунгарски, и антиджунгарски — признают гумбумского претендента своим законным духовным лидером.

Исходя из результатов миссии, император Сюань Е начал планировать свою политику в отношении Тибета. В своем эдикте от 7 ноября 1719 г., адресованном цинским сановникам, император сообщил об итогах миссии, посетившей Тибет, и заявил: «Видя такое положение дел, легко прийти к заключению, (как следует поступить). Что касается нового перерожденца, то следует даровать ему титул Далай-ламы и вручить ему диплом и печать. На следующий же год, когда появится зеленая трава, нужно сопроводить его в Тибет и приказать ему занять трон Далай-ламы»¹⁴. Далее в эдикте приказывалось собрать князей Цинхая (Кукунора) для сообщения о решении императора доставить Далай-ламу в Тибет, а также выяснить, желают ли они принять участие в тибетском походе.

Одновременно в Гумбум был прислан императорский рескрипт, в котором будущему Далай-ламе сообщалось: «В четвертом месяце следующего года четыре высших чиновника (блончэн ми-драг), совместно с командующими великой армией, с великим почтением доставят блистательного Ламу в Уй-Цзан Тибета; они поместят лотос его ног на великий золотой трон, созданный пятью бесстрашными демонами, в несравненный великий дворец Локешвары, или Поталу»¹⁵.

Обращает на себя внимание принципиально различная терминология в императорских указах: в документе, обращенном к китайцам и маньчжурам, использованы выражения, обычные для случаев, связанных с «варварами». В указах же, направленных тибетцам, полностью соблюдена буддийская риторика. Император предстал в двух ипостасях: для своих — Сын Неба, повелитель Поднебесной, для тибетцев и монголов — защитник буддизма и покровитель тибетской церкви.

27 апреля 1720 г. первый сын императора, принц Юн Ди вручил новому Далай-ламе золотые диплом и печать. На печати была вырезана надпись: «Печать Далай-ламы VI, лидера всего сущего, распространителя учения»¹⁶. Пекинский двор попросту проигнорировал то обстоятельство, что порядковый номер «Шестой» носили Цаньян Чжамцо и ставленник Лхавзан-хана; было очевидно, что Цины поставили крест на живом еще Ешее Чжамцо. Съезд кукунорских князей полностью одобрил императорское решение и обратился в Пекин с просьбой сопроводить Далай-ламу в Тибет. В Пекине, без сомнения, были довольны тем, что кукунорские хошоуты будут участвовать в борьбе с джунгарами, поскольку это увеличивало шансы на победу. Вместе с тем император опасался, как бы кукунорские князья не стали претендовать на восстановление своего протектората над Тибетом, ликвидированного джунгарами. В связи с этим круг лиц, сопровождавших Далай-ламу, был значительно расширен: к светским и духовным феодалам из Кукунора присоединились крупные религиозные деятели, чиновники и аристократы из Китая, Халхи и Южной Монголии. В результате хошоутские князья из главных покровителей Далай-ламы, каковыми они были с 1714 г., превратились в рядовых участников грандиозного мероприятия, устроенного императором. В указе Сюань Е, изданном по этому случаю, явно просматривалось желание императора поставить тибетскую церковь на службу Цинам, т. е. установить китайский протекторат вместо хошоутского: «Необходимо единство мыслей и духа Китая и Монголии для укрепления величия Далай-ламы, религии желтошапочников и власти императора»¹⁷.

Второй цинский поход в Тибет начался в конце мая 1720 г. Учитывая печальный исход первого похода, Цины значительно увеличили число войск: одна армия, которой командовали Гарби и Юэ Чжунци, должна была двигаться в Тибет южным путем, из Сычуани; другая (под командованием Ян Синя) должна была выступить из Кукунора. Далай-лама ехал в обозе армии Ян Синя, и с момента ее вступления в Тибет местное население стремилось увидеть и приветствовать своего духовного главу. Цинское командование мастерски использовало религиозные чувства тибетцев в связи с прибытием Далай-ламы: «Монахам, губернатору и народу были направлены прокламации, сообщавшие,

что если они желают сражаться с ним, то должны присоединиться к джунгарам-предателям, но если в этом юноше они признают своего почтенного Великого Ламу, то должны повиноваться всем приказам командира этой армии»¹⁸. В результате большинство тибетцев перешло на сторону цинской армии и активно содействовало ей в изгнании джунгаров. Во время следования Далай-ламы по Тибету в числе первых приветствовать его явились аристократы Наподба, Лумпанас, Бьярраба (будущие министры) и даже Да-цзеба — глава марионеточного правительства при джунгарах¹⁹.

Генерал Гарби, добравшись через Литан и Батан до Чамдо, набрал в помощь китайской армии ополчение из тибетцев численностью в 7000 человек и вступил в бой с джунгарским командиром Чуньпилэ. Южная группировка джунгаров была разбита. Тем временем армия генерала Ян Синя нанесла несколько поражений северной группировке джунгаров во главе с Цэрэн-Дондобом; было убито и взято в плен 1000 человек²⁰. Джунгары, утратив поддержку тибетского населения, вынуждены были уйти в Джунгарию тем же путем, каким в свое время явились в Тибет.

В октябре 1720 г. победители вошли в Лхасу и расправились с проджунгарскими элементами (Да-цзеба и два министра, а также ламы джунгарского происхождения, состоявшие в 3-х лхасских монастырях и Ташилунпо): «Смещенные ламы были обезглавлены; дебу Да-цзе и других мучили разными пыточными инструментами, а затем пронзали стрелами до смерти»²¹. Марионеточный Далай-лама, смещенный джунгарами и дожидавшийся решения своей участи в качестве простого монаха в медицинской академии Чагпори, был выслан в Пекин, где и находился до самой смерти. Прибывший из Кукунора перерожденец той же осенью был интронизирован под именем Далай-ламы VII Галсана Чжамцо. Китайцы некоторое время именовали его «Шестым», но тибетцы в конечном счете вынудили цинского императора признать его «Седьмым», т. е. перерожденцем Цаньяна Чжамцо. Интересно отметить, что уже во время церемонии интронизации кукунорские князья почувствовали себя оскорбленными; как сообщает источник «Дэб-тэр-чжамцо», «в то время, когда (посадили) на трон и (началось) богослужение, китайские чиновники (заняли) почетные

места, а кукунорцев (оттеснили) на задние места, и им (оказывалось) мало почтения, поклонения»²².

Канченнас, вызванный из Нгари-Корсума приказом китайского командующего, находился в Лхасе в момент интронизации. Но в созданное первоначально временное правительство он включен не был, хотя и сохранил свой пост губернатора. Весной 1721 г. временное правительство было распущено и создано постоянное, состоявшее из одних тибетцев и носившее традиционное название Кашаг (Совет министров). В Кашаг входили четыре калона (министра): Канченнас (главный министр), Наподба, Лумпанас и Бьярраба. Первые трое были светскими аристократами и одновременно с постами министров занимали посты губернаторов провинций, а последний был казначеем Далай-ламы VII и представлял в Кашаге интересы церкви. В работе Совета министров на неофициальной основе также принимали участие отец Далай-ламы VII, Соднам Доргай и Полханас, который был формально включен в Кашаг в 1723 г. Пост дэсрида был ликвидирован, поскольку, по мнению китайских властей, сосредоточение слишком большой власти в одних руках было опасным. В столице Тибета был поставлен китайский гарнизон, командир которого мог следить за деятельностью тибетского правительства и вмешиваться в случае необходимости. В 1721 г. часть Восточного Тибета (провинция Кам с княжествами) была изъята из управления Лхасы и передана под контроль губернатора китайской провинции Сычуань. В 1724 г. территория Амдо (Северо-Восточный Тибет) была присоединена к Сининскому наместничеству²³. «Таким образом, в результате военной экспансии Цинов в начале 20-х годов XVIII в. под управление, а вернее, контроль сининского и сычуаньского наместников была передана обширная территория Восточного Тибета, населенная почти исключительно тибетцами и составляющая не менее половины всех тибетских земель»²⁴.

Современная тибетская религиозная эмиграция полагает, что изгнание джунгаров из Тибета и последующие мероприятия Цинов в первой половине 20-х годов XVIII в. определялись тибето-китайскими отношениями по формуле «лама — милостынедатель»: «Маньчжурский император, например, с готовностью откликнулся на просьбу помочь отразить вторжение

джунгарских монголов и сопроводить найденного Седьмого Далай-ламу в столицу Тибета в 1720 г.»²⁵. Между тем тибетский хронист (бывший современником событий) оценивает китайскую помощь иначе: «После этого кукунорские и китайские генералы вместе с войсками в год железа-мыши (1720 г.) привезли из Гумбума в тибетский Уй Далай-ламу Галсан-Чжамцо, и с этого времени Китай подчинил своей власти Тибет»²⁶. Бурятский паломник Дамба-доржи Заяев, побывавший в Тибете в 1734—41 гг., дает такую картину событий, полученную из бесед с тибетцами: «Джунгарский олетский Церин-Дондуб, придя со своим войском в Тибет, убил тибетского царя и сам стал правителем той страны. (Но), узнав, что китайский император послал (против него) армию, Церин-Дондуб, сказывают, бежал (из Тибета) и возвратился (на родину). После этого китайские войска, придя (в Тибет), заявили народу, оставшемуся без правителя: “Ваши враги бежали от вас. (Поэтому) вы должны присоединиться к нам, стать нашим народом”. Одного из тех (тибетских) нойонов возвели на престол, велел: “Ты, став главой (государства), управляй. Мы известим (об этом) императора”. (И затем) они возвратились обратно. Между тем тому нойону от китайского императора доставили указ и печать, утверждавшие его на престоле. По рассказам, с того времени (тибетцы) и подпали под власть китайского императора»²⁷.

На наш взгляд, точка зрения тибетской эмиграции является неубедительной. Император Сюань Е никогда лично не встречался с Далай-ламой VII, равно как и с Панчен-ламой II, не получал от них духовных наставлений и, таким образом, не мог считаться «милостынедателем» даже формально. В своем эссе, озаглавленном «Восстановление мира в Тибете» и вырезанном на каменной стеле, которая была поставлена перед Поталой в Лхасе, император Сюань Е восхвалял себя и цинские войска, изгнавшие джунгаров из Тибета и сообщал о цели своего литературного труда: «Да ведают будущие роды как о искренней преданности Далай-ламы и прочих к трем государям Дома нашего, так и о давней приверженности айманей к желтому закону»²⁸. Терминология, используемая императором при упоминании об интронизации Далай-ламы VII, характерна для отношений типа «сюзерен — вассал»: «Я пожаловал настоящему хубилханю грамоту и печать, возвел его в достоин-

ство Далай-ламы шестого колена и посадил его на престоле»²⁹. Отметим и то обстоятельство, что с самого начала китайского присутствия в Тибете власть Далай-ламы VII была ограничена, т. к. созданное китайцами правительство было не церковным, а светским.

Из всех четырех министров Канченнас, бывший в прошлом крупным чиновником Лхавзан-хана, да к тому же борющийся с джунгарами с оружием в руках, пользовался особым доверием Цинов. Китайские власти всячески подчеркивали свое благоволение к нему: ему был дан маньчжурский титул «бэй-сэ» и монгольский титул «Дайчин-батур», пожаловано поместье в Ярброг-глине. Когда в 1725 г. Канченнас обратился в Пекин с просьбой о назначении своего старшего брата Цэбдана-Даши на должность помощника губернатора в провинции Нгарри-Корсум, просьба была сразу удовлетворена³⁰.

Младший министр Бьяраба, хотя и не был духовным лицом, но, будучи казначеем Далай-ламы VII все же был связан с церковью. Два других министра были потомственными аристократами и, как и Канченнас, были еще и крупными местными чиновниками: Наподба Гьялпо был губернатором Конгпо (местности, расположенной к востоку от Лхасы), а Лумпанас Таши Гьялпо — губернатором долины Лохит³¹. Таким образом, в Совете министров были собраны люди, склонные защищать региональные интересы, но обязанные решать общетибетские вопросы. Между ними довольно скоро начались разногласия. Помимо местнических интересов, причиной внутреннего разлада в Кашаге было различное отношение к проблеме национальной независимости Тибета. Наподба, привлеченный китайцами в правительство из-за его антиджунгарской позиции, представлял, по словам Л. Петеха, «старую аристократическую партию, националистическую и традиционно антикитайскую»³². Его поддерживал Лумпанас, женатый на сестре Далай-ламы VII и потому связанный с верхушкой Гелугпы и с отцом тибетского иерарха Соднамом Доргаем, а также Бьяраба. Эти три министра, равно как и честолюбивый и склонный к интригам Соднам Доргай, мечтали о возвращении страны к прежнему теократическому правлению, «золотым веком» которого были времена «Великого Пятого». Данная группировка объективно противостояла наиболее надежным китайским

ставленникам, служившим Цинам не за страх, а за совесть — Канченнасу и его помощнику Полханасу. В Совете министров существовала и определенная психологическая несовместимость (надменность, присущая Канченнасу, зависть Наподбы и Лумпанаса к высокому положению премьера). Канченнас, по словам Л. Петеха, был «гордым и заносчивым человеком, весьма кичившимся своей высокой должностью и склонным презирать всех помощников; эти черты его характера отмечались далее китайцами»³³. Его главный противник Лумпанас «был человеком, руководствовавшимся личными симпатиями, готовым отдавать предпочтение своим друзьям и противиться тем, кто имел несчастье не понравиться ему; в последнюю категорию почти сразу же попал Полханас»³⁴. Но конфликт в Совете министров развивался медленно и благодаря присутствию цинских войск в Лхасе не выходил за рамки личной неприязни.

Одной из первых задач нового тибетского правительства была ликвидация последствий джунгарского нашествия, в первую очередь — восстановление разрушенных джунгарами монастырей сект Нинмапа и Кармапа, которые были не только религиозными центрами, но и крупными хозяйственными единицами. Но когда Полханас, известный своей веротерпимостью, выступил на заседании Совета министров с предложением оказать помощь за счет казны для восстановления монастырей, то против этого выступили как Далай-лама VII, так и командиры китайского гарнизона в Лхасе Цеван-Норбу и Абоо. Далай-лама VII Галсан Чжамцо (1708—1757), выросший в кукунорском монастыре Гумбум и воспитанный монахами Гелугпы, не мог питать таких симпатии к чужой секте, как тесно связанный с Нинмапой Полханас. По традиции, шедшей еще от «Великого Пятого», Далай-лама VII не вмешивался в деятельность неортодоксальных сект, но и не возражал бы против их «естественного» ослабления. Цинские же командиры, чьей задачей было поддержание в Тибете порядка и спокойствия, считали своим долгом поддерживать лишь доминирующую, «официальную» секту, а не те, что казались им оппозиционными. В конечном счете Полханас добился разрешения на восстановление разрушенных монастырей за счет самих сект³⁵.

Другим важным мероприятием правительства Канченнаса было наведение порядка в области финансов и налогов. Хаос

в налоговой и финансовой сферах был прямым следствием джунгарского вторжения и последовавшей за ним китайской оккупации. Грабежи и разрушения, учиненные джунгарами в Центральном Тибете (т. е. в провинциях Уй и Цзан), привели к обнищанию простонародья и обеднению феодалов, вследствие чего владельцы поместий стали вводить новые, более тяжелые налоги. В этих злоупотреблениях были замешаны даже министры Наподба и Лумпанас³⁶. Кроме того, китайские войска, пришедшие в Тибет для борьбы с джунгарами, перед походом получили жалованье серебром за несколько лет вперед, в расчете, что на полученные деньги они будут закупать все необходимое на месте, в Тибете. В результате, как отмечает И. Дезидери, «все обширное королевство было наводнено серебром, которое так упало в цене, что потребовались эдикты и жестокие наказания, чтобы заставить народ принимать его как плату»³⁷. Стоимость жизни резко увеличилась и, как писал из Лхасы капуцинский миссионер Жоакино да С. Анатолиа, «...то, что в прошлом году стоило 1 мор, теперь стоит 3»³⁸. Было и еще одно обстоятельство, осложнявшее жизнь народа и связанное с присутствием в стране китайцев: цинские командиры в принудительном порядке налажали на тибетцев обязанность содержать и кормить китайских лошадей и мулов, которые, будучи непривычными к климату Страны снегов, погибали в большом количестве. Китайцы же, в случае гибели животных, требовали равноценной замены, что было тибетцам не под силу.

В конце 1722 г., суммировав все жалобы, поступившие от населения Уя и Цзана, Канченнас решил, что необходимо навести порядок в сфере налогообложения. В начале 1723 г. по поручению Канченнаса Полханас провел ревизию департамента налогов: архивные материалы по налогообложению были собраны в 300 томов (дэбтэр), налажена работа департамента, четко установлены нормы ежегодных налогов, определены функции сборщиков налогов и т. д.³⁹ Усилия правительства способствовали некоторому облегчению положения населения.

Одной из важнейших своих задач правительство Канченнаса считало подготовку Тибета к обороне от возможного вторжения джунгаров. В этот период Цинская империя находилась в состоянии затяжной войны с Джунгарским ханством; военные действия шли с переменным успехом, поэтому не исключая

лась возможность повторного джунгарского рейда в Тибет. В начале 1721 г. отряд тибетских войск совершил поход в Нагцан и, пробыв там около года, вернулся в Центральный Тибет. В 1722 г. рейд по северным рубежам, открытым для джунгарского вторжения, был повторен⁴⁰. Учитывая, что собственных тибетских сил для отражения возможного джунгарского нападения было бы недостаточно, император Сюань Е держал в Тибете 3500 китайских солдат, из которых 1900 человек были распределены для охраны почтовых станции, созданных по приказу цинских властей⁴¹.

В 1722 г. умер цинский император Сюань Е. Новый император Инь Чжэн Чжэн (1723—1735) решил несколько изменить китайскую политику в Тибете: по предложению Государственного секретариата он решил вывести почти все войска из Тибета, оставив лишь гарнизон в Чамдо, который должен был контролировать коммуникации в Восточном Тибете. Это решение обосновывалось заботой о тибетцах, для которых пребывание в стране китайских войск действительно было дополнительным бременем. Подлинная же причина вывода цинских войск из Тибета состояла в том, что имперская казна несла громадные убытки в связи с многолетней войной с Джунгарским ханством, и в Пекине искали способы сокращения непомерных расходов. Канченнасу, который, занимая два поста, вынужден был временами ездить в Нгари-Корсум, было предписано находиться в Лхасе, а для управления Западным Тибетом оставить своих помощников.

Получив весной 1723 г. императорский приказ о выводе войск из Тибета, цинские командиры Цеван-Норбу и Абоо сообщили об этом Канченнасу, находившемуся в тот момент в Нгари-Корсуме, и начали готовиться к отбытию. Но еще до своего отъезда они получили два письма от Канченнаса, который положительно оценивал вывод китайских войск с экономической точки зрения (уменьшение налогов и реквизиций, исчезновение повода для недовольства у тибетского населения). Но в политическом плане, как предполагал Канченнас, вывод войск из Тибета мог иметь тяжелые последствия: страна отнюдь не успокоилась; Далай-лама был еще слишком молод, а Панчен-лама уже стар; не исчезла пока и джунгарская угроза. В связи с этим Канченнас намеревался просить императора от-

менить приказ о выводе войск, а до тех пор предлагал одному из цинских командиров остаться в Лхасе. Если же это невозможно, то глава правительства просил хотя бы снабдить его ясными инструкциями, которым он мог бы следовать в будущем. Цинские командиры не дали Канченнасу внятного ответа и увели своих солдат из Тибета ⁴².

Вскоре после вывода китайских войск в Тибет прибыла специальная миссия во главе с вице-президентом Палаты церемоний Ораем. Орай сообщил об утверждении новым императором Канченнаса и Наподбы в должностях старших министров, а в число младших министров рекомендовал включить дополнительно Полханаса. После этого Орай отправился в провинцию Нгари. Во время пребывания делегации Орая в Тибете (1723 — первая половина 1724 гг.) в соседнем Кукуноре вспыхнуло крупное антицинское восстание. Одной из причин восстания явилась китайская колонизация Кукунора, население которого состояло из хошоутов, пришедших из Джунгарии в 30-х годах XVII в., и тибетоязычных племен, известных в исторической литературе как тангуты (фани). В разгар джунгаро-китайской борьбы за Тибет «ловко и незаметно для кукэ-норцев поселено 2000 китайских солдат, для которых потребовался участок пригодной для обработки земли»⁴³. Но выделенной земли не хватало, так как помимо военных поселенцев в Кукунор стали прибывать китайские крестьяне-переселенцы. В 1720 г. из Пекина в Кукунор был командирован чиновник Лифаньюаня Ба Фушоу, который собрал съезд кукунорских князей и потребовал выделения новых участков земли для китайских колонистов. После съезда у кукунорцев были изъяты пригодные для обработки земли от гор Нань-шань до Цзяюйгуаня и поставлены межевые столбы, означавшие, что земли отошли к Собственно Китаю. В Кукунор были командированы китайские чиновники, вмешивавшиеся в административные дела местных князей, что вызвало протест населения ⁴⁴.

Таким образом, уменьшение кочевых территорий в результате китайской колонизации и самоуправство цинских чиновников явились достаточно вескими причинами для антикитайского выступления. Но еще более веской причиной явилась замена хошоутского протектората в Тибете цинским протекторатом. В «Истории Кукунора» «обида» хошоутских князей на

Цинов излагается следующим образом: «Во время пира и увеселения в Потале (по случаю интронизации Далай-ламы VII. — *Е.Б.*) китайские высокопоставленные лица, организовав ставку в провинции Уй, строго воздерживались от пира и веселья. Наши кукунорские представители построили свою резиденцию позади китайской и, во-первых, во время раздачи пищи они вели себя неприлично. Во-вторых, кукунорцы когда-то защитили народ из области Дагдэ, но теперь они притворились, что нечего не знают. В-третьих, мы, кукунорцы, хотя много работали в направлении того, чтобы водворить Далай-ламу на львиный трон и этим обеспечили потребности того конкретного периода времени, но все же должным образом не смогли использовать время в своих целях. Кроме того, по нашему ограниченному соображению, нам казалось, что тибетский престол должны занимать потомки Гуши-хана, но когда мы узнали, что в цзанском Шан-хане государством управляют совсем не те, то нам показалось, что наши лица вымыли ртутью»⁴⁵.

Итак, религиозные чувства кукунорцев и их стремление восстановить в Тибете хошоутский протекторат были умело использованы Пекином. Кукунорские князья вернулись домой, чувствуя, что император их обманул и унизил. Глава хошоутских князей Кукунора, князь Лубсан-Даньцинзнь, по словам В.М. Успенского, «видевший и ясно понимавший шаткое положение дел в Тибете, решил одним разом устранить влияние китайцев на дела Кукэ-нора и овладеть Тибетом, чтобы потом, по примеру Очирту-хана, жить в Тибете и оттуда управлять Кукэ-нором»⁴⁶. Установив контакт с главным врагом Китая джунгарским ханом Цэван-Рабданом и заручившись его поддержкой, Лубсан-Даньцинзнь в 1722 г. созвал съезд кукунорских князей, на котором изложил «обиды» и предложил покончить с зависимостью Кукунора от Китая. Участники съезда приняли предложение Лубсан-Даньцинзния; лишь два князя сохранили верность Цином и бежали в пограничный китайский город Хэчжоу.

Буддийское духовенство Кукунора поддержало предложение Лубсан-Даньцинзния о восстановлении независимости: «Чагань Номун-хан, назначенный Лхасой главою монастыря Гумбум, принес Лубсану клятву, что кукунорские князья, совместно со всем тибетскими племенами Кукунора, зависимыми от

Лубсана, племена Синина, подчинявшиеся монастырям, и другие готовы восстать заодно с ламами Хуанчуня»⁴⁷.

В 1723 г. 200 000 тангутов (миряне и ламы) вторглись в Сининский округ, вступили в бой с цинскими войсками, разграбили китайские поселения и угнали скот. Повстанцами руководил крупный монастырь Эргулун, контролировавший 40 дочерних монастырей и, соответственно, верующих в этих районах: «они кипели ненавистью против империи, несмотря на все милости, оказанные ламам императором»⁴⁸. Подобные же нападения, производившиеся кукунорскими монголами и тангутами при участии духовенства, имели место по всей пограничной линии между Кукунором и китайскими провинциями.

Император Инь Чжэн вынужден был обратить серьезное внимание на события в Кукуноре. Наместнику провинции Шэньси и Сычуань Нян Гэньяо был пожалован титул «великого цзянцзюня, успокаивающего отдаленные страны» и приказано срочно собрать провинциальные войска. Затем он должен был отправиться в Синин вместе со своим помощником Юэ Чжунци. Цинская армия обладала численным перевесом по сравнению с повстанцами, к тому же содействие двух хошоутских князей, оставшихся верными Цинам, и тусы племени монголов явилось неоценимой помощью для карателей.

Из Джунгарии на помощь кукунорцам был прислан военный отряд под командованием Сэбтэнчжаба, но заметной роли в восстании он не сыграл.

В конце 1723 г. цинские войска одержали крупную победу в районе Гуйдэ, где были сожжены все монастыри и захвачено 100 000 пленных⁴⁹. В январе 1724 г. каратели вторглись в местность Хуанчунь (к северо-востоку от Синина), где находился центр тангутского сопротивления и располагались монастыри Эргулун, Гоман и Цицзя. Монахи и подвластные монастырям племена храбро сражались, но были побеждены: «3 крупных монастыря этой страны были сожжены до основания, а также 7000 домов и 17 деревень подданных монастыря Эргулун. Вся страна лежала в руинах»⁵⁰.

В тибетской хронике «Пагсам-джонсан» об этих событиях говорится так: «Олеты Кукунора и китайцы вступили в распри, в результате олеты были побеждены. Китайцы убили свыше семисот крупных и малых (монахов), как настоятель мона-

стыря Сэркхоггон Чусан-Ринбоче и другие, разрушили “три памятника поклонения”, сожгли храмы и соборы. Также они разрушили три больших монастыря Швабокхога и некоторые кельи. (Китайцы) убили много стариков в (монастыре) Гумбум. ...Китайские полководцы Ньин-гун и Йоутэу сожгли храмы и соборы несчастного (монастыря) Гонлун и тринадцать комплектов Ганчжура и убили цзанцев»⁵¹.

В феврале-марте 1724 г. крупный отряд под командованием Юэ Чжунци напал на ставку Лубсан-Даньцзиня в местности Хамар-Дабан и нанес ему поражение. Сам Лубсан-Даньцзинь сумел бежать и нашел убежище в Джунгарии, но его ближайшие родственники и сподвижники были взяты в плен и отправлены в Пекин в клетках⁵².

Цинское правительство серьезно опасалось, что Лубсан-Даньцзинь, внук Гуши-хана, и, следовательно, претендент на власть в Кукуноре и в Тибете может однажды вернуться из Джунгарии в Цинскую империю и причинить много хлопот. В связи с этим цинский двор неоднократно требовал от джунгарских ханов выдать Китаю кукунорского вожда, но захватить его Цинам удалось только в период разгрома Джунгарии⁵³.

подавив восстание, цинские власти решили покончить с внутренней самостоятельностью Кукунора: была введена знаменная система для хошоутов, установлен более жесткий контроль над тангутами.

Не была забыта Цинами и роль буддийских монастырей в организации антицинского сопротивления. До восстания 1723—1724 гг. в Кукуноре числилось 35 перерожденцев (хутухт), многие из которых получили официальное признание со стороны Китая еще при Минах; существовало много монастырей со штатом лам в 1000 человек. В период восстания монахи превратились в стойких бойцов, а монастыри — не только в командные пункты, но и в своеобразные крепости или склады оружия. В связи с этим было введено положение о монастырях, согласно которому монастырские здания должны были иметь не более 200 келий; штат одного монастыря не должен был превышать 300 человек; в монастырях запрещалось иметь оружие⁵⁴. Тангуты, ранее подчинявшиеся монастырям, передавались в ведение китайских чиновников; доходы, поступавшие от монастырских угодий и в виде пожертвований, предписано было

передавать в государственную казну, а монахам выдавались из казны провиант и одежда⁵⁵. Хутухты должны были получить от цинских властей подтверждение своего звания⁵⁶.

Кукунорское восстание вызвало замешательство в Лхасе: 3 министра несколько раз направляли гонцов в Нгари-Корсум, требуя срочного приезда Канченнаса и Орая. По прибытии их в столицу было проведено заседание Совета министров, на котором было решено обезопасить рубежи страны от возможного вторжения повстанцев. Канченнас предложил свою кандидатуру в качестве руководителя военной операции, однако предпочтение было отдано более молодому и известному своими военными способностями Полханасу. Осенью 1723 г. военный отряд Полханаса прибыл на берега реки Нагчу, где и оставался до весны 1724 г., усмиряя антицински настроенные племена в этом районе⁵⁷.

Насколько обоснованными были опасения цинских и тибетских властей относительно распространения кукунорского восстания на Тибет? Р.Н. Дугаров полагает, что руководители восстания «пользовались помощью ламаистского духовенства не только Амдо, но и Лхасы. Руководитель восставших — Лобсан-Данцин — стремился уйти в Тибет и оттуда управлять борьбой монголов и тангутов против власти Цинского Китая»⁵⁸. Вероятно, слухи о подобных планах достигали Лхасы; в июле 1724 г. было получено известие о том, что Лубсан-Даньцин, сумевший избежать цинского плена, якобы вошел на территорию Тибета. Для проверки этого сообщения и поимки кукунорского вождя был отправлен военный отряд во главе с Канченнасом. Но слух оказался ложным⁵⁹.

В декабре 1725 г. по предложению наместника провинций Шэньси и Сычуань Юэ Чжунци цинские власти решили реорганизовать систему управления Восточным Тибетом. В этих краях враждебность местного населения к китайцам, природные трудности, огромные расходы на содержание почтовых станций и военных гарнизонов делали прямое управление страной убыточным и крайне неэффективным. В то же время «существенное значение при этом имел тот факт, что там никогда — в чьих бы руках ни находилась политическая власть — не ослабевала духовная власть Далай-ламы как первосвященника буддийской церкви. Ежегодно из всех частей Восточного Тибета

Далай-ламе пересылались ценные подарки и подношения. Под непосредственным контролем ламаистской иерархии находились многочисленные восточнотибетские монастыри, игравшие огромную роль в экономической и политической жизни этого региона»⁶⁰. Юэ Чжунци предложил вернуть часть отторгнутых ранее тибетских территорий под управление Лхасы (14 округов), а управление оставшимися за Китаем 13-ю округами возложить на туземных вождей (тусы), которые контролировались бы цинскими чиновниками. На случай же волнений в китайской части Восточного Тибета предлагалось основать военную базу в местности Гарта (Ката), где мог бы быть размещен сильный китайский гарнизон. Предложение было одобрено императором. Как сообщает цинский источник, «в следующий год они отправили чиновников указать межи владениям Далай-ламы: у тибетского селения Нонь-дунь на горе Нин-цзинь, иначе Манлин, поставили межевой столб; еще на Сисунь-гунле и в Дале также провели межу по вершинам пограничных гор так, что все по сию сторону хребта отошло к Батану (т. е. к Китаю), а по ту сторону, т. е. западную, отдано Далай-ламе. Потом, учинив перепись народу, наложили хлебную и денежную подать»⁶¹.

В июле 1726 г. в Тибет прибыло цинское посольство в составе канцлера Государственного секретариата Баньди, бригадного генерала Эци и чжасак Да-ламы Гелега Чосчже. Посольство имело две задачи: сообщить о новой «милости» императора Инь Чжэна, вернувшего Тибету часть территории, отнятой его отцом Сюань Е, и разобраться в ситуации, сложившейся в тибетском правительстве (поскольку в Пекин поступали взаимные обвинения и жалобы со стороны калонов). Одновременно из Пекина был прислан указ императора Инь Чжэна, предписывавший тибетскому правительству начать репрессии против секты Нинмапа, за исключением монастырей Мин-грол-глин и Дорчже-браг. В указе говорилось, что духовенству Нинмапы «нельзя позволять практиковать неправильное или утверждать, что их бесполезные действия ведут к благополучию живых существ»⁶². Далее в указе перечислялись обряды, выполнение которых запрещалось духовенству Нинмапы: сжигание жертвоприношений, бросание магического оружия, экзорцизм и т. п. Тем самым подрывалось экономическое могущество секты, значительную часть доходов которой

составляла плата, взимавшаяся за выполнение обрядов. Но главный удар по Нинмапе заключался в требованиях, чтобы люди, пожелавшие стать монахами, теперь должны были «входить только в учебные общины Желтой церкви»⁶³.

В исторической литературе данный императорский указ интерпретируется по-разному. Так, Е.И. Кычанов и Л.С. Савицкий считают указ маньчжурской провокацией, которая должна была создать условия для ввода в Тибет цинских войск⁶⁴. Л. Петех предполагает, что указ подсказан императору духовенством Пекинского буддийского центра из чисто религиозных соображений⁶⁵.

Как нам представляется, религиозные мотивы данного указа играли второстепенную роль. Цинские императоры, начиная со времен Сюань Е, поставили перед собой задачу усиления автономии местных буддийских церквей от Лхасы при всеобъемлющем контроле со стороны государства. Эта задача стала еще более актуальной, когда выяснилось, что буддийская церковь может играть не только умиротворяющую роль в отношении монголов, но и стать руководителем антицинского сопротивления (как это было в Кукуноре в 1723—1724 гг.). В период кукунорского восстания Далай-лама VII отправил крупного церковника Балдана Грагспа в качестве своего личного представителя к кукунорским князьям: «он должен был употребить все влияние тибетской церкви для отвращения их от мятежа и удержания их в подданстве Китая»⁶⁶. Поездка оказалась бесполезной, и цинские власти приняли в отношении кукунорских монастырей меры, о которых упоминалось выше. Одновременно повышенное внимание Цинов стали привлекать Пекинский буддийский центр, во главе которого стояли перерожденцы из Кукунора, носившие титул Чжанчжа-хутухта. Базой Пекинского буддийского Центра стал монастырь Юнхэгун, представлявший собой не только религиозное учреждение, но и буддийский университет с тремя факультетами⁶⁷. Для усиления самостоятельности буддийской церкви Северной Монголии стал создаваться монастырский комплекс Их Хурэ (в районе нынешнего Улан-Батора), главой которого являлся руководитель халхаской церкви Чжэбцун Дамба-хутухта. В Их Хурэ был основан университет с четырьмя факультетами. Жесткие правила, касавшиеся штата монастырей, и жалованья, выдававшие-

гося духовным лицам из казны, а также обязанности монастырского руководства по отношению к Цинской династии были установлены не только в Кукуноре, но и в Южной и Северной Монголии.

Рассматривая в данном контексте указ, присланный в Тибет в 1726 г., следует признать, что его главной целью была унификация тибетского буддизма: уменьшение или полное уничтожение «лишних» сект, которые к тому же были не ортодоксальными, несомненно, способствовало бы лучшей управляемости, «покорности» Гелугпы. Однако такая религиозная политика противоречила тибетским традициям, тем более, что со времен «Великого Пятого» другие секты не выступали против Гелугпы и пользовалась определенной популярностью у тибетского населения. Самого императора Инь Чжэна также вряд ли беспокоили теологические различия между Гелугпой и Нинмапой, поскольку он, будучи конфуцианцем по воспитанию, в то же время интересовался чань-буддизмом, не имевшим ничего общего с ламаизмом⁶⁸.

Указ о репрессиях против Нинмапы был встречен в Кашаге враждебным молчанием. Только Полханас выступил с горячей речью в защиту секты, заявив, что секту Нинмапу нельзя считать еретической хотя бы потому, что труды ее основателя Падмасамбхавы изучаются иерархами Гелугпы; что приверженцы секты совершенно безвредны и часто помогают людям, за что пользуются уважением народа. Императорские послы ничего ни возразили по этому поводу, понимая, очевидно, что суть дела заключается не в теологии; с другой стороны, приказ императора не подлежал обсуждению. После окончания заседания Кашага Канченнас, встревоженный высказываниями Полханаса, потребовал от него объяснений, на что последний заявил, что руководствовался не личной выгодой, а лишь интересами страны. Позицию Полханаса поддержал затем отец Далай-ламы VII Соднам Доргай, заявивший, что следует отправить человека в Пекин для уточнения смысла данного указа. Никто из членов Кашага отправиться в Китай не рискнул, и тогда был послан специальный гонец⁶⁹. Тем не менее указ был получен, и его следовало выполнять.

Перед отбытием цинского посольства из Тибета Баньди вновь собрал Кашаг и заявил, что в Пекине известно о взаим-

ной неприязни между министрами, поскольку из Лхасы на имя императора поступают письма с жалобами и взаимными обвинениями. Баньди рекомендовал восстановить нормальную рабочую атмосферу в Совете министров, грозя слушникам неминуемым наказанием. Канченнас как глава Кашага заверил послов в лояльности всех министров династии Цин и пообещал неукоснительно выполнять распоряжения императора⁷⁰.

Свое обещание Канченнас выполнил: он сразу же начал притеснять секту Нинмапа, что вызвало не только усиление раскола в Совете министров, но и резко уменьшило популярность главы правительства в стране. Стремясь усилить народное недовольство действиями Канченнаса, оппозиционные ему министры стали распускать нелепые слухи о том, что планы премьер-министра не ограничатся только сектою Нинмапа, но коснутся также и самой Гелугпы: «Три “безгрешных” министра утверждали, что они слышали следующие дурные слова от премьера: “Если будут ликвидированы Гоманские тантрийские храмы Жуд Дот и Мат, тогда наступит радость и счастье в Тибете”»⁷¹. Дацаны (факультеты монастырей университетов), о которых шла речь, являлись «странствующими» дацанами и занимались изучением тантр. Формально они относились к великим лхасским монастырям — Галдану, Сэра и Дрепунгу, — но в силу традиции, начало которой относится к временам Цзонхавы, они странствовали по Тибету, останавливаясь в определенных местах для проведения богослужений. Монахи странствующих дацанов Чжюд-Мад и Чжюд-Дод отличались особо строгой дисциплиной, высокой религиозной ученостью, неприменным принятием обетов гэлуна и пользовались огромной популярностью во всех кругах тибетского общества. Как отмечает Г.Ц. Цыбиков, «все ламаиты очень любят обращаться с просьбами об исполнении разных требований к монахам этих дацанов: если богаты — ко всей общине, если бедны — к отдельным членам ее»⁷². Вполне понятно, что одна мысль об уничтожении «странствующих» дацанов вызывала неприязнь к Канченнасу и его мнимым планам.

Полханас, встревоженный брожением, происходившим в Кашаге и в стране, сделал несколько попыток добиться какого-либо компромисса между враждовавшими министрами, но противники Канченнаса от примирения отказались. В ответ на

очередное предупреждение Полханаса об опасности сложившейся ситуации Канченнас заявил, что никого не боится и может уничтожить Лумпанаса «простым хлопком руки»⁷³. Ответ Канченнаса свидетельствовал не только о присущей ему надменности, но и об уверенности, что цинский двор полностью одобряет его деятельность: в январе 1727 г. ему был пожалован официальный китайский титул «цзунли» (премьер-министр), ставивший его выше прочих членов Кашага⁷⁴.

Между тем в Пекине были обеспокоены продолжавшимися разногласиями в Совете министров Тибета. Генерал Эци, один из членов китайского посольства, ездившего в Тибет в 1726 г., в своем докладе трону сообщал, что ситуацию в тибетских верхах трудно назвать нормальной: Далай-лама VII еще молод и находится под влиянием своего отца Соднама Доргая; Канченнас сам по себе надежный человек, но слишком уверен в собственной непогрешимости, и за это остальные министры его ненавидят; Наподба и Лумпанас — потенциальные мятежники, причем последний связан родством с отцом Далай-ламы VII; Бьярраба — некомпетентный в делах человек. «Поскольку Лумпанас импульсивен, а Бьярраба некомпетентен, — рекомендовал генерал Эци, — они должны быть уволены с постов калонов; тогда Наподба останется без поддержки и не сможет причинить беспокойство»⁷⁵. Император Инь Чжэн согласился с этими предложениями и в феврале 1727 г. направил в Тибет миссию во главе с чиновниками Сэнгэ и Мала для принятия соответствующих мер.

Информация о предстоявшем прибытии в Тибет цинских чиновников и о порученной им задаче достигла Тибета задолго до прибытия миссии. Лумпанасу, Бьяррабе и отцу Далай-ламы VII намеченные в Пекине меры грозили по меньшей мере отставкой, тогда как Канченнас должен был усилить свои позиции. Ничего не проигрывал и помощник Канченнаса Полханас. Взвесив все плюсы и минусы, оппозиционные Канченнасу министры решили нанести упреждающий удар по своим противникам еще до приезда китайской миссии.

В июне 1727 г., когда Полханас, покинувший Лхасу под предлогом болезни его жены, находился в своем родовом поместье Полха в Цзане, он получил письмо из Лхасы от своего друга, предупреждавшего, что ввиду опасности для его жизни

он не должен приезжать в столицу в июле — августе. Полханас не только прислушался к доброму совету, но и попросил друзей еще раз предостеречь Канченнаса ⁷⁶. Премьер-министр как всегда не обратил внимания на это предупреждение.

6 августа 1727 г. Совет министров собрался на очередное заседание в храме Чжоканг. Брат Наподбы, мелкий чиновник, вручил Канченнасу деловое письмо; когда премьер-министр углубился в чтение, остальные министры выхватили ножи и закололи Канченнаса. Были убиты телохранители Канченнаса, находившиеся вне помещения; затем убийцы расправились с двумя женами Канченнаса, его секретарем и слугами. Убиты были также два губернатора, считавшиеся друзьями Канченнаса и Полханаса ⁷⁷.

Не вполне ясно, какова была роль во всех этих событиях Далай-ламы VII. Скорее всего, заговорщики не поставили его в известность о своих планах. Тем не менее участие в заговоре Соднама Доргая делало его в глазах общественного мнения причастным к убийству Канченнаса. Отражая это мнение, католический миссионер Орацио делла Пенна писал: «В 1727 г. по приказу Великого Ламы, его отца, трех государственных министров и многих аристократов королевства, король Телчинбатур был убит 5-го августа в королевском зале» ⁷⁸.

Так закончилось недолгое правление Канченнаса. Являясь потомственным тибетским аристократом, он верно служил сначала хошоуту Лхавзану, затем правителям Цинской империи. Тибетская хроника «Пагсам-джонсам» единственной заслугой Канченнаса считает то, что «на протяжении семи лет в Цзане и Уйе сохранялся мир» ⁷⁹. Подчеркнутое благоволение Цинов к Канченнасу, бездумному исполнителю приказов Пекина, свидетельствует о стремлении китайских политиков отодвинуть церковь от управления делами страны, ограничить власть тибетской иерархии чисто религиозными вопросами. Если учесть то обстоятельство, что Цины обязали Далай-лам и Панчемлам периодически присылать в Пекин дань, то становится ясным, что в тибето-китайских отношениях действовал принцип «вассал — сюзерен», а не «лама — милостынедатель». По справедливому замечанию И. Попова, «после изгнания из Тибета дзунгаров наступает действительное, реальное господство маньчжуров в нем, которое до сего времени было только призрач-

ным, номинальным»⁸⁰. Разумеется, процесс установления цинского господства в Тибете (иначе говоря, реального вассалитета) был процессом длительным, многолетним и не сводился только к силовым акциям. Наличие во властных структурах таких политических деятелей, как Канченнас, ускоряло процесс подчинения Тибета, делало его более приемлемым для местного населения и более легким для Китая.

В то же время гибель Канченнаса свидетельствовала, что отнюдь не вся тибетская аристократия вступила на путь сотрудничества с Цинами. Нельзя согласиться с мнением Ли Дэцзэна о том, что заговор 1727 г. был только лишь «столкновением личностей»⁸¹. Тибетское население протестовало против иноземного господства, и верхушечный заговор в какой-то степени отражал настроения народа.

Государственный переворот 1727 г. не мог считаться завершенным, пока заговорщикам не удалось устранить верного сторонника Канченнаса — министра Полханаса.

Полханас происходил из аристократического тибетского рода, члены которого в середине XVII в. занимали посты магистратов в Цзане. Один из предков Полханаса получил в качестве награды за службу от хошоутского правителя Далай-хана Ратны поместье Брум Полха (южнее Гьянцзе), откуда и пошла фамилия Полханас.

Соднам Стобгьял Полханас родился в 1689 г. Начальное образование он получил в монастыре Мингрол-глин. В 1697 г. он впервые побывал в Лхасе и был представлен дэсриду Санчжаю Чжамцо. В 1707 г. он женился на Палбзан-скийд, девушке из аристократического семейства Кийдс-буг. В том же году кукунорский князь Цэбдан-Чжал, не раз бывавший в Тибете в качестве паломника и знакомый с семейством Полханаса, представил его новому правителю Тибета Лхавзан-хану. Хан утвердил его в качестве главы рода (поскольку его отец к тому времени умер) и пожаловал ему обширное поместье в провинции Цзан. С этого момента началась служебная карьера Полханаса: он был назначен на сравнительно мелкую чиновничью должность писаря в департаменте финансов и налогов, где прошел курс обучения под надзором столичного губернатора. Получив теоретические знания и практические навыки финансиста, он стал пригоден и для более ответственной работы: его назначили районным магистратом в Гьянцзе в области Нань (к югу от Шигацзе). Возможно, Полханас так и остался бы безвестным провинциальным чиновником, но в 1713 г. его карьера резко изменилась: в Восточном Тибете восстало племя хоркачжи, для усмирения которого и был отправлен Полханас. Рейд отряда, возглавлявшегося Полханасом, был весьма успешным; его действия получили полное одобрение Лхавзан-хана, который назначил молодого тибетца своим адъютантом¹. С этого момента начала восходить звезда Полханаса, причем его таланты раскрылись прежде всего в военной области. В 1714 г. он принимал участие в неудачной для Тибета войне с Бутаном;

личная храбрость и военное искусство Полханаса помогли Лхавзану избежать серьезных людских потерь при отступлении тибетской армии из Бутана ².

В 1717 г., во время джунгарского вторжения в Тибет, Полханас был назначен командующим тибетским ополчением в армии Лхавзан-хана. Как уже говорилось, он дал хану несколько дельных советов, которые могли бы изменить ход кампании в пользу тибетского правителя, но его советы были отклонены. В результате армия Лхавзан-хана потерпела поражение, а сам хошоутский хан погиб в бою. Полханас был схвачен джунгарами, избит и посажен в тюрьму. Да-цзеба, глава марионеточного проджунгарского правительства, симпатизировавший Полханасу, освободил его и предложил пост министра в новом кабинете, но Полханас отклонил это предложение и отправился на родину, в Нань (провинция Цзан). Здесь он собрал внушительный военный отряд и стал готовиться к войне с джунгарами; в то же время он, не надеясь одолеть джунгаров собственными силами, возлагал основные надежды на китайское вмешательство. Но китайская экспедиция 1718 г. в Тибет закончилась провалом, и Полханас не решился начать восстание. В 1720 г. войска Полханаса двинулись на север, чтобы объединиться с войсками Канченнаса, активно выступавшего против джунгаров. Встреча двух полководцев произошла в местности Занзан ³. Но непосредственного участия в антиджунгарском восстании Полханас принять не успел, т. к. в страну были введены цинские войска.

Полханас формально вошел в состав Кашага в 1723 г., но, фактически, как человек, пользовавшийся доверием и Канченнаса, и китайцев, он участвовал в управлении страной с 1721 г. и до государственного переворота 1727 г.

После убийства заговорщиками Канченнаса Полханас, опасаясь, что заговорщики сообщат в Пекин искаженную версию событий, поспешил доложить императору Инь Чжэну о восстании в Лхасе и попросил военной помощи ⁴. Триумvirат заговорщиков — Наподба, Лумпанас и Бьярраба — послал войска для убийства Полханаса, но он был своевременно предупрежден, и вместе со своими сыновьями Чжурмэд-Намчжалом и Ешей-Цэбданом, а также с шестью слугами выехал в Западный Тибет. По пути он рассылал письма местным чиновни-

кам, извещая их о событиях в Лхасе и призывая собирать войска для отпора триумвирату. Обращение имело успех, и отряд Полханаса стал расти. Но особенно усилились войска Полханаса после перехода на его сторону губернатора провинции Нгарри-Корсум и старшего брата покойного Каченнаса Цэбдана-Даши⁵. Уже в сентябре 1727 г. армия Полханаса двинулась обратно в Цзан.

Начиная с октября 1727 г. в Тибете велась гражданская война. Военные действия шли с переменным успехом и затрагивали в основном провинцию Цзан, которая подверглась серьезному разорению. Вскоре вмешались высшие религиозные авторитеты: Панчен-лама, Сакья-лама и представитель Далай-ламы VII, которые стали активно посредничать, добиваясь перемирия. 11 апреля 1728 г. перемирие было заключено; по его условиям освобождались военнопленные с обеих сторон, армии Полханаса и триумвирата распускались, и последнее слово в плане решения конфликта оставалось за цинским императором.

Войска лхасского триумвирата были демобилизованы, но Полханас свою армию не распустил. Вскоре, воспользовавшись мелким инцидентом, Полханас нарушил условия перемирия: он быстро вступил в Дам, собрал 3000 хошоутских конников и двинулся на Лхасу. Одновременно его старший сын с войском в 9000 солдат отвлекал внимание противника на юге провинции Уй. Триумвират так и не успел собрать войска, распущенные по условиям соглашения, и 3 июля 1728 г. Полханас, не встретив особого сопротивления, вошел в столицу. Наподба, Лумпанас и Бьярраба под защитой Далай-ламы VII укрылись в Потале; там же находились члены китайской миссии Сэнгэ и Мала, оказавшиеся в Тибете в самый разгар гражданской войны. Войска Полханаса блокировали Поталу, но враждебных действий не предпринимали. Через некоторое время цинские представители, осмелев, вышли из Поталы и устроили свою резиденцию в городе. Осажденные министры, добившись через Далай-ламу VII гарантий Полханаса в том, что их жизни ничто не грозит, покинули Поталу и вернулись в свои дома, где и находились под домашним арестом до прибытия цинских войск⁶.

Какова была позиция пекинского двора по отношению к событиям в Тибете? Благодаря расторопности гонца, отправ-

ленного Полханасом, его сообщение об убийстве Канченнаса было получено в Пекине 4 сентября 1727 г. Поступило также сообщение от цинских эмиссаров Сэнгэ и Мала, которые, «будучи без войск, не могли вмешиваться в события. Поэтому они немедленно доложили императору о ситуации, прося его прислать армию для ликвидации беспорядков в Тибете»⁷. Очевидно, что цинские представители, оказавшиеся в Лхасе еще до занятия ее войсками Полханаса, были дезинформированы триумвиратом и сообщили в Пекин другую версию событий, поскольку император выразил опасение, что «они могли быть введены в заблуждение Наподбой, чтобы заставить их выступить в качестве посредников, либо обмануты им, так что Полханас может пострадать от этого»⁸. Таким образом, цинский двор явно склонялся на сторону Полханаса в тибетском конфликте. Вопрос о посылке цинской экспедиционной армии был решен в декабре 1727 г., но сама отправка состоялась лишь 13 июня 1728 г., когда армия выступила из Синина.

Задолго до ее прибытия Полханас поставил тибетскую столицу под свой контроль и, как и планировал, мог выступить в роли спасителя цинского протектората в Тибете. Он посетил Сэнгэ и Мала в их резиденции, сделал формальный доклад о своих действиях по восстановлению порядка и выразил желание вернуться в Нань для продолжения службы в провинции. «Скромность» Полханаса вполне соответствовала китайскому этикету, и всерьез его слова никто не принял.

В сентябре 1728 г. цинские войска вошли в Лхасу. Задержка с отправкой цинских войск (400 маньчжурских солдат и 15 000 солдат Зеленого знамени, т. е. китайцев) объяснялась тем, что цинский двор, вначале опасавшийся вмешательства джунгаров в тибетские дела, пришел затем к выводу, что в данном случае имел место чисто внутренний конфликт. Следовательно, войска могли быть отправлены без особой спешки и составлены отнюдь не из лучших воинов. Командующие экспедиционной армией Чжаланга и Майлу, соединясь с Сэнгэ и Мала, объявили себя имперским трибуналом и начали расследование государственного переворота 1727 г. Три министра отчаянно защищали свою жизнь, выдвинув против покойного Канченнаса 70 обвинений, в числе которых были такие, как неуважение к цинскому императору, надменное поведение, связи с джунга-

рами и т. п. Следствие продолжалось 7 дней, причем к обвиняемым применяли пытки. Три министра были признаны виновными в сговоре с целью убийства премьер-министра: «Из этого следует, что, хотя Наподба и другие пользовались многими милостями от империи, они не только не собирались отблагодарить за них, но в сердцах своих замыслили бунт и, таким образом, серьезно нарушили закон»⁹. Министры и еще несколько человек были приговорены к смерти.

Казнь состоялась близ Поталы 1 ноября 1728 г. Как сообщал Чжаланга о своем докладе императору, «Наподба и Лумпанас были приговорены к смерти посредством разрывания на части. Сын Наподбы Галдан-Пунцог (Каэртан Пенчуко), ногский дархан Калзан Чосдар (Отаэрхань Каэрцзань Чутаэр) и Лумпанасов сын Зимекон Косачад (Симупэн Чуйчатэ) были приговорены к обезглавливанию; Бьярраба был также приговорен к обезглавливанию; его жена и сыновья Лхагсан (Лакосан) и Бьямспа (Чамупа), совместно с женами и дочерьми двух преступников, а также старшие и младшие родные братья были отправлены в ссылку. Кроме того, там имелись ламы и простолюдины, сотрудничавшие с Наподбой и другими, в этом случае мы тоже применили различные наказания за преступления. Тибетцы по своей природе жестоки; в случае с Наподбой и другими мы приказали тибетцам присутствовать при казни, чтобы дать им урок»¹⁰.

Подозрения, что к событиям в Тибете в какой-либо форме причастны джунгары, в ходе следствия не подтвердились. Вероятно, по случайному совпадению, в начале 1728 г., т. е. в самый разгар гражданской войны, в Пекин прибыло посольство от нового джунгарского хана Галдан-Церена (1727—1745). Хан извещал о своем восшествии на престол и обращался с просьбой пропустить в Тибет специальную делегацию, которая должна была раздать подарки тибетскому духовенству и устроить ритуальный обед для монахов (мань-ча) в связи с кончиной хана Цэван-Рабдана. Кроме того, джунгарский хан заявлял о своем желании содействовать распространению буддизма на соседних с Джунгарией территориях. Разумеется, император не пожелал допустить джунгарский караван в Тибет, опасаясь сговора тибетцев с джунгарами. В своем высокомерном ответе Инь Чжэн прозрачно намекнул на свои подозрения

относительно «джунгарского следа» в тибетских событиях 1727—1728 гг.: «В настоящее время Гэбулунь Арбуб и Полонай враждуют между собой, используют друг против друга войска. Я как раз занимаюсь (этим вопросом). Ты хочешь создать условия для повсеместного распространения буддизма в Западном крае и тем обеспечить народам мирную жизнь. Очевидно, (ты) не знаешь, что джунгары всего лишь одно небольшое племя. Какое отношение к тебе имеет распространение буддизма?»¹¹.

Не могли в Пекине обойти вниманием и вопрос об участии в тибетских событиях 1727—1728 гг. отца Далай-ламы VII Соднама Доргая. Желал того юный понфитик или нет, но интриги Соднама Доргая как бы освящались именем Далай-ламы VII и потому были особенно опасны для Цинов.

Некоторые историки полагают, что Соднам Доргай и его сын действовали заодно, т. к. «не могли простить императору лишения их светской власти над Тибетом»¹². Но расправиться с главой церкви и его отцом так, как это было сделано с министрами-заговорщиками, было невозможно, и поэтому, как отмечает Х.Е. Ричардсон, «было решено выслать Далай-ламу из Лхасы, и в 1728 г. он был приглашен в Пекин»¹³. Предполагалось, что тибетский иерарх пробудет в Пекине 1 год, а затем вернется в Тибет.

23 декабря 1728 г. Далай-лама VII выехал из Лхасы, а 7 марта 1729 г. прибыл в Литан, где остановился в местном монастыре. Для его охраны был поставлен гарнизон сычуаньских войск под командованием бригадного генерала Чжэнь Гочжуна. После этого, как пишет Л. Петех, «китайское правительство могло без опаски заняться человеком, который был средоточием всех интриг при дворе Поталы. Отец Далай-ламы был вызван в Пекин для расследования. Он предстал перед императором закованным и вместе с двумя своими женами. Но китайский суверен чувствовал нежелательность применения серьезного наказания для столь уважаемой персоны, особенно теперь, когда его склонность затевать козни была совершенно сломлена. И потому не удивительно, что этот находчивый человек сумел сразу примириться с императором. Он представил некоторые подарки и пообещал никогда более не вмешиваться в тибетскую политику. В обмен на эти обещания он получил

титул фу го гуна. В 9-м месяце он воссоединился со своим сыном в Литане»¹⁴.

В Литане Далай-лама VII получил послание от императора Инь Чжэна, в котором сообщалось, что «из-за опасности заражения оспой пригласить Далай-ламу в Пекин невозможно. Император сможет встретиться с ним, когда его величество отправится с визитом по своим внешним территориям»¹⁵. Литан — крупный провинциальный центр, к тому же являвшийся одним из пунктов на пути из Центрального Тибета в провинцию Сычуань, казался цинским властям неподходящим местом для ссыльного Далай-ламы VII. Более удобным представлялся маленький городок Гарта (кит. Тайнинь), где имелся китайский гарнизон и где иерарха было легче охранять. В «Географии» Миньчжул-хутухты о нем сказано: «На северной окраине Миняга, поблизости Хорхога, находится известное под именем Гартар (временное) местопребывание Чжалван Ринбоче, победоносной и властной драгоценности, т. е. Далай-ламы»¹⁶. Для проживания Далай-ламы VII и небольшого числа его приближенных и слуг в Гарта был построен буддийский монастырь Хуйюань, куда ссыльный иерарх прибыл 21 марта 1730 г. Гарта охранялся сильным китайским гарнизоном; тибетцы, желавшие попасть к Далай-ламе VII, должны были предъявлять документы с печатями лхасского правительства. «Там Далай-лама провел годы без событий, разнообразившиеся только частыми визитами кукунорских князей и посланцев, привозивших подарки от Полханаса или от императора и его грандов»¹⁷. Интересно отметить, что осенью 1731 г. у опального Далай-ламы VII побывала калмыцкая паломническая миссия, получившая от него титул хана для тогдашнего наместника Калмыцкого ханства Церен-Дондука¹⁸. Цинские власти даже не потрудились объяснить тибетцам или Далай-ламе VII причину его удаления из Лхасы. Только в рескрипте от 18 августа 1734 г. император Инь Чжэн сообщил, что высылка главы тибетской церкви была вызвана якобы джунгарской угрозой Тибету¹⁹.

Тибетская хроника «Пагсам-джонсан» крайне лаконично сообщает о высылке Далай-ламы VII; это вполне понятно, поскольку цинское отношение к главе церкви весьма трудно втиснуть в рамки формулы «лама — милостынедатель»: «Лама-ринпоче Галсан Чжамцо, хотя и был сразу водворен в Кхам-гадаг,

после восьми лет снова по приказу китайского императора Йонтина в год Дерева-Зайца (1735 г.) был приглашен (обратно в Тибет) драгоценным перерожденцем Чжанчжа, или Агван-Чойчжи-Дагбою; тем самым в Тибете и Кхаме водворился мир»²⁰.

Незадолго перед отъездом Далай-ламы VII из Лхасы цинские власти вызвали в столицу Панчен-ламу II. В октябре 1728 г. он прибыл в Лхасу, где один из цинских эмиссаров, Чжаланга, зачитал ему императорский эдикт. Император Инь Чжэн передавал под его управление все тибетские территории к западу от монастыря Ташилунпо, включая провинцию Нгари-Корсум. Панчен-лама II отказался от этого «пожертвования», заявив, что монастырь Ташилунпо располагает значительным количеством поместий, которые вполне обеспечивают его благосостояние. Чжаланга возразил, что новые территории передаются Ташилунпо не для расширения богатства, но лишь для усиления буддийской религии. Однако поскольку Панчен-лама II упорствовал, ему была предложена в управление меньшая территория, а именно 6 районов: Лхарцзе, Намрин, Пунцог-глин, Кийронг, Цзонка и Нгари. После отказа взять и эти районы, цинские чиновники прямо заявили Панчен-ламе II, что император будет разгневан отказом; лишь тогда иерарх согласился взять под свою юрисдикцию первые три района. Как полагает Я Ханьчжан, передача под юрисдикцию Ташилунпо довольно значительной тибетской территории была «частью политики цинского двора в отношении Тибета по уравниванию власти тибетских иерархов и обособлению их друг от друга»²¹. Х.Е. Ричардсон выражается более определенно: по его мнению, расширение юрисдикции Панчен-ламы II «было началом долгой политики натравливания одного ламы на другого»²². По словам этого автора, те же цели преследует и применяемая китайцами система нумерации Панчен-лам: «У китайских писателей есть привычка описывать покойного Панчен-ламу как IX. Для тибетских масс нет сомнений, что он был седьмым по счету от Лоцзана Чосгьяна Гьялцзе, учителя Далай-ламы V, создавшего Панчен-лам. Более высокая нумерация есть результат того подсчета, что два аббата Ташилунпо, предшественники Лобцзана Чосгьяна Гьялцзе, и один последователь Цзонхавы, были все еще более ранними перерожденцами Панчен-ламы. Тибет-

ский же счет показывает, что ни одна из этих личностей не была признана при жизни в качестве перерожденца святого»²³.

Депортация главы тибетской церкви и возвышение в противовес Далай-ламе VII Панчен-ламы II не были единственными цинскими преобразованиями в Тибете. Цины решили несколько изменить систему управления страной, введенную в 1720 г. По предложению Чжаланги, главой тибетского правительства был назначен Полханас, вызывавший в Пекине наибольшее доверие. На первых порах Полханас должен был совмещать две должности сразу: быть наместником Внешнего Тибета (Цзана) и одновременно надзирать за деятельностью двух министров, которые должны были управлять Внутренним Тибетом (Уем), причем министры рекомендовались на их посты самим Полханасом. Различие между правительством Полханаса и Советом министров времен Канченнаса состояло в том, что Полханас сам выбрал людей, которым безусловно доверял (Сригскод-Цэбдана и Цэрэн-Бангьяла) и которые ему столь же безусловно подчинялись.

О степени взаимного доверия между Полханасом и его министрами можно судить хотя бы по тому обстоятельству, что оба министра участвовали в гражданской войне 1727—1728 гг. Но один из них в самый решающий момент перешел на сторону Полханаса, чем заслужил его благодарность; другой, сражавшийся на стороне триумvirата, был взят Полханасом в плен и возвысился до министра, т. е. был лично обязан Полханасу²⁴. Полханас был назначен на пост главы правительства временно, как бы с испытательным сроком, и получил цинский титул «бэйсэ» (князь 3-й степени)²⁵.

Нововведением в управлении Тибетом было и то, что в Тибете оставались на постоянной основе два цинских резидента, один из которых считался старшим и контролировал провинцию Уй, а второй — младшим и контролировал провинцию Цзан. Первыми резидентами (амбанями) были Сэнгэ и Мала, власть которых подкреплялась китайским гарнизоном в 2000 солдат; особый гарнизон в количестве 1000 воинов размещался в Чамдо²⁶.

События, происшедшие в Тибете в конце 20-х годов XVIII в., т. е. после окончания гражданской войны, ознаменовали начало нового этапа цинского господства в Стране снегов. Цины

уже не довольствовались созданием в Тибете лояльного прокитайского правительства, как это было во времена Канченнаса; они отнимали или дарили тибетскую территорию, возвышали или изгоняли церковных иерархов и тем самым готовили Тибет в его новой роли в рамках империи. Тибет интересовал Цинов по двум причинам: он, как и другие зависимые территории Цинской империи (Внутренняя и Внешняя Монголия, Маньчжурия, Кукунор), должен был служить «щитом и оградой», т. е. своего рода буфером, защищающим Собственно Китай от внешней угрозы; в то же время Тибет был центром северного буддизма (ламаизма), и тибетская церковь должна была стать послушным инструментом «умиротворения монголов» в руках цинских императоров.

О методах, применявшихся цинскими властями в плане превращения буддийской церкви в орудие цинской политики, говорилось выше. Роль же руководителя и организатора процесса превращения Тибета в буферную зону была отведена Полханасу.

В силу своего географического положения Тибет должен был прикрывать китайские провинции Сычуань и Юньнань. Он граничил на западе и юге с Ладаком, Индией, Непалом, Бутаном и Сиккимом, а на севере горный хребет Куэнь-Лунь отделял Тибет от Кашгарии (Восточного Туркестана), входившей в состав Джунгарского ханства. В период правления Полханаса (1728—1747 гг.) реальную опасность для Тибета (следовательно, и для Китая) представляло лишь Джунгарское ханство. Джунгарские правители убедительно доказали, что ни большие расстояния, ни природные трудности не являются помехой для джунгарских воинов, способных совершенно внезапно появиться в Стране снегов. В связи с этим во внешней политике Полханаса ясно просматриваются два направления: отношения с Ладаком и пригималайскими странами и отношения с Джунгарским ханством.

Отношения Тибета с маленьким горным королевством Ладаком были в основном дружественными, что было связано с этнической и языковой близостью двух народов, сходством культуры, быта и даже природных условий. Важное значение имело и то, что оба народа исповедовали буддизм, хотя в Ладаке доминирующие позиции занимала секта Бругпа. В резуль-

тате единственного за два века столкновения — тибето-ладакской войны 1679—1683 гг. — был установлен номинальный сюзеренитет Тибета над Ладаком. Он сводился к отправке один раз в два года символических даннических караванов (лапчак) из столицы Ладака (г. Леха) в Лхасу и ответных караванов (чаба) из Лхасы в Лех. По сути дела это была «посольская торговля», выгодная обеим странам. «Посольства-караваны в стране своего временного пребывания получали соответствующий прием, они обеспечивались постоем, вьючными животными и прочими услугами на взаимной основе, закрепленной традициями и межгосударственными договорами»²⁷.

Первые контакты Ладака и Цинов были установлены во времена Канченнаса, когда Ладаком правил король Нийма-Намчжал (1694—1729)²⁸. В 1724 г. в Пекине побывали ладакские послы²⁹. Крошечный по сравнению с Китаем Ладак интересовал Цинов из-за его стратегического положения: Ладак находился между Восточным Туркестаном и Западным Тибетом, туда приходили караваны из Кашгарии, и таким образом в Ладак поступала информация о джунгарских планах. В 1732 г. новый ладакский король Дескион-Намчжал (1729—1739) прислал посольство с подарками Полханасу и иерархам тибетской церкви, а также сообщил цинскому двору о джунгарских передвижениях в Восточном Туркестане³⁰. В ответном послании императора Инь Чжэна говорилось: «Я был весьма рад прочесть мемориал, переданный Вами, Дескион-Намчжал, через Вашего гонца амбаню, в котором говорится, что Вы намерены наилучшим образом управлять делами государства и поддерживать буддизм, пытаться собрать информацию об элчимских джунгарах и докладывать бэйлэ Полханасу, и просили от меня наставлений. Я даровал особую благосклонность Вашему отцу Нийма-Намгялу, поскольку он и бэйцзы Канченнас помогали друг другу в служении императорскому двору. Ныне вы избрали Вашего отца в качестве образца в плане помощи бэйлэ Полханасу, выражая тем самым лояльность императорскому двору. Я буду распространять свою милость и на Вас, как делал это ранее»³¹. В 1737 г. гонец короля Дескион-Намчжала Ноно Соднамкан вновь прибыл в Лхасу; были привезены подарки и ценная информация о джунгарах, что вызвало весьма одобрительный отклик цинского императора Хун Ли. Л. Петех, говоря о ладак-

ских посольствах 30-х годов XVIII в., отмечает: «Это особое внимание к Китаю было, вероятно, обусловлено престижем, полученным китайским протекже, тибетским правителем Полханасом (1728—1747)»³².

Гораздо сложнее складывались отношения Тибета с Бутаном. Бутан представлял собой теократическое государство, весьма напоминавшее по своему государственному устройству Тибет времен «Великого Пятого»: наличие сильной церковной власти в лице местного иерарха секты Бругпа (Лха Бругпа), известного под титулом Шабсдруна Римпоче, и зависимого от церкви светского правителя (дэсрида), известного под титулом Деб-Раджа. Несмотря на сходство государственного устройства, культуры и религии Тибета и Бутана, между двумя странами сохранялась постоянная напряженность, зачастую переходящая в военные столкновения. По мнению Я Ханьчжана, можно говорить о 75-летней тибето-бутанской войне, то затухавшей, то вспыхивавшей снова³³. С. Дж. Уайт отмечает, что «тибетцы пять или шесть раз пытались завоевать Бутан и даже проникали вплоть до Симтока, но каждый раз бывали отброшены или же в массовом порядке захватывались в плен»³⁴. Причинами напряженности являлись, с одной стороны, попытки тибетских лидеров поставить под свой контроль Бутан, а с другой — воинственность бутанских правителей, довольно часто нападавших на более слабых соседей (в том числе и на тех, кого Тибет считал своими вассалами). Бутанские представители присутствовали на церемонии интронизации Далай-ламы VII, но, если не считать этого формального знака уважения, отношения между двумя странами не улучшились³⁵.

В 1730 г. в Бутане вспыхнула гражданская война, в основе которой лежал спор двух претендентов на пост Шабсдруна Римпоче, считавшегося перерожденцем Наропы. Главным претендентом на пост верховного ламы страны был Бадан-Дкарпо, но Деб-Раджа Ванпачжо (или же Банпал-Бьор, согласно Р. Рахулу)³⁶ выдвинул на пост верховного иерарха своего советника, ламу Пьоглас-Намгьяла. Именно он и был признан официально Шабсдруном Римпоче. Оппозиционная часть клира, не верившая в «истинность» Пьоглас-Намгьяла как перерожденца, вооружилась и с помощью своих светских сторонников вынудила правителя Ванпачжо бежать из столицы Ташисудзо-

на. Укрепившись в замке Забдон-Лхунцзе, Деб-Раджа Ванпачжо обратился за помощью в Тибет, к Полханасу, который во время тибето-бутанской войны 1714 г. был его противником. Полханас предпочел не вмешиваться в борьбу двух бутанских фракций и выждать развития событий. В результате Деб-Раджа Ванпачжо, не получивший помощи из Тибета, был убит своими врагами.

Победители установили в Бутане свой режим: верховным иерархом стал Бадан Дкарпо, а новым Деб-Раджой — Лхопьюг-Ринчен. Но победители вскоре тоже перессорились, и гражданская война в Бутане была продолжена: против нового правителя выступила оппозиция во главе с ламой Донгрубом Каспе. Оппозиция вновь обратилась за помощью к Полханасу; но не успел он еще принять окончательного решения, как пограничные тибетские войска выступили на помощь Донгрубу Каспе и оккупировали район Паро. Теперь Полханас был вынужден вмешаться: он послал на помощь тибетскому отряду, действовавшему в Паро, дополнительные войска, которые потеснили армию Деб-Раджи³⁷. Тем не менее, исходя из опыта прежних лет, тибетские руководители весьма сомневались в успехе, и поэтому было решено прибегнуть к религиозному посредничеству. Представители Панчен-ламы II, настоятеля монастыря Сакья и верховного ламы секты Кармапа, выступили в качестве посредников и договорились о перемирии и обмене пленных. Затем был заключен мир на следующих условиях: Деб-Раджа Лхопьюг-Ринчен обязался присылать даннические посольства в Лхасу; такие же обязательства принимал на себя лама Донгруб-Каспе, который, по сути дела, становился равным светскому правителю; Бадан-Дкарпо, признанный «истинным» перерожденцем, продолжал занимать пост верховного иерарха³⁸. Таким образом, центральная власть в Бутане оказалась ослабленной, поскольку Деб-Радже противостояла аристократическая группировка во главе с Донгрубом-Каспе. Тибет установил свой сюзеренитет над Бутаном. Но, поскольку Тибет сам находился под протекторатом Цинской империи, в начале 1731 г. из Лхасы в Пекин был отправлен гонец, который вез отчет Полханаса о бутанской кампании и «прошение» бутанских иерархов о даровании им символов власти.

Стиль, в котором составлено бутанское «прошение», свидетельствует о том, что оно было написано китайским чиновником и вряд ли дословно переведено бутанцам. «Прошение» от лам Друкпы (Бутана. — *Е.Б.*) гласит:

«Мы, Норианьлиньчинь Чилапучжи и Дзаса Либурукгучжи, ламы Друкпы, простираем совместно ладони к императорскому двору и молим о беседе с Вашим величеством, Великим Господином маньчжуров, поддерживающим все живые существа под Небесами.

Мы, глупый народ Западного пограничья, не знающий, что есть добро, а что зло, были однажды вовлечены в мстительную резню. Мы были чрезвычайно счастливы, получив письмо от тибетского бэйлэ, который сообщил нам о благоволении Вашего величества. Поэтому мы послали людей к сиятельному бэйлэ просить, чтобы нам было позволено подчиниться Вашему императорскому двору. Ваше величество даровали нам так много милостей, что мы не расплатимся за них даже за 10 000 поколений.

Увы, народ Друкпы, глупый, как дикие животные и не знающий законов, часто вступал в войну с Габи. По докладу амбана Ваше величество послали чиновников для посредничества между нами. Тибетский бэйлэ лично явился в Вангцзе для доставки нам приказа Вашего величества. Мы чувствуем большую благодарность за доброту Вашего величества и готовы восстановить мир между собой. Чтобы отплатить за доброту Вашего величества, мы впредь будем дружественны друг с другом.

Мы просим Ваше величество даровать нам печать власти, поскольку мы должны держать народ Друкпы под контролем, т. к. многие из них не знают законов... Мы послали гелонга Барчанга передать наше глубочайшее почтение и некоторые из наших местных продуктов Вашему величеству»³⁹.

Цинский император охотно согласился принять «подчинение» бутанцев, послал подарки бутанским лидерам и направил им письмо, составленное в обычных высокопарных выражениях. В том же году, в знак признания заслуг Полханаса и императорского благоволения к нему, Полханасу был пожалован цинский титул «бэйлэ»⁴⁰.

Отношения Тибета с Непалом развивались в основном как торговые и религиозные. Непал, в отличие от прочих при-

гималайских стран, был буддийским лишь частично; тем не менее, Непал занимал в тибетской истории такое же важное место, как и Индия, поскольку именно из Непала в Тибет проникли некоторые течения буддизма, отсюда приезжали знаменитые проповедники, там было немало буддийских святынь. В XVII в. между Тибетом и Непалом произошло военное столкновение, вызванное претензиями Непала на приграничные тибетские районы Кийронг и Кути (1645—1650 гг.). В первой половине XVIII в. тибето-непальские отношения сохраняли, как и прежде, религиозный и торговый характер: так, даже в период гражданской войны в Тибете Полханас нашел время и средства, чтобы направить своих представителей в Непал, где они восстановили разрушенную буддийскую ступу Бьярун-касор⁴¹.

В этот период Непал не представлял собой единого государства: он был разделен на ряд княжеств, среди которых были Бхатгаон (тиб. Коком), Катманду (Ямбу) и другие. Представители князей Бхатгаона и Катманду присутствовали на церемонии интронизации Далай-ламы VII⁴². В 1732 г. из княжества Катманду в Лхасу прибыло посольство, чтобы известить о вступлении на трон князя Джая Пракаша Малла⁴³. В китайских же исторических документах сообщается, что данное посольство прибыло от трех крупнейших княжеств Балебу (т. е. Непала), чтобы «выразить верность Цинам»⁴⁴. Император Инь Чжэн поспешил послать в адрес непальских князей подарки и инвестируры. В 1734 г. посольство от трех княжеств снова явились в Тибет, «прося разрешения пройти в Пекин для передачи мемориала и дани»⁴⁵. Посланцы из Непала были хорошо встречены в Пекине. Император обратился к ним с наставлениями, как должны вести себя новые «вассалы». Очевидно, что эти наставления весьма мало повлияли на внутривнутриполитическую жизнь Непала, поскольку в 1739 г. цинский чиновник Хань Илу докладывал императору Хун Ли из Тибета: «Кукуму, Буянь и Йелен, три хана племен Балебу, находящиеся в 3 000 ли к юго-востоку от Тибета, прислали в 12-м году Юнчжэн гонцов для выражения своего почтения императору. В недавние годы три хана стали враждебны друг другу и постоянно воевали между собой. Я велел Полханасу сообщить им, что Ваше величество благоволит и одинаково относится к народам как внутри, так и вне границ, и убеждает их прекратить битвы и восстановить добрые

отношения. Три хана с радостью повиновались. Они доложили о количестве семейств в своих племенах и представили дань для императорского двора». Император приказал, чтобы им были даны подарки»⁴⁶.

Наиболее тесными являлись отношения Тибета с маленьким государством Сикким, где население было обращено в буддизм тибетскими ламами секты Нинмапа в 30-х годах XVII в. Правителем страны был король, носивший титул Чосгьяла, т. е. защитника веры. Глава местной буддийской церкви носил титул Скъябс Мгон Римпоче (Драгоценный покровитель)⁴⁷. В Сиккиме было установлено правление по формуле «лама — милостынедатель» при некотором преобладании светской власти. Маленький Сикким, расположенный между двумя воинственными соседями — Непалом и Бутаном, — часто подвергался нападениям с их стороны. В этих случаях правители Сиккима обращались за помощью к Тибету, и оттуда посылались войска (так было, например, в правление короля Деб Наку Зидара (1700—1706 гг.)⁴⁸.

Вассалитет Сиккима по отношению к Тибету в Лхасе считали фактом, не требующим особых доказательств. Действительно, обычной практикой была посылка из Тибета специальных лиц, которые исполняли обязанности регентов при малолетних сиккимских королях. Например, в 1740 г., когда бутанцы в очередной раз вторглись в Сикким, в Лхасу прибыл приближенный несовершеннолетнего сиккимского короля Намгьяла Пунцока, который попросил прислать в Сикким регента. Этим человеком, ответственным за внешнюю и внутреннюю политику Сиккима на протяжении ряда лет, стал Рабтен Шарпа⁴⁹.

Таким образом, в период правления Полханаса с государствами, прилегающими к западным и южным рубежам Тибета, были установлены добрососедские отношения. Сюзеренитет Тибета по отношению к перечисленной группе стран не предполагал никаких обременительных или унижительных обязанностей со стороны стран-вассалов и сводился в основном к стабильности границ и — для буддийских стран — признанию религиозного доминирования тибетских иерархов. Однако Тибет являлся частью Цинской империи и, хотя он пользовался пока что довольно широкой автономией, для Тибета была уго-

тована роль «внешнего владения», т. е. буферной зоны. Правители Тибета имели статус «внутренних вассалов», или «внутренних варваров», что отнюдь не препятствовало им иметь «внешних» (по отношению к Китаю) вассалов. Таким образом, отношения Тибета с пограничными странами вполне вписывались в традиционную китайскую схему взаимоотношений с внешним миром.

Наиболее серьезной проблемой для правительства Полханаса являлись отношения с Джунгарским ханством.

После смерти цинского императора Сюань Е, Кукунорского восстания 1723—1724 гг. и смерти джунгарского хана Цэван-Рабдана в 1727 г. в джунгаро-китайских отношениях наступило некоторое затишье. Но приход к власти новых лидеров — хана Галдан-Цэрэна в Джунгарии и императора Инь Чжэна в Китае — отнюдь не означал, что джунгаро-цинские отношения будут пересмотрены. Оба правителя выступили как продолжатели политики своих отцов и тщательно готовились к войне. Как пишет А. Ходжаев, Галдан-Цэрэн, «продолжая политику отца, не отказался от намерения воссоздать всемонгольскую империю»⁵⁰. Император Инь Чжэн, как и его отец, сохранял надежду разгромить и покорить Джунгарию.

17 марта 1729 г. был издан указ Инь Чжэна о начале войны с Джунгарским ханством. В указе говорилось: «Начиная с Галдана, джунгарские племена превратились в изменников. Цэван-Рабдан также показал себя высокомерным и наглым, совершал убийства. Теперь Галдан-Цэрэн совершает еще большее зло. Если оставить в живых этого последыша, он непременно разорит Халху, Кукунор и Тибет»⁵¹. В том же 1729 г. цинские войска сделали попытку вторгнуться в Джунгарию из Халхи, но получили серьезный отпор близ р. Кобдо. Другая часть цинских войск была вытеснена из княжества Турфан и района Баркуля. Эти поражения заставили императора Инь Чжэна более тщательно готовиться к войне: в Халхе было введено военное положение, постоянным явлением стали поборы, связанные с войной, реквизиции скота и лошадей у монгольского населения. Кроме непосредственных военных действий, цинское правительство предприняло значительные усилия на дипломатическом фронте: была реанимирована идея императора Сюань Е о возможности нанесения удара по Джунгарскому хан-

ству с двух сторон — со стороны Цинской империи и с запада — силами российских калмыков или даже русских войск. Но китайское посольство, побывавшее весной 1731 г. на Нижней Волге, не добилось согласия калмыцкого хана Церен-Дондука на вступление в войну с Джунгарией⁵².

Цинские власти вполне допускали, что джунгары способны повторить свое вторжение в Тибет; однако держать там значительный воинский контингент было бы слишком накладно для Китая и разорительно для Тибета. В связи с этим, начиная с 1728 г. был взят курс на создание небольшой, но хорошо вооруженной и обученной тибетской армии, которая могла бы сдерживать натиск джунгаров до подхода крупных китайских сил (в чем, собственно, и заключалась главная функция любой буферной зоны). Тибетские войска, находившиеся в провинции Уй, были снабжены хорошим оружием и лошадьми, и летом 1729 г. они были направлены в северные пограничные районы, в места, доступные джунгарскому вторжению. Как отмечает Л. Петех, «Полханас с радостью поддержал усилия амбаней в этом направлении»⁵³. Одновременно у тибетского гражданского населения было изъято огнестрельное оружие, которое складировали в тщательно охраняемом месте; вероятно, власти не были уверены в том, что в Тибете нет проджунгарски настроенных людей. С другой стороны, изъятое оружие могло использоваться для вооружения вновь создаваемой тибетской армии, в которую на первом этапе вошли в основном ветераны гражданской войны 1727—1728 гг.

Летом 1730 г., когда до Тибета дошел слух о предстоявшем нападении джунгаров и о якобы готовившемся захвате ими пограничного пункта Паликун, китайский амбань Сэнгэ вывел тибетские и китайские войска из Лхасы и занял оборонительные позиции в Даме и близ озера Тэнгри-нор. Место для возможной обороны оказалось настолько удачным, что Сэнгэ отправил в Пекин специальный доклад, предлагая создать целую оборонительную систему. Оборонительная система должна была прикрывать Лхасу с севера и состояла бы из четырех аванпостов; их задачей должна была стать охрана укрепленного лагеря с гарнизоном, состоявшим из 1 500 китайских и 1 000 тибетских солдат. Оборонительная система должна была использоваться только летом; зимой же пребывание солдат в Даме,

насквозь продуваемом ледяными ветрами, было бы затруднительным, и потому они должны были отводиться на зимние квартиры в столицу. 24 августа 1730 г. проект Сэнгэ был официально утвержден в Пекине, причем для оплаты китайских солдат 10 000 таэлей выделялись из цинской казны, а содержание тибетских войск возлагалось на правительство Полханаса⁵⁴.

Летом 1731 г. джунгарская армия вторглась в западную Халху и нанесла поражение цинским войскам близ крепости Кобдо. Как пишет А. Позднеев, «маньчжурский кабинет, получив известие о поражении своих войск, пришел в страшное озлобление против чжунгаров и порешил всеконечно истребить их; начальников же своих войск, проигравших битву, почти всех подверг строгой опале»⁵⁵. В августе 1732 г. джунгарские войска двинулись вглубь Халхи, громя войска местных феодалов и захватывая богатую добычу. Особенно богатые трофеи достались джунгарам в монастыре Эрдэни-цзу: «...жадные к добыче, они напали на богатый монастырь монгольский и принялись его грабить: вытащили из храмов драгоценные сосуды, богатые облачения, литые из золота и серебра бурханы; у тех кумиров, которые по их громадной величине невозможно было взять с собою, они выламывали драгоценные камни, золотые украшения и пр.»⁵⁶ Джунгарская армия, обремененная большой добычей, утратила подвижность, и в районе Эрдэни-цзу потерпела поражение от войск монгольского князя Церена. Джунгары, бросая трофеи, начали отступать в сторону Монгольского Алтая. Князь Церен известил о бегстве джунгарского войска цинского генерала Марсая, находившегося в пограничной крепости Байдарик, прося его задержать отступавшего врага. «Но, к его удивлению, Марсай заперся со своими 13 000 воинов в Байдарике и позволил элеутам пересечь границу собственной страны. Эти факты были сообщены в Пекин, и вскоре Марсай был обезглавлен перед строем его же солдат»⁵⁷.

В Тибете летом 1731 г. пограничные войска под командованием амбаня Сэнгэ вновь заняли свои позиции в Даме. Хотя джунгары и не сделали новой попытки захватить Тибет, но до Лхасы дошел слух, что джунгарские власти намерены вернуть в Тибет Сурчжу, сына Лхавзан-хана, в свое время угнанного в плен в Джунгарию. Сурчжа при хане Галдан-Цэрэне уже не был пленником: он получил небольшой удел и вел жизнь вла-

детельного тайчжи⁵⁸. Согласно поступившим сведениям, джунгары собирались отправить Сурчжу в Тибет в сопровождении джунгарского отряда в количестве 5 000 воинов. Сообщение об этом, сделанное Полханасом, весьма встревожило пекинский двор: не только дамские хошоуты (дамсоки), этнически родственные Сурчже, но и многие тибетцы могли предпочесть «законного» наследника власти Лхавзан-хана китайскому ставленнику Полханасу. 16 сентября 1731 г. император издал указ, в котором напоминал Полханасу о коварстве джунгаров и о том, что похожий предлог был использован джунгарами для вторжения в Тибет в 1717 г. Полханасу предписывалось подготовиться к отпору джунгарам; в случае, если бы Сурчжа прибыл в Тибет один или с малым эскортом, его следовало встретить доброжелательно и сообщить в Пекин⁵⁹. Но слух оказался ложным; не исключено, что джунгары просто прощупывали настроения в Тибете. Полханас же, в качестве награды за верную службу, в 1732 г. получил серебряную печать, надпись на которой гласила, что бэйлэ Полханас является «администратором Тибета»⁶⁰. Таким образом, временный пост Полханаса, полученный им в 1728 г., стал постоянным.

В том же году пронесся новый слух о том, что джунгары подготовили сильную армию для захвата Тибета. В связи с этим император решил направить 3 000 солдат из Чамдо для усиления тибетских и китайских войск в Центральном Тибете. Между тем пребывание в столице даже 2 000 китайцев было для тибетцев тяжелым бременем: вьючные и верховые животные нуждались в стойлах и фураже, солдатам были необходимы жилье и топливо (что в безлесном Тибете представляло серьезную проблему), и т. п. Полханас решил обратиться к императору с просьбой отменить решение о переброске дополнительного воинского контингента в столицу; он переговорил с китайскими амбаниями и те, после некоторых колебаний, признали обоснованность его доводов. В декабре 1732 г. перевод дополнительных войск был отменен, что, вероятно, было связано с ослаблением джунгаров после их поражения при монастыре Эрдэни-цзу. А. Позднеев, говоря о джунгарском набеге на Халху, замечает: «Таковы были обстоятельства этого последнего похода Галдан-Цэрэна на Халху, похода, окончившегося для джунгар так несчастливо, что из общего состава их армии едва десятый человек успел возвратиться на свою родину»⁶¹.

В то же время поражение джунгарских войск летом 1728 г. в Северной Монголии отнюдь не означало полного ослабления Джунгарского ханства: оно явилось, скорее, началом периода равновесия сил двух азиатских империй, когда ни одна не была в состоянии уничтожить другую.

Уменьшение джунгарской угрозы Тибету было использовано Полханасом для того, чтобы несколько облегчить бремя, которое несли тибетцы в связи с пребыванием в столице цинского гарнизона (с 1728 г. цены в столице выросли на 50 %). В 1733 г. Полханас подал петицию на имя императора, предлагая уменьшить цинский гарнизон в Лхасе до 500 человек и разместить его вне города, на равнине Гвабжи, в специально построенных казармах. Министры Полханаса очень опасались, что петиция вызовет подозрение у императора, поскольку Инь Чжэн должен был помнить, что вывод китайских войск из Лхасы в 1723 г. благоприятствовал возникновению в Тибете гражданской войны. Вопреки этим опасениям, император одобрил предложения Полханаса: «Офицеры и солдаты лхасского гарнизона первоначально предназначались для защиты тибетцев, для отражения рейдов джунгарских бандитов... Полханас был очень активен, и тибетские войска проявили свою значимость в военном плане. Теперь Тибет спокоен, а тибетские войска многочисленны... Мы думаем, что они справятся с обороной Тибета»⁶². В «Географии Тибета» Миньчжул-хутухты сообщается: «С небольшим в версте на север от Хлассы, на том месте, где ойратские чжунгары расположились лагерем во время разбития Хла-взан-хана, построена крепость Чжашитан (дГрашитан — «долина, на которой усмирен неприятель»), где живут китайские войска и начальник их Да-лое»⁶³. В октябре 1733 г. казармы в Гвабжи были заселены китайскими солдатами. Жители Лхассы очистили город от мусора и навоза (китайцы держали в столице стадо скота, предназначенного для питания солдат).

По распоряжению из Пекина гарнизоны Лхасы и Чамдо были уменьшены до 500 человек в каждом, а лишние китайские солдаты и офицеры репатриированы в Китай. Для скорейшего восстановления тибетского хозяйства, подорванного китайской оккупацией, Полханас осуществил уменьшение налогов по всей стране⁶⁴.

В 1734 г. цинские войска из Чамдо были полностью выведены, а гарнизон в Литане уменьшен с 1 000 до 600 человек⁶⁵. Нет сомнения, что эти мероприятия были связаны, с одной стороны, со спокойной ситуацией в Тибете, а с другой — с затишьем в джунгаро-китайской войне. Официально война Цинской империи с Джунгарским ханством продолжалась, поскольку, по выражению А. Позднеева, «требовать мира маньчжурь не хотели, а чжунгары не искали его»⁶⁶.

Ослабление джунгарской угрозы означало также, по мнению пекинских политиков, ослабление тех церковных кругов в Тибете, которые были настроены антикитайски и делали ставку на помощь из Джунгарии. В этой связи дальнейшее пребывание Далай-ламы VII в Гарта не имело смысла. 18 августа 1734 г. император Инь Чжэн издал указ, в котором высылка Далай-ламы VII из Лхасы в Гарта объяснялась угрозой джунгарского рейда; теперь же, говорилось далее в указе, когда, благодаря стараниям Полханаса, в Тибете создана сильная армия, эта угроза уже не столь значительна. К тому же Панчен-лама II слишком стар и ему трудно одному заниматься делами церкви, поэтому присутствие Далай-ламы VII в столице необходимо. Этот указ был доставлен в Гарта принцем Юн Ли, сыном императора Инь Чжэна, и зачитан опальному иерарху⁶⁷.

В апреле 1735 г. Далай-лама VII вместе со своим двором выехал из Гарта и медленно стал двигаться в сторону Лхасы, принимая по пути поздравления, подарки и разного рода петиции от местных аристократов и простолюдов. Наконец, в начале сентября 1735 г. он торжественно въехал в Лхасу. Несмотря на то, что его возвращение в столицу напоминало торжественный въезд в Лхасу в 1720 г., разница была очень существенной: Далай-лама был полностью устранен от решения государственных дел и должен был заниматься исключительно религиозными вопросами. Его отец Соднам Доргай обязан был проживать в деревне, в 3-х днях пути от столицы, и только раз в год он мог посещать Лхасу⁶⁸.

В октябре того же года умер цинский император Инь Чжэн. Его преемником стал его четвертый сын Хун Ли (девиз правления Цянь Лун, 1736—1795), энергичный и амбициозный правитель. После смерти отца он получил в наследство не только огромную Цинскую империю, но также ряд нерешенных про-

блем и полупустую казну (по оценке Ли Юнбина, бесконечная война с Джунгарским ханством обошлась Китаю в 70 миллионов таэлей)⁶⁹. В этой связи Хун Ли, как и его отец Инь Чжэн, решил на первых порах проводить политику экономии государственных средств, в том числе за счет ликвидации некоторых воинских формирований. Таким формированием, совершенно излишним в спокойном Тибете, оказался ему лхасский гарнизон в 500 человек. Для рассмотрения этого вопроса применительно к местным условиям, в Тибет был направлен крупный чиновник Хань Илу, который пришел к выводу, что цинский гарнизон может быть выведен в Китай без ущерба для безопасности Тибета. Однако к тому времени император Хун Ли пересмотрел свои планы и решил, что символическое китайское военное присутствие в Тибете гораздо важнее той незначительной экономической выгоды, которую можно получить от ликвидации лхасского гарнизона. Проект был отложен, а затем забыт⁷⁰.

В 1736 г. светский правитель Бутана Деб-Раджа Мифам Вангпо прибыл в Тибет по случаю возвращения Далай-ламы VII из ссылки. Он посетил Далай-ламу VII и Полханаса и преподнес им подарки («дань»). Бутанскому правителю был оказан радушный прием: за пределами Лхасы его встречали, по поручению Далай-ламы VII, два его личных секретаря и двадцать чиновников. Деб-Раджа, желая в свою очередь выразить уважение к Далай-ламе VII, предложил построить в Бутане ступу в честь бодхисатвы Авалокитешвары (перерождением которого считается Далай-лама). Для проектирования и освящения новой ступы в Бутан был отправлен тибетский монах⁷¹.

В июле 1737 г. скончался Панчен-лама II, в возрасте 74 лет. По оценке современного китайского автора Я Ханьчжана, «он твердо стоял на стороне Центрального правительства Цинской династии, делая все возможное для обеспечения объединения его страны и продолжения дружбы между маньчжурами, ханьцами, монголами и тибетцами»⁷². На наш взгляд, эта оценка не совсем точна: Панчен-лама II отлично ладил со всеми правителями Тибета, начиная от Санчжая Чжамцо и до Полханаса. Он принадлежал к классическому типу приспособленцев, для которых не имеет ни малейшего значения ни смена правителя в стране, ни даже утрата независимости. Личные качества Пан-

чен-ламы II — качества послушного, не рассуждающего вассала, — привлекали к нему внимание цинских императоров, попытавшихся противопоставить его главе тибетской церкви. Однако он, не обладая полнотой власти ни в церковных, ни в светских делах, не являясь духовным наставником ни одного из цинских императоров, не мог претендовать на отношения с Цинами по формуле «лама — милостынедатель». Цины вполне справедливо считали его своим «внутренним вассалом», кем он и был в действительности.

Перерожденец Панчен-ламы II был «открыт» в следующем году в Цзане.

Во время возвращения Далай-ламы VII из Гарта в Лхасу его сопровождал, по поручению императора, глава Пекинского буддийского центра Чжанчжа-хутухта II Рольба-дордже (1717—1786). Ознакомившись во время своего путешествия с состоянием церковных дел в Тибете, Чжанчжа-хутухта II представил императору Хун Ли доклад о финансовых трудностях, переживавшихся тибетской церковью в связи с отторжением от Тибета Батана и Литана (Восточный Тибет). «Чжанцзя-хутухта пытался было во имя Далай-ламы просить государя о возвращении Переднему Тибету Батана и Литана, смиренно представляя, что это (именно Литан) есть место перерождения настоящего Далай-ламы и что туземные чиновники построили там общежительные убежища и кумирни, великолепно украсили их и ввели строгий порядок. Просьба не была уважена. Государь благоволил отдать только торговые пошлины, собираемые в этих странах, в пользу Далай-ламы, но землю оставил во власти Китая»⁷³. Казна Далай-ламы VII должна была ежегодно получать субсидию в 5 000 таэлей, отчисляемую из поступлений таможи в Дацзяньлу (населенный пункт на границе Восточного Тибета и провинции Сычуань)⁷⁴.

В начале 1740 г. кабинет министров, подчинявшийся Полханасу, был расширен: на посты министров (калонов) были назначены Доринг Пандита (племянник Канченнаса) и некий Бронцзан. Таким образом, число членов Кашага достигло традиционной цифры — четырех человек. В цинской хронике сообщается: «Император приказал, чтобы тибетский бэйлэ Полханас был награжден титулом князя, поскольку он действовал в соответствии с императорскими приказами; будучи привер-

жен к Желтой секте, развивал буддийские доктрины, а также тренировал войска для обеспечения безопасности границ»⁷⁵. Итак, Полханас получил от нового императора титул цзюньвана (князя 2-й степени), что свидетельствовало о высокой степени доверия к нему со стороны Цинов. Полханас превратился фактически в единоличного правителя Тибета, заслужив в народе прозвище «Миванг» («Могучий»)⁷⁶: Совет министров был подчинен ему лично; власть Далай-ламы VII ограничивалась церковными делами; Панчен-лама III был еще младенцем; китайские амбани не вмешивались в административную деятельность Полханаса, выполняя роль наблюдателей.

Широкая автономия, предоставленная Цинами Тибету, не означала изменения его статуса «внешнего владения», т. е. буферной территории. Следовательно, одной из главных обязанностей тибетского правительства оставалась обязанность давать отпор джунгарским проидам, в какой бы форме они ни проявлялись.

Во второй половине 30-х годов XVIII в. между правителями Цинской империи и Джунгарского ханства происходили переговоры по поводу заключения мира. После долгих и трудных переговоров соглашение было достигнуто: границей между Джунгарским ханством и Халхой (т. е. Цинской империей) стал горный хребет Монгольский Алтай, превращенный в нейтральную зону, недоступную для цинских и джунгарских подданных. Тем самым Джунгарское ханство теряло некоторые районы в западной части Халхи, которые считало своими. Был решен вопрос о приходе джунгарских торговых караванов в Китай.

Особо рассматривался вопрос о джунгарских паломнических караванах в Тибет. В послании императора Хун Ли хану Галдан-Цэрэну от 5 марта 1740 г. говорилось: «Ты также написал: «В прошлом (я), обращаясь (к императору) с просьбой дать разрешение (моим подданным) на поездку в Тибет для богослужения, действительно преследовал цель поклониться ламам и не имел никаких других намерений. Но поскольку необходимо было отправить (в Тибет) много вещей, для перевозки которых было недостаточно ста человек, (я) не смог отправить (людей в Тибет) вместе с Халю. Поэтому покорнейше прошу разрешения использовать триста человек для этой цели.

Тогда в связи с кончиной баньчань-эрдэни ты проявил желание отправить людей в Тибет для совершения молитвенных обрядов (в память покойного) и искренне просил разрешения на это. Я удовлетворил твою просьбу, но велел (тебе) не превышать количество паломников — 100 человек. Ныне ты, ссылаясь на то, что 100 человек недостаточно для перевозки вещей, просишь увеличить их численность до 300. Оказывая милость, я удовлетворю (твою просьбу)»⁷⁷. Кроме того, китайская сторона взяла на себя заботу об обеспечении джунгарских паломников питанием, жильем, средствами передвижения и т. п.⁷⁸

Первый джунгарский паломнический караван появился в Лхасе в ноябре 1743 г. Джунгарские богомольцы побывали на аудиенции у Далай-ламы VII и Панчен-ламы III, поднесли им и крупным монастырям богатые подарки. Побывали джунгарские паломники и на приеме у Полханаса, которому попытались передать ценные подарки от Галдан-Цэрэна, формально предназначенные для реставрации одного из буддийских храмов. Но Полханас отказался принимать подарки без разрешения цинского императора. Несколькими днями позже джунгары попросили Полханаса сообщить им о нуждах тибетской церкви, которой, по их словам, Галдан-Цэрэн желал оказать сильную помощь. Но Полханас отверг любую помощь, полученную не из Китая. За день до отъезда джунгарские паломники еще раз посетили Полханаса и завели с ним беседу о джунгаро-китайских отношениях. Полханас в разговоре высказал похвалы императору и привел факты, доказывающие выгоду цинского протектората для Тибета. Когда же джунгары стали расхваливать боевые качества новой тибетской армии, Полханас с иронией заметил, что она была создана благодаря джунгарскому вторжению и заботе цинского императора. Лхасский амбань Сопай, разумеется, доложил в Пекин о поведении Полханаса во время встреч с джунгарами, и позиция тибетского правителя встретила при дворе полное одобрение⁷⁹.

Кроме того, Полханас, действуя по собственной инициативе, принял беспрецедентные меры предосторожности во время пребывания джунгарского каравана в Тибете: столица была окружена сетью военных постов, которыми руководил его старший сын Ешей-Цэбдан⁸⁰.

В декабре 1743 г. джунгарский паломнический караван отправился в обратный путь, но волнения пекинских и тибетских властей, связанные с этим караваном, еще не закончились.

Среди паломников, прибывших в Тибет с джунгарским караваном, было несколько лам, выходцев из Тибета и Ладака, которые много лет провели в Джунгарии, а теперь решили вернуться на родину. В Пекине подозревали, что эти ламы были специально посланы Галдан-Цэрэном в Тибет, чтобы вести разведывательную или антикитайскую деятельность. В связи с этим император Хун Ли приказал отправить подозрительных священнослужителей в Пекин. Полханас, возражая против этого решения, сообщил в Китай, что ладакские ламы, возглавляемые Кадрин-Ринченем, хорошо известны в монастыре Ташилунпо, а сам Кадрин-Ринчен — 70-летний старик, который может и не выдержать путешествия в Пекин. Полханас указывал далее, что высылка ладакских лам может быть негативно воспринята в Ладаке, откуда идет чрезвычайно полезная информация о передвижениях джунгаров в Восточном Туркестане. Относительно отправки в Пекин тибетского ламы Лобцзан-Даньцинзя, который был родом из Чамдо, Полханас возражений не имел. Ознакомившись с докладом Полханаса, император Хун Ли приказал оставить ладакских лам во главе с Кадрин-Ринченем в монастыре Ташилунпо под надежным присмотром, а Лобцзан-Даньцинзя отослать в Пекин⁸¹.

По пути в Китай, в районе Чамдо, Лобцзан-Даньцинзя и еще несколько лам убежали, что вызвало в Пекине настоящий переполох. Командир охраны был вызван в Пекин для наказания; амбань Сопай, поставивший во главе эскорта простого унтер-офицера, был смещен со своей должности и заменен в 1745 г. бригадным генералом Фусинем. Губернатору Сычуани было приказано приложить все усилия для поимки беглецов, а также «предостеречь народ от оказания им какой-либо помощи, под угрозой ареста и отправки в Пекин в цепях»⁸². Полханасу было велено сотрудничать с сычуаньскими властями в деле поимки бежавших лам. Наконец, 29 января 1745 г. в Пекине была получена сообщение о поимке Лобцзан-Даньцинзя и о его отправке под строгим конвоем в столицу для соответствующего наказания⁸³.

Беспокойство пекинского двора, в связи со столь незначительным, на первый взгляд, инцидентом, было вполне оправданным. В докладе сычуаньского губернатора Цишаня от 15 мая 1745 г. сообщалось о нежелательном поведении местных старейшин (тусы) в районе Чамдо, что увязывалось с побегом лам во главе с Лобцзан-Даньцинем⁸⁴. Л. Петех усматривает связь между описанными событиями и Цзиньчуаньским восстанием 1747—1749 гг. в Западной Сычуани⁸⁵.

В феврале 1745 г., т. е. сразу же после происшествия с Лобцзан-Даньцинем, в Пекин прибыло джунгарское посольство. Послы передали императору Хун Ли благодарность за помощь, оказанную джунгарским паломникам на пути следования в Тибет и обратно, но одновременно выразили недовольство самовольными и недоброжелательными действиями Полханаса. Император Хун Ли отверг обвинения в «самовольстве»: он заявил, что Полханас следовал предписаниям из Пекина, и не более того. Просьба Галдан-Цэрэна о присылке из Тибета нескольких ученых лам для поддержания в Джунгарии буддизма вызвала у подозрительного монарха вполне понятное раздражение: он заявил, что ни один тибетский лама не желает ехать в Джунгарию после того погрома монастырей, какой учинили джунгары в Тибете в 1717—1720 гг. При этом император Хун Ли ссылаясь на официальное заявление Полханаса по данному вопросу⁸⁶.

Полханас, несмотря на наличие мирного договора между Цинской империей и Джунгарским ханством, продолжал демонстрировать Цинам свою неприязнь к джунгарам и готовность дать им отпор. В 1745 г. он выдвинул проект строительства укрепления на севере Тибета, в районе Хаджир. Император сомневался в целесообразности создания новой крепости, но приказал Полханасу отправить офицера с 15-ю солдатами в район р. Муруй-усу (Бричу), где они должны были в течение лета собирать информацию о джунгарских передвижениях⁸⁷.

Итак, деятельность Полханаса и его администрации, связанная с «джунгарской проблемой», вполне отвечала интересам Пекина и высоко оценивалась цинскими властями. Тибет постепенно превращался в «щит и ограду» для Собственно Китая.

Другой задачей Цинов в Тибете (а следовательно, и правительству Полханаса) было превращение тибетской буддийской церкви в инструмент «умиротворения варваров», т. е. прежде всего монголов. Но, если в сфере внешней политики личные интересы Полханаса и интересы Цинской династии безусловно совпадали, то во втором случае процесс носил не столь явный характер, был более сложным. Полханас был, несомненно, верующим человеком, считался приверженцем Гелугпы; в то же время он, как известно, начальное образование получил в Мингрол-глине, одном из монастырей Нинмапы, и всю жизнь симпатизировал этой секте. Во времена джунгарского террора в Тибете он, рискуя головой, спас от ареста одного из иерархов монастыря Дорчже-браг⁸⁸. Он был единственным, кто выступил в 1726 г. на заседании Кашага против указа императора Инь Чжэна о начале репрессии против секты Нинмапа. Вполне понятно, что откровенные симпатии Полханаса к Нинмапе вызывали определенную настороженность к нему со стороны иерархов Гелугпы, и прежде всего — со стороны Далай-ламы VII. Эта идейная неприязнь между главой церкви и руководителем государства переросла в личную неприязнь после ссылки Далай-ламы VII в Гарта. Полханас не был виноват в изгнании иерарха из столицы, более того, он просил цинских представителей не делать этого; но объективно устранение главы церкви и его вездесущего отца помогало Полханасу сосредоточить власть в своих руках.

В связи со ссылкой Далай-ламы VII одной из главных задач внутренней политики Полханаса стало установление дружественных отношений с буддийским духовенством, и прежде всего с великими монастырями Гелугпы. Полханас был прекрасно осведомлен о той роли, какую сыграли монастыри Гелугпы в появлении джунгаров в Тибете в 1717—1720 гг. и не хотел ссориться с духовенством. В 1729 г. он передал монастырю Дрепунг богатые земли с зависимым населением в долине Тодлун; щедрые земельные пожертвования получил и монастырь Сэра. Ряд монастырей в Цзане, пострадавших от джунгарского нашествия и гражданской войны, были отреставрированы⁸⁹. Полханас делал щедрые денежные пожертвования монастырям, субсидировал из казны проведение буддийских праздников и т. п. Щедрость нового правителя в отношении церкви

отмечена во многих тибетских источниках; так, «Пагсам-джонсан» сообщает: «Полаба был правителем 21 год, на протяжении которых жертвоприношения на лхасский монлам делались в невероятных размерах, которые могли соревноваться с преподношениями Чжэ-Цзонкхапы. В монастырях Галдан и Гумбум Цзонкхапы были сделаны новые крыши и новые перила, старый соборный храм Брайбуна и тантрийский храм Самлой были отремонтированы»⁹⁰. Сумба-Хамбо пишет, что с момента воцарения Полханаса «...перестали существовать злонамеренные люди, возродились традиции диспута и проповедей. Во всей стране снежного Тибета установились счастье и благоденствие»⁹¹. Не забывал Полханас и об официальных визитах к Далай-ламе VII и Панчен-ламе II (а после 1737 г. — к Панчен-ламе III); эти посещения, сопровождавшиеся богатыми дарами, должны были свидетельствовать об уважении главы правительства к руководителям церкви. Для кукунорских князей, приезжавших в Лхасу и Ташилунпо в качестве паломников, Полханас устраивал пышные приемы и красочные представления⁹².

Несомненно, что Полханасу удалось добиться если не дружественного, то, по крайней мере, уважительного отношения к себе со стороны тибетского духовенства. Это отношение клира к главе правительства еще более укрепилось, когда Полханас приступил к грандиозному, дорогостоящему и, с точки зрения буддистов, святому делу — изданию канонического свода религиозной литературы и толкований к нему — «Ганьчжура» и «Даньчжура». Изготовление деревянных блоков для печатания «Ганьчжура» было начато в 1730 г. и закончено в 1732 г.; блоки были освящены Панчен-ламой II и помещены в монастырь Нартанг (западнее Шигацзе). Блоки для «Даньчжура» были закончены в 1742 г. и освящены Далай-ламой VII⁹³.

Полханас, как и его первый покровитель, Лхавзан-хан, был весьма терпим к другим религиям; так, во время его правления в Тибете свободно действовала католическая миссия (капуцины). Как сообщает Шакабпа, миссия капуцинов была впервые основана в Лхасе в 1707 г., затем закрыта по финансовым причинам в 1711 г., но уже в 1716 г. возобновила свою деятельность. «Капуцинские отцы пережили джунгарское вторжение и оккупацию Центрального Тибета; их медицинские знания, ценные монголами и тибетцами, гарантировали их безопасность.

Капуцинам было дано разрешение купить землю и построить церковь к востоку от храма Чжоканг. Несмотря на то, что отцы-капуцины оказывали ценную медицинскую помощь населению, монашеские общины потребовали закрытия католической миссии»⁹⁴. В 1733 г. миссия, возглавлявшаяся Франсиско Орацио делла Пенной, выехала из Лхасы в Непал; но в 1741 г. капуцины вновь вернулись в Тибет. Им удалось обратить небольшую группу тибетцев в католическую веру, что усилило враждебность буддийского монашества к миссионерам. Полханас, не желая ссориться с тибетским духовенством, уступил его требованиям: новообращенные тибетцы были арестованы и подвергнуты телесным наказаниям, а для миссионеров были созданы столь жесткие условия, что они были вынуждены покинуть страну в 1745 г., на этот раз окончательно⁹⁵. Проводившаяся Полханасом политика сближения с буддийским духовенством, задаривания его, ничем не отличалась от аналогичной политики цинских императоров. В то же время щедрость Полханаса не могла скрыть того факта, что церковь все более отстраняется от общегосударственных дел. И в этой ситуации многое зависело от позиции Далай-ламы VII, за которым послушно следовало духовенство Гелугпы. Далай-лама VII, большую часть своей жизни проведший вне Лхасы, считал несправедливым свое отстранение от управления государством; но, не рискуя сопротивляться цинскому двору, он обратил свой гнев против Полханаса. По его мнению, Полханас старался урезать даже ту скромную автономию, какая была оставлена Далай-ламе VII Цинами: он открыто возмущался тем, что Полханас следит за каждым его шагом, ограничивает его свободу, наказывает его подчиненных и т. п. Однажды Далай-лама VII высказался в частной беседе, что, «возможно, Полханас будет счастлив лишь тогда, когда я удалюсь в монастырь Дрепунг или стану отшельником»⁹⁶. С течением времени взаимная враждебность возрастала, и глава церкви, не имея другой возможности бороться с главой правительства, стал обращаться с жалобами на него в Пекин.

В столице империи конфликт между двумя крупнейшими деятелями Тибета был воспринят с большой тревогой, поскольку он ставил под вопрос проведение цинской политики не только в Тибете, но и во всей Центральной Азии. В китайской

внешней политике было принято уделять огромное внимание историческим прецедентам; данная же ситуация сразу же вызвала аналогию со Смутным временем начала XVIII в., когда противостояние церковной и светской власти в Тибете привело к джунгарской интервенции. Император Хун Ли направил личное послание Полханасу, призывая его наладить отношения с Далай-ламой VII ради спокойствия в стране ⁹⁷.

Между тем многолетнее спокойствие в Тибете стало нарушаться мелкими, но досадными для Пекина инцидентами. В 1745 г. произошло локальное восстание в Гьянцзе, где был убит местный администратор ⁹⁸; восстание было быстро подавлено, а его участники наказаны. Постепенно стали опасными коммуникации между Лхасой и провинцией Сычуань, где появилось множество разбойничьих шаяк, нападавших на караваны и проезжавших чиновников ⁹⁹. Предводитель одной из таких шаяк, некто Пань-гунь, будучи разгромлен китайскими карательными войсками, бежал в Тибет в поисках убежища. Когда Полханас попытался заступиться за беглеца, император Хун Ли в своем послании сурово отчитал его ¹⁰⁰. С точки зрения императорского двора попытка «мятежников» укрыться в Тибете могла стать чрезвычайно опасным прецедентом, тем более, что в 1747 г. в западной части провинции Сычуань произошло знаменитое Цзиньчуаньское восстание.

Таким образом, налицо было нарушение спокойствия в Тибете, что, вероятно, при цинском дворе относили к последствиям разлада между Полханасом и Далай-ламой VII.

Неизвестно, чем завершился бы конфликт Полханаса и Далай-ламы VII, т. к. 12 марта 1747 г. правитель Тибета скончался. Император Хун Ли заявил по этому поводу: «Я был опечален, узнав из доклада генерала Фу Синя о смерти Полханаса в результате болезни. Он усердно занимался делами Тибета и был лоялен к императорскому двору. Я приказываю, чтобы была выдана 1 000 таэлей серебра в возмещение его погребальных расходов. Министр Солбай должен быть отправлен в Тибет для проведения соответствующей погребальной церемонии» ¹⁰¹.

Деятельность Полханаса за время его правления в Тибете оценивается современными тибетскими и китайскими историками примерно одинаково. Я Ханьчжан отмечает, что он, «будучи приверженцем центральной власти цинского правитель-

ства, признавал Тибет частью Цинской империи. Поэтому Центральное правительство Цинской династии доверяло ему»¹⁰². В.Д. Шакабпа пишет, что «сотрудничество Полханаса с маньчжурами подготовило почву для маньчжурских, а позднее китайских, заявлений о своем верховенстве в Тибете»¹⁰³.

Рассматривая деятельность Полханаса в качестве администратора Тибета, следует отметить, что он сделал немало полезного для своей страны: хозяйство страны, дезорганизованное в результате джунгарской оккупации и гражданской войны, было восстановлено; вновь воцарились закон и порядок; торговля стала безопасной; из страны было выведено значительное количество китайских войск. Во времена Полханаса в стране была создана небольшая тибетская армия, способная охранять свои границы. Успешно развивались отношения Тибета с южными и западными соседями. В то же время нельзя не видеть, что вся деятельность Полханаса, в какой бы сфере она ни осуществлялась, соответствовала планам и целям Цинской династии: создание тибетской армии означало сопротивление Тибета любому нападению извне, что уменьшало опасность для Собственно Китая; более тесные связи с пригималайскими государствами означали создание особого пояса из стран «внешних вассалов», что опять-таки вполне укладывалось в китаецентристскую схему взаимоотношений с внешним миром. Установление Полханасом нормальных отношений с тибетской церковью в целом (несмотря на личную неприязнь к Далай-ламе VII) также означало добросовестное выполнение курса пекинского двора на подчинение и использование в имперских целях духовного авторитета церкви.

Цинские императоры в период правления Полханаса вели себя в Тибете как хозяева: аннексировали значительную часть тибетской территории, отправили в ссылку главу тибетской церкви и, в противовес ему, попытались возвысить Панчен-ламу II, установили в Тибете должность наблюдателей-амбаней, обязали Далай-ламу и Панчен-ламу, равно как и Полханаса, посылать дань в Пекин один раз в 2 года¹⁰⁴ и т. п. Несмотря на частое упоминание в императорских указах буддийской религии и покровительства ей со стороны династии Цин, можно с полной уверенностью утверждать, что в период правления Полханаса между цинскими монархами и тибетскими иерарха-

ми не сложились отношения «лама — милостынедатель», зато налицо были отношения типа «вассал — сюзерен».

В том, что тибето-китайские отношения развивались именно таким образом, была немалая заслуга Полханаса. В характере Полханаса можно отметить такие черты, как личную смелость, веротерпимость, верность долгу (понимаемую как преданность сюзерену); в то же время этот тибетский аристократ был готов служить иностранцам — сначала хошоутам, а затем китайцам, стремясь прежде всего к личной власти. Несмотря на широкую автономию, предоставленную Цинами Тибету, деятельность Полханаса объективно способствовала дальнейшему усилению китайского протектората.

Правление Полханаса, длившееся почти 2 десятилетия, способствовало стабилизации тибетского общества и развитию его экономики.

Социальная структура тибетского общества к середине XVIII в. имела все основные черты феодализма. Общество подразделялось на два класса: класс феодалов (светских и духовных) и класс феодально-зависимого трудового населения. О таком делении тибетского общества писали востоковеды нового времени ¹, с ним согласны и современные авторы ². К светским феодалам относились аристократические семейства, преобладавшие в той или иной провинции, которым подчинялись средние и мелкие феодалы. Аристократические дома владели наследственными землями и замками, передававшимися из поколения в поколение; часть принадлежавшей этим семействам земли передавалась в качестве награды за службу вассалам из числа мелких и средних феодалов. Начиная с момента образования тибетского централизованного государства в XVII в. мелкие и средние феодалы, назначенные на какой-либо государственный пост, стали получать поместья как натуральную плату за чиновничью службу.

Феодально-зависимое население Тибета делилось на несколько категорий (сословий) по роду занятий. Основным занятием населения было земледелие: выращивались ячмень, гречиха, пшеница, бобовые, овощи; в некоторых горных долинах, наиболее укрытых от ветров, выращивались яблоки, груши, грецкий орех и виноград. Земледелие было богарным; земля обрабатывалась при помощи плуга, который тянули два быка. Земля в верховном смысле принадлежала государству, но фактически аристократические кланы считали ее своей собственностью и распоряжались по своему усмотрению. Такую землю государство могло конфисковать только в случае серьезных преступлений со стороны владельца (измены, мятежа и т. п.) ³.

Крестьяне, сидевшие на казенной земле или земле местного феодала, обычно передавали свой надел по наследству и были фактически прикреплены к земле. В каждом районе (цзо-

не) имелись списки крестьян с указанием обрабатывавшихся ими земель и взимавшегося с этих земель налога.

Как отмечает С.Ч. Дас, «в самые благоприятные годы государство берет две трети всей жатвы — максимум, который только допускается»⁴. Крестьяне должны были также выполнять разного рода повинности в пользу государства, среди которых одной из самых тяжелых была «ула» (поставка верхового и вьючного скота для перевозки чиновников и правительственных грузов). На особенно трудных участках горных дорог, где не могли пройти ни лошади, ни яки, грузы доставлялись с помощью носильщиков, причем оплата их труда возлагалась на окрестных крестьян⁵.

Вторым по степени важности занятием трудового населения было скотоводство. Оно имело экстенсивный характер: на высокогорных пастбищах разводились яки, лошади, овцы, ослы, козы. Як давал тибетцам мясо и молоко, кожу и шерсть, и даже топливо (сушеный помет); як использовался и как тягловая сила, и как вьючное животное; ячьи хвосты пользовались спросом в Индии и Китае. Правительство не взимало со скотоводов особого налога, но заставляло кочевников пасти стада, принадлежавшие государству⁶.

Другим занятием тибетцев было ремесло: обработка кожи и шерсти, изготовление тканей, ковров, одежды, посуды, кузнечных и ювелирных изделий, обработка дерева и др. Ремесленники, изготовлявшие и сами продававшие свои товары, объединялись в цехи; они, как и прочие горожане, платили посемейный налог и несли повинности⁷. Ремесленники, чья деятельность была связана с убийством животных и изготовлением орудий убийства (кожевники, кузнецы и пр.) считались людьми низких профессий и не пользовались в обществе уважением.

В Тибете, несмотря на крайне трудные дороги, существовала развитая внутренняя и внешняя торговля. Скотоводы нуждались в продуктах земледелия, и наоборот, и те, и другие в равной степени испытывали потребность в товарах, производившихся городскими или монастырскими ремесленниками. Торговля носила как меновый, так и денежный характер: валютой служили золотой песок, непальские монеты. «В больших городах, таких, как Лхаса, Шигацзе, Гьянцзе и другие, поми-

мо рынков имелись постоянно работавшие лавки. Они образовывали торговые ряды»⁸. Внешняя торговля велась с пригималайскими странами и Китаем; из Китая ввозили чай, сахар, шелк, хлопчатобумажные ткани, фарфор; из пригималайских стран доставлялись рис, пряности, предметы роскоши и т. п. Иностранцы и местные купцы должны были платить определенные пошлины («мостовую», годовую, с лавки)⁹.

Значительная часть тибетского населения была связана с монастырями. По данным Н. В. Кюнера, общая численность тибетского населения составляла в середине XVIII в. 1,5 млн человек; если взять для примера провинции Уй и Цзан, то соотношение лам и мирян было следующим: в Уе — 302 500 и 602 190 человек, а в Цзане соответственно 13 700 и 33 700 человек¹⁰.

Основной формой организации тибетского духовенства (независимо от принадлежности к той или иной секте) была монашеская община. В Тибете имелись сотни монастырей, в основном мужских, хотя было небольшое количество и женских. Настоятель монастыря был лицом выборным, но итоги выборов утверждались главой секты. Настоятель имел в своем подчинении ряд монастырских чиновников: руководителя религиозного обучения, руководителя церемоний, духовного судью, казначея, двух экономов. Рядовое монашество было многослойным: ниже всех располагались кандидаты в послушники, затем кандидаты в монахи (т. е. принявшие небольшое число обетов) и, наконец, полноправные монахи (принявшие максимальное число обетов). Будущий монах начинал курс монастырского обучения обычно в возрасте 5—6 лет: он получал новое имя, учился читать, писать и запоминать наизусть религиозные тексты. Пройдя этот элементарный курс обучения, послушник принимал обет гэцула (неполноправного монаха) и переходил на более высокую ступень обучения. Достигнув совершеннолетия (18—20 лет), он принимал обет гэлунна (полноправного монаха). Большинство монахов на этой ступени останавливались, но особо талантливые или честолюбивые могли изучать дополнительные религиозные дисциплины, осваивать тексты философского и теологического содержания. Такой монах мог получить степень мастера метафизики (лхамрам геше) и встать во главе дацана или даже монастыря¹¹.

Обязанности монашества не сводились лишь к богослужениям: они могли заниматься преподавательской деятельностью в монастырских университетах, проповедовать буддизм в качестве миссионеров, играть роль дипломатов, выполняя поручения главы секты в других странах, заниматься хозяйственной, административной и даже военной деятельностью. В каждом большом монастыре имелись военизированные отряды монахов, выполнявших обязанности сторожей, надзиравших за порядком во время религиозных празднеств и т. п. Монахам не возбранялось заниматься мелкой торговлей, гаданием, лечением, изготовлением скульптур буддийских божеств и т. д., но в любом случае часть своего дохода или выручки монах должен был передавать монастырю¹². В старых сектах, где монашеская дисциплина была не слишком строгой, монахи могли жениться, жить в деревне и заниматься сельским хозяйством¹³.

Доходы, поступавшие в результате деятельности каждого монаха, пожертвования богомольцев и паломников, равно как и субсидии со стороны местных и центральных властей, скапливались в монастырях в виде огромных богатств. Разумеется, особо богатыми были так называемые «великие» монастыри: Галдан, Сэра, Дрепунг, Ташилунпо. Но и менее значительные монастыри имели земельные владения с приписанными к ним крестьянами, которые обрабатывали монастырскую землю, пасли монастырский скот и обязаны были отдавать монастырю определенное количество ячменя, масла, шерсти и т. п. Как отмечает Н.И. Сувилов, «на обязанности монастырских крепостных лежат и другие работы в пользу монастыря: они вырабатывают шерстяные материи, производят серебряные и горшечные изделия, работают в качестве плотников, каменщиков, кузнецов, ходят с монастырскими караванами»¹⁴.

Монастыри занимались также торговой и ростовщической деятельностью (за предоставление ссуды под залог земельной собственности монастыри взимали до 30 % годовых)¹⁵. При этом они еще получали субсидии из государственной казны и были освобождены от уплаты общегосударственных налогов.

Несмотря на определенные различия, существовавшие между сектами тибетского буддизма, светское население, слабо разбиравшееся в тонкостях догматики, относилось ко всем монахам с одинаковым уважением. В стране существовал обы-

чай отдавать в монахи младших сыновей, поэтому почти каждая семья была связана с тем или иным монастырем. Хотя настоятелями монастырей становились, как правило, выходцы из аристократических родов, а положение рядового монаха мало чем отличалось от положения мирянина-простолюдина, тем не менее талантливый человек «низкого» происхождения мог здесь добиться многого.

Вопрос о новом администраторе Тибета был решен цинскими властями еще при жизни Полханаса, который оставил после себя двух сыновей. Старший сын, Ешей-Цэбдан, занимал пост губернатора провинции Нгари-Корсум; младший, Чжурмэд-Намчжал (даты рождения обоих неизвестны), избрал карьеру военного. Незадолго до смерти Полханаса Цины, в качестве награды за особые заслуги, предложили ему самому определить наследника, надеясь, вероятно, что он изберет самого достойного. Полханас выбрал младшего сына.

Старший сын, Ешей-Цэбдан, занимавший с 1729 г. пост губернатора Нгари-Корсум, был опытным администратором, уважал духовенство и прислушивался к его мнению. Его младший брат Чжурмэд-Намчжал имел характер гордый, решительный и воинственный; занимая пост командующего северным укрепленным районом, он постоянно общался с дамскими хошоутами, перенял от них страсть к верховой езде и охоте, что в Тибете считалось грехом. Он мало обращал внимания на духовенство, проявляя лишь внешнюю почтительность. Полханас, избрав его своим преемником, свой выбор аргументировал тем, что Ешей-Цэбдан слаб здоровьем (он действительно страдал от ревматизма). Но, вероятно, на выбор Полханаса повлияло опасение, что старший сын может стать безвольным орудием в руках духовенства. Чжурмэд-Намчжал, разделявший неприязнь своего отца к Далай-ламе VII, казался Полханасу более подходящей кандидатурой.

Император Хун Ли согласился с выбором Полханаса¹⁶. После смерти Полханаса император подтвердил свое решение: в июле 1747 г. в Лхасе было получено официальное сообщение о назначении Чжурмэд-Намчжала администратором Страны снегов. Одновременно с этим лхасскому амбаню Фусину (с 1734 и по 1748 г. в Лхасе находился только один цинский резидент) было направлено письмо императора Хун Ли, в котором выра-

жалось сомнение в административных способностях Чжурмэд-Намчжала. Фусинь должен был рекомендовать новому правителю оставить на постах министров прежних коллег Полханаса (Сригскод-Цэбдана, Цэрэн-Бангьяла, Доринга Пандиту и Бронцзана) ради сохранения преемственности управления страной: «Поскольку Чжурмэд-Намчжал пока что весьма молод, все калоны должны помогать ему в трудных случаях так же, как это было во времена, когда Полханас был жив»¹⁷. В Пекине также сочли необходимым командировать в Тибет второго амбаня; им стал уже не оправдавший однажды доверия двора Сопай.

Довольно скоро цинскому императору стало известно, что отношения Чжурмэд-Намчжала с главой церкви столь же враждебны, как и во времена его отца. Амбань Сопай доложил в Пекин: «Когда Далай-лама узнал о смерти Полханаса, он намеревался принести свои соболезнования в связи с печальным событием и пропеть сутры в его память, но его сын, Чжурмэд-Намчжал, отверг все это. Генерал Фу Синь покритиковал Чжурмэд-Намчжала за его поведение, и тогда последний раскаялся в своей ошибке и принял предложение Далай-ламы. Ныне они в хороших отношениях»¹⁸. Но это было чисто внешнее, формальное примирение, на которое Чжурмэд-Намчжал пошел из тактических соображений.

После проведения длительных церемоний, связанных с похоронами отца и своим вступлением в должность, новому правителю пришлось заняться государственными делами, которые, как и во времена Полханаса, включали две главные задачи: оборону страны и контроль за буддийской церковью.

С проблемами обороны Тибета Чжурмэд-Намчжал был знаком в достаточной мере, проведя немало времени на северных оборонительных рубежах. В связи с его отъездом в Лхасу, руководителем войск в районах Кара-усу и Тэнгри-нора был назначен зайсан Нагбан-Гэдун¹⁹. Северная оборонительная система по-прежнему была предназначена для отражения возможного джунгарского вторжения: хотя после заключения мирного договора 1740 г. джунгары не тревожили границы Китая, тем не менее Джунгарское ханство считалось потенциальным источником военной опасности.

Между тем ситуация в Джунгарском ханстве кардинально изменилась. После смерти Галдан-Цэрэна в 1745 г. в стране на-

чалась длительная феодальная междоусобица. Ход этой внутренней усобицы излагается Н.Я. Бичуриным следующим образом: «Галдан-Церын умер в 1745 году, оставив после себя трех сыновей: Лама-Дорчжу, Цэван-Дорчжи-Намгьяла и Цэван-Чжаши. Как Лама-Дорчжа родился от побочной жены, то Цэван-Дорчжи-Намгьял, по праву законного рождения, вступил на ханский престол. Он был человек сумасбродный, жестокий, беспечный в правлении, и в истории известен только по одним семейным раздорам. Как Цэван-Дорчжи-Намгьял вступил на престол малолетним, то одноутробная сестра его, Улан-Баяр, своими добрыми советами удерживала его от шалостей и беспутств. Но как скоро он пришел в возраст, то перестал следовать ее наставлениям и начал действовать сам собою. Из одного опасения, чтобы Нахча, сын Сурчжи, не ушел в Тангут, он заточил его в Или; допустил даже льстецов уверить себя, что Улан-Баяр замышляет объявить себя владетельною ханшею, вследствие чего посадил сестру в заточение, и многих зайсанов предал смерти. После сего Саин-Болок, муж Улан-Баярин, и Лама-Дорчжа убили Цэван-Дорчжи-Намгьяла в 1750 г. — и последний вступил на престол»²⁰.

Однако и новый джунгарский хан не сумел стабилизировать политическую ситуацию в Джунгарии. Поскольку Лама-Дорчжи был сыном наложницы Галдан-Цэрэна, джунгарские нойоны считали для себя зазорным подчиняться человеку «низкого» происхождения. Возник новый заговор в пользу третьего сына, Цэвана-Даши, однако он оказался неудачным²¹. Заговоры феодалов, борьба за власть и неизбежно сопряженные с ними военные действия серьезно ослабили Джунгарское ханство.

Вступив на престол после смерти отца, джунгарский хан Цэван-Дорчжи-Намчжал прислал в Пекин посольство с извещением о своем воцарении и с просьбой о пропуске в Тибет джунгарского паломнического каравана. Паломники должны были совершить обряды в связи с кончиной хана Галдан-Цэрэна и преподнести подарки тибетским монастырям. Император дал разрешение на посещение Тибета, одновременно приказав своим чиновникам принять необходимые меры предосторожности по пути следования паломнической миссии и в самом Тибете. Разумеется, в Пекине понимали, что 300 чело-

век, входивших в состав джунгарской миссии, не представляют военной угрозы для Цинской империи, но каждое посещение джунгарами районов, населенных буддистами (монголами, тибетцами или фанями), предпринималось, по мнению Цинов, либо с подстрекательскими, либо с разведывательными целями.

Джунгарская миссия прибыла в Лхасу в январе 1748 г. В ее составе, помимо паломников-мирян и служителей, было несколько лам, из которых двое остались в Лхасе для расширения религиозного образования. Члены миссии были весьма радушно встречены Чжурмэд-Намчжалом, который устроил для джунгаров пышный прием во дворце Галдан-Кангсар. Джунгары приняли участие в религиозном празднике Монлам, были приняты Далай-ламой VII и Панчен-ламой III и преподнесли ценные подарки. Поведение Чжурмэд-Намчжала в отношении джунгаров, столь разительно отличавшееся от поведения его отца, не вызвало никаких подозрений в Пекине. Возможно, это было связано с жалобами Чжурмэд-Намчжала, что прибытие джунгарского каравана было разорительным для Тибета в финансовом смысле. Император Хун Ли с готовностью отреагировал на эту жалобу: приход джунгарских караванов в Тибет впредь запрещался, а Чжурмэд-Намчжал и его министры в благодарность за хлопоты с караваном получили из Китая ценные подарки²².

В том же 1748 г. Чжурмэд-Намчжал обратился в Пекин с просьбой о выводе из Лхасы цинского гарнизона ради облегчения тяжелого финансового положения Тибета. По словам В.Д. Шакабпы, «он заявил маньчжурскому императору и амбаниям, что маньчжурский гарнизон не нужен в Лхасе: тибетский гарнизон может поддерживать закон и порядок столь же эффективно. Более того, он не будет обижать местное население, похищая их коней и женщин»²³. Император Хун Ли, видя, что Тибет находится в спокойном состоянии, несмотря на происходившее совсем рядом, в Западной Сычуани, восстание, решил удовлетворить просьбу Чжурмэд-Намчжала. Он приказал вывести из Тибета 400 солдат, оставив лишь 100 человек в качестве личной охраны цинских резидентов в Лхасе²⁴.

В 1747—1749 гг. в Западной Сычуани, в районе, населенном этническими тибетцами (ныне Абаский тибетский автономный округ КНР)²⁵, произошло антицинское восстание. Здесь

местные тибетские племена Цзучин и Цзуаньла проживали по берегам рек Дацзиньчуань и Сяоцзиньчуань (обе реки представляют собой верхнее течение р. Дадухэ, которая, в свою очередь, является левым притоком р. Янцзы); китайцам эти племена были известны по названиям рек. Вождь племени Цзучин (кит. Дацзиньчуань) по имени Солопан (Солобэнь) постепенно подчинил себе ряд племен, находившихся под юрисдикцией Дацзяньлу, и, усилившись, отказался подчиняться цинским властям. Он неоднократно разбивал цинские войска, отправленные для его «усмирения»: так, в 1747 г., разгромив очередной цинский карательный отряд, пытавшийся захватить его крепость, Солопан взял в плен и казнил китайского командующего Чжан Гуансы²⁶. Как пишет Ли Юнбин, «китайцы вынуждены были двигаться по неизвестной стране, полной опасных врагов и защищаемой сотнями крепостей, построенных на крепких скалах. Захват даже одной из таких крепостей часто означал гибель большого числа храбрых солдат, и много лучших офицеров генерала Чжана расстались с жизнью в непривычных военных условиях. При дальнейшем продвижении китайцев крепостей оказывалось больше, чем они ожидали; там не происходило решающих сражений и не было припасов, которые можно было бы собрать для солдат на месте»²⁷. К тому же, Тусы Солопан сумел внедрить в состав китайского карательного отряда своего человека, который сообщал повстанцам о планах цинского командования.

В 1748 г. командующим карательными войсками был назначен генерал Фу Хэн, который вызвал из отставки Юэ Чжунци, отличившегося в период подавления Кукунорского восстания 1723—1724 гг. Тусы Солопан, лишившийся к тому времени своего информатора в цинском лагере, стал испытывать сомнения в исходе борьбы. Он послал Юэ Чжунци просьбу о прощении, на что из Пекина последовал положительный ответ, при условии, что Солопан принесет присягу на верность. «На это он согласился, и после принесения им клятвы по тибетскому обычаю о верности Цинской династии, генерал Фу вернулся в Пекин»²⁸. Однако, как замечает Шан Юэ, «хотя Солобэнь и его сын согласились на капитуляцию, население Дацзиньчуаня (тибетцы) продолжало оказывать упорное сопротивление завоевателям»²⁹.

В 1749 г. правитель Тибета Чжурмэд-Намчжал обратился в Пекин с просьбой разрешить отправку в Восточный Тибет, подпадавший под юрисдикцию сычуаньских властей, нескольких лам секты Гелугпа. Он мотивировал необходимость этого шага желанием распространить «истинное» учение в районах с преобладающим влиянием «красных» сект. Вполне понятно, что проект Чжурмэд-Намчжала показался в Пекине странным: сам он никогда не был религиозным фанатиком, выступал на стороне своего отца в ссоре с Далай-ламой VII, и естественно было ожидать от него такой же веротерпимости к чужим сектам, какой отличался Полханас. С другой стороны, в Пекине было известно, что в период Цзиньчуаньского восстания местные ламы сыграли такую же антицинскую роль, как и кукунорские ламы в 1723—1724 гг.³⁰ Естественно, что при дворе императора Хун Ли возник вопрос: какие скрытые цели преследует Чжурмэд-Намчжал, организуя эту «миссионерскую» экспедицию? Можно было предположить, что такими целями являются установление контактов с тибетскими повстанцами в Цзиньчуани, обещание им поддержки или убежища и т. п.

Правда, такие подозрения не были высказаны открыто, но император насторожился. Он отозвал в Китай тогдашнего цинского резидента в Лхасе Лабдона и заменил его Цишанем, которому поручил внимательно следить за действиями Чжурмэд-Намчжала и обо всем докладывать в Пекин. Цишань, прибывший в Лхасу в 1749 г., вскоре сообщил императору, что тибетский правитель по характеру горд и упрям, склонен к деспотическим методам правления, и его подданные им недовольны. Интересно отметить, что характеристика, данная Чжурмэд-Намчжалу Цишанем, практически совпадает с данными тибетских хроник: так, «Пагсам-джонсан» сообщает о тибетском правителе, что он был «деятельный, жестокий и вспыльчивый человек»³¹. Цишань сообщал, что даже с министром Дорингом Пандитой, женатом на дочери Полханаса Делдан-Гролме, у тибетского руководителя очень плохие отношения. Амбуань Цишань предлагал прибегнуть к радикальным мерам: вызвать из Нгари Ешей Цэбдана, ввести его в правительство для ослабления практически единоличной власти Чжурмэд-Намчжала, а Далай-ламу VII на всякий случай выслать опять в Гар-

та³². Император в ответном послании потребовал от Цишаня лишь собирать факты и сообщать о них в Китай.

Вероятно, для Чжурмэд-Намчжала не являлось секретом то, что цинский резидент посылает о нем в Пекин весьма не лестные отзывы. Он довольно просто решил эту проблему: как пишет Я Ханьчжан, «известно, что Цишань принял драгоценную древнюю статую Будды, коня, более десяти связок мехов и 1 000 таэлей серебра в виде подарков от Чжурмэд-Намчжала. Они стали так близки друг другу, что поклялись быть заодно, и даже свои имена подписывали рядом на мемориалах Цишаня к императору. За получение взяток и упущения по службе Цишань был смещен со своего поста»³³. Его заменил на посту амбана Лабдон, а вторым амбаном был назначен Фусинь.

В том же году первое Цзиньчуаньское восстание было подавлено. Подозрения императора относительно планов Чжурмэд-Намчжала, связанных с цзиньчуаньскими событиями, исчезли, а странности в его поведении были объяснены его молодостью и неопытностью³⁴.

Тем временем Чжурмэд-Намчжал начал борьбу за установление единоличного правления в Тибете. Соратники Полханаса, лояльные, как и их покойный начальник, к династии Цин, мешали ему в борьбе за ликвидацию цинского протектората. Амбани Фусинь и Лабдон сообщали в Пекин: «Чжурмэд-Намчжал захватил собственность Дебы Пхулунцзана и других в Цзане под фальшивым предлогом, выдвинутым против него, и распределил ее между своими верными помощниками. Он прогнал прочь сына Чжурмэд-Цэтэна Чжурмэд-Вангдрала. Что же касается тех, кто в прошлом служил Полханасу, они были убиты, брошены в тюрьму или смещены с официальных постов, а их собственность была конфискована»³⁵. Члены Совета министров, назначенные еще Полханасом, были недовольны поведением молодого правителя, но молчали, опасаясь за свою жизнь. Это, однако, не спасало их от преследований.

Даже Ешей-Цэбдан, старший брат Чжурмэд-Намчжала, казался правителю препятствием на пути к авторитарной власти. В 1749 г. в Пекине была получена жалоба Чжурмэд-Намчжала, в которой говорилось, что Ешей-Цэбдан притесняет монастыри в провинции Нгари-Корсум, разоряет торговцев, перекрывает дороги, ведущие с запада в Центральный Тибет; веро-

ятно, он хочет захватить всю страну. В связи с этим Чжурмэд-Намчжал уже начал собирать войска для защиты населения Нгари-Корсум. Но император помнил о нелестной характеристике, данной Чжурмэд-Намчжалу амбанем Цишанем, и не спешил с выводами. Он приказал вызвать губернатора Ешей-Цэбдана в Лхасу для дачи объяснений, а в Нгари велел отправить специального человека для расследования дела на месте. Одновременно Чжурмэд-Намчжалу был сделан выговор за несанкционированное перемещение войск, поскольку решать подобные вопросы мог лишь сам император³⁶.

Такой ответ императора, разумеется, не устраивал Чжурмэд-Намчжала, поскольку его наветы в адрес старшего брата могли быть легко разоблачены. Поэтому в начале 1750 г. он стал готовить расправу с Ешей-Цэбданом. Зная о неприязни к себе со стороны калонов, он «однажды позвал Цэрэн-Бангьяла в свою комнату и при трех свидетелях обвинил его в отправке мятежных посланий герцогу Нгари. Министр пытался возражать, но Чжурмэд-Намчжал впал в состояние берсерка: он бросил в него копье, но промахнулся и ранил лошадь рядом с домом, затем бросил другое, которым убил Пунцог-Донгруба. Этим Чжурмэд-Намчжал, видимо, удовлетворился, и Цэрэн-Бангьял ушел целым»³⁷. Тогда же он тайно обратился к главе монастыря Галдан, ламе Кри Римпоче, с просьбой провести магические обряды для уничтожения Ешей-Цэбдана; когда настоятель отказался, Чжурмэд-Намчжал добился его смещения с занимаемого поста³⁸.

Затем Чжурмэд-Намчжал прибег к более действенному средству, чем магия: понимая, что в случае смерти брата обвинения в адрес Ешей-Цэбдана опровергнуть будет сложнее, он отправил своих людей с приказом убить брата. Приказ был выполнен 25 января 1750 г., хотя тибетскому населению и цинскому императору было сообщено, что Ешей-Цэбдан скончался от болезни³⁹. Неизвестно, поверили ли в эту версию церковные иерархи Тибета и светские аристократы, знавшие об отношениях между братьями, но открытых разоблачений с их стороны не последовало. Воспользовавшись этим молчанием, Чжурмэд-Намчжал расправился также со старшим сыном убитого брата, Пунцогом Банпо; младший же уцелел только потому, что стал монахом в монастыре Ташилунпо⁴⁰. Император Хун

Ли, получив сообщение о смерти Ешей-Цэбдана, иронически заметил: «Ешей-Цэбдан, говорят, был здоров и планировал завоевать Тибет. Почему же он умер так внезапно? Его смерть — загадка... Словом, Чжурмэд-Немчжал — предатель, а ошибочные действия Цишаня дали путь для его заговора»⁴¹.

Поскольку провинция Нгари-Корсум оказалась без губернатора, Чжурмэд-Намчжал обратился в Пекин за разрешением послать туда своего сына Даргьяс-Церина; получив довольно неопределенный ответ, он без промедления захватил западную провинцию.

Информация, поступавшая из Тибета, убедила императора Хун Ли, что политическая ситуация в Стране снегов осложнилась. Лхасским амбаням Фусиню и Лабдону было приказано внимательно следить за развитием событий и «действовать по обстоятельствам». Это неопределенное указание означало, что амбани получали весьма широкие полномочия, фактически карт-бланш в своих действиях.

Начиная с апреля 1750 г. Чжурмэд-Намчжал провел ряд мероприятий, имевших ярко выраженный военный характер: он посетил северный район Садга, находившийся примерно на середине пути между Лхасой и Нгари, а затем район Карасу. Затем он побывал в Гьянцзе (провинция Цзан). В июне 1750 г. амбани Фусинь и Лабдон сообщили в Пекин, что Чжурмэд-Намчжал вывел войска и артиллерию из Лхасы, затем перебросил 1 500 солдат из Конпо в Уй, подготовил большое количество пороха. Разумеется, вся эта военная активность могла рассматриваться в Пекине как укрепление обороны Тибета, однако внутренняя ситуация в Джунгарском ханстве в тот момент не благоприятствовала нападению на Тибет. Император приказал амбаням расследовать суть дела после возвращения правителя в Лхасу⁴².

Между тем Чжурмэд-Намчжал явно избегал появления в столице, предпочитая находиться с крупным войсковым соединением в Цзане. Осенью 1750 г. власти провинции Сычуань сообщили в Пекин о поступивших из Тибета слухах, будто Чжурмэд-Намчжал открыто похвалялся вырезать всех китайцев, находившихся в Лхасе. Затем поступило сообщение, что связь с Тибетом прервана, т. к. система почтовых станций, подведомственная тибетскому правительству, закрыта по приказу

Чжурмэд-Намчжала. «Пять почтовых станций близ Лхасы были под управлением Лобцзана-Даши. Когда бы письма и документы из Внутреннего Китая ни приходили сюда, он запрещал их доставлять, угрожая убить посланцев и заставляя их уходить обратно. В результате Центральное правительство утратило контакт с чиновниками-резидентами в Тибете»⁴³.

Между тем развитие событий в Тибете достигло критической черты. 11 ноября 1750 г. Чжурмэд-Намчжал вернулся, наконец, в Лхасу, и был сразу же приглашен амбаниями в их резиденцию (якобы на совещание). Захватив с собою несколько человек, Чжурмэд-Намчжал явился к амбаням, был проведен во внутренние покои, а затем убит Фусинем и Лабдоном. Сопровождавшие его люди были также перебиты, за исключением мелкого чиновника по имени Лобцзан-Даши, которому удалось бежать из резиденции. Он собрал в городе толпу тибетцев и призвал отомстить китайцам за смерть правителя; резиденция амбаней была окружена, подверглась обстрелу, а затем была подожжена. Абани Фусинь и Лабдон послали своего чиновника к калону Дорингу Пандите, предлагая ему временно взять на себя руководство страной и восстановить порядок. Но Доринг Пандита оказался не готов к такой роли: он отправился за советом к Далай-ламе VII, который послал своих приближенных успокоить разъяренную толпу. Однако все усилия усмирить восставших были напрасны. Тогда Далай-лама VII приказал развесить по стенам домов прокламации, гласившие, что Чжурмэд-Намчжал был казнен за свои прегрешения, а те, кто поднял руку на китайцев, не избегнут сурового наказания. Затем он вышел из Поталы и обратился к толпе со словами умиротворения. Но результат был плачевным: негодующие тибетцы сорвали со стен прокламации и, угрожая самому главе церкви, вынудили его укрыться в Потале. Амбани были обречены: они погибли вместе с 50 военными и 77 гражданскими китайцами. Казна амбаней была разграблена повстанцами⁴⁴.

На другой день Лобцзан-Даши, не чувствуя за собой никакой реальной силы, решил укрыться от мести Цинов в Джунгарию. Он собрал наиболее активных участников восстания и двинулся с ними на север. После их ухода из столицы Далай-лама VII взял власть в свои руки: он назначил министра Доринга Пандиту временным главой правительства (до прибытия

китайских чиновников), приказал объявить по всей стране, что Лобцзан-Даши и его сторонники являются мятежниками и им нельзя предоставлять помощь или убежище. В конце ноября Лобцзан-Даши и другие участники восстания были схвачены и посажены в тюрьму. Большая часть разграбленных денег из резиденции амбаней была возвращена⁴⁵.

Тибетский хронист описывает указанные события весьма лаконично: «В году Земли-Дракона 13 рабджана (1748 г.), младший сын Полха-вана, Дали-батур, занял царский трон. Так как его сердце было затянато Чолмосом, то он стал врагом религии и через короткое время был убит по приказу китайского императора. После этого прекратилось продолжение тибетских царей. С этих пор Тибет полностью попал под власть китайского императора и в этой стране прекратились грабежи, установился мир»⁴⁶. Как нам представляется, упоминание об убийстве «врага религии» Чжурмэд-Намчжала китайским императором, после чего в стране наступил мир, является отражением официальной позиции тибетской церкви, пытавшейся интерпретировать события 1750г. с точки зрения формулы «лама — милостынедатель».

В Пекине об убийстве Чжурмэд-Намчжала и амбаней стало известно 12 декабря 1750 г. из доклада сычуаньских властей. В докладе сообщалось также о назначении Далай-ламой VII министра Доринга Пандиты временным главой правительства, о присяге на верность, принесенной ему тибетским чиновничеством и о приказе Далай-ламы VII служителям почтовых станций сотрудничать с китайцами по-прежнему. Поначалу император Хун Ли решил отправить в Тибет довольно значительный (по тибетским меркам) воинский контингент, который в целом составил бы 5 000 человек; однако через некоторое время, взвесив финансовые последствия такой экспедиции, император отменил первоначальный приказ. Антицинское восстание, занявшее всего один день, закончилось поражением и восстановлением процинского режима, поэтому задача заключалась всего лишь в наказании явных «бунтовщиков» и реорганизации системы управления страной.

16 декабря 1750 г. император Хун Ли издал указ, адресованный Далай-ламе VII и Дорингу Пандите, в котором им предписывалось воссоздать Совет министров, при жизни Чжурмэд-

Намчжала практически не действовавший. В указе также говорилось, что часть функций по управлению Тибетом будет резервирована за лхасскими амбанями (пересылка корреспонденции в Пекин, общий контроль за деятельностью почтовых станций и др.). Вскоре император получил несколько докладов с мест, подтверждавших, что спокойствие в Лхасе восстановлено, а Лобцзан-Даши и его сообщники арестованы. По рекомендации генерал-губернатора провинции Сычуань Цэрэна, было решено уменьшить военный отряд, направлявшийся в Тибет, до 800 человек. Было решено также создать чрезвычайную комиссию из четырех человек (Цэрэн, Намчжал, Чао Хуй и Баньди), которая должна была наказать участников бунта и реорганизовать систему управления Тибетом. Указом от 26 декабря 1750 г. император информировал об этих планах Далайламу и Доринга Пандиту.

Получив приказ, генерал-губернатор Сычуани Цэрэн двинулся в Тибет; но еще до его прибытия в Лхасу, 19 января 1751 г., в тибетской столице появился цинский чиновник Баньди, который был послан осенью 1750 г. для расследования деятельности Чжурмэд-Намчжала. Ничего не зная о проекте создания комиссии из четырех человек, Баньди провел собственное расследование, применяя пытки во время допросов. 25 января 1751 г. состоялась казнь горожан, участвовавших в коротком лхасском восстании. Баньди сообщал в Пекин: «Все эти мятежники собрались вместе для бунта, убили амбаней и разграбили казну. Проявленные ими наглость и насилие чрезмерны. Необходимо было сразу восстановить законы империи.

В связи с этим 25-го числа мгрон-гнер Лобцзан Даши, бывший вождь, Рабтан и Чаймучадэ, которые вели толпу жечь и грабить казну, Сэчэн Хашихэ, убивший многих людей, дархан Ясор, Бадма, Скуржэ Чоспел и Бангьяс, которые участвовали в поджоге, а также камнями и стрелами ранили амбаней, — все они казнены путем разрезания на части. Пьягмгод-па Лхаскяб, который по приказанию вождя мятежников принес солому и зажег огонь и первым кинулся помогать преступникам, дзон-пон Бангъял, Маньчинь Тэшинай и другие были обезглавлены. Посланец Даши-Рабтан и другие, последовавшие за мятежниками, были удушены. Что касается Бэйлун Шакопа, который убоился наказания и покончил с собой, и Лам-

гонмо, умершего в тюрьме, то оба они обезглавлены; вместе с другими преступниками, чьи тела были разорваны на части, их кости были сокрушены. Как и следует по обычаю, головы казненных были выставлены на всеобщее обозрение. Оставшиеся разбойники были наказаны в местах ссылки. Их собственность была продана, а вырученные деньги переданы в казну»⁴⁷.

В феврале 1751 г. в Тибет прибыли остальные члены цинской комиссии, и началось более детальное расследование событий, приведших к восстанию в Лхасе 11 ноября 1750 г. Была доказана полная невиновность и лояльность Цинам Ешей-Цэбдана; его младший сын Цэрэн-Бангъял унаследовал отцовский титул «гун», но не занял поста губернатора провинции Нгари-Корсум: ему было предписано находиться в столице. Следствие обнаружило факт переписки Чжурмэд-Намчжала с правителем Джунгарского ханства и взаимного обмена подарками. Глава тибетского правительства обращался к джунгарам с просьбой прислать некоторое количество джунгарских войск, снабженных артиллерией, в Тибет; они должны были находиться там под видом местных жителей до решающего момента. Как сообщали члены цинской чрезвычайной комиссии Цэрэн и Баньди, «Чжурмэд-Намчжал действовал во вред центральной власти. Он послал Гьялцзена-Даши и других доверенных лиц к джунгарам для установления с ними незаконных сношений. Он незаконно даровал Цэван-Дорчжи-Намгялу титул хана и просил джунгарского вождя послать войска в Ладак, чтобы оказать ему поддержку. К счастью, он сделал это в такое время, когда джунгарские варвары были расколоты внутренней распрей, и его гонцы к джунгарам были схвачены вместе с нелегальными письмами и подарками на обратном их пути в Тибет. Он виновен в преступлениях, за которые даже смерть — недостаточное наказание»⁴⁸.

Таким образом, доказательства джунгаро-тибетского сговора были налицо. Впрочем, Чжурмэд-Намчжал был плохим конспиратором и не раз публично хвастался обещанной джунгарами помощью. Неизвестно, действительно ли джунгарские феодалы намеревались участвовать в антицинском движении в Тибете: в 1750 г. в результате государственного переворота новым ханом стал Лама-Дорчжи (1750—1753 гг.), которому было явно не до Тибета. Но в любом случае связи Чжурмэд-Намча-

ла с джунгарами вызвали гнев цинского императора, который, вероятно, в душе винил себя за недалёковидность. Император Хун Ли приказал казнить жену Чжурмэд-Намчжала и его сына, конфисковать его родовые поместья Полха и Ринченце; доходы от этих поместий были переданы в качестве платы солдатам и офицерам тибетской армии⁴⁹. Владения местной знати, отобранные бывшим правителем и розданные им своим сторонникам, были возвращены законным владельцам.

Амбани Фусинь и Лабдон, убившие Чжурмэд-Намчжала и затем погибшие сами, были посмертно награждены титулами «бо» (граф), а их потомки получили наследственные титулы виконтов. В их честь в Пекине был построен храм, а в императорском дворце их имена были внесены в почетные списки в Зале выдающихся государственных мужей. Их останки были отправлены на родину с величайшими почестями, а комната в резиденции амбаней в Лхасе, где они погибли, была превращена в зал поклонения их памяти⁵⁰. Относительно бывшего амбана Цишаня, которого император считал в какой-то степени виновным в трагическом развитии событий в Тибете, Хун Ли заявил: «Он бы должен быть казнен, но, учитывая воинские заслуги его предков, я обойдусь с ним снисходительно и позволю ему покончить жизнь самоубийством»⁵¹.

После завершения следствия по делу о мятеже встал вопрос о реорганизации системы управления Тибетом. Император Хун Ли был недоволен назначением на пост главы правительства Доринга Пандиты, племянника Канченнаса: «Хотя Полханас был очень послушен, его потомкам нельзя было доверять. Как я могу быть уверен, что и Доринг Пандита не такой же изменник и смутьян, как Чжурмэд-Намчжал?»⁵². Император заявил, что власть в Тибете не должна более быть сосредоточена в одних руках⁵³; при этом имелось в виду привлечение к делам управления страной не только светских аристократов в лице калонов, но также церкви и амбаней.

Цинская чрезвычайная комиссия, по поручению императора Хун Ли, изучила систему управления в Тибете. 23 апреля 1751 г. император получил доклад, в котором были изложены предложения комиссии. Комиссия рекомендовала сохранить Кашаг (Совет министров) в составе четырех человек; поскольку калоны были надежными, отобранными еще Полханасом

людьми, то предлагалось сохранить Кашаг в том же составе, за исключением Бронцзана, который был дряхл и слеп. Бронцзана предлагалось заменить духовным лицом, которое представляло бы интересы церкви. Министры должны были лично собираться на заседания Кашага, не посылая вместо себя заместителей или второстепенных лиц. Совет министров должен был подчиняться Далай-ламе VII, а пост правителя, или «администратора Тибета», следовало упразднить. Губернаторы провинций должны были назначаться лично Далай-ламой VII и действовать в соответствии с указаниями министров и амбаней. Назначение глав монастырей относилось исключительно к компетенции Далай-ламы VII. Он же ведал состоянием государственных зернохранилищ, казной, почтовой службой. Было предложено назначить провинциальных командующих в Уе и Цзане, а также послать специальных эмиссаров в пограничные районы Нгари-Корсум и Кара-усу. Комиссия предложила распространить на дамских хошоутов (дамсоков) знаменную систему, введенную Цинами для монголов всех частей империи, и передать их в ведение цинских резидентов в Лхасе.

Император Хун Ли в целом одобрил предложения комиссии по реорганизации управления Тибетом, однако подверг критике положение о почтовой службе: «В прошлом Чжурмэд-Намчжал не позволял почтовым станциям пересылать официальные депеши, и курьерская связь была прервана; затем Пандита послал приказ возобновить деятельность, и только тогда почтовые коммуникации были восстановлены. Все вышеописанное проистекало из того факта, что почтовая служба находилась в их ведении, а амбани, пребывавшие в Лхасе, не могли регулировать ее деятельность. Как же поставить ее под контроль? Необходимо уделить особое внимание решению этой проблемы»⁵⁴. Замечания императора были учтены, и почтовая служба Тибета перешла под управление китайских властей. Четвертым министром, вместо уволенного в отставку Бронцзана, был назначен лама Нима-Гьялцан, бывший чиновником при Далай-ламе VII.

Изменения, происшедшие в системе управления Тибетом, были суммированы Дж. Колмашем следующим образом:

«1) Институт наследственных «королей» Тибета, т. е. пост цзюнь-вана, был ликвидирован, а титулы хан, ван, бэйсэ и пр. более не давались высшим чиновникам страны.

2) Далай-лама стал номинальным главой, духовным и светским, а Совет министров — главным исполнительным органом страны и был подчинен ему.

3) Прежняя структура Совета министров в составе 4-х членов, существовавшая с 1721 по 1727 г., была восстановлена. Поэтому Кашаг состоял из четырех министров (калонов), из которых трое были мирянами, а один монахом.

4) Власть амбаней была расширена. Помимо подчинения им китайского гарнизона (который был увеличен до 1 500 человек) и ответственности за почтовую службу между Чэнду и Лхасой, они получили «некоторое право принимать участие в управлении страной» — в основном как советники Кашага. Это давало им возможность влиять день за днем на политику тибетского правительства»⁵⁵.

В мае 1751 г. в Пекине был получен доклад цинской комиссии в Тибете о проведенных мероприятиях, связанных с реорганизацией системы управления. Вскоре после этого новому Совету Министров был направлен императорский указ: «Желтая церковь процветает в Тибете; это самая чистая и добрая земля. Далай-лама возглавляет буддийскую церковь западных стран. Он глубоко толкует сутры и дхармы. В прошлом он возглавлял и наставлял лам, а делами государства ведали четыре калона. Затем Чжурмэд-Намчжал самовольно сконцентрировал в своих руках всю власть. Он не советовался с калонами, но следовал только собственной воле. Он тайно разрабатывал мятежные планы, поэтому амбани, находившиеся в Тибете, казнили его. Теперь в Тибете все опять мирно. Работа калонов не может выполняться одним человеком. Поэтому мы доверили генерал-губернатору Цэрэну задачу подбора добрых и компетентных людей. В соответствии с древними правилами мы назначаем четырех калонов для совместной работы. Вы должны быть благодарны за наши милости. Вы должны повиноваться Далай-ламе и уважать его, вести себя дружелюбно, наилучшим образом выполнять свои обязанности, не думая о своих личных интересах, чтобы не возникали вражда и подозрения. Вы не должны ссориться друг с другом, но должны помогать друг

другу. Какой бы важный вопрос ни возник, информируйте Далай-ламу и амбаней, находящихся в Тибете, следуйте их указаниям и действуйте в согласии. В благодарность за оказанные милости, сосредоточьтесь на выполнении нашей воли и распространении влияния Желтой церкви ради умиротворения человечества»⁵⁶.

В этом любопытном указе привлекают внимание несколько моментов. Во-первых, указ дается от лица монарха, покровительствующего буддизму. Это момент вполне обычен для императорских обращений, адресованных тибетцам. Но император не считает Далай-ламу своим партнером: Далай-лама — глава буддизма «западных стран», под которыми могут пониматься и Джунгария, и Ладак, и гималайские страны. Для Халхи и Внутренней Монголии есть Чжэбцун-Дамба-хутухта и Чжанчжа-хутухта; таким образом, Далай-лама VII ставится в один ряд с руководителями региональных церквей. Будучи таковым, он не может быть партнером цинского монарха: его партнерами в указе называются амбани, цинские чиновники в Тибете.

После опубликования в Тибете императорского указа, Цэрэн и Чао Хуй выехали из Тибета, а Баньди и Намчжал остались в Лхасе в качестве резидентов⁵⁷.

Интересно отметить, что джунгары проявляли повышенный интерес к событиям, происходившим в Тибете в конце 1750 г. В марте 1751 г. правитель Ладака сообщил в Лхасу, что джунгарские торговцы, прибывшие в Ладак из Яркенда, собирали сведения о ситуации в Тибете, о позиции Далай-ламы VII и Панчен-ламы III. В декабре того же года из Ладака поступило новое сообщение об интересе, проявленном джунгарскими послами к ситуации в Тибете⁵⁸. Как уже отмечалось выше, Чжурмэд-Намчжал планировал в качестве одного из вариантов джунгарского вторжения в Тибет первоначальное появление джунгарских войск в Ладаке. В связи с этим лхасские амбани и Далай-лама VII просили ладакского правителя и далее снабжать их информацией о джунгарах⁵⁹. Внутреннее положение Джунгарского ханства в начале 50-х годов XVII в. было столь нестабильным, что Цины могли не брать в расчет джунгарскую угрозу Тибету. Тем не менее была сделана еще одна попытка ук-

репить северные районы Тибета, перекрыв все пути, ведущие в Джунгарию⁶⁰.

В 1751 г. в Пекин прибыло посольство из Джунгарии, которое сообщило о восшествии на престол нового хана, Ламы-Дорчи, и передало его просьбу о пропуске паломнического каравана в Тибет. Император Хун Ли, тогда еще не знавший о контактах джунгаров с Чжурмэд-Намчжалом, разрешил такую поездку, ограничив численность паломников. Но Лама-Дорчи не использовал эту возможность: в марте 1752 г. он прислал новое посольство в Китай, прося об увеличении числа паломников. Император, теперь уже знавший о джунгаро-тибетском сговоре, на этот раз ответил отказом⁶¹.

Итак, попытка Чжурмэд-Намчжала вернуть Тибету независимость закончилась полным провалом. Тибетская аристократия, представителем которой он являлся, его не поддержала. Это объяснялось, с одной стороны, отсутствием серьезной антицинской оппозиции в стране благодаря умелому правлению Полханаса, а с другой стороны — личными качествами Чжурмэд-Намчжала, которого Л. Петех называет «тибетским Калигулой»⁶². В немалой степени провалу намечавшегося переворота способствовала и позиция Далай-ламы VII, долгое время враждовавшего как с Полханасом, так и с его преемником. Население страны в целом осталось равнодушным к смерти правителя, а однодневный бунт в Лхасе был скорее эмоциональной реакцией горожан на предательское убийство, чем антицинским восстанием. По всей вероятности, Чжурмэд-Намчжалу не помогли бы и джунгары, чье государство заметно ослабело в результате внутренних конфликтов. Цинское правительство, проявив завидную оперативность и гибкость, ввело в Страну снегов войска и изменило форму управления Тибетом.

В целом заговорщическая деятельность Чжурмэд-Намчжала принесла Тибету больше вреда, чем пользы: в результате проведенных Цинами реформ китайский протекторат в Тибете укрепился, и страна еще на шаг приблизилась к полной потере независимости.

Ликвидация неудачного заговора Чжурмэд-Намчжала ознаменовала окончание периода правления светских аристократов в Тибете при наличии иностранного протектората (Канченнас, Полханас и Чжурмэд-Намчжал). Во время их правления наблюдалась определенная конфронтация между светской и церковной властью, вызванная, с одной стороны, религиозной политикой Цинов, направленной на подчинение тибетской буддийской церкви и превращение ее в послушный идеологический инструмент, а с другой стороны — стремлением тибетских иерархов вернуть церкви то положение, какое она занимала во времена «Великого Пятого».

На первом этапе цинского протектората в Тибете (1720—1750 гг.) Пекин делал ставку на сотрудничество с процински настроенными аристократами, старательно оттесняя церковь в сферу чисто религиозной деятельности. В 1751 г. оказалось, однако, что Цины более не могут опираться на светскую аристократию: представитель рода Полханаса оказался «бунтовщиком», а представитель рода Канченнаса, Доринг Пандита, в решающий момент проявил слабость и нерешительность. В поисках опоры в Тибете Цинская династия была вынуждена обратиться к тибетской церкви, глава которой, Далай-лама VII, несмотря на все превратности своей жизни, никогда открыто не выступал против цинского господства. Более того, в период Лхасского восстания 1750 г. он был единственным, кто сумел взять в руки рычаги управления страной, а также спасти жизнь 180 китайцев, предоставив им убежище в Потале ¹.

Итак, в Тибете было восстановлено теократическое правление, не похожее, однако, на времена Далай-ламы V, когда хошоутский протекторат был чисто формальным, а во главе государства стоял талантливый и мудрый лидер. Далай-лама VII был человеком совсем иного склада и мало интересовался государственными делами. Как отмечает И. Малик, «в последние годы своей жизни он, хотя и осуществлял некоторый контроль над светскими делами, предпочел оставить управление в руках

своих министров, а сам продолжал заниматься священным писанием»².

Далай-лама VII недолго оставался номинальным главой тибетского государства: 22 марта 1757 г. он скончался. Он остался в тибетской истории в качестве одного из самых ученых (в религиозном смысле) Далай-лам; однако в политической жизни Тибета он особой роли не сыграл, как в силу особенностей характера, так и в силу того, что его власть над Тибетом носила номинальный характер.

1757 г. — год смерти Далай-ламы VII — был поворотным моментом для нескольких соседей Тибета: в этом году было практически закончено покорение Цинами Джунгарского ханства³; в 1757 г. состоялась знаменитая битва при Плесси в Бенгалии⁴; в том же году начался процесс «самоизоляции» Китая от внешнего мира⁵. Каждое из этих событий оказало косвенное влияние на развитие Тибета: разгром Джунгарии означал, что северные рубежи Тибета более не нуждаются в защите, поскольку Джунгария и Восточный Туркестан, объединенные в наместничество Синьцзян, стали частью Цинской империи; и, напротив, начавшийся в 1757 г. территориальный захват Индии англичанами создавал потенциальную угрозу южным границам Тибета (иначе говоря, юго-западным границам Цинской империи). «Закрытие» Китая, имевшее целью защиту страны от европейских колонизаторов и сохранение господства дома Цин, не могло не коснуться и Тибета, хотя его последствия проявились лишь в конце XVIII в.

Сразу же после смерти Далай-ламы VII члены Совета министров собрались для решения вопроса: нужно ли назначить регента, который действовал бы от имени будущего Далай-ламы VIII в светских делах, или же Кашаг примет эту функцию на себя. Был избран первый вариант, после чего из нескольких известных и ученых лам на пост регента был выдвинут лама из монастыря Дрепунг, получивший титул Демо Трулку Чжампал Делег. Далай-лама VIII Чжампал Чжамцо (1758—1804) был найден в провинции Цзан, и в 1762 г. доставлен в Лхасу; до его совершеннолетия обязанности главы государства выполнял регент. Реальным же главой тибетской церкви на тот же самый срок стал Панчен-лама III Балдан-Ешей.

Балдан-Ешей родился в деревне Дасицзе в провинции Цзан 21 декабря 1738 г. Судя по тибетским источникам, его мать и

отец отличались многими добродетелями и достоинствами, а его рождению предшествовал ряд счастливых предзнаменований. Да и сам младенец отличался от прочих деревенских детей тем, что не играл с ними, а поклонялся изображению Будды или бормотал «Ом мани»⁶. Когда новость о появлении чудесного ребенка достигла монастыря Ташилунпо, казначей монастыря Лоцзан Цонду, захватив личные вещи покойного Панчен-ламы II, прибыл в Дасицзе; там он намеренно смешал вещи покойного иерарха с такими же вещами, но не принадлежавшими ему, и предложил младенцу выбрать то, что ему понравится. Ребенок безошибочно выбрал вещи, принадлежавшие покойному Панчен-ламе II, да еще и назвал казначея по имени. Это сразу же убедило всех, что ребенок — перерожденец Панчен-ламы II⁷. Далай-лама VII одобрил выбор перерожденца, и 26 октября 1740 г. мальчик был объявлен Панчен-ламой III Балдан-Ешеем (1738—1780 гг.). В июле 1741 г. он был перевезен в Ташилунпо и 14 июля формально интронизирован, причем на церемонии присутствовал гонец из Пекина, а также представитель бутанского правительства⁸.

К шести годам Балдан-Ешей получил начальные сведения религиозного характера, а в 7 лет принял первый обет монашества. В том же году он впервые занял место прежних Панчен-лам в главном зале для богослужений, в связи с чем получил новые поздравления и подарки от Полханаса, Далай-ламы VII, цинского императора Хун Ли, монгольских и хошоутских князей. В возрасте одиннадцати и четырнадцати лет Панчен-лама III совершил поездки в Лхасу, получив ритуальные наставления от Далай-ламы VII и раздав богатые подарки монастырям и милостыню нищим. Наконец, в возрасте двадцати лет он в третий раз посетил Лхасу и был посвящен в духовный сан Далай-ламой VII: теперь он формально стал Панчен-ламой III, соблюдая все религиозные традиции: розданные по этому случаю подарки и разного рода пожертвования были особенно велики⁹. Это окончательное утверждение Панчен-ламы III в роли второго по степени важности тибетского иерарха нашло в Пекине отклик в виде отправки в Тибет специальной делегации во главе с руководителем Пекинского буддийского центра Чжанчжа-хутухтой II. Он привез поздравления от цинского императора, множество дорогих подарков и провел в Ташилунпо несколько месяцев,

«получив от Панчена наставления в сутрах и тантрах»¹⁰. Очевидно, именно во время длительного пребывания Чжанчжа-хутухты в монастыре Ташилунпо между ним и тибетским иерархом установились дружеские отношения, на которые впоследствии Панчен-лама III не раз ссылался.

Кончина Далай-ламы VII означала немедленный переход главных религиозных обязанностей главы церкви в руки Панчен-ламы III: он должен был лично одобрить выбор перерожденца покойного иерарха, которому дал имя Чжампал Чжамцо. Он же провел церемонию вступления Далай-ламы VIII на престол в Потале в 1762 г., а через 4 года принял от него обет монашества. В 1766 г. Панчен-лама и получил от императора Хун Ли инвеституру — золотой альбом и печать с надписью «Печать Панчена Эрдэни, дарованная императором», а также императорский указ следующего содержания: «Я, император, правящий миром по приказу Неба, объявляю: я, повелитель всех живых существ, как известно каждому, предоставляю мою защиту и благоволение всем, кто повинуется мне. Панчен обладает глубоким знанием буддизма и очень хорошо учит Далай-ламу буддийским дисциплинам. Я был очень рад узнать, что Вы человек большой учености, такой же, как у предыдущего. Поэтому я также дарую Вам такой же титул «Панчен Эрдэни» и возлагаю на Вас управление административными и религиозными делами Ташилунпо ради развития Желтой секты. Я надеюсь, что Вы будете петь больше сутр для обеспечения безопасности Вашей страны»¹¹.

Панчен-лама III был человеком в религиозное смысле весьма образованным, знал несколько языков (в том числе санскрит и хинди). Он оставил после себя несколько сочинений, среди которых особенно известны «Источник чудес» (в книге излагается история и география Индии и Шамбалы)¹² и «Молитва Шамбалы». Шамбала — мифическая страна, рай для аскетов и истинных буддистов, где правят императоры-чакравартины и куда может попасть не всякий, а лишь праведник. Один из императоров Шамбалы, по учению буддизма, в будущем станет во главе буддийского войска и даст решительный бой еретикам и безбожникам. Панчен-лама I Лоцзан Чосгьян высказал идею о том, что именно он в будущем и станет этим императором Рудрачакри; а поскольку Панчен-лама III был в

принципе перерожденцем и Панчен-ламы I, то данное предсказание распространялось и на него. Как пишет В.А.Алдошин, «простые тибетцы и монголы связывали легенду о Шамбале и предсказания о грядущей войне за учение Будды с надеждами на приход новой, счастливой жизни для праведных буддистов — воинов армии Рудрачакри. Этим объясняется большая популярность сочинения третьего Панчена «Молитва Шамбалы» — обращение к Панчену с просьбой взять молящегося в его свиту, когда он сам станет во главе своего войска буддистов и поведет победоносную войну против варваров»¹³.

Являясь крупным религиозным деятелем и временным главой церкви, Панчен-лама III был заинтересован в сохранении и расширении связей Тибета с буддийскими странами, лежащими к югу от Тибета. С точки зрения Цинов, с уничтожением Джунгарского ханства Тибет превратился в юго-западный форпост Цинской империи, призванный сдерживать натиск любой угрозы, которая могла бы исходить со стороны пригималайских государств и Индии. Формально пригималайские государства считались вассалами Тибета, а следовательно вассалами и Цинской империи в целом. В реальной жизни этот вассалитет был чистой формальностью и нисколько не мешал «вассалам» воевать между собой и заключать мир, устраивать государственные перевороты, торговать и т. п. Гораздо важнее были традиционные связи Тибета с этими государствами: культурные, религиозные и торговые. Прочнее всего были связи религиозные, поскольку население Бутана и Сиккима полностью, а население Непала частично исповедовало буддизм (хотя это был буддизм «красных» сект). Что же касается Индии, то, хотя там буддизм и исчез, но эта страна, связанная с рождением и развитием буддизма, считалась «святой землей» и имела немало мест, священных для каждого буддиста.

Между тем политическая картина на территории к югу от Гималаев — привычная для тибетских иерархов и цинских императоров, во второй половине XVIII в. начала меняться. К югу от Тибета появились политические и военные силы, пока что прямо не угрожавшие благополучию Страны снегов, но заявившие о себе достаточно твердо.

Одной из этих сил было непальское княжество Горкха (Горкхали), правитель которого, Притхви Нараян, выступил в

качестве объединителя страны. Он подчинил себе ряд независимых княжеств, в том числе и те, которые в Пекине продолжали числить в своих «данниках», и в 1769 г. перенес свою столицу в Катманду, став основателем шахской династии. Притхви Нараян был правителем всего Непала с 1769 по 1775 г.; при нем и его преемниках территория Непала неуклонно расширялась¹⁴.

Силу нового непальского государства вскоре почувствовали его соседи. Когда в 1770 г. в Бутане произошел государственный переворот — глава местной церкви Шабсдрун Римпоче III сместил светского правителя Деб-Раджу Шидара, — то во внутренний конфликт вмешался непальский правитель¹⁵. Притхви Нараян находился в дружественных отношениях с Деб-Раджой и сумел настоять на возвращении его к власти в Бутане.

Другой силой была английская Ост-Индская компания, которая после 1757 г. захватила территорию Бенгалии и стала постепенно ставить под свой контроль другие индийские земли. Когда владения Ост-Индской компании приблизились к границам Непала, между англичанами и непальцами произошли столкновения. В 1767 г. непальцы нанесли поражение английской военной экспедиции, выдворили из страны торговцев и миссионеров, связанных с компанией, и прервали с ней торговые связи¹⁶.

Изменение политической ситуации в странах южнее Гималаев заставляло тибетских руководителей, хотели они того или нет, определить роль и место своей страны в меняющемся мире. В этом вопросе между двумя центрами власти — Лхасой и Ташилунпо — обнаружались серьезные разногласия, которые ярко проявились к середине 70-х годов XVIII в.

Панчен-лама III, постоянно общавшийся в монастыре Ташилунпо с паломниками и торговцами из пригималайских стран и Индии, был гораздо лучше осведомлен о политических изменениях к югу от Гималаев, чем калоны и амбани в Лхасе. Не имея легальной возможности установить прямые контакты с новыми руководителями южных стран, Панчен-лама III избрал традиционную и неподконтрольную Лхасе форму общения с зарубежными государствами — паломнические миссии. Первая такая миссия под руководством гэлуна Лобцзан-Цэрина была отправлена летом 1771 г. Ее задачей была достав-

ка приношений и подарков в места, где находились буддийские святыни (в Махабодхи и Бодхи-Гая в Индии и к нескольким ступам в Непале). Вернувшись в октябре 1772 г., Лобцзан-Цэрин привез письма от Притхви Нараяна из Непала и правителя Бенареса¹⁷, в которых содержались приветствия и пожелания различных благ.

Выяснив возможность установления связей с зарубежными странами через отправку паломнических миссий, Панчен-лама III в 1773 г. вновь отправил паломническую миссию, состоявшую из Лобцзан-Цэрина и еще трех монахов. Они должны были отвезти дары в Махабодхи, Бенарес, Аллахабад, Гайю и другие места, где имелись буддийские святыни. Путешествие оказалось трудным: по дорогам бродили шайки разбойников, нужно было также опасаться диких зверей и ядовитых змей; но особенно угнетал тибетцев жаркий климат Индии, которого некоторые из них не смогли перенести. Затрудняли продвижение и пограничные посты, выставленные индийскими князьями на границах своих владений. Лишь в Бенаресе, во владениях Чет Сингха Бахадура, которому они доставили письмо от Панчен-ламы III, им был оказан чрезвычайно любезный прием: он снабдил путешественников проездными документами, выделил для них повозки, обеспечил их охраной. После завершения их миссии, Чет Сингх отправил вместе с тибетскими паломниками нескольких своих приближенных во главе с Лалом Кашмири Малом, которые доставили в Тибет подарки и письмо для Панчен-ламы III. Письмо гласило: «Самому драгоценному и выдающемуся человеку, широко известному, восседающему, как отец всех живых существ, обитающих между небом и землей. Мы получили письмо от Вашей милости, чтение которого было для нас столь же приятно, как если бы это была реальная встреча. Сам текст, составленный из шелка и золота, помещен мною в виде короны на мою голову как лучшее благословение. В соответствии с Вашей просьбой, я обеспечил комфортабельное путешествие гэлунам, присланным Вами. Они посетили все важные гробницы и места паломничества, такие, как Дорчже-дан, Прайяга и другие. Я предоставил им письма с рекомендациями и паспорта, благодаря чему они путешествовали с места на место, тепло принятые всеми людьми. После завершения их миссии, они вернулись сюда. Податель сего пись-

ма — Лал Кашмири Мал — мой верный министр и генерал. Я прошу Вас быть добрым к нему, равно как и к его компаньонам, Гусанкши-пури и Сопараму, которые также являются моими верными и надежными слугами. Каждый акт доброты и благоволения, оказанный им, будет воспринят мною с благодарностью. Я также прошу Вас благословить меня ныне, с обычной Вашей добротой. Мы также будем посылать письма Вашему святейшеству. Все новости, касающиеся наших мест, могут быть сообщены Вам моим министром, генералом Кашмири Малом, и гэлдунами»¹⁸.

Однако связи, установившиеся между Ташилунпо и Бенаресом, продолжались недолго. В 1775 г. наваб княжества Ауд Шуджа уд-Доуле, чьим вассалом являлся бенаресский правитель Чет Сингх Бахадур, уступил свои сюзеренные права на Бенарес английской Ост-Индской компании. Теперь Панчен-ламе III, если он хотел устанавливать связи с внешним миром или отправлять паломнические миссии, следовало вступить в контакт с англичанами.

Установление связей между Ташилунпо и Калькуттой, где находилась резиденция генерал-губернатора Британской Индии, шло параллельно с установлением связей с Бенаресом. Формальным поводом для начала тибето-английских контактов послужили претензии Тибета на сюзеренитет по отношению к пригималайским государствам.

В 1771 г. бутанский правитель Деб-Раджа Шидар (он же Деб-Джудхур) напал на маленькое индийское княжество Коч-Бихар, располагавшееся к югу от Бутана, взял в плен местного правителя Гхатику-раджу и отправил его в цепях в Бутан. Семейство свергнутого правителя обратилось за помощью к англичанам.

Узнав о бутанском набеге на Коч-Бихар, Панчен-лама III обратился с посланием к бутанскому правителю, настоятельно советуя ему, чтобы «раджа Гхатика, захваченный дэсридом в плен, был поскорее освобожден»¹⁹. В декабре 1771 г. Деб-Раджа Шидар прислал в Тибет гонцов с подарками и сообщением, что знатный пленник получил свободу.

Бутанский правитель, выполняя просьбу Панчен-ламы III, очевидно, полагал, что территория Коч-Бихара все равно останется за Бутаном. Но это княжество прилегало к владениям

английской Ост-Индской компании, и англичане вовсе не собирались иметь у себя под боком агрессивного соседа. Генерал-губернатор Британском Индии У. Гастингс решил выполнить просьбу семейства Гхатики-раджи, и направил сипайские войска для освобождения Коч-Бихара. Освободив Коч-Бихар, английские войска захватили также значительную часть Бутана. Испуганный Деб-Раджа Шидар, не надеясь справиться с английскими войсками, обратился к Панчен-ламе III с просьбой о посредничестве.

Почти одновременно с гонцами, прибывшими из Бутана, в Тибет прибыло посольство из Непала. 19 августа 1773 г. непальское посольство было принято Панчен-ламой III и передало ему пожелание Притхви Нараяна о посредничестве между бутанцами и англичанами. Тибетский иерарх в ответ сообщил, что уже занимается этим вопросом, и выдвинул ряд пожеланий в адрес непальских властей: отремонтировать храмы и гробницы, являющиеся объектами поклонения буддистов, улучшить пути и средства передвижения буддийских пилигримов в Непале ²⁰.

Одновременно Панчен-лама III, как сообщается в его «Биографии», «будучи не в силах перенести страдания множества людей, послал депутата ко двору лорда Бенгалии» ²¹. В его письме, полученном в Калькутте в марте 1744 г., говорилось, что вина за создание конфликта полностью лежит на правителе Бутана, проявившего жадность к чужому добру; но он уже достаточно наказан англичанами и не имеет сил для сопротивления. После этой дипломатической прелюдии тибетский иерарх излагал суть дела: «Но я в данный момент взялся быть его посредником, и поэтому должен Вам сообщить, что, поскольку Деб-Раджа находится в зависимости от Далай-ламы, который правит этой страной с неограниченной властью (но так как он еще несовершеннолетний, то ответственность за управление в настоящее время передана мне), то, если Вы будете упорствовать в причинении дальнейшего беспокойства стране Деба, это настроит как Ламу, так и его подданных против Вас. Поэтому, в соответствии с нашей религией и обычаями, я прошу Вас прекратить враждебные действия против него. Сделав это, Вы можете рассчитывать на величайшую благосклонность и дружбу с моей стороны. Я сделал выговор Дебу за его прежнее пове-

дение и предостерег его от повторения дурных дел в будущем, рекомендовав подчиняться Вам во всех делах. Я надеюсь, что он будет выполнять данные мной советы, но необходимо, чтобы Вы отнесли к нему с милосердием и состраданием»²².

Английская администрация в Индии не имела ни желания, ни возможности для полного подчинения Бутана. 25 апреля 1774 г. между Бутаном и Ост-Индской компанией был заключен мирный договор на условиях, продиктованных англичанами (отказ от набегов на Коч-Бихар, выплата небольшой дани, установление торговых отношений между Бенгалией и Бутаном). Действия английской администрации, наиболее выгодные для нее в тот момент, внешне выглядели как ответный шаг на просьбу Панчен-ламы III.

Англичане были заинтересованы в том, чтобы их договор с Бутаном был воспринят в Тибете именно в таком свете, поскольку были заинтересованы в установлении отношений с Тибетом.

Английская Ост-Индская компания ввозила из Индии в Китай некоторые местные товары: хлопок, слоновую кость и т. д. В 1773 г. она получила монопольное право на торговлю бенгальским опиумом и начала регулярно ввозить его в Китай. Однако, в связи с проведением Цинами политики «самоизоляции», торговля европейцев в Китае была ограничена пределами лишь одного южно-китайского порта Гуанчжоу (Кантона); при этом торговля не имела свободного характера, т. к. была монополизирована компанией «Гунхан». Сухопутная торговля с европейцами (русскими) велась только в Кяхте, небольшом городке в Забайкалье, куда англичанам доступа не было. Вполне естественно, что деятели Ост-Индской компании искали возможность установить торговые связи между Индией и Цинской империей по суше, учитывая, вероятно, кяхтинский опыт России. Тибет был ближайшей к Индии частью Цинской империи, но традиционная караванная торговля, происходившая между Тибетом и Бенгалией через пригималайские государства, практически угасла в связи с агрессивной политикой непальского правителя Притхви Нараяна.

Письмо Панчен-ламы III оказалось на редкость удачным поводом для установления контактов англичан с Тибетом, и генерал-губернатор У.Гастингс не замедлил воспользоваться им.

Он написал ответное письмо Панчен-ламе III, предлагая заключить договор о дружбе и торговле между Ост-Индской компанией и Тибетом²³. Затем У. Гастингс сообщил Совету директоров Ост-Индской компании, находившемуся в Лондоне, о своем намерении отправить в Тибет специальную миссию для заключения торгового договора. Во главе этой миссии был поставлен чиновник Бенгальской гражданской службы Джордж Богль.

Боглю была дана инструкция, предписывавшая ему установление договорных торговых связей между Бенгалией и Тибетом, а также сбор информации об экономических и торговых возможностях страны²⁴.

Дж. Богль выехал из Калькутты в мае 1774 г., в июне достиг Бутана, где был вынужден задержаться до октября, поскольку, сообщив в Тибет о своем скором приезде, он не мог получить разрешение на въезд в страну. Причина задержки крылась в нежелании регента Чжампала Делега допускать в страну иностранцев. Регент письменно сообщил Панчен-ламе III о прибытии в Бутан английской миссии и о своем отрицательном отношении к ней: он утверждал, что все европейцы воинственны, проникают в страну с целью вызвать в ней внутренние волнения, а затем становятся в ней хозяевами. Он рекомендовал иерарху отказать Дж. Боглю и его спутникам в допуске в Тибет, выдвинув в качестве предлога эпидемию, поразившую в данный момент страну, или что-нибудь в этом духе²⁵. Панчен-лама III направил Дж. Боглю письмо, в котором, ссылаясь на опасность заражения оспой, а также на отсутствие разрешения из Пекина, необходимого для въезда европейцев в Тибет, советовал англичанам вернуться в Бенгалию²⁶. В ответном письме Дж. Богль напомнил обстоятельства, предшествовавшие отправке английской миссии в Тибет, и дал понять, что отказ в ее допуске может рассматриваться как оскорбление. Получив это послание, Панчен-лама предупредил регента, что отказ принять миссию может привести к нежелательным политическим последствиям, т. к. именно тибетцы первыми обратились в Калькутту с предложением дружбы. Регент был вынужден согласиться с этими доводами, хотя своего отношения к англичанам не изменил.

Дискуссия в тибетских верхах относительно английской миссии имела более серьезный характер, чем это кажется на первый взгляд, и не сводилась к личным мнениям двух руководителей. Регент Чжампал Делег, слепо повиновавшийся любым указаниям из Пекина, вполне разделял китайскую подозрительность ко всем иностранцам и стремление «изолировать» от них. Панчен-лама III, олицетворявший стремление тибетцев к более самостоятельной внутренней и внешней политике, считал, что страна гораздо больше выиграет в политической, экономической и религиозной областях, развивая разнообразные контакты с внешним миром, в том числе и с Британской Индией. В.П. Леонтьев отмечает, что появление в Тибете «антикитайской группировки» объяснялось не только политическими, но и экономическими причинами: «В антикитайскую группировку входили прежде всего феодалы, хозяйства которых находились в географической близости к границам Индии или являлись поставщиками наиболее нужного иностранцам сырья»²⁷. Думается, что, принимая во внимание замкнутость и натуральный характер тибетской феодальной экономики, вряд ли можно принять такое вульгарно-экономическое объяснение, тем более для второй половины XVIII в. Тем не менее рациональное зерно в данном утверждении В.П. Леонтьева имеется: для южных районов Тибета действительно более привычными были связи с Индией и пригималайскими государствами, которые не прерывались даже в период прекращения взаимной торговли.

В октябре 1774 г. миссия Дж. Богля вступила в Тибет, а в декабре прибыла в резиденцию Панчен-ламы III — монастырь Ташилунпо (близ г. Шигацзе). С декабря 1774 г. по апрель 1775 г. проходили переговоры Дж. Богля с Панчен-ламой III и другими тибетцами, находившимися в Ташилунпо.

Прежде всего Дж. Богля посетили два представителя регента Чжампала Делега, передавшие от него приветствия и подарки. Дж. Богль постарался развеять впечатление о воинственности англичан, объяснив, что вступление английских войск на территорию Бутана было спровоцировано самими бутанцами. Далее он предложил восстановить бенгало-тибетскую торговлю, но представители Лхасы заявили, что регент, хотя и управляет всем Тибетом, но, будучи подданным цинского им-

ператора, не может лично решать такие вопросы²⁸. В то же время Дж. Богль узнал от Панчен-ламы III, что подозрения регента относительно англичан связаны не только с его недоверчивым характером, но и с опасением обидеть китайцев, и что он желает сначала узнать мнение цинского двора²⁹.

Через некоторое время Панчен-лама III сообщил ему, что регент запретил пускать Дж. Богля в Лхасу, явно подозревая его в шпионаже³⁰. Дж. Богль, впрочем, и сам не хотел ехать в столицу: к этому времени он вполне уяснил расстановку политических сил в Тибете и осознал, что ничего не добьется в Лхасе, т. к. Чжампал Делег опасается сделать что-либо негодное Пекину. К тому же он не имел ни посланий, ни подарков для регента, Далай-ламы VIII, министров Кашага и лхасских амбаней, поскольку У. Гастингс считал Панчен-ламу III единственным правителем Тибета и посылал миссию именно к нему.

В невозможности для англичан вести переговоры с регентом Богля убедили отзывы, сделанные о нем Панчен-ламой III: у регента «сердце мелкое и подозрительное»³¹; он «был в прошлом маленьким человеком и снова станет им в будущем, поскольку занимаемый им пост не соответствует его делам»³²; «его сердце ограничено, и он не видит вещи в таком свете, как вижу я»³³. Дж. Богль, который в своих записках называет регента «Гезубом Римбоче», а Панчен-ламу III — «Тешу-ламой», писал следующее: «И сейчас, спустя много лет после возвышения Гезуба, Тешу-лама продолжает сохранять большое влияние на правительство; не раз за прошедшие годы Гезуб пытался упрочить за собой свою должность, и хотя он внешне проявляет глубокое уважение к мнению Ламы, он советуется с ним как можно реже. Главная цель политики Гезуба состоит в сохранении власти для себя самого, а затем для своих племянников»³⁴.

Осознав противостояние двух центров власти в Тибете — политического в Лхасе и религиозного в Ташилунпо — и уяснив безнадежность попыток договориться с Чжампалом Делегом, Дж. Богль решил вести переговоры только с Панчен-ламой III. Как он сообщал в своем отчете, «в этой ситуации я был вынужден ограничить свои переговоры о расширении торговли между Бенгалией и Тибетом только Тешу-ламой»³⁵. Каким же видел шотландец Дж. Богль своего тибетского собесед-

ника? Он дает яркую характеристику этого выдающегося деятеля Тибета: «Тешу-ламе около сорока лет. Он мягкого и приветливого нрава, очень любознательный и умный. Он лично занимается всеми делами; его взгляды либеральны и свободны, и он желает, как и все великие люди, преодолевать обстоятельства. Из-за своего мирного характера и склада ума, действительно мягкого и гуманного, он отвергает войны и кровопролитие и старается посредничать во всех ссорах, приводя дело к примирению. В разговоре он ровен и прям, не любит лести или комплиментов в свой адрес и относится к ним плохо. Он щедр и милосерден, и пользуется всеобщей любовью и почитанием тибетцев, калмыков и большей части китайцев. Характеристика, данная мною, может показаться пристрастной; но я получил очень много лестных отзывов и от его собственных подданных, и от кашмирцев и факиров и, думаю, никогда не знал я человека, чьи манеры нравились бы мне так сильно, и которого я, после столь короткого знакомства, полюбил от всего сердца»³⁶.

Переговоры между Дж. Боглем и Панчен-ламой III происходили неофициально, без переводчика, поскольку оба собеседника говорили на хинди.

Это позволяло Панчен-ламе III говорить предельно откровенно, не опасаясь, что его слова станут известны в Лхасе. Тибетские источники не зафиксировали содержания переговоров; официальная биография Панчен-ламы III сообщает лишь следующее: «Панчен часто вступал в долгие разговоры с Боглем Сахибом и проявлял большой интерес к его вопросам и ответам. Хорошее отношение Его святейшества к Боглю Сахибу было подобно отношению духовного руководителя к ученику, или ламы к милостынедателю»³⁷.

Английский же источник описывает ход переговоров весьма детально. Обсуждались три главные темы: восстановление бенгало-тибетской торговли, вопрос о постройке буддийского храма в Индии, на территории, подвластной англичанам, и политика непальского правителя Притхви Нараяна. Все темы были взаимосвязаны, но главной была, разумеется, тема торговли.

За время своего пребывания в Тибете Дж. Богль выяснил, что из товаров индийского происхождения спросом в Тибете

пользовались кораллы, жемчуг, раковины, индиго, специи, табак, сахар и др. В Бенгалию же традиционно вывозились мускус, шерсть, ячьи хвосты, золотой песок. Ограниченность ассортимента тибетских товаров с лихвой компенсировалась возможностью транзита китайских товаров в Индию (чай, шелк, фарфор, стекло и пр.). Караванные пути, связывавшие Бенгалию с Тибетом, традиционно проходили через Непал, Сикким и Бутан; но после завоеваний, осуществленных Притхви Нараяном, создавшим трудные условия для деятельности купцов, единственным безопасным маршрутом был путь через Бутан. Богль отметил, что Тибет не имеет собственных денег, а в качестве валюты используются либо китайские и непальские серебряные монеты, либо золотой песок³⁸. Предложения У. Гастингса, сообщенные Дж. Боглем, вызвали интерес и одобрение Панчен-ламы III, который устроил встречу Дж.Богля с представителями тибетского и кашмирского купечества. Тем не менее вопрос о торговле остался нерешенным: Панчен-лама III не мог объявить об установлении регулярной бенгало-тибетской торговли без согласия регента и Кашага, которые, в свою очередь, должны были получить на это санкцию Пекина. Казалось, круг замкнулся.

В то же время Панчен-лама III не считал положение совершенно безнадежным. Он полагал, что немедленное решение вопроса о торговле невозможно; но через несколько лет, по достижении Далай-ламой VIII совершеннолетия, регент будет отстранен, и император передаст власть над Тибетом Далай-ламе VIII. «Тогда, — заявил Панчен-лама III, — я не буду иметь трудностей в осуществлении дела, о котором просит губернатор, и надеюсь уладить его с императором так, что губернатор сможет даже послать своих людей в Пекин и, если пожелает, основывать английские фактории»³⁹. Эта уверенность основывалась на влиянии Панчен-ламы III как духовного наставника на юного Далай-ламу VIII, а также на его личной дружбе с главой Пекинского духовного центра Чжанчжа-хутухтой II, «который всегда находится при императоре и имеет большое влияние на него»⁴⁰.

Панчен-лама III сообщил, что намерен написать письмо Чжанчжа-хутухте в Пекин и уведомить его, что европейцы, являющиеся хозяевами Бенгалии, выказывают дружественные

чувства к иерархам тибетской церкви, и что Чжанчта-хутухта может послать нескольких паломников в святыне для буддистов места Индии. В свою очередь, Дж. Богль заверил, что паломникам будет оказан хороший прием⁴¹.

В связи с вопросом о паломниках, на переговорах неоднократно обсуждалась тема строительства буддийского храма в Бенгалии. Суть этой проблемы была изложена Дж. Боглем так: «Религия лам либо проистекает из религии индусов, либо является ее улучшенным вариантом. Поэтому они сохраняют величайшее благоговение к Гангу и святым местам в Хиндустане. Ранее, до завоевания этой страны мусульманами, ламы имели монастыри и другие религиозные учреждения в Бенгалии, в которых тибетское духовенство изучало доктрины и учения брахманов. Но завоевания Моголов положили конец этим связям. Храмы лам были разграблены и разрушены, а их люди изгнаны из страны; с тех пор связи между народами Тибета и Бенгалии ослабели»⁴².

Панчен-лама III решил воспользоваться удобным случаем и построить буддийский храм на берегах Ганга, в местности, контролируемой англичанами. Был разработан план отправки в Бенгалию доверенного лица Панчен-ламы III с изображениями буддийских божеств и другими ритуальными предметами⁴³. Сам же храм должен был быть построен в таком месте, которое находилось бы и на берегу Ганга, и вблизи Калькутты, «чтобы люди, отправляемые им вниз, имели возможность встретиться с губернатором»⁴⁴.

По сути дела, речь шла о создании тибетской религиозной миссии в Бенгалии, которая могла бы выполнять роль тибетского представительства (наподобие Российской духовной миссии в Пекине). Разумеется, это предложение было встречено английской администрацией с энтузиазмом, и вскоре на берегу р. Хугли (ответвление Ганга), напротив Калькутты, появился буддийский храм, о чем У. Гастингс сообщил в Таши-лунпо⁴⁵.

В ходе переговоров не мог быть обойден вопрос о политике непальского правителя Притхви Нараяна, поскольку, по выражению Дж. Богля, Непал был одним из двух основных каналов товарообмена между Бенгалией и Тибетом (вторым был Бутан). Но притеснения, чинившиеся непальским правителем

по отношению к собственному и иностранному купечеству, привели к тому, что торговля с Тибетом через Непал стала невозможной. К тому же отношения Тибета с Непалом были испорчены нападением непальских войск в 1774 г. на крошечный Сикким. Государство Сикким, как и Бутан, находилось в номинальной зависимости от Тибета, и потому непальская агрессия вызвала крайне негативную реакцию тибетского руководства. В Сикким были отправлены тибетские войска под командованием генерала Деба Пацзы⁴⁶.

Панчен-лама III неоднократно просил Дж. Богля высказать свое мнение о политике непальского правителя Притхви Нараяна, который негативно высказывался об англичанах и советовал тибетским властям не допускать их в свою страну. Дж. Богль, стремясь к укреплению англо-тибетских отношений, заявил, что, по его мнению, Притхви Нараян проводит агрессивную политику, опасную для соседних стран. Остановить его может лишь известие о дружественных отношениях между Бенгалией и Тибетом: «Губернатор готов подумать о том, как заставить гуркского раджу отказаться от попыток захватить территории, подвластные Лхасе»⁴⁷. Иначе говоря, Тибету предлагался военный союз с Британской Индией.

Между тем появление тибетских войск на севере Сиккима вызвало гнев Притхви Нараяна, который написал тибетским властям, что «он не делал ссоры с их государством, но если они думают о войне, то пусть знают, что он хорошо подготовлен, и вспомнят, что он по происхождению раджпут»⁴⁸. Наметившийся тибето-непальский конфликт разрешился в связи с внезапной смертью Притхви Нараяна в начале 1775 г. На престол вступил его несовершеннолетний сын Гирван Юдх Викрама Шах Дева (1775—1816), но фактически до 1800 г. правил регент Бахадур-шах. Командующий непальскими войсками в Сиккиме сообщил, что, в связи со смертью своего государя, он намерен прекратить войну, и предложил перемирие на три года⁴⁹. С разрешением тибето-непальского кризиса отпал и вопрос о возможном тибето-английском военном альянсе.

В ходе переговоров Панчен-лама неоднократно высказывал свое понимание новой международной ситуации, сложившейся к югу от Тибета: «Губернатор — великий человек, а Компания — суверен Хиндустана. Я надеюсь установить связи

между ними и императором Китая»⁵⁰. По мнению Дж. Богля, стремление тибетского иерарха установить связи с европейцами свидетельствовало о его политической дальновидности и служило интересам Тибета. Переговоры завершились обещанием Панчен-ламы получить для Дж. Богля официальный пропуск в Пекин, при помощи которого Дж. Богль мог бы попасть в столицу Китая либо через Тибет и Монголию, либо из порта Гуанчжоу. Относительно предложения Дж. Богля вести переписку между Калькуттой и Ташилунпо через английских курьеров, Панчен-лама III ответил: «Я не хочу, чтобы губернатор в настоящее время присылал англичан. Вам известно о трудностях, которые были у меня в связи с вашим прибытием в страну, и о том, как я боролся с подозрительностью Гезуба Римпоче (регента)... Мне кажется, что для губернатора будет лучше посылать сюда индийца»⁵¹.

Этим индийским курьером, доставлявшим письма из Индии в Тибет и обратно, стал госсайн Пуранджир — человек, доставивший первое письмо от Панчен-ламы III генерал-губернатору Бенгалии У.Гастингсу. Дж.Богль, видевший большое количество госсайнов (или факиров) при дворе Панчен-ламы III в Ташилунпо, сообщает о них следующее: «Госсайны, торгующие пилигримы из Индии, приходят сюда в большом числе. Их смиренное поведение и святой облик усиливаются добродетелью дальнего паломничества; их описания неизвестных стран и отдаленных районов, а более всего их вероисповедание, высоко ценятся Ламами, обеспечивающими им не только добрый прием, но и большую благосклонность; несмотря на нищенскую одежду, среди них есть немало таких, кто владеет значительными богатствами; их торговля заключается в основном в товарах большой ценности, но малого объема. Она производится без шума и привлечения внимания, путями, не используемыми другими торговцами»⁵².

В апреле 1775 г. Дж. Богль и его спутники покинули Тибет, и в июне того же года прибыли в Бенгалию.

В 1777 г. умер регент Чжампал Делег. Панчен-лама III прибыл в Лхасу и совершил обычные обряды, после которых Далай-лама VIII стал рассматриваться как иерарх, получивший полную религиозную власть⁵³. Совет министров обратился к 20-летнему Далай-ламе VIII с предложением взять на себя уп-

равление страной, однако последний отказался под тем предлогом, что еще не завершил своего религиозного образования. В связи с этим был назначен второй регент, Нгаван Цултрим, связанный с монастырем Сэра⁵⁴.

Итак, в Тибете несколько лет сохранялось положение, когда светская власть была в руках регента, а религиозная была разделена между Далай-ламой VIII и Панчен-ламой III. В таких условиях Панчен-лама III вряд ли мог реализовать свои планы по установлению более тесных связей с англичанами в Индии. Вероятно, он писал по этому поводу Чжанчжа-хутухте в Пекин, но результат его усилий в этом направлении неизвестен.

Английская администрация в Индии полагала, что хорошие отношения, сложившиеся между Дж. Боглем и Панчен-ламой III следует поддерживать и развивать, и 19 апреля 1779 г. генерал-губернатор У. Гастингс вторично назначил Дж. Богля главой миссии, направлявшейся в Тибет. Однако вскоре в Калькутту поступили известия об отъезде тибетского иерарха в Китай, и отправка миссии была отменена⁵⁵.

Официальным поводом для поездки Панчен-ламы III в Китай было приглашение, присланное императором Хун Ли в связи с празднованием в 1780 г. 70-летия императора. Однако подлинные мотивы этого приглашения современный китайский историк Я Ханьчжан излагает так: «Рассмотрев инциденты, во время которых калон Канченнас был убит в 7-м году правления Юнчжэн (1727 г.), а чиновники-резиденты Фу Синь и Лабдон были убиты в 15-м году правления Цяньлун (1750 г.), император Гаоцзун ясно ощутил, что необходимо уменьшить существовавшую правящую аристократическую власть при помощи патронизирования религиозной власти, чтобы тем самым облегчить юрисдикцию цинского двора над Тибетом через чиновников-резидентов. Поэтому император постарался повысить статус как Далай-ламы, так и Панчена, чтобы новый Чжурмэд-Намчжал не появился из среды аристократов.

Поскольку Далай-лама уже имел аудиенцию у императора в Пекине, то посещение Пекина Панченом непременно должно было настроить группу Панчена благоприятно к цинскому двору и повысить политический статус Панчена в Тибете. На своем пути в Пекин Панчен обязательно должен был пересечь Цинхай и Внутреннюю Монголию — пастбищные терри-

тории, населенные монголами и тибетцами. Его великое влияние на них должно было принести значительную пользу Цинской династии в плане консолидации своей власти в Цинхае, равно как во Внутренней и Внешней Монголии»⁵⁶.

Приглашение было обсуждено на заседании Кашага под председательством регента Нгавана Цултрима. Несмотря на то, что тибетского иерарха ожидали в Китае опасности в виде непривычного для тибетцев жаркого климата, эпидемий инфекционных болезней и т. п., было все же решено, что приглашение следует принять «в интересах буддийской религии»⁵⁷. Нет сомнения, что тибетские руководители просто боялись отклонить приглашение императора; с другой стороны, этот визит должен был, по мысли тибетцев, подчеркнуть, что отношения двух стран строятся на основе формулы «лама — милостынедатель». Панчен-лама III вынужден был согласиться на эту поездку, хотя и с «печальным предчувствием»⁵⁸; он даже заявил своим приближенным, «что не вернется из Пекина»⁵⁹.

В июле 1779 г. он отправился в путешествие в сопровождении 500 монахов, 800 слуг, 100 солдат и 100 чиновников. Кроме того, его сопровождали также брат, главный казначей Цзана Чжунба и несколько индийских госсайнов, в том числе и Пуранджир⁶⁰. Эта огромная экспедиция, сопровождавшаяся большим обозом, медленно, с долгими остановками, двигалась через Кукунор, китайские провинции Шэньси и Шаньси, а затем по Внутренней Монголии. По пути следования Панчен-лама III принимал всевозможные знаки внимания как от местных буддистов, так и от местной цинской администрации, обеспечивавшей путешественников всем необходимым: «И различные обитатели мест, расположенных вокруг Лхоба и Гумбума — и те, что ютятся в палатках, и те, что живут в городах, — были приняты соответственно их званию и положению. И главные князья земли, и столпы государства, и великие лидеры приходили, чтобы встретить и охранять его на высоком его пути, и они ожидали его прибытия с великим упованием; и они приходили толпами на почетную аудиенцию, и приносили свои подарки и пожертвования; а он возлагал на них свои руки, раздавая благословения и делая их счастливыми; и так было практически на всем его пути»⁶¹.

Только в июне 1780 г. состоялась первая встреча Панчен-ламы III с императором Хун Ли. Встреча произошла в Жэхэ, летней резиденции цинских монархов, в день, когда императору исполнилось 70 лет. Император Хун Ли решил принять Панчен-ламу III так, как в свое время его предок Фу Линь принимал Далай-ламу V⁶²: для проживания тибетского иерарха в Жэхэ был выстроен буддийский храм, внешне напоминавший Ташилунпо, на празднование были приглашены владетельные князья из Южной и Северной Монголии, уйгурские беки из недавно покоренного Восточного Туркестана и даже торгоутские князья из числа калмыков, бежавших из России в Китай в 1771 г.⁶³ Запись о встрече Панчен-ламы III и императора Хун Ли в цинской хронике крайне лаконична и абсолютно ничем не отличается от записей, касающихся приема других «внутренних вассалов»: «В день динго 7-го месяца 45-го года правления Цяньлун, из Цзана прибыл Панчен Эрдэни и был принят императором в зале Иицингуан. Император предложил ему сесть, приветствовал и угостил чаем»⁶⁴. Но, как и в случае с посещением Пекина Далай-ламой V в 1652—1653 гг., сухая запись хроники не отражала подлинных масштабов приема, оказанного тибетскому иерарху.

Во время пребывания в Жэхэ гости поднесли императору подарки и получили в ответ еще более ценные дары; император развлекал Панчен-ламу и его свиту цирковыми и спортивными представлениями, спектаклями китайского театра и т. п. Как подчеркивает тибетский источник, буддийский иерарх не забывал и о своих религиозных обязанностях: он проводил массовые обряды посвящения в монашество, делал пожертвования местным храмам и монастырям, раздавал щедрую милостьню⁶⁵.

Особое место среди прочих событий занимает вручение инвеституры. Как сообщает «Биография» Панчен-ламы III, «император, согласно традиции своих предков, даровал Панчену имперский диплом и печать, назначавшие его сувереном всего Тибета, и советовал ему посвятить себя религии и благу своих подданных. Затем Панчен ответил императору: «О Небом избранный суверен, перерождение Маньчжугхоши! Вы, кто действуете как отец всего живущего на земле и озаряете небесный свод, а также Китай, Тибет и Татарию (Хор), и который про-

явил так много доброты к такому мелкому ламе, как я. В будущем мы будем старательно молиться Трем Святыням о продлении жизни и счастья Вашего величества»⁶⁶.

Таким образом, во время приезда Панчен-ламы III в Китай вновь, как и во времена императора Фу Линя и «Великого Пятого», произошло совмещение двух подходов к международным отношениям: китайский, когда прибывший в Китай гость рассматривался как вассал, данник, что закреплялось вручением ему инвеституры, и тибетский, предусматривавший установление отношений типа «лама — милостынедатель», когда добровольный союз буддийского иерарха и монарха, конкордат церкви и государства хотя и налагал определенные обязательства на партнеров, но не означал вассальной зависимости. Разумеется, конкордат времен Далай-ламы V и императора Фу Линя отличался от конкордата Панчен-ламы III и императора Хун Ли, как небо от земли, и обе стороны это прекрасно сознавали. Панчен-лама III был действительно вассалом, ехал в Пекин как проситель и, по мнению В.В. Рокхилла, «несомненно, питал сильные надежды, что он сможет добиться от императора более автономного управления для своей страны и большей власти в Тибете для своей церкви»⁶⁷.

Действительно, во время бесед с императором Хун Ли тибетский иерарх высказал свои соображения относительно необходимых перемен в Тибете: он считал желательным расширение полномочий Далай-ламы, удаление из Тибета амбаней и отзыв регента. Император как будто бы согласился на это⁶⁸. Не была забыта и просьба Дж. Богля об установлении связей между Индией и Цинской империей через Тибет. Согласно докладу госсайна Пуранджира, на 5-й день пребывания Панчен-ламы III в Жэхэ, его друг Чжанчжа-хутухта II попросил императора выслушать просьбу тибетского гостя. «Император, повернувшись к Ламе, выразил желание, чтобы он говорил все без утайки. Тогда Лама сообщил ему: «В стране Хиндустан, которая близка к границам моей страны, находится великий князь, или правитель, с которым я состою в величайшей дружбе. Я хочу, чтобы Вы об этом знали и относились к нему так же; а если бы Вы пожелали написать ему дружественное письмо и получить от него ответ, то это доставило бы мне большое удовольствие, т. к. я хочу, чтобы вы узнали друг друга

и чтобы между вами в будущем установились дружественные связи». Император ответил, что его просьба очень незначительна, но что и эта, и другие подобные просьбы, исходящие от него, будут с готовностью исполнены. Он продолжал спрашивать Ламу, каково имя князя, или губернатора, велика ли страна, которой он правит, какова численность его войск и т. п.»⁶⁹. Для получения точных ответов на эти вопросы был вызван гос-сайн Пуранджир, который сообщил, что «губернатор Хиндустана зовется мистер Гастингс, что величина страны, которой он правит, не совсем равна Китаю, но несколько его превосходит, насколько он может судить, и что войска его страны достигают трех лаков (т. е. трехсот тысяч. — *Е.Б.*) всадников»⁷⁰.

Судя по всему, император Хун Ли не отождествлял могущественного правителя Индии с английскими купцами, торгующими в порту Гуанчжоу; но, вероятно, эти сведения насторожили старого императора, особенно, когда Панчен-лама III потребовал, чтобы ему было разрешено «предоставлять... право входа в Тибет любому, по его личному выбору, и бесконтрольно»⁷¹. Следует предположить также, что активная международная деятельность Панчен-ламы III, особенно его общение с английскими представителями, не осталась незамеченной в Пекине: амбани были обязаны сообщать в Китай обо всех крупных событиях, будь то столкновение с Непалом из-за Сиккима или приезд английской миссии в Тибет. Сравнительно недавно, в 1770 г., цинская армия потерпела серьезное поражение в Бирме⁷²; с великим трудом и громадными расходами (70 миллионов лян) удалось подавить очередное Цзиньчуаньское восстание 1771—1776 гг.⁷³ в районе, населенном тибетцами. Теперь же на юго-западе возникала новая проблема, причем меры, предлагавшиеся Панчен-ламой III, абсолютно не вписывались ни в общую политику «самоизоляции» империи, ни в тибетскую политику Цинов.

Неизвестно, какой выход нашел бы из этой ситуации император Хун Ли, но 12 ноября 1780 г. Панчен-лама III умер от оспы.

Возможно, что это и был тот самый выход, который наиболее устраивал цинского императора: «Высказывали предположение, что Панчен умер не естественною смертью, а был отравлен подозрительным императором, который опасался,

чтобы Панчен с помощью англичан не лишил его престола, и это — по словам ламаитов — не единственный пример отравления высшего ламы китайским ядом»⁷⁴. Среди историков существуют мнения как в пользу такого предположения⁷⁵, так и против него⁷⁶. На наш взгляд, версия о политическом убийстве имеет достаточно солидные основания, а также ряд прецедентов в китайской истории. В пользу этого предположения говорят факты, связанные со смертью Далай-ламы VI Цаньяна Чжамцо, с загадочной смертью халхаского первосвященника Чжэбцун-Дамба-хутухты в 1758 г.; эти сомнительные смерти происходили всегда в такие моменты, когда они в наивысшей степени отвечали интересам Китая. Правда, можно считать установленным, что Панчен-лама III скончался действительно от оспы, но заразить этой болезнью человека было не так уж сложно.

Как бы то ни было, смерть Панчен-ламы III снимала многие проблемы, вставшие перед императором Хун Ли в связи с Тибетом.

Останки Панчен-ламы III были помещены в золотой гроб и, после совершения многодневных заупокойных обрядов в Пекине, отправлены в Тибет вместе с огромным количеством различных подарков, полученных иерархом в период путешествия в Китай. Множество пожертвований было сделано местными буддистами в честь покойного на обратном пути. Летом 1781 г. гроб с телом Панчен-ламы III был доставлен в Ташилунпо, где и был торжественно захоронен. В Пекине, в память о его пребывании, был построен буддийский храм, в котором помещалась надпись, составленная императором Хун Ли: «В день дин-ю 7-го месяца года гэн-цзи (1780 г.) святой монах Панчен Эрдэни прибыл из Цзана, проехав 2 000 ли, чтобы выказать мне уважение. Я построил храм Ташилунпо на императорском летнем курорте Жэхэ для его проживания там. После того, как он провел там месяц, он был препровожден в Пекин, где жил в Желтом храме. В день бин-цзи 11-го месяца он там умер. В день бин-чэн 2-го месяца года синь-чоу (1781 г.) его останки были переправлены назад в Цзан. Прошло 100 дней от его прихода на аудиенцию ко мне до его смерти, и другие 100 дней — от его смерти до того, как его прах был отправлен назад в Тибет. Причины его прихода и ухода слишком загадоч-

ны, чтобы знать их. Я приказал построить Пагоду чистоты к западу от Желтого храма для хранения его одежды и обуви»⁷⁷.

Панчен-лама III возглавлял буддийскую церковь Тибета в период, когда в стране была формально восстановлена теократия. Но, сравнивая эту теократию с теократией времен Далай-ламы V, Панчен-лама III не мог не видеть ее ущербность: светская власть тибетских иерархов была ограничена Кашагом и амбанями, в стране находились иностранные гарнизоны, отношения с Китаем по типу «лама — милостынедатель» давно превратились в пустую формальность. После уничтожения Джунгарского ханства Тибет стал гораздо меньше интересовать Цинов: он, разумеется, должен был служить буфером на пути внешней опасности, но эту растущую новую опасность, связанную с политическими переменами южнее Гималаев, Цины не замечали. Панчен-лама III, как человек, обладавший достаточно широким кругозором, уяснил новую расстановку сил к югу от Тибета и попытался по-своему использовать ее. Но, будучи зависим от «милостынедателя» (а фактически, от сюзерена) в лице цинского императора, основные свои надежды он возлагал на «милость» со стороны Цинов. Предложения, высказанные Панчен-ламой III императору Хун Ли, сводились к полной самостоятельности Тибета во внутренних делах и широкой автономии во внешних, при сохранении номинальной зависимости от Китая. Однако желание тибетского иерарха установить регулярные связи с английской администрацией Бенгалии при одновременном уменьшении цинского влияния в Тибете могло быть расценено в Пекине как попытка избавиться от китайского протектората вообще. Отсутствие у Панчен-ламы III реальной политической власти, переоценка степени личного влияния на Далай-ламу VIII и Чжанчжа-хутухту II, наконец, определенная политическая наивность, проявленная при встрече с императором в Пекине — все это обусловило трагический финал жизни и деятельности тибетского иерарха.

21 июля 1781 г. Далай-лама VIII Чжампал Чжамцо официально принял верховную власть над страной; тем не менее он оставил Нгавана Цултрима на посту регента. По словам В.Д. Шакабпы, «во время своего правления он посвятил себя религиозным делам и проявлял мало интереса к политике, оставив управление в руках регента»¹.

В 1782 г. был найден перерожденец покойного Панчен-ламы III, который был назван Панчен-ламой IV Тенпаем Нийма (1782—1853). Роль регента при малолетнем перерожденце исполнял старший брат Панчен-ламы III, Чжунба (он же Друнго-по Трулку), который и сообщил генерал-губернатору Британской Индии У. Гастингсу о происшедшем событии. У. Гастингс, рассматривая это сообщение как знак дружественного отношения иерархов из Ташилунпо, решил отправить в Тибет миссию во главе с Тернером (поскольку Дж. Богль умер 8 апреля 1781 г.). Официальным поводом миссии С. Тернера было принесение поздравлений в связи со столь важным для буддистов событием, как отыскание нового Панчен-ламы. Неофициальной же целью было обсуждение перспектив установления индийско-тибетской торговли и англо-тибетских отношений в целом.

С. Тернер, как и Дж. Богль в свое время, был хорошо принят в Ташилунпо, но не попал в Лхасу. Он имел несколько доверительных бесед с Чжунбой, который подтвердил ему истинность отчета госсайна Пуранджира относительно переговоров Панчен-ламы III с императором Хун Ли в Китае, и сообщил состояние дел на текущий момент. По словам Чжунбы, император Хун Ли, по просьбе Панчен-ламы III, готов был лишиться власти регента Нгавана Цултрима, но смерть тибетского иерарха сорвала все планы. Теперь говорить о возобновлении всех проектов, связанных с открытием индийско-тибетской торговли, можно будет лишь тогда, когда малолетний Панчен-лама IV достигнет совершеннолетия, примет все обеты монашества и станет заниматься религиозными делами. По словам С. Тернера, Чжунба и его ближайший помощник Супун Чумбу

«не допускали и тени сомнения, что император не откажется от своих слов, но заверяли меня в своей убежденности, что он подтвердит свои обещания, сделанные прошлому Тешу-ламе; и в тот момент, когда нынешний Лама сможет возобновить просьбу, предложенные правила будут реализованы»².

После этого С. Тернер получил официальную аудиенцию у Панчен-ламы IV, который, хотя еще не умел разговаривать, но, как предполагалось, все понимал. С. Тернер произнес перед ним речь, в которой выразил надежду на развитие дружественных связей между Британской Индией и Тибетом. 18-месячный иерарх, по словам С. Тернера, реагировал на его слова вполне официально: «Маленькое создание повернулось, взглянуло на меня пристально, с видом глубокого понимания того, о чем я говорил, и сделало несколько медленных кивков головой, как если бы он понимал и одобрял, но не мог отвечать. Его родители, которые все время стояли рядом, взглянули на своего сына с любовью и улыбнулись, выражая сердечную радость по поводу уместного поведения Ламы. Все его внимание было направлено на нас; он был молчалив и спокоен, ни разу не взглянул на родителей, что произошло бы в случае, если бы он был в это время под их влиянием. Какими бы стараниями ни были сформированы его манеры, я должен сказать что его поведение в данном случае выглядело совершенно естественным и спонтанным, а не направлялось ни внешним воздействием, ни знаками присутствовавших»³. В декабре 1783 г. миссия С. Тернера отбыла из Тибета в Бенгалию.

Весной 1785 г. была организована последняя в XVIII в. английская миссия в Тибет. Ее возглавлял госсайн Пуранджир, который доставил в Ташилунпо письма и подарки от генерал-губернатора Британской Индии У.Гастингса. Пуранджир получил аудиенцию у малолетнего Панчен-ламы IV и с ответными письмами и подарками в декабре того же года выехал в Индию. Письма из Тибета, весьма любезные по форме, не содержали никаких новых моментов относительно тех вопросов, которые интересовали англичан⁴. После этого, несмотря на переписку, вызванную непальской войной, английские миссии из Индии больше не посылались.

Итак, английской администрации в Индии не удалось продвинуться ни на шаг по сравнению с 70-ми годами XVIII

в.: ее связи с Тибетом носили как бы неофициальный характер, поскольку Панчен-лама IV и его окружение не входили в правительство Тибета, а новый регент, хотя и был настроен враждебно к цинским амбаням в Лхасе, все же не собирался выходить из повиновения Пекину.

Таким образом, смерть Панчен-ламы III надолго затормозила развитие тибето-английских отношений. Кроме того, она вызвала раскол в семействе, к которому принадлежал покойный иерарх. Старший брат Панчен-ламы III, Чжунба, при жизни иерарха был администратором его владений и главным казначеем. Он сопровождал Панчен-ламу III во время его поездки в Китай, и он же доставил обратно гроб с телом покойного и массу дорогих подарков, полученных тибетским иерархом от тибетцев, монголов и китайцев. Являясь старшим в роде и регентом при новом Панчен-ламе IV, он сконцентрировал в своих руках очень большие ценности, которыми не стал делиться со своим младшим братом, Шамарбой (Мипхам Чодруп Гьямцо (1742—1792)). По словам Вэй Юаня, Чжунба «отверг требование своего младшего брата, Шамарбы, желавшего получить свою долю при дележке сокровищ, на том основании, что он (Шамарба) принял старую религию»⁵. Разумеется, с формальной точки зрения все подарки, полученные Панчен-ламой III в Китае, должны были принадлежать секте Гелугпа, но Шамарба, вероятно, считал, что Чжунба просто присвоил их. Шамарба был крупным перерожденцем секты Кармапа, имел в своем ведении несколько монастырей, главным из которых был Янгчен, а также 11 имений, которые приносили ему 7 140 лянов серебра в год⁶. Будучи весьма состоятельным человеком, он, тем не менее, счел себя обделенным и в гневе отправился в Непал, где стал подстрекать непальцев к нападению на Тибет. «Биография» Шамарбы сообщает: «Тулку Шамар на протяжении многих лет вносил вклад в оживление Дхармы в Тибете, затем отправился в паломничество в Непал. Во время его пребывания в Непале разразилась война между этой страной и Тибетом. Ухватившись за удобный случай отделаться от Тулку Шамара, Тагцаг Тенпе Генпо, влиятельный гелугпинский министр в Лхасе, объявил, что он был подстрекателем военных действий»⁷.

Был ли Шамарба действительно подстрекателем или нет, но его появление в Непале оказалось для непальских властей подходящим поводом, чтобы развязать войну с Тибетом.

Отношения Непала и Тибета в 80-х годах XIII в. были довольно напряженными. Непал постоянно пытался подчинить себе пригималайские государства, традиционно находившиеся в сфере влияния Тибета. Помимо политических причин, вызывавших ухудшение тибето-непальских отношений, существовали и причины экономические.

Тибет с давних пор употреблял в качестве валюты непальскую серебряную монету; но, не имея собственного монетного двора, тибетцы отправляли в Непал весовое серебро, где оно превращалось в монеты, а затем эти монеты переправлялись в Тибет. Весь этот процесс был описан еще И.Дезидери: «Я должен объяснить, что китайцы не имеют чеканной монеты, но просто большие или малые куски серебра. Не без некоторого риска, с издержками во время долгого путешествия, тибетцы везут это серебро из Лхасы в Непал, чтобы обменять на монету трех мелких королей, которые правят этим королевством. Они не тратят ничего, но дают монеты равного веса за серебро»⁸. Правители Непала при изготовлении монеты добавляли в нее небольшое количество примесей; поскольку вес получаемых тибетцами монет должен был соответствовать весу первоначально отданного в Непал серебра, то остававшееся после изготовления монеты серебро (замененное примесями) служило вознаграждением непальцам за работу. Пока процент примесей был невелик, выпускавшаяся Непалом монета уступала тибетцев. Как сообщает непальский источник, «во время прошлых царствований, однако, раджа Джи Паркуш Малл, суверен Непала, и раджа Ранджит Малл, правитель Бхатгаона, стали сильно портить мендер-малли (монету. — *Е.Б.*), вследствие чего в период, когда Непал перешел во владение Гуркха, Бхоат (Тибет. — *Е.Б.*) был переполнен этой монетой»⁹. Итак, к середине XVIII в. добавка меди стала весьма значительной, что вызвало в 1751 г. официальный протест Далай-ламы VII в адрес непальских правителей¹⁰.

Когда в 1769 г. к власти в Непале пришел Притхви Нараян, он стал чеканить собственную монету с высоким содержанием серебра, и в 1774 г. потребовал от тибетских властей изъять

из обращения старые, низкопробные непальские монеты и ввести новые, выпущенные им¹¹. Тибетское правительство, опасавшееся нанести ущерб держателям старой монеты в Тибете, выдвинуло условие, что Непал обменяет старую монету на новую по курсу 1 : 1. Непальцам такой обмен показался невыгодным, и тогда тибетские власти предложили, чтобы Непал по-прежнему снабжал Тибет низкопробной монетой¹². Тогда непальцы попытались воздействовать на тибетцев по-другому: «Однако, несмотря на их упрямый отказ от дружественного соглашения по данному пункту и на угрожающий вид, который они принимали, гурки, помня об их зависимости от Китая, и на этот раз посчитали, что неприлично сразу начинать вражду с ними, решив послать сообщение обо всем императору, которое, вместе с письмами к китайскому губернатору, или резиденту в Лхасе и ламам Диггерчена и Сакья, было отправлено в Лхасу. Но в то время, однако, курьеры, доставившие эти письма, не были приняты властями, и вместе с письмом на имя императора были возвращены в Непал»¹³.

Переговоры об обмене монеты тянулись более 10 лет, но результата достигнуто не было. Тем не менее, как считает А.С. Мартынов, непальские правители были «твердо уверены в том, что с помощью ли политического нажима, с помощью ли военной силы им удастся достичь своей цели»¹⁴. И в этом плане приезд Шамарбы в Непал явился очень удобным поводом для предъявления Тибету новых претензий.

Момент для нажима на тибетское правительство был весьма удачным: регент Нгаван Цултрим, человек хотя и пожилой, но очень энергичный, был, по жалобе амбаней, отозван в Китай и там задержан на несколько лет. Далай-лама VIII в отсутствие регента чувствовал себя беспомощным; Кашаг же был устроен так, что решения в нем принимались только совместно. Калоны (министры) были людьми слабыми и нерешительными; лишь молодой калон Доринг Тензин Пальчжор, сын Доринга Пандиты, был более энергичным, чем остальные члены Совета, но он не в силах был один повлиять на ход событий.

Шамарба и непальский правитель Бахадур-шах прекрасно поняли друг друга и стали действовать совместно. В 1788 г. непальцы направили тибетскому правительству послание, в ко-

тором выдвинули несколько требований: изъять старую (низкопробную) непальскую монету и ввести в обращение новую; поставлять из Тибета в Непал соль более высокого качества (без посторонних примесей) и т. д. В случае отказа непальцы угрожали захватить пограничные тибетские районы Ньянанг, Ронгшар и Кийронг, а также задержать Шамарбу в качестве заложника в Непале. Сам Шамарба обратился к Далай-ламе с письменной просьбой освободить его, согласившись на непальские условия. Совет министров не поддался непальскому нажиму, очевидно, не поверив угрозам в адрес Тибета: непальцам в очередной раз было сообщено, что ответственность за выпуск неполноценной монеты несет именно Непал, но тибетцы готовы по-прежнему использовать такую монету, чтобы не прерывать торговых отношений с Непалом. Вопрос о качестве соли был, по мнению Совета министров, слишком незначительным, чтобы обсуждать его на таком уровне: на границе имелись и тибетские, и непальские инспектора, чьей обязанностью как раз и был контроль за качеством товаров. К перспективе оставления Шамарбы в Непале в качестве заложника министры отнеслись вполне хладнокровно, заявив, что он сам поехал в эту страну¹⁵.

Получив отказ на все свои требования и, как утверждает непальский источник, «будучи раздражены провокационным поведением»¹⁶ тибетцев, непальцы вторглись в Тибет, причем люди Шамарбы использовались в качестве проводников. Общее количество непальцев достигало 8 000 человек (5 000 воинов и 3 000 носильщиков), и они довольно быстро захватили в 1788 г. указанные в ультиматуме районы¹⁷. Совет министров назначил главнокомандующим тибетскими войсками калона Ютхока, которому подчинялись два тибетских генерала; они заняли форт Шекар, прикрывавший дорогу на Шигацзе. По просьбе лхасских амбаней из Китая в Тибет были направлены войска под общим командованием Ба Чжуна, вице-министра Лифаньюаня, а также сычуаньского генерал-губернатора Чэн Дэ и генерала Э Хуя. Китайский передовой отряд под командованием генерала Чэн Дэ дошел до Шекара и здесь остановился, ожидая подхода остальных войск. Но и после присоединения основных сил китайцы не спешили вступать в борьбу с непальцами, проведя 8 месяцев в полном бездействии.

Видя эту пассивность, духовенство монастыря Ташилунпо, которому прежде всего угрожало дальнейшее непальское наступление, решило обратиться за помощью к британским властям в Индии, которые, как полагали руководители монастыря, непременно выручат их в трудную минуту. Но тогдашний генерал-губернатор Индии Ч. Корнуоллис (1786—1793) был человеком иного склада, нежели энергичный и увлекающийся У.Гастингс. Он ответил довольно двусмысленно, заявив, что Ост-Индская компания не намерена ссориться ни с кем из соседей и не окажет помощи ни Непалу, ни Тибету. В то же время, добавлял Ч. Корнуоллис, «его ответ мог бы быть иным, если бы Компания могла иметь своего представителя в Пекине и была бы в более тесных отношениях с китайским правительством. Еще было не поздно, подразумевал Корнуоллис, — для Ташилунпо использовать свое влияние, чтобы добиться этого»¹⁸.

Итак, надежда на помощь из Индии оказалась напрасной. Как справедливо замечает А. Лэмб, «единственным результатом этого ответа на тибетский призыв о помощи было, вероятно, осознание властями Ташилунпо того, что дружба Компании по отношению к Тибету была не столь бескорыстна, как уверяли Богль и Тернер»¹⁹.

В Тибете же, несмотря на просьбы тибетского правительства, китайские войска продолжали сохранять полную пассивность. Командиры китайских войск настаивали на том, чтобы тибетские власти вступили в переговоры с непальцами. Тибетское руководство разделилось на две фракции по вопросу о том, следует ли вести с врагом мирные переговоры. Отец Панчен-ламы IV и глава секты Сакьяпа, чьи владения во Внешнем Тибете подвергались наибольшей опасности, стремились к миру любой ценой и были готовы посредничать между враждующими сторонами. Но тибетский калон Доринг Тензин Пальчжор и несколько тибетских генералов обратились к китайским командирам с требованием начать военные действия:

«Они подчеркивали, что имперские войска прошли дальний путь из Китая, чтобы воевать, и тибетцы готовы поддерживать их; но если сейчас они будут говорить о мире, то заранее поставят себя в положение виновных»²⁰. Однако китайцы все же настояли на переговорах и, таким образом, победила фракция сторонников мира. Л.Е. Роуз высказывает предположение,

что сторонники переговоров добивались не только «мира любой ценой»: «Кажется возможным, однако, что прибегли и ко взяткам, и что тибетские фракции, которые хотели свести китайское вмешательство к минимуму, постарались убедить китайских чиновников путем денежных подачек, что для дальнейших военных действий нет повода»²¹. На это же туманно намекает и Вэй Юань, когда говорит в «Шэн у цзи», что цинские командиры «пытались уладить дело полюбовно и добиться мира через взятки»²².

На состоявшихся в Кийронге тибето-непальских переговорах в мае 1789 г. тибетскую сторону представляли калон Доринг Тензин Пальчжор и еще два чиновника, непальскую — Бам Шах (Бхим Сахиб) и другие непальские чиновники, а также Шамарба, выполнявший у непальцев роль консультанта.

Тибетская делегация, находясь в Кийронге, окруженном непальскими войсками, и не имея никакой надежды на вмешательство китайских войск, некоторое время сопротивлялась непальским домогательствам, но все же была вынуждена подписать 2 июня 1789 г. тибето-непальский договор. Суть его состояла в следующем: «Мы согласились изъять испорченные непальские монеты, которые использовались в Тибете. Старые, но не испорченные монеты, должны были иметь ту же ценность, что и новые, начеканенные в Непале. Согласились, что тибетская соль не будет содержать примесей и что пограничные инспектора будут строго следить за выполнением правил. Рис и соль должны оцениваться по текущим рыночным ценам, колебания которых не ограничиваются. Непальские рисоторговцы, останавливаясь в гостиницах, должны получать кров и дрова; но 10 % от их выручки за рис должно отдаваться содержанию гостиницы. Тибетским купцам не разрешается входить в Непал для торговли или мены. Если непальский подданный совершит преступление на тибетской территории, он должен быть судим и наказан непальским представителем на данной территории. Тибетские чиновники не имеют юрисдикции в данном случае. За возвращение четырех районов, захваченных гурками, Тибет должен платить Непалу ежегодную дань в 300 дотцев (9 600 таэлей серебра или 57 600 рупий. — *Е.Б.*). Непальцы соглашаются вывести свои войска немедленно по получении первой годовой дани»²³.

Тибето-непальский договор 1789 г. был скреплен печатью Ба Чжуна, который также убедил непальского правителя послать данническую миссию в Пекин. Такая миссия была послана и побывала в Пекине в конце 1789 — начале 1790 г. и привезла непальскому правителю цинский титул и подарки. Ба Чжун сообщил императорскому двору, что он получил обещание непальцев уйти из Тибета и никогда больше не нападать на него снова, а также с гордостью отметил, что не потерял в этом конфликте ни одного солдата. «Он также отметил, между прочим, что Тибет принял обязательство платить Непалу некоторую сумму каждый год, но квалифицировал ее скорее как земельную ренту, а не дань»²⁴.

А.С. Мартынов, рассматривая дипломатические переговоры, связанные с урегулированием первого тибето-непальского конфликта 1788—1789 гг., отмечает их «двухканальность», т. е. параллельность ведения переговоров между тибетцами и непальцами, а также одновременно — между непальцами и маньчжурами. С точки зрения этого автора, «двухканальность» переговоров говорит о том, что «Тибет еще не воспринимался маньчжурами как составная часть империи, а был в их глазах такой же «варварской страной», как Непал, лишь более близкой и поддерживавшей более тесные отношения с императорским двором»²⁵.

Нам кажется, что данный вывод абсолютно неверен. Действия Ба Чжуна и других цинских военачальников, вызывались ли они взяткой, трусостью, ленью или чем-то еще, в конечном счете завершились обманом цинского правительства. Вполне естественно, что Ба Чжун вел свои переговоры с непальцами по поводу того, как скрыть содержание тибето-непальского договора и какие блага может принести непальским властям мнимое «подчинение» Непала Китаю скрытно, без тибетских свидетелей. С этим и связана так называемая «двухканальность». Что же касается утверждения А.С.Мартынова о том, что Тибет в глазах маньчжуров был «варварской страной», а не составной частью империи, то для иллюстрации истинного отношения Цинов приведем императорский указ, изданный за год до непальского вторжения в Тибет:

«Император заявил министрам в Великом совете: “Сегодня, когда в своем мемориале Па-энь-сань сообщил дату, когда гонец, отправленный Далай-ламой из Внутреннего Ти-

бета (Цянь Цзан) проедет через территорию (Шэньси), он отозвался о нем как о варварском гонце (И-ши). Это совершенно неверно!

Внутренние и Внешние нашей империи являются одной семьей. Кроме того, Тибет (Вэй Цзан) уже давно инкорпорирован в нашу территорию и не должен сравниваться с Россией, которая пока еще дикая и должна быть приручена, и потому правильно называется «варварской». Гонец, который прибывает, должен получить свой собственный титул — Аббат (лайши кань бу). Однако Па-энь-сань позволил своему некомпетентному персоналу написать пониженный статус гонца как «варварского гонца» и представил этот мемориал, не прочитав внимательно, Нам. Когда Па-энь-сань читал свой мемориал, он не заметил эту ошибку! Как же можно быть настолько глупым! Мы повелеваем вам передать эдикт с суровым выговором ему!»²⁶

Итак, по мнению цинского императора Хун Ли, Тибет являлся именно составной частью империи, давно уже интегрированной с ней, или «внешним владением». Роль «внешнего владения» как буферной зоны — своеобразного пояса безопасности для Собственно Китая — уже отмечалась выше. Отметим лишь, что главной задачей «внешнего владения» было сдерживание внешнего агрессора на протяжении какого-то времени, до подхода основных китайских сил. Поэтому прибытие Ба Чжуна, Э Хуя, Чэн Дэ было не прибытием специальной миссии для участия в переговорах, как уверяет А.С. Мартынов²⁷, но подходом китайских войск, посланных в помощь «внешнему владению». «Внешними владениями», в том числе и Тибетом, ведал Лифаньюань, и вполне естественно, что в Тибет был направлен Ба Чжун, бывший не только офицером императорской гвардии, но, как сообщает Я Ханьчжан, вице-министром Лифаньюаня²⁸.

Другая функция Тибета — как центра северного буддизма, своего рода «святой земли», откуда должно было распространяться «умиротворяющее» влияние на тибетских и монгольских подданных Цинов — также сохранялась. Об этом говорят не только многочисленные «буддийские» выражения в указах императора, но и то благоговение, с каким был встречен Панчен-лама III в период своего путешествия по Кукунору, Монголии и Китаю,

огромное количество паломников, приходивших в Тибет, наконец, то обстоятельство, что перерожденцы Чжэбцун-Дамбахутухты, начиная с третьего по счету, т. е. с 1758 г., стали отыскиваться только в Тибете²⁹. Тибетские иерархи, несмотря на усиление и укрепление цинского протектората в стране, продолжали считать, что они связаны с династией Цин отношениями «лама — милостынедатель». Приход цинских войск в Тибет в 1788 г. они рассматривали как помощь «милостынедателя» в плане защиты буддийской церкви. Об этом свидетельствует высказывание Далай-ламы VIII, убеждавшего китайских командиров начать военные действия против непальцев: «Я буддист. Я вовсе не желаю убивать живые существа в ходе военных действий. Но, поскольку гурки не верят в буддизм и хотят угнетать Желтую секту, и я опасюсь упадка Желтой секты, то именно поэтому я и настаиваю, что должна быть предпринята военная акция. Затем все пограничные споры должны быть улажены, и только так можно защитить Желтую секту»³⁰.

Но цинские «милостынедатели» в 1788—1789 гг. не выполнили своих обязанностей перед тибетской церковью. Неточная информация, а вернее, дезинформация, сообщенная китайскими генералами, искажала суть тибето-непальского конфликта, сводя его к мелкому и малопонятному в Пекине спору из-за непальской монеты. Благодаря такому подходу оказывалось, что ни буддийской церкви, ни самому Тибету как зависимой территории ничто не угрожает. Позднее генерал Фу Канъань сообщал трону: «Когда Ба Чжун прибыл в Тибет, Далай-лама предложил ему выдворить захватчиков. Но Ба Чжун тайно купил мир, дав гуркам серебро без согласия Далая. Далай сказал, что проблема была улажена столь быстро и неловко, что она должна была возникнуть опять. Очевидно, Далай имел в виду общие интересы. Ба Чжун и Тензин Пальчжор — вот кто в ответе за ошибки»³¹.

Если для Пекина тибето-непальский договор 1789 г. имел унижительный характер, поскольку «варвары» заставили империю в лице Тибета платить ежегодную дань, то для Тибета пункт об уплате дани был просто невыполнимым. Первые 300 дотцев серебра калонг Доринг Тензин Пальчжор собрал в провинции Цзан, получив их у монастырей и частных лиц в виде займа, с обещанием расплатиться позднее из казны Далай-ламы VIII³².

Получив первую дань, непальцы вывели свои войска из страны, оставив после себя ограбленные и разрушенные районы.

После ухода непальских войск тибетские власти почувствовали себя увереннее и решили настаивать на пересмотре условий договора 1789 г. Они отказались пропустить в Тибет непальского консула (вакиля), как это предусматривалось условиями договора, не стали навязывать тибетскому купечеству новую непальскую монету по курсу 1 : 1, и начали переговоры с непальским правительством по поводу уменьшения суммы ежегодной дани. В этой сложной ситуации во главе тибетского правительства должен был стоять человек, готовый взять на себя ответственность перед цинским двором за новый международный конфликт. Таким человеком и Кашагу, и Далай-ламе VIII казался регент Нгаван Цултрим, находившийся в Китае в своего рода почетной ссылке. По настоятельной просьбе тибетских властей, регент Нгаван Цултрим был возвращен в Тибет, где он сразу же развернул бурную деятельность. Он подверг резкой критике деятельность Совета министров в период непальской агрессии, понизил в должности или сослал нескольких крупных чиновников и генералов, назначив на их место более способных, и, вероятно, готовился к возможной войне с Непалом. Однако 29 апреля 1791 г. регент Нгаван Цултрим скоропостижно скончался, и страна вновь оказалась без лидера (Далай-лама VIII, по складу своего характера, таковым считаться не мог).

А. Лэмб высказывает предположение, что отказ лхасских властей от уплаты очередной годовой дани Непалу определялся противостоянием двух центров религиозной власти — Лхасы и Ташилунпо. Он пишет: «Лхаса относилась с большим подозрением к росту влияния и независимости Ташилунпо. Нужно заметить, что отказ платить гуркам неизбежно имел бы результатом новое вторжение, которое, в свою очередь, предоставило бы предлог для требования о китайском вмешательстве и последующем сокрушении, раз и навсегда, претензий Ташилунпо. Если это было политикой Лхасы, то она имела успех, превзошедший всякие ожидания»³³. Здесь, конечно, явное преувеличение разногласий между Далай-ламой VIII и Панчен-ламой IV (последнему, заметим, было всего 9 лет). Лхасские власти настаивали лишь на уменьшении размера дани, а не на

полной ее отмене. Кроме того, китайцы вряд ли допустили бы «сокрушение» власти Панчен-лам, которую они старались противопоставить власти Далай-лам начиная с 20-х годов XVIII в.

Когда непальцы в очередной раз потребовали выплатить условленную дань, Кашаг направил двух своих членов, калонов Ютхока и Доринга Тензина Пальчжора, для переговоров об уменьшении размеров дани. Но когда тибетские представители прибыли в пограничный форт Кути, в июле 1791 г., они были внезапно схвачены непальцами и уведены в Непал³⁴. Это событие явилось началом второй непало-тибетской войны (1791—1793 гг.).

Численность непальской армии была примерно такой же, как и в предыдущем случае, но на этот раз захватчикам удалось быстро продвинуться вглубь Тибета вплоть до Шигацзе. Интересно отметить, что некоторые крупные центры, вроде монастыря Сакья, сдавались без сопротивления, а монахи «красных» сект встречали непальцев радостно, преподнося им хадаки (церемониальные шарфы, даваемые в знак приветствия)³⁵. Такое поведение, несомненно, было связано с именем Шамарбы как союзника непальцев.

19 сентября 1791 г. непальские войска подошли к Шигацзе, центру провинции Цзан, близ которого располагается монастырь Ташилунпо. Шамарба, согласно позднейшим заявлениям непальских властей, заверил их, что монахи Ташилунпо убегут при подходе непальской армии, и все богатства монастыря достанутся победителям. По словам Вэй Юаня, так и произошло: «Что касается города Ташилунпо, то он расположен на горе, а перед ним есть река, поэтому он имеет сильную стратегическую позицию. Ламы, в числе нескольких тысяч, должны были только занять стены и защищать их, ожидая подкрепления. Но Чжунба-хутухта сразу бежал, взяв с собою свои сокровища. Поскольку Лама Чи-лун и другие священники утверждали, что, согласно их гаданиям, Небесная Мать не одобряет сопротивления, то население совершенно упало духом. Мятежники без всякой жалости ограбили Ташилунпо. Это вызвало великий ужас по всему Тибету, и оба понтифика настоятельно докладывали трону о критическом положении дел»³⁶.

Панчен-лама IV и его окружение бежали в Лхасу, где правительственные чиновники и население пребывали в панике,

ождая скорого прихода вражеских войск. Лхасские амбани Бао Тай и Я Маньтай, не надеявшиеся удержать Лхасу, предложили тибетским иерархам перебраться в Восточный Тибет; но оба иерарха отказались, полагая, что их отъезд может вызвать панику среди населения. Их поведение было одобрено императором Хун Ли, а предложение амбаней было сочтено грубой ошибкой³⁷. Совершенно очевидно, что в случае отъезда иерархов и последующей растерянности населения Тибет не смог бы выполнять свою функцию буферной зоны, т. е. держаться до подхода крупных китайских формирований. Твердость, проявленная высшими иерархами церкви, включая настоятелей трех главных монастырей Уя, привела к стабилизации обстановки в столице и к организации отпора непальцам. Тибетская армия стала нападать на непальцев, находившихся в Цзане, стараясь отрезать их от границы. В конце 1791 г. в армии захватчиков началась эпидемия, и непальцы, обремененные богатыми трофеями, стали отходить в южном направлении.

Император Хун Ли воспринял известие о новом нападении непальцев на Тибет очень серьезно: Тибет подвергся нашествию как часть империи, к тому же явно пострадала буддийская церковь. В таком состоянии Тибет не мог выполнять ни одну из функций, отведенных ему в рамках империи. К тому же брат Далай-ламы VIII, Лоцзан Гедун Дракпа, находившийся в это время в Китае, сообщил императору точное содержание непало-тибетского договора 1789 г. Когда Ба Чжун узнал о тибетских событиях, он, не дожидаясь расправы, утопился в озере. Император на это заметил, что, будь он жив, его бы, разумеется, казнили³⁸. Остальные участники тибетских событий 1788—1789 гг., Чэн Да и Э Хуй, служившие в это время в Сычуани, избежали наказания благодаря тому, что свалили всю вину на покойного Ба Чжуна.

Император Хун Ли приказал Э Хую и Чэн Дэ двинуться с небольшим отрядом (4 000 человек) в Тибет через Дацзянью и оказывать помощь тибетцам до тех пор, пока не подойдет более крупная армия. Два чиновника двигались в Тибет не спеша, явно не торопясь вступить в схватку с врагом; за это оба были разжалованы до младших офицеров и поставлены под управление Фу Канъаня.

Главнокомандующим основной цинской армией был назначен Фу Канъань, а его помощником Хай Ланьча. Оба недав-

но участвовали в подавлении восстания на о. Тайвань (1707—1788) и считались хорошими полководцами. Император заявил в своем указе, что захват непальцами Тибета является суровым ударом по интересам Цинской империи, поскольку через тибетскую церковь осуществляется влияние на монголов. Он также заявил, что недостаточно просто выдворить непальцев из Страны снегов, т. к. нет гарантии, что они не повторят свой набег. «Непалу должен быть дан урок, который запомнится на все времена, а этого можно достигнуть только через завоевание Непала и последующее наказание чиновников, ответственных за недавние события»³⁹.

Фу Канъаню была дана армия в 17 000 солдат, из которых 1 000 были солонами из Маньчжурии, и приказано было двигаться из Синина через кукунорские степи более короткой дорогой в Тибет. Для обеспечения солдатского питания, офицеры Фу Канъаня и местные тибетские и китайские чиновники заготовили 10 000 голов скота, 70 000 даней зерна, а для жалованья солдатам — 5 миллионов таэлей серебра⁴⁰.

Так же основательно, как и в плане материального снабжения армии, подготовились цинские командиры и в плане военном и дипломатическом. Китайские и тибетские войска (последних было 10 000) не могли сразу начать преследование уходящих непальцев, потому что горные перевалы были покрыты глубоким снегом. Но в конце 1791 г. китайско-тибетские войска начали очистку пограничных фортов Кути и Дингри от оставшихся там непальских гарнизонов.

В январе 1792 г. в Лхасу прибыл Фу Канъань, который, не полагаясь только на размеры армии или собственный военный опыт, решил заручиться поддержкой правителей тех государств, которые граничили с Непалом. Были направлены письма в Сикким, Бутан и Индию. В письме, адресованном английским властям и полученном в Калькутте в июле 1792 г., Фу Канъань писал: «В интересах раджей всех сопредельных стран повиноваться моим приказам. Любое милосердие к гуркскому радже после преступлений, им совершенных, должно быть полностью отвергнуто. Имперская армия ныне готова атаковать его, и, если ваши владения граничат с ним, вы должны начать военные действия против него в то же самое время и пересечь ваши границы, неся войну во вражескую землю... Пусть князья всех соседних стран сердечно объединятся в этом предприя-

тии, приложив все возможные усилия для уничтожения этих разбойников. Пусть они будут преданы смерти, и пусть их вырванные глаза и отрубленные руки и ноги будут посланы ко мне. Кто бы ни приобрел заслуги в этом деле, я, великий цзянцзюнь, щедро награжу его, а когда сведения о его успехах будут доложены его величеству, то он получит от последнего самые лестные знаки его милости и замечательные подарки. Я надеюсь, что вы, после должного размышления по поводу написанного мною, примете меры для выполнения моих пожеланий. Я, великий цзянцзюнь, не говорю напрасно. Я желаю, чтобы немедленно по получении этого письма вы послали мне ясный доклад о времени и месте, где вы начнете действовать, и о дорогах, по которым вы двинетесь»⁴¹.

Одновременно в Калькутту были посланы письма от имени Далай-ламы VIII и Панчен-ламы IV, продиктованные Фу Канъанем и доставленные госсайном Пуранджиром.

Китайское послание поставило генерал-губернатора Ч. Корнуоллиса в сложное положение: Ост-Индская компания, имевшая большие интересы в Китае, ни в коем случае не намерена была ссориться с цинскими властями. В то же время, в марте 1792 г. компания заключила торговый договор с Непалом. Как пишет И.Б. Редько, непальцы пошли на это соглашение в связи с появлением китайской армии в Тибете и «опасаясь удара в спину»⁴² со стороны англичан. В этих условиях Ч. Корнуоллис избрал тактику промедления с ответом на письма Фу Канъаня и тибетских иерархов; когда же нейтральный ответ прибыл, наконец, в Лхасу, он уже мало кого интересовал. В то же время и непальская сторона вела двойную игру: непальский правитель Бахадур Шах отправил письмо Фу Канъаню, в котором сообщал ему об агрессивности британцев и заверял, что Непал служит своеобразным щитом между Британской Индией и Тибетом⁴³. Не оправдались и надежды англичан относительно торгового договора с Непалом от 1792 г.: как только политическая ситуация изменилась, непальцы отказались выполнять этот договор⁴⁴.

В мае 1792 г. началось цинское вторжение в Непал. Китайская армия, действовавшая совместно с тибетскими войсками под командованием калона Хорканга, была разделена на две части, которые вступили в Непал через перевалы Кийронг и

Кути. Несмотря на труднейшие условия горной войны, китайско-тибетская армия одержала ряд побед, быстро продвигаясь к непальской столице Катманду. На стороне цинской армии был не только численный перевес, но и наличие проводников из числа непальских торговцев-неваров в Лхасе, переносная артиллерия в виде кожаных пушек, которые делали 5—6 выстрелов, прежде чем разрывались, а также более современная манера ведения войны. По словам китайского автора, «народ этой страны вел войну почти в древней манере. Они сражались только после отправки нам письменного вызова, назначая вначале дату битвы. Однако наша армия не заботилась о том, был ли день или ночь, но всегда использовала благоприятную возможность начать атаку, и потому мы часто нападали на них неожиданно. Хотя они и критиковали китайскую армию за такие действия, противоречившие, как они полагали, древним традициям, но не могли нам сопротивляться, и множество их было убито»⁴⁵.

В августе 1792 г., потеряв веру в успех, непальский правитель обратился с просьбой о помощи к британской администрации Индии. Узнав об этом, Далай-лама VIII написал генерал-губернатору Ч. Корнуоллису письмо, в котором сообщал о враждебных действиях непальского правителя против Тибета. «Но, по милости бога, — продолжал он, — наша страна имеет защиту со стороны императора Китая и, соответственно, два его представителя всегда находятся здесь для моей защиты. Они передали информацию об этих событиях императору, который послал большую армию под командованием его офицеров в нашу страну. Когда эта новость достигла гуркских войск, они покинули мою территорию и бежали в Непал. Офицеры, посланные из Китая, решили, с божьей помощью, уничтожить гуркского раджу и других вождей. В соответствии с этим решением они преследовали беглецов и захватили несколько мест на гуркской территории.

Император, благодаря помощи свыше, скоро станет, конечно, полным владельцем Непала и Горкхали. Раджа, однако, продолжает свое дело, предпочитая просить помощи у Вашего превосходительства: он лживо и клеветнически пишет, что император послал против него большую армию, и потому ему нужна помощь; если же Вы, Ваше превосходительство, не от-

правите войска на помощь ему, то император выступит после и против Вашего превосходительства. Пусть Ваше превосходительство не поддается его лживым измышлениям, так как император не относится враждебно ни к кому, кроме Горкхали; самое большее, что сделает его величество — это примет меры против него, первым начавшего вражду. Если вожди или компаньоны раджи попадут к Вам в руки, Вы должны схватить их и передать императорским офицерам; если же Вы не передадите их, то не позволяйте им возвращаться в их страну. Офицеры будут писать о Вашем добром отношении в этом вопросе на имя императора, которому это доставит удовлетворение. Я, со своей стороны, также прошу Вас, Ваше превосходительство, согласиться с тем, что я написал»⁴⁶.

Генерал-губернатор Ч. Корнуоллис написал в ответном письме Далай-ламе VIII, что Ост-Индская компания, поддерживая дружественные отношения с Непалом, Тибетом и Китаем, не может вмешиваться в их ссоры, за исключением тех случаев, когда на ее владения нападают и она вынуждена обороняться от врагов. В то же время Ч. Корнуоллис выразил готовность посредничать в примирении Непала и Тибета⁴⁷. Аналогичное письмо, с использованием даже одинаковых выражений, было послано из Калькутты в Непал⁴⁸. Нейтральная позиция, занятая англичанами, равно как и тактика намеренного затягивания с ответами на письма, оказалась для английской администрации в Индии самой выигрышной: ей удалось, не разрывая отношений с Непалом, в то же время произвести хорошее впечатление на Цинов. Генерал Фу Канъань сообщал в Пекин в докладе от 18 апреля 1793 г.: «Когда в прошлом году я пригласил вождей племен послать войска для прекращения волнений, я имел в виду покончить с ослабленной силой гурков без особого расчета на помощь со стороны иностранных варварских солдат. Но здесь есть глава племени Пи-линг, принявший обращение от министра Вашего величества со знаками глубочайшего почтения. Величие Вашей императорской славы прогремело далеко, разнесясь до самых дальних морей! Это племя, которое торгует в Кантоне и всегда ощущало великую доброту Вашего императорского двора, добровольно заявило гуркам, что Тибет веками был в зависимости от Китая, и что

они не должны вступать в ссоры с ним. Как глубоки и правильны эти слова!»⁴⁹

В октябре 1792 г. генерал-губернатор Ч. Корнуоллис сообщил тибетским иерархам, что для посредничества в непало-тибетском конфликте в Непал был направлен капитан В. Киркпатрик. Однако он опоздал: еще до его прибытия в Непал 2-я непало-тибетская война закончилась.

Ряд поражений, нанесенных цинскими войсками непальцам, привели к глубокому кризису в правящих кругах Непала и заставили их обратиться к китайскому командованию с просьбой о мире. Шамарба, бывший советником непальского правителя Бахадур-шаха, понимая, какая судьба его ждет в случае, если он попадет в руки китайцев, предпочел отравиться. Его останки были переданы китайцам.

Победоносная китайско-тибетская армия, с боями дошедшая до непальской столицы Катманду, находилась в довольно сложном положении: было много убитых и раненых, немало цинских солдат заболело малярией, начались трудности с продовольствием. Но самое главное препятствие для продолжения войны заключалось в том, что в конце октября на Гималайских перевалах должен был выпасть снег, который сделал бы перевалы непроходимыми и отрезал бы армию от Тибета.

В этой ситуации китайский командующий Фу Канъань решил закончить войну, и 30 сентября 1792 г. был подписан мирный договор между Цинской империей и Непалом. Он включал в себя следующие условия:

«1. Непал и Тибет будут поддерживать братские отношения и не будут воевать друг с другом. Споры между двумя правительствами будут сообщаться амбаню в Лхасе для улаживания.

2. Непал будет каждые 5 лет посылать в Пекин миссию с подарками для императора. Китайское правительство будет создавать удобства для миссии на территории Китая (т. е. нести соответствующие расходы) и, в свою очередь, будет посылать подарки непальскому радже.

3. Китайский офицер должен демаркировать границу между Тибетом и Непалом в Кути и зоне Кийронг.

4. Китай должен прийти на помощь Непалу в случае нападения на него иностранной державы.

5. Непал должен вернуть вещи, захваченные в монастыре Ташилунпо и выдать останки Шамара Трулку, его семью и приближенных.

6. Непал никогда вновь не поднимет вопросов, связанных с договором 1789 г. или с проблемой валюты»⁵⁰.

Итак, Непал потерпел поражение и вынужден был заключить мир на китайских условиях; но, как подчеркивает Л.Э. Роуз, эти условия «не были ни унижительными, ни катастрофическими для Непала»⁵¹. Непалу лишь пришлось вернуть часть награбленного в Тибете и согласиться на присылку дани, которую непальцы упорно именовали «подарками». В то же время Непал не утратил своей государственной независимости и ничего не потерял в плане территориальном. Между тем, как сообщает Вэй Юань, «первоначально наш император планировал разделить страну Гуркха между старшинами различных местных племен и даровать титул князя 2-й степени Фу Каньяню, но, услышав, что мятежники просят, чтобы им позволено было подчиниться, он дал свою санкцию на такое урегулирование»⁵².

Очевидно, такое объяснение казалось не убедительным даже самому императору Хун Ли, потому что в своей мемориальной надписи, выбитой на каменной плите и установленной в Лхасе в честь покорения Непала, он утверждает: «Даже если бы все эти территории были взяты, то, поскольку они лежат на большом расстоянии от границ Уя и Цзана, было бы трудно использовать их и охранять. Как обычно бывает, если простой народ получит нечто ценное, то не умеет этим воспользоваться. Поэтому были отданы приказы, почтительное подчинение было принято и армия выведена»⁵³. Иными словами, Непал не был нужен Китаю. С точки зрения Цинов, было сделано все необходимое: «мятежники» были наказаны, правитель Непала стал номинальным вассалом, а сам Непал вошел в своеобразную зону цинского влияния, которая окружала «внешние владения» Китая. Примерами таких «зон влияния» могут быть названы некоторые казахские территории, отделявшие Синьцзян от внешнего мира, или территория Приамурья с конца XVII до середины XIX в.⁵⁴ (учитывая то обстоятельство, что и Синьцзян, и Маньчжурия были «внешними владениями» империи Цин).

Удачное завершение неудачной войны позволило непальским хронистам утверждать, что война была фактически выиграна Непалом: «Узнав подробности о северной стране от Шамарбы-ламы, который приехал сюда, он (Бахадур-шах. — *Е.Б.*) направил войска в Шекар-цзон; они разграбили Диггерче (Ташилунпо. — *Е.Б.*) и не уважали китайскую власть. Китайский император, будучи не в состоянии снести это оскорбление, послал большую армию под командованием качжи Дурина и министра Тумтама. Эта армия достигла Дебуна, когда раджа привлек Лакхья Банда из Бхинкше Бахала для устройства курасчарана, в то время как Мантри-наек Дамодар Панде разрешил китайскую армию на куски и приобрел великую славу. После этого китайский император, решив, что лучше жить в дружбе с горкхалийцами, заключил с ними мир»⁵⁵.

В Пекине, разумеется, военный поход в Непал рассматривался как удачный и победоносный. Такой оценке способствовало отправление из Непала в Китай в 1792 г. даннической миссии от Бахадур-шаха, да и в целом император Хун Ли рассматривал победу над непальцами как десятый по счету подвиг, завершающий список великих деяний его жизни⁵⁶. Однако, наряду с восхвалениями китайских воинов и полководцев, а также самовосхвалениями, императора беспокоила мысль о том, что в Тибете далеко не все в порядке. Во-первых, большие сомнения вызывали причины двух тибето-непальских войн: не сами ли тибетцы виновны в непальской враждебности, не спровоцировали ли они нападения своим неправильным поведением? Во-вторых, Тибет не лучшим образом выполнил обязанности внешнего владения: тибетское ополчение не оказало непальцам достойного сопротивления, и если бы непальцы, давно уже ставшие грозой для своих соседей, не увлеклись грабежами, они могли бы захватить и удержать весь Тибет. А это означало прямую угрозу территории Собственно Китая. Раздражение императора Хун Ли по этому поводу прорывается в ряде его указов: «Я Маньтай должен тем временем заставить далай-ламу и министров объявить тангутам следующее: “Поскольку вы давно уже (привыкли) к спокойным временам, то, вступив в тяжбу с соседней страной и доведя дело до конфликта, (вы оказались) неспособными защитить (свою собственную) землю. При одном взгляде на (этих) бандитов (вы) раз-

бегаются в разные стороны”»⁵⁷. В упоминавшейся выше надписи на каменной стеле император говорит: «Если рассмотреть это дело, то будет видно, что народ Уя, отказавшись от военных занятий, посвятил себя единственно литературе. Таким образом, он стал вроде тела, лишённого силы. Это не годится. Если народ отвергает военные занятия и делает литературу главной целью, он становится неспособным защищать свои исконные позиции. Это должно быть понято»⁵⁸.

Обвинения императора были не вполне справедливы: тибетцы вовсе не были трусами, что неоднократно доказывали на протяжении своей истории, да и в непальском походе тибетцы участвовали на равных с китайскими и солонскими солдатами, а калон Хорканг даже погиб во время этой кампании. Но небольшая тибетская армия, созданная во времена Полхана для защиты от джунгаров, после покорения Джунгарского ханства оказалась не нужна. Спокойная обстановка на южных рубежах Тибета даже во времена грозного Притхви Нараяна, равно как и стабильность во внутренней жизни Тибета на протяжении 40 лет после 1750 г., привели к тому, что регулярная армия стала ненужной. Виноваты были в этом просчете как местные тибетские власти, так и цинские резиденты-амбани. Именно поэтому после завершения 2-й непало-тибетской войны были выявлены и наказаны те лица, которые, по мнению генерала Фу Канъяня, проводившего расследование, были причастны к возникновению конфликта.

Главным виновником конфликта был признан Шамарба, но он был уже недосыгаем для цинского правосудия; зато три его родственника были отосланы в Пекин и там обезглавлены; семь других родственников были сосланы в провинцию Фуцзянь, в места, известные малярийным климатом (что для тибетцев означало верную смерть). Все поместья Шамарбы были конфискованы; был отдан приказ, «по которому все монастыри Тулку Шамара переходили к Гелугпе и перевоплощения Шамарпы прекращались. Его Красная Корона была погребена под храмом Шамарпы в Лхасе, а сам храм превращен во дворец правосудия»⁵⁹. Было конфисковано и имущество Чжунбы, регента при несовершеннолетнем Панчен-ламе IV⁶⁰. Эти два человека, прямо или косвенно, были причастны к развязыванию непало-тибетской войны: но были наказаны и лица, явно

невиновные. Калон Доринг Тензин Пальчжор, требовавший отпора непальским захватчикам во время первой непало-тибетской войны, но вынужденный уступить решению Кашага и давлению со стороны Ба Чжуна, был обвинен в том, что начал мирные переговоры с Непалом без санкции императора. Он был отрешен от должности, отослан в Пекин для суда, а его имущество было конфисковано⁶¹. Другой член Совета министров был обвинен в коррупции и в получении чрезмерно высоких доходов от торговли с непальцами; он, не дожидаясь суда, покончил жизнь самоубийством»⁶².

Были наказаны также некоторые маньчжурские и китайские чиновники. Так, бывшие амбани Пу Фу, Фу Сиху (он же Бао Тай), Я Маньтай и разжалованный генерал Э Хуй были прилюдно взяты в оковы (точнее, на них была надета канга) за пренебрежение служебными обязанностями. Относительно вины Э Хуя говорилось выше; что же касается бывших амбаней, то им было поставлено в вину утаивание от цинского двора непальских претензий на пограничные тибетские территории, выдвинутые ими еще до войны. «Никто из них не доложил мне об этом, — гневался император. — Если бы они сделали это, я бы их похвалил и заранее принял бы против гурков соответствующие меры. Когда Пу Фу приехал в Пекин, то не сказал ни слова великим государственным министрам об этом. Это невообразимо! Я не могу их простить, поскольку они не сообщили мне о таком важном деле, случившемся на границе. Я повелеваю сместить Пу Фу и подвергнуть пытке в Министерстве наказаний»⁶³. Сообщники Пу Фу, бывшие амбани Я Маньтай и Бао Тай, отделались легче: им было дано по сорок ударов палкой.

Но для Бао Тая дело не закончилось телесным наказанием: император не мог простить ему предложения «переместить обоих понтификов из Тибета: Далай-ламу — в Синин, а Панчен-ламу — в Тайнин, будучи готовым отдать тибетскую территорию мятежникам»⁶⁴. Как заявил император Хун Ли, остальные провинившиеся чиновники виновны не так серьезно, как Бао Тай, который собирался отдать весь Тибет захватчикам. За свое преступление он достоин казни; но, учитывая заслуги его предков, император приказал сослать его в провинцию Хэйлунцзян⁶⁵.

Наказание тибетских государственных деятелей и цинских чиновников преследовало несколько целей: снять с императора ответственность за так называемую «помощь» во время 1-й непало-тибетской войны; обновить Совет министров и офис цинских резидентов, не сумевших сделать Тибет полноценным «внешним владением», способным выполнять свои задачи; использовать доходы от конфискованных владений для финансирования вновь создаваемой тибетской армии. В определенной степени расправа с государственными и церковными деятелями Страны снегов должна была напомнить тибетцам, кто является подлинным хозяином их страны. Пребывание цинских войск в Тибете и связанные с этим материальные и иные тяготы вызвали вспышку антикитайских настроений в стране: появились письменные памфлеты, в которых утверждалось, что присутствие в Тибете китайских войск принесло тибетцам в сто раз больше тягот, чем кратковременное нападение непальцев⁶⁶. Наличие антикитайской оппозиции, разумеется, не осталось незамеченным цинскими властями и, наряду с прочими причинами, побудило их реорганизовать систему управления Тибетом. Как замечает Л.Е.Роуз, «есть определенная ирония в том, что Тибет, больше всех пострадавший от войны, стал первым объектом проводившейся Китаем политики ограничения широкой автономии, которую Лхаса и Шигацзе проводили при прежнем порядке. Пекин постарался обуздать те фракции в Тибете, которые подозревались в явной враждебности к преобладавшему китайскому влиянию»⁶⁷.

Нововведения в Тибете начались с реформирования административной системы. Официальной причиной для этого послужили факты коррумпированности тибетского чиновничества, собранные комиссией Фу Канъаня, а также вмешательство родственников Панчен-ламы IV и Далай-ламы VIII в государственные дела⁶⁸. Фу Канъань считал, что неэффективность и коррумпированность чиновничьего аппарата в Тибете прямо связаны с пассивной позицией маньчжурских амбаней, которые имели право участвовать в управлении страной, но этим правом не пользовались, занимая позицию наблюдателей: «В сущности, всеми делами в Тибете должен был управлять амбань; однако амбани издавна лишь занимали место и никогда не делали попытки принять участие в делах. Такое положение

сложилось не в один день. Это давняя традиция. Калуны, воспользовавшись тем, что далай-лама будучи чистым (от грехов этого мира), посвящает себя служению религии и не может заниматься общественными делами, используют авторитет и власть далай-ламы, чтобы, злоупотребляя (служебным положением), действовать в целях личного обогащения и вести себя самовольно во всех делах. (Итак), амбань раньше плохо представлял общую обстановку и отказывался от участия в делах, далай-лама же перепоручал все калунам, которые делали что хотели, так что дела в Тибете шли хуже день ото дня»⁶⁹.

В связи с этим было решено, что амбани получают самые широкие полномочия в управлении страной: «Главное управление Тибета по всем частям гражданского устройства вверяется сим амбаням. Они назначаются и перемещаются по воле самого Хуанди. Поелику главное управление Тибета возлагается на двух наших амбаней, туда посылаемых, то им, как сановникам, облеченным столь важною доверенностию от государя, предоставляется право равенства в отношении к Далай-ламе и Баньчень Эрдени, с которыми они во всех случаях должны поступать как с равными себе; а прочие власти, там находящиеся, начиная с Габлуней до последнего тангутского чиновника, также и всех лам, отправляющих общественные должности, почитать непосредственно себе подчиненными»⁷⁰. Таким образом, амбани были приравнены к высшим церковным иерархам, в то время как остальные чиновники рассматривались как их подчиненные. Далай-лама и Панчен-лама были лишены права напрямую обращаться к трону: они должны были обращаться к амбаням, которые могли сообщить в Пекин об интересующих иерархов вопросах.

«Все тибетские гражданские и духовные чиновники, — отмечает В.Рокхилл, — были обязаны по всем важным вопросам подчиняться решениям амбаней, включая назначение на высокие должности, правосудие, финансы и другие дела. Амбани стали ответственными за пограничную безопасность, эффективность туземного военного набора, управление финансовыми делами и, наконец, последнее и весьма существенное — они осуществляли контроль за иностранными связями и торговлей, чем тибетская администрация оказалась совершенно неспособной руководить»⁷¹. Количество церковных и светских

чиновников, равно как и положенное им жалованье, стали строго регламентироваться. Все чиновники, кроме самых низших, назначались Далай-ламой и Панчен-ламой совместно с амбанями; члены Совета министров назначались указом из Пекина по рекомендации амбаней.

Все контакты с иностранными государствами были поставлены под строгий контроль амбаней: Далай-лама не мог ни принять, ни отослать каких-либо писем или подарков без санкции амбаней. Даже связи религиозного характера с пригималайскими государствами были поставлены под надзор имперских резидентов: «Когда посольство от народа Булукпа (Бутан. — *Е.Б.*), который, следуя издавна вероисповеданию так называемой красной секты, присылает ежегодно посольство к Далай-ламе и приношения, прибудет к пределам Тибета, также посольство от Чхэ-мынь-сюн-цзунь, Муло-минь-да и тому подобных малых княжеств, то военные чиновники, находящиеся на границе с вверенным им войском, обязаны переписать всех людей, составляющих таковые посольства, и точные списки числу людей с каждым из них присылать к амбаням-правителям, и потом впускать внутрь Тибета только тех людей, о коих сделано ими донесение. ...По прибытии сих посольств ко двору Далай-ламы и по засвидетельствовании ему своего высокопочитания, первенствующие из них обязаны явиться к находящемуся там амбаню и объявить ему о причине прибытия»⁷². Министрам Кашага «ни под каким видом не позволяется входить в переписку ни с одним из иностранных дворов и народов» под угрозой лишения должности⁷³. Можно считать, что эти меры означали «закрытие» Тибета — спустя почти 40 лет после начала этого процесса в Собственно Китае.

Особенно жестко должны были контролироваться отношения Тибета с Непалом: «Всякого рода сношения между Тибетом и княжеством Корка должны производиться исключительно чрез одних амбаней-правителей»⁷⁴. Но, как установила цинская комиссия, финансовая система Тибета зависела от непальского монетного двора и торговли с Непалом. Когда это обстоятельство стало известным императору Хун Ли, он счел недопустимым, чтобы «внешнее владение» пользовалось иностранной валютой. «(Внастоящее время) внутренние и внешние земли нашего государства объединены. (Повсюду) одна колея

и одна письменность. Почему же этот крошечный Тибет непременно должен употреблять деньги внешних варваров? — с возмущением вопрошал император. — К тому же они (непальцы. — *А.М.*) меняют отчеканенную монету на серебро в слитках, а затем добавляют туда медь и вновь меняют в Тибете. (Этот) непрерывный обмен (приводит к тому, что) тибетское серебро постепенно выменивается гурками, что совершенно недопустимо. Если отливать деньги во внутренних землях и (затем) перевозить (их), то маршрут окажется очень длинным, вдобавок еще за заставами много труднопроходимых мест, и перевозить будет очень трудно. (Поэтому) лучше в самом Тибете по образцу внутренних земель устроить плавильные печи и командировать туда мастеров. Когда они начнут работу, то амбань будет руководить персоналом и контролировать производство. Тогда не будет ни упущений, ни недостатков»⁷⁵.

Итак, было решено наладить в Тибете выпуск китайской валюты, а старые непальские монеты собрать и переплавить в новую валюту. Для устранения экономических причин непало-тибетских разногласий было решено не допускать более непальских торговцев в Тибет⁷⁶.

Разумеется, не был обойден и вопрос о тибетской армии. Первая попытка создать регулярную тибетскую армию была предпринята во времена Полханаса, когда была организована северная оборонительная система, предназначенная для отпора возможной джунгарской агрессии. Тогда, наряду с небольшими цинскими войсками, использовались и солдаты тибетской армии. После мятежа Чжурмэд-Намчжала в 1750 г. дамские хошоуты (дамсоки) — самая боеспособная часть тибетской армии — были поставлены под контроль цинских резидентов-амбаней; на них была распространена знаменная система, такая же, как и в других «внешних владениях» с монгольским населением. Воины же тибетского происхождения направлялись на службу в пограничные форты на юге, где, в условиях сорокалетнего спокойствия на границе, они постепенно утратили свои боевые навыки. Ополчение, собранное на скорую руку, не могло заменить регулярной армии в случае вторжения врага. Война с Непалом показала явное превосходство непальской армии над тибетским ополчением и неспособность последнего защитить страну без помощи китайских войск. Это оз-

начало, что Тибет не может эффективно выполнять свою роль буферной территории между внешним миром и Собственно Китаем.

Вследствие этого было решено создать регулярное тибетское войско численностью в 3 000 человек, из которых 1 000 воинов должны были находиться во Внутреннем Тибете, другие 1 000 человек — во Внешнем Тибете, и по 500 человек в крепостях Данцзы и Ганчжи, «устроенных в горных проходах по большой дороге»⁷⁷. Солдаты набирались на месте, соответственно во Внутреннем и Внешнем Тибете. Каждые 1 000 тибетских воинов вооружались следующим образом: 500 человек получали кремневые ружья (порох закупался в Китае, пули отливались на месте), 300 человек — луки и стрелы, 200 — сабли и копья.

Обучение тибетских воинов боевому искусству возлагалось на китайских и маньчжурских офицеров из гарнизонов, расквартированных в Тибете. Маньчжурские амбани были обязаны во время периодических объездов Тибета устраивать военные смотры, и по результатам этих смотров награждать отличившихся или наказывать нерадивых воинов. Результаты смотров сообщались в Пекин, в Военную палату⁷⁸. Офицеры тибетского войска были тибетцами по происхождению, но подчинялись они китайским полковникам. Рядовые воины получали натуральное довольствие, младшие и средние офицеры — жалование серебром, старшие офицеры (дайбуны) — участки пахотной земли.

Относительно небольшая, но хорошо обученная регулярная армия могла обеспечить охрану границ Тибета в мирное время и даже задержать наступление превосходящих вражеских сил; затем, до прибытия крупных китайских войск, на помощь регулярной армии должно было прийти тибетское ополчение. Как сообщает С.Ч. Дас, «кроме регулярной армии правительство, в случае надобности, может созвать все силы страны; тогда каждое семейство должно доставить в армию по одному вполне экипированному и снабженному продовольствием человеку, а каждый землевладелец посылает по одному человеку с каждого кана принадлежащей ему земли и слугу, который должен нести продовольствие солдата. Калоны, цзонпони, дахпони и другие начальствующие лица выставляют известное число

всадников (та-маг), причем все, имеющие лошадь, зачисляются в этот род войск»⁷⁹. Общее количество воинов, включая ополченцев, достигало 64 000, из которых 14 000 человек относились к кавалерии⁸⁰.

Таким образом, административная, военная и прочие реформы, проведенные в Тибете в конце XVIII в., привели это «внешнее владение» в такое состояние, когда оно могло с успехом выполнять одну из главных своих функций — функцию буферной территории. Что же касается второй важной функции Тибета — функции идеологического центра, послушно выполняющего волю Цинов и религиозными средствами обеспечивающего повиновение буддистов императорскому двору, — то здесь с точки зрения Пекина было сделано далеко не все.

Высшие тибетские священнослужители были обязаны регулярно отправлять в Пекин даннические миссии с данью из «местных продуктов» (состоявшей, по большей части, из предметов буддийского культа) и получать ответные дары в установленном размере. В этом смысле положение Далай-ламы, Панчен-ламы и других буддийских иерархов ничем не отличалось от положения вассалов из других внешних владений, с той лишь разницей, что они не были обязаны представлять дань ко двору лично, а могли делать это через своих представителей⁸¹. Как уже отмечалось выше, любые возможные связи тибетских иерархов с иностранными государствами были поставлены под жесткий цинский контроль и, таким образом, времена Панчен-ламы III ушли безвозвратно. Но, как показали события, происшедшие в течение двух тибето-непальских войн, в стране существовала скрытая антицинская оппозиция, которая в условиях теократического правления, могла группироваться вокруг одного из двух главных иерархов. Как нам представляется, в 80-х — начале 90-х годов XVIII в. такая скрытая оппозиция сложилась в Цзане, причем ее центром был монастырь Ташилунпо. На это указывают такие косвенные признаки, как стремление цзанского духовенства избежать китайского военного вмешательства в период 1-й тибето-непальской войны, при одновременном обращении за помощью к английской администрации в Индии (причем Чжунба, регент Панчен-ламы IV, буквально умолял Ч. Корнуоллиса сохранить англо-тибетскую переписку в тайне от императора Хун Ли)⁸²,

радостная встреча непальских войск в «красношапочных» монастырях Цзана, антицинская, по своей сути, деятельность Шамарбы в Непале. Правда, ни Панчен-лама IV, ни Далай-лама VIII лично не проявили каких-либо антицинских настроений, но слишком уж тесными были родственные связи между ними и теми, кого Цины считали «мятежниками» или виновными в возникновении непало-тибетского конфликта. Вот как пишет об этом В.В. Рокхилл: «Мать великого Панчена Римпоче Балдана Ешея была близкой родственницей раджи Ладака; два его брата были хутухтами, один в Желтой церкви, другой — в Красной (Чжунба и Шамарба. — *Е.Б.*), в то время как его сводная сестра была женским перерождением Дордже-Пхагмо. Один из его братьев стал регентом Внешнего Тибета по его смерти. Этот Панчен-лама избрал Далай-ламу VIII Чжампала Чжамцо, из выдающейся семьи Внешнего Тибета, а последний, в свою очередь, сделал его первого кузена Панчен-ламой по смерти Балдана Ешея»⁸³. В этих условиях, когда почти все иерархи Тибета были связаны родственными или иными узами, любые антикитайские тенденции в этой среде могли стать весьма опасными для Цинов.

В связи с этим в Пекине было решено поставить под свой контроль процедуру нахождения и избрания перерожденцев.

В феврале 1793 г. император Хун Ли издал эдикт, в котором с негодованием отметил, что при избрании перерожденцев допускаются различные злоупотребления. Правда, император, не задевая прямо крупных иерархов, обвинил в злоупотреблениях лам-прорицателей: «Они более всего ориентируются на личные пристрастия, и бессмысленно избирают (чтобы заполнить вакансии на эти посты) либо детей женского пола, либо членов семей монгольских ханов, князей или герцогов, так что эти посты стали выглядеть ничем иным, как наследственной привилегией монгольских князей, герцогов или знаменитых. Но ведь буддийский закон не признает такого принципа!»⁸⁴ Далее в эдикте сообщалось, что для пресечения в будущем подобных злоупотреблений, из Пекина в Лхасу будет доставлена золотая урна, которая должна быть использована для избрания перерожденца из нескольких заранее намеченных кандидатов. Кандидатуры перерожденцев заранее согласовывались с амбанями; затем имена и даты рождения кандидатов

писались на полосках бумаги, которые опускались в золотую урну. «Далай-лама затем должен был провести религиозную церемонию, после чего он, при помощи амбана, должен в присутствии народа взять бумажную полоску из урны и держать ее так, чтобы все могли ее видеть: это и будет перерожденец (хубилган)»⁸⁵.

Установив контроль над избранием перерожденцев в Тибете (равно как и в Монголии), Цины тем самым могли предотвратить концентрацию власти и богатств в руках одного клана, разбить наметившийся союз двух кланов или же просто отодвинуть в сторону неудобную им кандидатуру. Новая система избрания перерожденцев, конечно, не являлась прямым назначением иерарха на его пост Цинами, но была весьма близка к этому. Новые правила, введенные в Тибете в начале 90-х годов XVIII в., ставили главу тибетской церкви на вполне определенное место. Схематично систему управления Тибетом можно изобразить следующим образом: цинский император — Лифаньюань — амбани в Лхасе — Далай-лама — Кашаг — тибетский чиновничий аппарат.

Таким образом, к концу XVIII в. Тибет был полностью включен в состав империи Цин на правах «внешнего владения» (буферной территории). Он, как и другие «внешние владения», входил в буферный пояс, предохранявший Собственно Китай от иноземного вторжения; он управлялся согласно особому своду законов («Уложению») и при помощи особого правительственного органа (Лифаньюаня); маньчжурские резиденты, ранее выполнявшие функции наблюдателей, превратились в имперских наместников в Тибете. Теократические правители Тибета, тем не менее, продолжали считать себя партнерами цинских императоров по формуле «лама — милостынедатель». Современная тибетская религиозная эмиграция утверждает: «В XVIII веке маньчжурские силы трижды были в Тибете: один раз, чтобы защитить Тибет от нашествия войск непальских гурков в 1792 году, и дважды, чтобы восстановить порядок после гражданских войн 1728 и 1751 годов. Каждый раз это делалось по просьбе тибетцев, и каждый раз основанием акции служили отношения «чой — йон»⁸⁶.

Как нам представляется, отношения типа «лама — милостынедатель» между тибетскими иерархами и Цинской динас-

тией в конце XVIII в. были самообманом, призванным «сохранить лицо», не уронить престижа в глазах тибетского населения. Тибетские иерархи превратились в вассалов династии Цин, со всеми присущими вассалам обязанностями, и их партнерами были отнюдь не цинские императоры: по закону, равными им признавались цинские наместники-амбани. Разумеется, цинские монархи не могли запретить тибетским иерархам придерживаться тех взглядов на отношения Тибета и Китая, которые были самыми выгодными и удобными для тибетской церкви; но это их не беспокоило, поскольку буддийская церковь Тибета была уже полностью интегрирована в феодально-бюрократическую структуру Цинской империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение проблемы тибето-китайских отношений в XVII—XVIII вв. и роли тибетских лидеров в этом процессе позволяет сделать некоторые выводы.

Тибетское государство в VII—IX вв. было абсолютно независимым и проводило активную внешнюю политику. Характерной особенностью внешней политики Тибета в этот период был ее экспансионистский характер, обусловленный стремлением тибетских правителей расширить свою территорию или получить военную добычу в соседних странах. В этом плане отношения Тибета с Китаем ничем не отличались от отношений Тибета с другими государствами; более того, судя по историческим данным, Танский Китай был наиболее частым объектом тибетских набегов и даже платил Тибету дань в определенные периоды. Внешняя политика Тибета в этот период включала в себя такие моменты, как заключение союзных и мирных договоров, определение границы между Тибетом и Китаем, взаимную отставку посольств, междинастические браки, посредничество. Танская империя противопоставила тибетской внешней политике традиционную китаецентристскую внешнюю политику, которая, однако, оказалась неэффективной вследствие мощи тибетского государства.

Ситуация изменилась в результате распада тибетского государства и последовавшего за ним периода раздробленности (середина IX — середина XIII в.): Тибет перестал быть угрозой для Китая, а династия Сун (960—1279), занятая внутренними проблемами и защитой северных границ, в свою очередь, мало интересовалась тибетскими делами. В децентрализованном Тибете в этот период местный буддизм стал дробиться на секты, локализовавшиеся вокруг какого-либо местного монастыря и устанавливавшие отношения с местными феодальными кланами по религиозно-политическому принципу «лама — милостынедатель». Данная формула применялась в раздробленном Тибете как сугубо внутритибетская форма взаимоотношений местной буддийской секты и местной светской власти.

Возникновение в XIII в. в Центральной Азии мощной Монгольской державы и затем установление в Китае власти

монгольской династии Юань привело к насильственному разрушению изоляции Тибета. Использование политических методов и приемов периода централизованного государства в новых международных условиях оказалось невозможным, и в качестве нового внешнеполитического принципа выдвигается религиозно-политическая формула «лама — милостынедатель». Формально отношения «лама — милостынедатель» носили личностный характер, т. е. основывались на почитании юаньским императором своего духовного наставника; но фактически в Тибете был установлен монгольский (юаньский) протекторат. Поскольку «ламой» в этом союзе был верховный иерарх секты Сакьяпа, то именно ему была передана религиозная и светская власть над Страной снегов при верховном суверенитете юаньских императоров. Таким образом, установление тибето-китайских отношений по типу «лама — милостынедатель» сопровождалось установлением в Тибете теократии Сакьяпы. Эта взаимосвязанность тибетской теократии и чужеземного протектората проявлялась и в цинское время.

В середине XIV в. произошло почти одновременное свержение власти Сакьяпы в Тибете и династии Юань в Китае. Зависимость Тибета от Китая по формуле «лама — милостынедатель» закончилась. В Китае к власти пришла ханьская династия Мин (1368—1644), тогда как в Тибете власть поочередно захватывали (иногда сосуществуя одновременно) феодальные кланы Пхагмоду, Ринпунг и Цзанба. Ни одна из этих династий не смогла поставить под свой контроль всю страну или объединить ее идеологически. Более того, возникла враждебность между отдельными сектами тибетского буддизма, которые, пользуясь поддержкой своих светских приверженцев, развязали в стране перманентную религиозно-политическую борьбу. Хотя Тибет в середине XIV — начале XVII в. и не достиг того уровня децентрализации, какой был характерен для периода середины IX — середины XIII в., все же страна не стала единым государством. Внешняя политика Тибета носила в эти века чрезвычайно пассивный характер и ограничивалась религиозными, торговыми и культурными связями с внешним миром.

Политика Минского Китая в отношении Тибета была чрезвычайно сдержанной и осторожной. Заботясь прежде всего о безопасности своих северных границ, которым постоянно

угрожали вытесненные из Китая монголы, минские императоры, считавшие себя преемниками Юаней в отношении Тибета, заботились лишь о сохранении статус-кво на тибето-китайской границе. В связи с этим их политику можно условно разделить на официальную и пограничную. Официальная политика заключалась в признании Минами режима Пхагмоду в Тибете и раздаче почетных титулов иерархам буддийских сект, что означало «право» принесения «дани» минскому императору. Минская зависимость духовных лиц, получивших минские титулы, обернулась бесконечным потоком «посольств с данью», желавших получить ответные дары или продать тибетские товары в Китае. Разумеется, ни о какой реальной зависимости Тибета от Минской империи не могло быть и речи, поскольку буддийские иерархи зачастую распространяли свое влияние не далее одной провинции страны.

Пограничная политика Минской династии в отношении Тибета представляла собой сочетание системы «тусы» и экономического давления. Светская знать и буддийское духовенство тибетских племен в полосе тибето-китайской границы получали почетные титулы от минских властей, назначались «тусы» (старшинами) и имели право привозить «дань» ко двору. Картина с «данью» была такой же, как и в случае с иерархами сект во внутренних районах Тибета. Экономическое давление на население китайско-тибетского приграничья состояло в том, что династия Мин поставила под жесткий государственный контроль обмен китайского чая на тибетских лошадях, диктуя нормы обмена и прекращая процесс обмена в случае «неповиновения тибетских варваров». Другим аспектом китайской политики было стремление не допустить какого-либо союза тибетцев и монголов, поскольку объединившись, они могли представлять серьезную угрозу для Минской империи.

Однако, хотели того минские правители или нет, но в конце 70-х годов XVI в. отношения между тибетцами и монголами были восстановлены. В 1578 г. правитель сильного монгольского государства Алтан-хан Тумэтский и глава одной из конкурировавших между собой сект тибетского буддизма, секты Гелугпа, установили между собой союз по формуле «лама — милостынедатель». В тот момент тибето-монгольский союз не повлек за собой политических последствий, поскольку держа-

ва Алтан-хана вскоре распалась; но секта Гелугпа получила покровительство монгольского хана и право обращения монголов в буддизм, что она с успехом и выполнила. В дальнейшем, учитывая то обстоятельство, что в монгольской среде распространился главным образом «желтошапочный» буддизм, Гелугпа могла рассчитывать на помощь со стороны зарубежных покровителей в случае, если возникнет такая необходимость. Связь между Гелугпой и монгольскими «милостынедателями» укрепились настолько, что очередным Далай-ламой (главой секты Гелугпа) стал монгол по национальности.

В начале XVII в. монголы начали открыто вмешиваться в религиозно-политическую борьбу в Тибете, выступая на стороне Гелугпы. Тогда тибетские правители из династии Цзанба, являвшиеся приверженцами конкурирующей с Гелугпой секты Кармапы, постарались привлечь на свою сторону монгольских сторонников «красношапочного» буддизма, Лигдан-хана Чахарского и Цогта-тайчжи. Лигдан-хан вмешаться в тибетские распри не успел, но цзанские правители, Цогт-тайчжи, обосновавшийся в Кукуноре, и правитель владения Бэри из Кама, представляли вместе серьезную угрозу существованию Гелугпы. В связи с этим в 1633 г. руководство Гелугпы обратилось за помощью к джунгарским «милостынедателям».

В 1636 г. вождь джунгарских хошоутов Гуши-хан разгромил войска Цогта-тайчжи и захватил Кукунор. В 1640 г. он разгромил другого врага Гелугпы, правителя Бэри в Каме, а в 1642 г. вторгся в провинцию и покончил с династией Цзанба. Затем Гуши-хан, как в свое время монгольские императоры династии Юань, передал светскую и религиозную власть над Тибетом Далай-ламе V. Таким образом, в Тибете была установлена теократия Гелугпы при хошоутском протекторате в лице Гуши-хана и его потомков. Основным отличием от теократии Сакьяпы было то, что теократия Гелугпы в XVII в. была под хошоутским, а не китайским протекторатом. Кроме того, хошоутские «милостынедатели» остались жить в Тибете и со временем стали частью тибетского феодального класса, хотя и сохраняли претензии на особое положение в стране.

Далай-лама V воспользовался военным присутствием хошоутов в стране для создания централизованного феодально-теократического государства. Искусная внутренняя политика

Далай-ламы V и невмешательство хошоутских ханов в административные дела привели к тому, что хошоутский протекторат постепенно превратился в формальную зависимость. Довольно успешной была и внешняя политика Далай-ламы V (за исключением отношений с Бутаном).

Отношения Тибета с Цинским Китаем были установлены в результате визита Далай-ламы V в Пекин в 1652—1653 гг. Но тибетская и китайская стороны по-разному трактовали результаты встречи тибетского иерарха с цинским императором Фу Линем: если первые полагали, что были установлены личностные отношения по типу «лама — милостынедатель», то вторые рассматривали отношения с тибетским лидером по столь же привычной схеме «сюзерен — вассал», т. е. под чисто политическим углом зрения. Если тибетский лидер восстановил отношения с Китаем исходя из необходимости иметь нормальные отношения с сильным соседним государством, к тому же со значительной долей буддийского населения в лице монголов, то для Цинов Тибет был интересен, во-первых, в плане «умиротворяющего» влияния тибетской церкви на монголов, а во-вторых, в плане непосредственного поглощения империей (как более отдаленная задача).

В период правления Далай-ламы V два принципиально различных подхода к тибето-китайским отношениям — тибетский и китайский — существовали как бы параллельно, не противореча друг другу. Если тибетские и китайские лидеры и замечали определенные неувязки в своих отношениях, то не акцентировали на них внимание, поскольку ни одна из сторон пока не могла навязать свою волю другой.

Смерть «Великого Пятого» в 1682 г. почти совпала с окончательным покорением Китая маньчжурами. С этого момента династия Цин начала широкую внешнюю экспансию, сначала на Дальнем Востоке, а затем в Центральной Азии. Тибетской буддийской церкви была отведена в цинских планах значительная роль: она должна была помогать Цинам покорять, а затем удерживать под контролем монгольское население. Однако Цинов ожидало разочарование: тибетская церковь, не заинтересованная в ослаблении монгольских и джунгарских «милостынедателей», выступила как добросовестный посредник в джунгаро-халхаских и джунгаро-цинских конфликтах. Это выз-

вало гнев императора Сюань Е, обвинившего дасрида Санчжая Чжамцо в интригах против Цинской империи и в сговоре с джунгарским ханом Галданом. Не имея реальных доказательств этих «подрывных» действий, император использовал то обстоятельство, что Санчжай Чжамцо скрыл смерть Далай-ламы V и тем самым не только узурпировал власть в Тибете, но и якобы нанес ущерб религии. Поза «защитника буддизма» позволила императору Сюань Е выступить с угрозами в адрес дэрида, иначе говоря, в адрес Тибета. Неудачный выбор преемника «Великого Пятого», сделанный дэридом, дал новый козырь цинскому императору. К просчетам внутренней и внешней политики Санчжая Чжамцо следует отнести и недооценку степени хошоутского могущества в Тибете. Очередной хошоутский хан, Лхавзан, воспользовавшись промахами Санчжая Чжамцо, убил дэрида и захватил власть в стране.

Открытые угрозы Цинов в адрес тибетского лидера ознаменовали начало нового этапа в тибето-китайских отношениях. Но, ввиду занятости цинского двора установлением своего режима в Северной Монголии, цинские угрозы не имели для Тибета политических последствий. Тем не менее в Пекине были сделаны выводы, что, во-первых, следует установить непосредственный контроль над тибетской церковью (что предполагало установление контроля над самим Тибетом) и, во-вторых, что необходимо создать местные буддийские церкви в Северной и Южной Монголии, контролируемые не Лхасой, а Пекином. Вторая из этих задач была решена в конце XVII в.

Захват власти в Тибете хошоутским Лхавзан-ханом и сложение в 1702 г. Далай-ламой VI с себя духовного сана означали окончание теократии Гелугпы, установленной в 1642 г. при хошоутском протекторате. Чувствуя неприязнь к себе со стороны верхушки Гелугпы, Лхавзан-хан попытался заручиться моральной поддержкой цинского двора, сообщив в Пекин о ситуации в Тибете. Цинский император Сюань Е использовал это как повод для вмешательства в тибетские дела, «рекомендовав» сместить и выслать из Тибета Далай-ламу VI. Высылка Далай-ламы VI из Тибета и его последующая смерть, а также интронизация ставленника Лхавзан-хана означали нарушение церковных традиций, что усилило враждебность высшего духовенства к хану. Не меньшее негодование действия Лхавзана

вызвали в Кукуноре, где проживала другая ветвь потомков Гуши-хана. Император Сюань Е поспешил воспользоваться удобным случаем для реального подчинения Тибета, и направил туда цинского «администратора по делам Тибета». Однако Сюань Е переоценил слабость Лхавзана, который, несмотря на враждебность духовенства и появление в Литане перерожденца Далай-ламы VI, сумел привлечь на свою сторону светских аристократов и Панчен-ламу II. Попытка поставить Тибет под контроль «мирным» путем не удалась, и цинский представитель был отозван.

Руководство Гелугпы, считая Лхавзана нарушителем религиозных норм и чуть ли не еретиком, обратилось к джунгарскому хану Цэван-Рабдану с просьбой о «защите религии». Джунгары вторглись в Тибет, и Лхавзан-хан погиб, успев, однако, обратиться за помощью в Пекин.

Джунгарский хан Цэван-Рабдан не сумел установить отношения с Тибетом по формуле «лама — милостынедатель», поскольку «истинный» Далай-лама VII оставался на цинской территории. Джунгары пытались осуществить в Тибете некоторые преобразования, отвечавшие интересам Гелугпы, но их насилия лишили их симпатий тибетского населения. Сложилась чрезвычайно благоприятная ситуация для реализации цинских планов в отношении Тибета, и император Сюань Е мастерски ею воспользовался. Цинские войска изгнали джунгаров из Тибета и в 1720 г. интронизировали Далай-ламу VII; тем самым хошоутский протекторат над Тибетом был заменен китайским.

Китайский протекторат, установленный Цинами в Тибете в 1720 г., не походил ни на хошоутский, ни на юаньский: Цины передали Далай-ламе VII только религиозную власть, в то время как Юани и хошоуты передали и светскую тоже; таким образом, теократия Гелугпы времен «Великого Пятого» и Санчжая Чжамцо не была восстановлена. Отношения «лама — милостынедатель» не были установлены даже на личностном уровне, т. к. ни император Сюань Е, ни сменившие его Инь Чжэн и Хун Ли никогда лично с Далай-ламой VII не встречались. Далай-лама VII и Панчен-лама II были обязаны присылать в Пекин дань, как и все другие вассалы. Иначе говоря, между Цинами и тибетскими иерархами были установлены от-

ношения по типу «вассал — сюзерен», а не «лама — милостынедатель», как бы ни пытались уверять в обратном буддийские иерархи. Об этом же свидетельствовала и аннексия Цинами в 20-х годах XVIII в. Восточного Тибета, и выдвижение на пост главы тибетского правительства доверенного лица из числа тибетских аристократов — Канченнаса. Канченнас, будучи верным слугой Цинов, рьяно выполнял все распоряжения Пекина, в том числе и те, которые противоречили тибетским традициям или интересам страны. Бездумная исполнительность Канченнаса и отрицательные черты его характера вызвали непопулярность этого деятеля в стране и неприязнь со стороны его коллег, которые убили премьер-министра. Заговор 1727 г. был, несомненно, верхушечным, однако он отражал недовольство тибетского населения правлением цинского ставленника и потому носил характер антицинского движения.

В 1727—1728 гг. в Тибете произошла гражданская война, завершившаяся победой процински настроенного Полханаса и новым походом китайских войск в Тибет. Система управления в Тибете была изменена: премьер-министром стал Полханас, которому Цины безусловно доверяли и который сам подбирал министров по принципу личной преданности; в Лхасе и в Чамдо были поставлены китайские гарнизоны; в Тибете стали постоянно находиться резиденты (амбани), являвшиеся наблюдателями и информаторами императора; Далай-лама VII, в связи с причастностью его отца к заговору 1727 г., был на несколько лет сослан в Восточный Тибет. Желая расколоть верхушку тибетской церкви, Цины попытались создать противовес Далай-ламе VII в лице Панчен-ламы II, которому отдали в управление несколько территорий. Таким образом, начиная с 1728 г. наступил новый этап китайской политики в Тибете, весьма далекий от идиллического союза «лама — милостынедатель»: Цины распоряжались территорией Тибета, казнили или выслали его руководителей, включая иерархов и т. п. Тибет должен был быть готов к новой роли в рамках Цинской империи: он, как и другие зависимые территории, должен был служить буфером, защищающим Собственно Китай от внешней угрозы, а тибетская церковь должна была стать послушным орудием Цинов для «умиротворения» монголов. Главная роль в подготовке Тибета к его новым задачам отводилась Полханасу.

Полханас проявил себя как опытный и умелый администратор, сумев стабилизировать внутреннюю обстановку в стране и укрепив ее экономику. Его внешняя политика была также весьма успешной: ряд пригималайских государств признали свою номинальную зависимость от Тибета, что в Пекине расценивали как вассалитет по отношению к Цинской империи в целом. Под руководством Полханаса была создана небольшая тибетская армия, способная противостоять некоторое время натиску джунгаров. Все это вызывало одобрение в Пекине, т. к. Полханас успешно превращал Тибет в буферную территорию. Другая задача Полханаса, связанная с подчинением тибетской церкви Цинам, выполнялась не столь успешно: несмотря на огромные усилия Полханаса наладить отношения с духовенством Гелугпы, его считали слишком симпатизирующим секте Нинмапа, покровителем капуцинов и т. п. Не сложились и личные отношения Полханаса с Далай-ламой VII, который считал, что правитель ограничивает его и без того скудную автономию. В 1747 г. этот верный вассал Цинов умер. Его деятельность объективно способствовала усилению китайского протектората над Тибетом.

Широкая автономия, которой пользовался Тибет благодаря доверию Цинов к Полханасу, укрепление экономики и создание тибетской армии оживили тягу тибетцев к независимости. Выразителем антицинских настроений стал сын Полханаса, Чжурмэд-Намчжал. Воспользовавшись ослаблением бдительности Цинов в связи многолетним спокойствием в Тибете и установившимся миром с Джунгарским ханством, он начал подготовку к антикитайскому выступлению. В своих расчетах он опирался на подконтрольность ему тибетской армии и предполагавшуюся помощь джунгаров; ни народные массы, ни аристократия, ни церковь в расчет не принимались. Причина этого крылась в личных качествах Чжурмэд-Намчжала, обладавшего жестоким и деспотическим характером: он сумел испортить отношения со всеми. Когда в 1750 г. Чжурмэд-Намчжал был убит амбаниями, страна осталась спокойной, а буддийская церковь в лице Далай-ламы VII заняла сторону Цинов.

Неудавшееся восстание Чжурмэд-Намчжала привело к очередной перестройке системы управления в Тибете. Духовная и светская власть в стране была передана Далай-ламе VII,

т. е. произошло восстановление теократии Гелугпы. Но между этой теократией и теократией XVII в. была заметная разница: если раньше Далай-лама V имел в своем распоряжении дэсрида, выполнявшего его приказы, то теперь при нем был Совет министров из 4-х человек, назначавшихся с согласия цинского императора; в заседаниях Совета министров могли участвовать цинские резиденты (как советники и наблюдатели); амбаням подчинялся китайский гарнизон и почтовая служба. Сам Далай-лама VII ставился в один ряд с руководителями региональных монгольских церквей, т. е. его значение как главы северного буддизма принижалось. Таким образом, заговорщическая деятельность Чжурмэд-Намчжала принесла Тибету больше вреда, чем пользы: китайский протекторат в Стране снегов укрепился, и страна еще на шаг приблизилась к полной потере независимости. Разумеется, в чисто пропагандистском плане восстановление теократии Гелугпы истолковывалось тибетским духовенством в духе отношений «лама — милостынедатель» с Цинами.

Реальное теократическое правление Далай-ламы VII продолжалось недолго. После его смерти в 1757 г. был найден его перерожденец, Далай-лама VIII, но сначала из-за его малолетства, а затем из-за нежелания заниматься административными вопросами, светская власть была сосредоточена в руках регентов. Религиозная власть до 1780 г. перешла к Панчен-ламе III. Этот выдающийся тибетский лидер сознавал ущербность теократии, установленной в середине XVIII в., по сравнению с временами «Великого Пятого». Являясь фактическим главой церкви, Панчен-лама III развил активную внешнеполитическую деятельность в южном направлении, стремясь использовать новую политическую обстановку к югу от Гималаев в интересах Тибета. Он попытался добиться полной самостоятельности тибетских буддийских иерархов во внутренних делах Тибета и широкой автономии во внешних, при сохранении номинального контроля Цинов, что во многом напоминало ситуацию в XVII в. Однако в Пекине эти планы были расценены как стремление освободиться от цинской зависимости вообще. Способом достижения своих целей Панчен-лама III избрал путь придворных интриг (использование влияния Чжанчжа-хутухты II) и собственного религиозного влияния на китайского импера-

тора (по формуле «лама — милостынедатель»). Этот наивный план не только не имел успеха, но и привел к гибели Панчен-ламы III.

В 1788 г. произошло нападение непальской армии на Тибет, вызванное в основном причинами экономического характера. Из Китая на помощь Тибету были присланы войска, которые, однако, не стали воевать с непальцами. Вместо этого был заключен мирный договор, предусматривавший наряду с прочим выплату непальцам ежегодной дани. Позорный для Цинской империи непало-тибетский договор был, по сути дела, скрыт от Пекина. Но из-за неспособности Тибета платить громадную дань разразилась вторая тибето-непальская война 1791—1793 гг. На этот раз была послана более крупная китайская армия, совместно с тибетцами дошедшая до столицы Непала и заставившая Непал признать вассальную зависимость от Цинской империи. Непал, с точки зрения Цинов, вошел в зону цинского влияния, окружавшую «внешние владения» Китая (в данном случае Тибет).

Непало-тибетские войны показали цинскому правительству, что Тибет не справляется с двумя своими главными обязанностями в рамках империи: служить буферной зоной и одновременно быть послушным идеологическим центром. Кроме того, в Тибете обнаружилась скрытая антицинская оппозиция. В этой связи в Тибете были проведены административные реформы, состоявшие в том, что цинские резиденты были уравнены в правах с Далай-ламой и Панчен-ламой, а все тибетские чиновники были им подчинены. Члены Совета министров назначались указом из Пекина по рекомендации амбаней; все иностранные дела, включая религиозные контакты, были поставлены под контроль амбаней. Тибет, как и остальные части Цинской империи, должен был проводить политику «самоизоляции». Была воссоздана регулярная тибетская армия, фактически развалившаяся после мятежа Чжурмэд-Намчжала. Эта армия, поставленная под контроль резидентов, должна была защищать Тибет в течение времени, необходимого для подхода крупной китайской армии, в чем и состояла роль буферной территории. Что же касается буддийской церкви, то в 1793 г. был издан императорский указ, поставивший процедуру избрания перерожденцев под жесткий цинский контроль. Таким

образом, схему управления Тибетом можно изобразить следующим образом: цинский император — Лифаньюань — амбани в Лхасе — Далай-лама — Кашаг — тибетский чиновничий аппарат.

Итак, к концу XVIII в. Тибет был полностью включен в состав империи Цин на правах «внешнего владения» (буферной территории). Он, как и другие «внешние владения», входил в буферный пояс, предохранявший Собственно Китай от иноземного вторжения; он управлялся согласно особому своду законов («Уложению») и при помощи особого правительственного органа (Лифаньюаня); маньчжурские резиденты, ранее выполнявшие функции наблюдателей, превратились в имперских наместников в Тибете. Тибетские иерархи превратились в вассалов династии Цин, со всеми присущими вассалам обязанностями. Сами иерархи продолжали считать себя партнерами цинских императоров по формуле «лама — милостынедатель», но это был самообман, призванный сохранить престиж церковного руководства в глазах тибетского населения. В реальной жизни их партнерами законодательно признавались не императоры, а цинские наместники-амбани. С другой стороны, притязания тибетских иерархов не отвергались прямо цинскими монархами, поскольку положение «защитников» буддизма было для них весьма выгодно.

Роль тибетских лидеров в тибето-китайских отношениях XVII—XVIII вв. была далеко не однозначна. Из семи рассмотренных выше лидеров лишь двое были церковными иерархами; у пяти светских лидеров, в ходе их политической деятельности, возникали определенные проблемы в отношениях с буддийской церковью. Эти трения в отношениях церковной и светской власти были выгодны цинским императорам, использовавшим их для усиления своего влияния в Тибете. Большинство тибетских лидеров стремились сделать Тибет независимым государством, но, выражая интересы определенных тибетских кругов, религиозных или политических группировок, они были вынуждены ориентироваться на сильную иностранную державу, что неминуемо вело к потере Тибетом независимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834; Он же. Статистическое описание Китайской империи. Т. 2. СПб., 1842; Описание Тибета в нынешнем его состоянии. СПб., 1828.

² Бичурин Н.Я. (Иакинф). Статистическое описание... Т. 2. С. 161.

³ Описание Тибета в нынешнем его состоянии. С. 205.

⁴ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Статистическое описание... Т. 2. С. 147—148.

⁵ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов... С. 72.

⁶ Там же. С. 91.

⁷ Там же. С. 82.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 92.

¹⁰ Там же. С. 92—98.

¹¹ Там же. С. 93—94.

¹² Там же. С. 91.

¹³ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Статистическое описание... С. 162.

¹⁴ Он же. Историческое обозрение ойратов... С. 95.

¹⁵ Он же. Статистическое описание... С. 148.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Описание Тибета в нынешнем его состоянии. С. 220—221.

¹⁸ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Статистическое описание... С. 156.

¹⁹ Там же. С. 157.

²⁰ Илларион. Очерк истории сношений Китая с Тибетом // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т.3. СПб., 1853.

²¹ К.Вл. История Тибета: Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1901. Т. 33.

²² Сувиоров Н.И. Тибет. СПб., 1905.

²³ Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1918.

²⁴ Попов И. Ламаизм в Тибете. Казань, 1898. С. 191.

²⁵ Там же. С. 190.

²⁶ Там же.

²⁷ Кара-Мурза Г.С. К постановке национального вопроса в Китае // Проблемы Китая. № 13. М., 1934. С. 46—47.

²⁸ Харнский К.А. Китай с древнейших времен до наших дней. Владивосток, 1927. С. 290.

- ²⁹ Там же. С. 292.
- ³⁰ Там же. С. 281.
- ³¹ Там же. С. 294.
- ³² Фесенко П.И. Новая история Китая. Вып. 1. М., 1936. С. 235.
- ³³ Думан Л.И. Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. М.; Л., 1936. С. 58—60.
- ³⁴ Кара-Мурза Г.С. Очерки по новой истории Китая. Вып. 1. М., 1939. С. 9.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Тибет: Большая советская энциклопедия. Т. 54. М., 1946.
- ³⁷ История Китая. М., 1998. С. 619.
- ³⁸ Леонтьев В.П. Против извращения истории китайско-тибетских отношений // Краткие сообщения Института востоковедения. Т. 10. М., 1953. С. 108.
- ³⁹ Там же. С. 107.
- ⁴⁰ Там же. С. 108.
- ⁴¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Статистическое описание... Т. 2. С. 148.
- ⁴² Гуревич Б.П. Освобождение Тибета. М., 1958. С. 6.
- ⁴³ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964. С. 224—225.
- ⁴⁴ Там же. С. 226.
- ⁴⁵ Там же. С. 238.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Мартынов А.С. О некоторых особенностях политики цинского правительства в Тибете в конце XVIII в. (предыстория маньчжурского похода в Непал в 1792 г.) // Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966. С. 243.
- ⁴⁸ Там же. С. 253.
- ⁴⁹ Там же. С. 244.
- ⁵⁰ Богословский В.А., Гуревич Б.П., Думан Л.И. Тибет: Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973. С. 209.
- ⁵¹ Думан Л.И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи в древности и средневековье. Л., 1970; Он же. Традиции во внешней политике Китая // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972.
- ⁵² Бокшанин А.А. Особенности внешних отношений империи Мин и вопросы преемственности // Китай: традиции и современность. М., 1976.
- ⁵³ Мартынов А.С. Традиция и политика в период Цяньлун // Конфуцианство в Китае (проблемы теории и практики). М., 1982.
- ⁵⁴ Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М., 1978. С. 184.

- ⁵⁵ Там же. С. 185.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. С. 155.
- ⁵⁸ Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках... С. 225.
- ⁵⁹ Там же. С. 234.
- ⁶⁰ Кулешов Н.С. Китай — пригималайские страны и Индия // Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982. С. 232.
- ⁶¹ История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986. С. 259.
- ⁶² Там же. С. 259.
- ⁶³ Болсохоева Н.Д. Дэсрид Санчжяй Чжамцо — ученый-энциклопедист средневекового Тибета // Источниковедение и текстология памятников средневековых наук в странах Центральной Азии. Новосибирск, 1989; Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977; Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979; Дугаров Р.Н. Буддизм в Монголии и Кукуноре (Амдо) в XVI—XVII вв. Улан-Удэ, 1999; Он же. Кукунорские ханства в XV—XVIII вв. Улан-Удэ, 1999; Он же. Очерки истории и культуры Амдо: VII—XIX вв. Улан-Удэ, 1995; Он же. Теократия в истории средневековой Монголии. Улан-Удэ, 1999; Кычанов Е.И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск, 1980; Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги Страны снегов. М., 1975; Савицкий Л.С. Введение // Цаньян Чжамцо. Песни, приятные для уха. М., 1983; Ларин В.Л. Система тусы в период Цин // Народы Азии и Африки. 1990. № 3; Островская Е.А. Буддийский университет в духовной культуре средневекового Тибета // Восток. 1997. № 1; Прусаускаене И.А. Некоторые традиции в политике Центрального правительства Китая в отношении Тибета // 4-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М., 1973; Она же. Система управления в Восточном Тибете (XVIII — первая половина XX в.) // Государство и общество в Китае. М., 1978; Рерих Ю.Н. Монголо-тибетские отношения в XVI — начале XVII вв. // Монгольский сборник. М., 1959; Санчилов В.П. Теократия в Тибете и роль Гуши-хана в ее окончательном утверждении // Ламаизм в Калмыкии. Элиста, 1977; Успенский В.Л. Ламаистский Пекин: от Шуньчжи до Даогуана // Восток. 1996. № 4; Ходжаев А. Захват Цинским Китаем Джунгарии и Восточного Туркестана // Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982; Чимитдоржиев Ш.Б. Халхаский Цогт-гайджи (1582—1637) // Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1980.
- ⁶⁴ Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977. С. 48.
- ⁶⁵ Доронин Б.Г. Завоевание Китая маньчжурами и официальная китайская историография XVII—XVIII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. Л., 1987. С. 93.

- ⁶⁶ Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии // Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 3. СПб., 1883. С. 331.
- ⁶⁷ Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. СПб., 1895. С. 353.
- ⁶⁸ Li Ung Bing. Outlines of Chinese History. Shanghai, 1914. P. 98.
- ⁶⁹ Ibid. P. 402—403.
- ⁷⁰ Ibid. P. 431.
- ⁷¹ Ibid. P. 434.
- ⁷² Hsu Shusi. An Introduction to Sino-Foreign Relations. Shanghai, 1941. P. 4.
- ⁷³ Ibid. P. 5.
- ⁷⁴ Ibid. P. 12.
- ⁷⁵ Цит. по: Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911—1949). М., 1984. С. 76.
- ⁷⁶ Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн. М., 1959. С. 553.
- ⁷⁷ Там же. С. 557.
- ⁷⁸ Там же. С. 553.
- ⁷⁹ Там же. С. 556.
- ⁸⁰ Tung Chiming. An Outline History of China. Peking, 1959. P. 199.
- ⁸¹ Ibid. P. 197.
- ⁸² Лю Данянь. О Канси // Историческая наука в КНР. М., 1971. С. 263.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Доронин Б.Г. Современный этап изучения в КНР истории династии Цин // Новое в изучении Китая: история и историография. М., 1988. С. 158.
- ⁸⁶ Ya Hanzhang. Biographies of the Tibetan Spiritual Leaders Panchen Erdenis. Beijing, 1994. P. 62.
- ⁸⁷ Shakabpa W.D. Tibet. A Political History. New Haven; L., 1967. P. 169—170.
- ⁸⁸ Ibid. P. 170.
- ⁸⁹ Norbu T.J., Turnbull C.M. Tibet. Its History, Religion and People. N.Y., 1976. P. 196.
- ⁹⁰ Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. Свобода в изгнании. СПб., 1992. С. 241.
- ⁹¹ Macgowan J. A History of China. Shanghai, 1897.
- ⁹² Boulger D.Ch. The History of China. V.I. L., 1898.
- ⁹³ Rockhill W.W. Dalai Lamas of Lhasa and their Relations with Manchu Emperors of China. Leiden, 1910. P. 18.
- ⁹⁴ Ibid. P. 29—30.

- ⁹⁵ Ibid. P. 41.
- ⁹⁶ Ibid. P. 53.
- ⁹⁷ Bell Ch. The Religion of Tibet. Oxford, 1931. P. 154.
- ⁹⁸ Ibid. P. 155.
- ⁹⁹ Ibid. P. 157.
- ¹⁰⁰ Petech L. China and Tibet in the Early 18th Century. Leiden, 1950. P. 240.
- ¹⁰¹ Ibid. P. 240.
- ¹⁰² Ibid. P. 64.
- ¹⁰³ Ibid. P. 240.
- ¹⁰⁴ Ibid. P. 219—220.
- ¹⁰⁵ Ibid. P. 216.
- ¹⁰⁶ Li Tieh-tseng. The Historical Status of Tibet. N.Y., 1956. P. 34— 37.
- ¹⁰⁷ Ibid. P. 37.
- ¹⁰⁸ Ibid.
- ¹⁰⁹ Ibid. P. 49.
- ¹¹⁰ Li Tieh-tseng. Op. cit. P. 57.
- ¹¹¹ Richardson H.E. Tibet and its History. L., 1962. P. 49.
- ¹¹² Ibid. P. 57.
- ¹¹³ Ahmad Z. The Historical Status of China in Tibet // Journal of the Oriental Society of Australia. V. 9. Sidney, 1972.
- ¹¹⁴ Suzuki Ch. Chinese Relations with Inner Asia: the Hsiung-nu, Tibet // Chinese World Order. Cambridge, Mass., 1968.
- ¹¹⁵ Farquhar D.M. Emperor as Bodhisattva in the Governance of Ch'ing Empire // Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge, Mass., 1978.
- ¹¹⁶ Malik I.L. Dalai Lamas of Tibet. New Delhi, 1984. P. 56.
- ¹¹⁷ Ibid. P. 40.
- ¹¹⁸ Пагсам-джонсан: история и хронология Тибета. Новосибирск, 1991.
- ¹¹⁹ Сумба-Хамбо. История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы». М., 1972.
- ¹²⁰ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо» — источник по истории монголов Кукунора. Новосибирск, 1983.
- ¹²¹ Чжэ Цонкапа. Большое руководство к этапам пути пробуждения. Т. 1. СПб., 1994. С. XLIII.
- ¹²² Дуглас Н., Уайт М. Кармапа: тибетский лама в черной короне. СПб., 1998. С. 57—58.
- ¹²³ Муллин Г. Избранные сочинения Далай-ламы II. М., 1998. С. 182.
- ¹²⁴ Das S.Ch. Contributions on the Religion, History etc. of Tibet // Journal of Asiatic Society of Bengal. V.11. Calcutta, 1882. P. 37—41.
- ¹²⁵ Тибет. Правда, основанная на фактах. М., 1994.
- ¹²⁶ Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. Доброта, чистота помыслов и проникновение в сущность. М., 1993.

- ¹²⁷ Установления о соли и чае. М., 1975.
- ¹²⁸ Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами. СПб., 1777.
- ¹²⁹ Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв. Документы и материалы. Т. 1—2. М., 1989.
- ¹³⁰ обстоятельное описание происхождения и состояния манджурского народа, в осми знаменах состоящего. СПб., 1784. Т. 3. С. 134—135.
- ¹³¹ Fu Lo-shu. A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644—1820). V.1—2. Tucson, 1966.
- ¹³² Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. СПб., 1895.
- ¹³³ Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии (Из «Шэн у цзи») // Потанин Г.Н. Очерки Северо-западной Монголии. Вып. 3. СПб., 1883. С. 332.
- ¹³⁴ Landon P. Nepal. V. 2. L., 1928. P. 275—281.
- ¹³⁵ Уложение китайской Палаты внешних сношений. Т. 1—2. СПб., 1828.
- ¹³⁶ Описание Тибета в нынешнем его состоянии. СПб., 1828. С. 90—92.
- ¹³⁷ Bell Ch. Tibet. Past and Present. Oxford, 1924. P. 275—278.
- ¹³⁸ Petech L. Op. cit.; Richardson H.E. Op. cit.
- ¹³⁹ О тибетском вопросе. Пекин, 1969. С. 209.
- ¹⁴⁰ Позднеев А. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». СПб., 1883.
- ¹⁴¹ Шара туджи. Монгольская летопись XVII века. М.; Л., 1957. С. 149.
- ¹⁴² Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 30.
- ¹⁴³ Там же. С. 167—175.
- ¹⁴⁴ Их цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М., 1981. С. 13.
- ¹⁴⁵ Kirkpatrick W. An Account of the Kingdom of Nepaul. L., 1811. P. 341.
- ¹⁴⁶ History of Nepal. Calcutta, 1958. P. 159.
- ¹⁴⁷ Desideri I. An Account of Tibet. L., 1937. P. 171.
- ¹⁴⁸ Della Penna O. Brief Account of the Kingdom of Tibet // Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet. L., 1876. P. 322.
- ¹⁴⁹ Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet. L., 1876. P. 151.
- ¹⁵⁰ Turner S. An Account of an Embassy to the Court of the Teshoo Lama in Tibet. L., 1800. P. 366.
- ¹⁵¹ Turner S. Op. cit. P. 463—464.
- ¹⁵² Kirkpatrick W. Op. cit. P. 348.
- ¹⁵³ Сазыкин А.Г. Описание Тибета, составленное в XVIII в. бурятским паломником Дамба Доржи Заяевым // Страны и народы Востока. Вып. 26. Кн. 3. М., 1989. С. 123.

¹⁵⁴ Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1918.

¹⁵⁵ Дас С.Ч. Путешествие в Тибет. СПб., 1904.

ГЛАВА 1

¹ Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках. М., 1978. С. 39.

² Мартынов А.С. Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции // Народы Азии и Африки. 1972. № 5. С. 74.

³ Мартынов А.С. Статус Тибета... С. 38.

⁴ Там же.

⁵ Мартынов А.С. Представления о природе... С. 80.

⁶ Мартынов А.С. Сила дэ монарха // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. М., 1974. С. 344.

⁷ Мартынов А.С. Статус Тибета... С. 39.

⁸ Мартынов А.С. Представления о природе... С. 81.

⁹ Мартынов А.С. Статус Тибета... С. 46.

¹⁰ Мартынов А.С. Значение приезда послов в императорском Китае // Народы Азии и Африки. 1979. № 1. С. 31.

¹¹ Мартынов А.С. Значение приезда послов... С. 34—35.

¹² Там же. С. 35.

¹³ Там же. С. 39.

¹⁴ Там же. С. 30.

¹⁵ Там же. С. 36.

¹⁶ Там же. С. 28.

¹⁷ Цит. по: Буров В.Г. Мироззрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуаньшаня. М., 1976, С. 154.

¹⁸ Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977. С. 57.

¹⁹ Забровская Л.В. Политика Цинской империи в Корею. М., 1987. С. 14.

²⁰ Бокшанин А.А. Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв. М., 1968. С. 36.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 38—42.

²³ История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974. С. 133—135.

²⁴ Rossabi M. China and Inner Asia. L., 1975. P. 71.

²⁵ Ibid. P. 72.

²⁶ Ibid. P. 71.

²⁷ История Монгольской Народной Республики. М., 1983. С. 183.

²⁸ Установления о соли и чае. М., 1975. С. 72.

- ²⁹ Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. С. 47.
- ³⁰ Там же. С. 51.
- ³¹ Там же. С. 52.
- ³² Махмутходжаев М.Х. Национальная политика гоминьдана. М., 1986. С. 16.
- ³³ У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980. С. 127— 128.
- ³⁴ Махмутходжаев М.Х. Указ. соч. С. 16.
- ³⁵ У Хань. Указ. соч. С. 129.
- ³⁶ Мясников В.С. Указ. соч. С. 170.
- ³⁷ Цит. по: Хафизова К.Ш. Россия, Китай и народы Туркестана в публицистике В.П.Васильева // История и культура Китая. М., 1974. С. 113.
- ³⁸ Мясников В.С., Шепелева Н.В. Китай и Монголия //Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982. С. 129.
- ³⁹ История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986. С. 415.
- ⁴⁰ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 87.
- ⁴¹ Ibid. P. 189.
- ⁴² Lamb A. The Sino-Indian and Sino-Russian Borders: Some Comparisons and Contrasts // Studies in the Social History of China and South-East Asia. Cambridge, 1970. P. 145—147.
- ⁴³ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги Страны снегов. М., 1975. С. 29.
- ⁴⁴ Богословский В.А. Очерк истории тибетского народа. М., 1962. С. 42.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ История народов Восточной и Центральной Азии. С. 249.
- ⁴⁷ Там же. С. 250.
- ⁴⁸ О тибетском вопросе. Пекин, 1959. С. 206.
- ⁴⁹ Тибет. Правда, основанная на фактах. М., 1994. С. 19.
- ⁵⁰ История Китая с древнейших времен и до наших дней. М., 1974. С. 78.
- ⁵¹ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 47.
- ⁵² История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 73.
- ⁵³ Steiger G.N. A History of the Far East. L., 1936. P. 174.
- ⁵⁴ Ibid.
- ⁵⁵ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 43.
- ⁵⁶ Там же. С. 49.
- ⁵⁷ История народов Восточной и Центральной Азии. С. 251.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. С. 253.
- ⁶⁰ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 48.

- ⁶¹ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 48—43.
- ⁶² Shakabpa W.D. Tibet. A Political History. New Haven, 1967. P. 40—41.
- ⁶³ Бичурин Н.Я. (Иакинф). История Тибета и Хухунора. СПб., 1833. Т. 1. С. 169.
- ⁶⁴ Кычанов Е.А., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 54.
- ⁶⁵ Там же. С. 54—55.
- ⁶⁶ Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 159.
- ⁶⁷ Там же. С. 171.
- ⁶⁸ Богословский В.А. Указ. соч. С. 158—159.
- ⁶⁹ Там же. С. 44.
- ⁷⁰ Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 133.
- ⁷¹ О тибетском вопросе. С. 208.
- ⁷² Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 49.
- ⁷³ Пагсам-джонсан. С. 19—20.
- ⁷⁴ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 37.
- ⁷⁵ Богословский В.А. Указ. соч. С. 47.
- ⁷⁶ Там же. С. 55.
- ⁷⁷ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 35.
- ⁷⁸ О тибетском вопросе. С. 207.
- ⁷⁹ Там же. С. 207—208.
- ⁸⁰ Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 167.
- ⁸¹ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 59.
- ⁸² Пагсам-джонсан. С. 43.
- ⁸³ Беспрозванных Е.Л. Буддизм и политика. Волгоград, 1998. С. 99.
- ⁸⁴ Пагсам-джонсан. С. 45.
- ⁸⁵ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 58.
- ⁸⁶ Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974. С. 121.
- ⁸⁷ Diskalkar D.V. Bogle's Embassy to Tibet // The Indian Historical Quarterly. V. IX. Delhi, 1933. P. 420.
- ⁸⁸ Дугаров Р.Н. Теократия в истории средневековой Монголии. Улан-Удэ, 1999. С. 24—25.
- ⁸⁹ Луния Б.Н. История индийской культуры с древних времен до наших дней. М., 1960. С. 122.
- ⁹⁰ The New Enciclopedia Brittanica. V. 3. Chicago, 1994. P. 58.
- ⁹¹ Petech L. Central Tibet and the Mongols. The Yuan — Sa-skyu Period of Tibetan History. Rome, 1990. P. 9.
- ⁹² Ibid.
- ⁹³ Ibid. P. 11.
- ⁹⁴ Ibid. P. 10—11.
- ⁹⁵ Тибет. Правда, основанная на фактах. С. 20.
- ⁹⁶ Пагсам-джонсан. С. 35.
- ⁹⁷ Далай Ч. Монголия в XIII—XIV веках. М., 1983. С. 163.

- ⁹⁸ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 71.
- ⁹⁹ Тибет. Правда, основанная на фактах. С. 20.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Рерих Ю.Н. Монголо-тибетские отношения в XIII и XIV вв. // *Филология и история монгольских народов*. М., 1958. С. 338.
- ¹⁰² Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 69.
- ¹⁰³ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо» — источник по истории монголов Куку-нора. Новосибирск, 1983. С. 15.
- ¹⁰⁴ Далай Ч. Указ. соч. С. 165.
- ¹⁰⁵ Тибет. Правда, основанная на фактах. С. 21.
- ¹⁰⁶ Petech L. *Central Tibet and the Mongols*. P. 49—50.
- ¹⁰⁷ Цит. по: Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI — начала XX в. Новосибирск, 1988. С. 12.
- ¹⁰⁸ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 69—70.
- ¹⁰⁹ Пагсам-джонсан. С. 36.
- ¹¹⁰ Cassinelli C.W., Ekvall R.V. *A Tibetan Principality. The Political System of Sa-skyu*. N.Y., 1969. P. 18.
- ¹¹¹ Крапивина Р.Н. Культурно-историческая традиция Сакья // *Соднам Цзэмо. Дверь, ведущая в учение*. СПб., 1994. С. 111.

ГЛАВА 2

- ¹ История народов Восточной и Центральной Азии. С. 255.
- ² Snellgrove D., Richardson H. *A Cultural History of Tibet*. L., 1968. P. 180.
- ³ Пагсам-джонсан. С. 40.
- ⁴ Кочетов А.Н. Буддизм. М., 1968. С. 12—125.
- ⁵ Васильев Л.С. История религий востока. М., 1983. С. 350.
- ⁶ Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. Доброта, чистота помыслов и проникновение в сущность. М., 1993. С. 245.
- ⁷ Чжэ Цонкапа. Большое руководство к этапам пути пробуждения. Т. 1. СПб., 1994. С. XIII.
- ⁸ Пагсам-джонсан. С. 41.
- ⁹ Там же. С. 41.
- ¹⁰ Муллин Г. Избранные сочинения Далай-ламы II. М., 1998. С. 182.
- ¹¹ Туччи Дж. Тибетская живопись в свитках // Гумилев Л.Н. Сочинения. Т. 5. М., 1996. С. 528.
- ¹² Пагсам-джонсан. С. 42.
- ¹³ Туччи Дж. Указ. соч. С. 532.
- ¹⁴ Пагсам-джонсан. С. 42.
- ¹⁵ Тибет. Правда, основанная на фактах. С. 22.
- ¹⁶ О тибетском вопросе. С. 211.
- ¹⁷ Там же.

- ¹⁸ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 6.
- ¹⁹ Ibid. P. 565.
- ²⁰ О тибетском вопросе. С. 212.
- ²¹ Тибет. Правда, основанная на фактах. С. 22.
- ²² Дуглас Н., Уайт М. Кармапа. Тибетский лама в черной короне. СПб., 1998. С. 57—58.
- ²³ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 84.
- ²⁴ О тибетском вопросе. С. 212.
- ²⁵ Тибет. Правда, основанная на фактах. С. 2.
- ²⁶ Цит. по: Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII вв. С. 60.
- ²⁷ Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. СПб., 1895. С. 425.
- ²⁸ Мартынов А.С. К проблеме обмена на фаньской периферии при династии Мин // История, культура, языки народов Востока. М., 1970. С. 80.
- ²⁹ У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1960. С. 129—130.
- ³⁰ Мартынов А.С. К проблеме обмена на фаньской периферии. С. 86.
- ³¹ Там же. С. 86.
- ³² Там же.
- ³³ Установления о соли и чае. С. 65.
- ³⁴ Там же. С. 214.
- ³⁵ Там же. С. 136.
- ³⁶ Там же. С. 63.
- ³⁷ Там же. С. 137.
- ³⁸ Там же. С. 78.
- ³⁹ Там же. С. 72.
- ⁴⁰ Мартынов А.С. К проблеме обмена... С. 83.
- ⁴¹ Установления о соли и чае. С. 155.
- ⁴² Там же. С. 74.
- ⁴³ Там же. С. 72.
- ⁴⁴ Там же. С. 76.
- ⁴⁵ У Хань. Указ. соч. С. 130.
- ⁴⁶ Тибет. Правда, основанная на фактах. С. 22.
- ⁴⁷ Дугаров Р.Н. Буддизм в Монголии и Кукуноре (Амдо) в XVI—XVIII вв. Улан-Удэ, 1999. С. 8.
- ⁴⁸ История Монгольской Народной Республики. М., 1983. С. 169.
- ⁴⁹ Дугаров Р.Н. Кукунорские ханства в XV—XVIII вв. Улан-Удэ, 1999. С. 13.
- ⁵⁰ История Монгольской Народной Республики. С. 185
- ⁵¹ Крывелев И.А. История религии. Т. 2. М., 1976. С. 376.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 79.
- ⁵⁴ Пагсам-джонсан. С. 43.

- ⁵⁵ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 91.
- ⁵⁶ Кычанов Е.И., Савицкий. С. Указ. соч. С. 78.
- ⁵⁷ Рерих Ю.Н. Монголо-тибетские отношения в XVI и начале XVII в. // Монгольский сборник. М., 1959. С. 194.
- ⁵⁸ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо» как источник по истории монголов Куку-нора. Новосибирск, 1983. С. 54.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же. С. 54.
- ⁶¹ Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 127.
- ⁶² Рерих Ю.Н. Монголо-тибетские отношения в XVI и начале XVII в. С. 196—197.
- ⁶³ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 55.
- ⁶⁴ Рерих Ю.Н. С. 197.
- ⁶⁵ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 66.
- ⁶⁶ Калмыцкие историко-литературные памятники. С. 129.
- ⁶⁷ Рерих Ю.Н. Указ. соч. С. 198.
- ⁶⁸ Там же. С. 199.
- ⁶⁹ Там же. С. 193.
- ⁷⁰ Цит. по: Мартынов А.С. Статус Тибета... С. 61.
- ⁷¹ Snellgrove D., Richardson H. Op. cit. P. 134.
- ⁷² Рерих Ю.Н. Указ. соч. С. 197.
- ⁷³ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 55.
- ⁷⁴ Рерих Ю.Н. Указ. соч. С. 197—198.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Пагсам-джонсан. С. 43.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Shakabpa M.D. Op. cit. P. 98—99.
- ⁷⁹ Ibid.
- ⁸⁰ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 99.
- ⁸¹ Цыбиков Г.Ц. О Центральном Тибете // Избранные труды, Т. 2. Новосибирск, 1981. С. 22.
- ⁸² Ya Hanghang. Op. cit. P. 33.
- ⁸³ Ibid. P. 26.
- ⁸⁴ Пагсам-джонсан. С. 44.

ГЛАВА 3

- ¹ Snellgrove B., Richardson H. A Cultural History of Tibet. L., 1468. P. 193.
- ² Ya Hanzhang. Op. cit. P. 32.
- ³ Пагсам-джонсан. С. 44.
- ⁴ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 100.

- ⁵ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 57—58.
- ⁶ Пагсам-джонсан. История и хронология Тибета. Новосибирск, 1991. С. 45.
- ⁷ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 58.
- ⁸ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 100.
- ⁹ Ibid. P. 102.
- ¹⁰ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 56.
- ¹¹ Туччи Дж. Тибетская живопись в свитках // Гумилев Л.Н. Сочинения. Т. 5. Древний Тибет. М., 1966. С. 539.
- ¹² Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 58.
- ¹³ Туччи Дж. Указ. соч. С. 539—540.
- ¹⁴ Там же. С. 539—540.
- ¹⁵ Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века. М.; Л., 1957. С. 149.
- ¹⁶ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 59.
- ¹⁷ Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии (Из «Шэн у цзи») // Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 3. СПб., 1883. С. 312.
- ¹⁸ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 59.
- ¹⁹ Чимитдоржиев Ш.Б. Халхаский Цогт-тайджи (1571—1637) // Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1980. С. 16.
- ²⁰ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 35.
- ²¹ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 103.
- ²² Владимирцов Б.Я. Надписи на скалах халхаского Цогту-тайджи // Известия АН СССР. 1927. № 3—4. С. 238; Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. С. 16.
- ²³ Дуглас Н., Уайт М. Указ. соч. С. 78.
- ²⁴ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 35.
- ²⁵ Туччи Дж. Указ. соч. С. 549.
- ²⁶ Пагсам-джонсан. С. 46.
- ²⁷ Санчилов В.П. Теократия в Тибете и роль Гуши-хана в ее окончательном утверждении // Ламаизм в Калмыкии. Элиста, 1977. С. 22.
- ²⁸ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 60.
- ²⁹ Там же. С. 61.
- ³⁰ Там же. С. 60—61.
- ³¹ Там же. С. 61.
- ³² Санчилов В.П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990. С. 75.
- ³³ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 105.
- ³⁴ Сумба-Хамбо. История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы». М., 1972. С. 65.
- ³⁵ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 105.

- ³⁶ Дуглас Н., Уайт М. Указ. соч. С. 78.
³⁷ Сумба-Хамбо. Указ. соч. С. 65.
³⁸ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 105.
³⁹ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 106.
⁴⁰ Ibid. P. 106—107.
⁴¹ Сумба-Хамбо. Указ. соч. С. 65—66.
⁴² Shakabpa W.D. Op. cit. P. 108.
⁴³ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 40.
⁴⁴ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 62.
⁴⁵ Там же.
⁴⁶ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 110.
⁴⁷ Ibid.
⁴⁸ Ibid.
⁴⁹ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 62.
⁵⁰ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 40.
⁵¹ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 110.
⁵² Дуглас Н., Уайт М. Указ. соч. С. 79.
⁵³ Пагсам-джонсан. С. 47.
⁵⁴ Попов И. Ламаизм в Тибете. Казань, 1898. С. 188.
⁵⁵ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 63.
⁵⁶ Сумба-Хамбо. Указ. соч. С. 67—68.
⁵⁷ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 123.
⁵⁸ Malik L.L. Op. cit. P. 25.
⁵⁹ Дуглас Н., Уайт М. Указ. соч. С. 79.
⁶⁰ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 42.
⁶¹ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 111—112.
⁶² Ibid. P. 113.
⁶³ Миньчжул-хутухта. География Тибета. СПб., 1895. С. 48.
⁶⁴ Дуглас Н., Уайт М. Указ. соч. С. 81.
⁶⁵ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 123.
⁶⁶ Li Ung Bing. Outlines of Chinese History. Shanghai, 1914. P. 439.
⁶⁷ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 87.
⁶⁸ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 42.
⁶⁹ Petech L. The Dalai-Lamas and Regents of Tibet: a Chronological Study // Selected Papers on Asian History. Roma, 1988. P. 134.
⁷⁰ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 87.
⁷¹ История народов Восточной и Центральной Азии. С. 257.
⁷² Shakabpa W.D. Op. cit. P. 123.
⁷³ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 113.
⁷⁴ Ibid. P. 122.
⁷⁵ Malik I.L. Op. cit. P. 25.
⁷⁶ Ibid. P. 24.
⁷⁷ Ibid. P. 122.

⁷⁸ Кузнецов В.С. К вопросу о владычестве Джунгарского ханства над Восточным Туркестаном // *Бронзовый и железный век Сибири*. Новосибирск, 1974. С. 277.

⁷⁹ Сумба-Хамбо. Указ. соч. С. 67.

⁸⁰ Shakabpa W.D. *Op. cit.* P. 112.

⁸¹ Кюнёр Н.В. Описание Тибета. Ч. 2. Вып.1. Владивосток, 1908. С. 8—9.

⁸² Shakabpa W.D. *Op. cit.* P. 112.

⁸³ *Ibid.* P. 113.

⁸⁴ Ya Hanzhanp. *Op. cit.* P. 44—45.

⁸⁵ Shakabpa W.D. *Op. cit.* P. 119—122.

⁸⁶ *Ibid.* P. 122.

⁸⁷ *Ibid.* P. 118.

⁸⁸ *Ibid.* P. 118—119.

⁸⁹ Shakabpa W.D. *Op. cit.* P. 118.

⁹⁰ Petech L. *The Tibetan-Ladakhi-Moghul War (1679—1683)* // *Selected Papers on Asian History*. Roma, 1988. P. 25.

⁹¹ Francke A.H. *History of Western Tibet*. L., 1907. P. 112—114.

⁹² Кулешов Н.С. Китай — пригималайские страны и Индия // *Китай и соседи в новое и новейшее время*. М., 1982. С. 235.

⁹³ Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках. М., 1978. С. 84—86.

⁹⁴ Успенский В.М. Страна Кукэ-нор, или Цин-хай. СПб., 1880. С. 168.

⁹⁵ Тибет. Правда, основанная на фактах. М., 1994. С. 23.

⁹⁶ Rockhill W.W. *The Dalai Lamas of Lhasa and their Relations with a Manchu Emperors of China*. Leiden, 1910. P. 14—15.

⁹⁷ *Международные отношения в Центральной Азии*. Кн. 1. С. 126.

⁹⁸ Там же. С. 127.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Мартынов А.С. Указ. соч. С. 110—111.

¹⁰¹ Успенский В.Л. Ламаистский Пекин: от Шунь-чжи до Даогуана // *Восток*. 1996. № 4. С. 43.

¹⁰² Ya Hanzhang. *Op. cit.* P. 51.

¹⁰³ Shakabpa W.D. *Op. cit.* P. 116.

¹⁰⁴ Тибет. Правда, основанная на фактах. С. 24.

¹⁰⁵ Приведение в покорность монголов... С. 331.

¹⁰⁶ Li Tieh-tseng. *Op. cit.* P. 37.

¹⁰⁷ Richardson H.E. *Op. cit.* P. 45.

¹⁰⁸ Новая история Китая. М., 1972. С. 22.

¹⁰⁹ Shakabpa W.D. *Op. cit.* P. 120—121.

¹¹⁰ Shakabpa W.D. *Op. cit.* P. 121.

¹¹¹ Ya Hanzhang. *Op. cit.* P. 6.

- ¹¹² Ibid. P. 63.
- ¹¹³ Rockhill W.W. Op. cit. P. 19—20.
- ¹¹⁴ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 63.
- ¹¹⁵ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 63.
- ¹¹⁶ Приведение в покорность монголов... С. 331.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 119.
- ¹¹⁹ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 64.
- ¹²⁰ Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977. С. 48.
- ¹²¹ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 118—121.
- ¹²² Златкин И.Я. Зая-пандита как политический деятель // 320 лет старокалмыцкой письменности. Элиста, 1720. С. 38.
- ¹²³ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 41.
- ¹²⁴ Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник святынь Тибета. Пг., 1818. С. 104.
- ¹²⁵ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги Страны снегов. М., 1975. С. 87.
- ¹²⁶ Дугаров Р.Н. Кукунорские ханства... С. 51.
- ¹²⁷ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 42.
- ¹²⁸ Дугаров Р.Н. Кукунорские ханства... С. 51.
- ¹²⁹ Petech L. The Dalai-Lamas and Regents of Tibet; a Chronological Study // Selected Papers on Asian History. Roma, 1988. P. 134.
- ¹³⁰ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 120.
- ¹³¹ Попов К. Ламаизм в Тибете. Казань, 1898. С. 186.

ГЛАВА 4

- ¹ Petech L. The Dalai-Lamas and Regents of Tibet. P. 135.
- ² Уоддель А. Лхаса и ее тайны. СПб., 1906. С. 180.
- ³ Shakabpa W.B. Op. cit. P. 128.
- ⁴ Malik I.L. Op. cit. P. 26.
- ⁵ Shakabpa W.B. Op. cit. P. 126.
- ⁶ Malik I.L. Op. cit. P. 26.
- ⁷ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 126.
- ⁸ Ibid. P. 125.
- ⁹ Malik I.L. Op. cit. P. 20.
- ¹⁰ Болсохоева Н.Д. Дэсрид Санчжяй Чжамцо — ученый-энциклопедист средневекового Тибета // Источниковедение и текстология памятников средневековых наук в странах Центральной Азии. Новосибирск, 1989. С. 189.
- ¹¹ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 128.
- ¹² Ibid.

- ¹³ Болсохоева Н.Д. Указ. соч. С. 188.
- ¹⁴ Маланова Т.М. Тибетский канон Ганьчжур и Даньчжур как движущаяся система текстов // Источниковедение и текстология памятников средневековых наук в странах Центральной Азии. С. 256.
- ¹⁵ Болсохоева Н.Д. Указ. соч. С. 188.
- ¹⁶ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 64.
- ¹⁷ Илларион. Очерк истории сношений Китая с Тибетом // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 2. СПб., 1853. С. 458; Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834. С. 73.
- ¹⁸ Попов И. Указ. соч. С. 192—193; Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964. С. 228.
- ¹⁹ Новая история Китая. М., 1971. С. 23.
- ²⁰ Их цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII века. М., 1981. С. 4.
- ²¹ Бичурин И.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов... С. 65.
- ²² Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977. С. 175.
- ²³ Кычанов Е.И. Повествование об ойратском Галдане Бошоктухане. Новосибирск, 1980. С. 70.
- ²⁴ Сумба-Хамбо. Указ. соч. С. 103.
- ²⁵ Златкин И.Я. Указ соч. С. 249.
- ²⁶ Успенский В.М. Указ. соч. С. 171.
- ²⁷ Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М., 1978. С. 177.
- ²⁸ Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974. С. 177.
- ²⁹ Позднеев А. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». СПб., 1883. С. 183.
- ³⁰ Златкин И.Я. Указ. соч. С. 262.
- ³¹ Позднеев А. Указ. соч. С. 70.
- ³² Там же.
- ³³ Горохова С.Г. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства. М., 1980. С. 21.
- ³⁴ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов. С. 71—72.
- ³⁵ Позднеев А. Указ. соч. С. 75.
- ³⁶ Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений (XVII — середина XIX в.). Хабаровск, 1986. С. 82.
- ³⁷ Златкин И.Я. Указ. соч. С. 277—278.
- ³⁸ Международные отношения в Центральной Азии. Кн. 1. С. 187—188.
- ³⁹ Там же. С. 189.

- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с сенгорцами. СПб., 1777. С. 17.
- ⁴² Позднеев А. Указ. соч. С. 214.
- ⁴³ Там же. С. 208—209.
- ⁴⁴ Уведомление... С. 67.
- ⁴⁵ Позднеев А. Указ. соч. С. 376.
- ⁴⁶ Уведомление... С. 28—29.
- ⁴⁷ Международные отношения в Центральной Азии. Кн. 2. С. 202—203.
- ⁴⁸ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов. С. 68.
- ⁴⁹ Уведомление... С. 31.
- ⁵⁰ Цит. по: Внешняя политика государства Цин в XVII веке. С. 201.
- ⁵¹ Илларион. Указ. соч. С. 461.
- ⁵² Там же. С. 462.
- ⁵³ Пагсам-джонсан. С. 135.
- ⁵⁴ Richardson H.E. Op. cit. P. 46—47.
- ⁵⁵ Уведомление... С. 41.
- ⁵⁶ Внешняя политика государства Цин в XVII веке. С. 208.
- ⁵⁷ Илларион. Указ. соч. С. 462.
- ⁵⁸ Попов И. Указ. соч. С. 192.
- ⁵⁹ Внешняя политика государства Цин в XVII веке. С. 211—212.
- ⁶⁰ Там же. С. 212.
- ⁶¹ Rockhill W.W. Op. cit. P.25.
- ⁶² Ibid. P. 26.
- ⁶³ Ibid.
- ⁶⁴ Ibid.
- ⁶⁵ Илларион. Указ. соч. С. 463—465.
- ⁶⁶ Попов И. Указ. соч. С. 192—193.
- ⁶⁷ Внешняя политика государства Цин в XVII веке. С. 218—219.
- ⁶⁸ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 91.
- ⁶⁹ Rockill W.W. Op. Cit. P. 29.
- ⁷⁰ Илларион. Указ. соч. С. 465.
- ⁷¹ Внешняя политика государства Цин в XVII веке. С. 219.
- ⁷² Илларион. Указ. соч. С. 466.
- ⁷³ Внешняя политика государства Цин в XVII веке. С. 219.
- ⁷⁴ Приведение в покорность монголов... С. 332.
- ⁷⁵ Reischauer E.O., Fairbank J.K. A History of East Asian Civilization. V. 1. Boston, 1960. P. 362.
- ⁷⁶ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 64.
- ⁷⁷ Сумба-Хамбо. Указ. соч. С. 72.
- ⁷⁸ Позднеев А. Указ. соч. С. 79.
- ⁷⁹ Позднеев А. Указ. соч. С. 225.

- ⁸⁰ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 64.
- ⁸¹ Desideri I. An Account of Tibet. L., 1937. P. 150.
- ⁸² Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 91.
- ⁸³ Malik I.L. Dalai Lamas of Tibet. New Delhi, 1984. P. 30.
- ⁸⁴ Цаньян Джамцо. Песни, приятные для слуха. М., 1983. С. 13.
- ⁸⁵ Сумба-Хамбо. Указ. соч. С. 72.
- ⁸⁶ Пагсам-джонсан. С. 136.
- ⁸⁷ Malik I.L. Op. cit. P. 33.
- ⁸⁸ Norbu T.J., Turnbull C.M. Tibet. Its History, Religion and People. N.Y., 1976. P. 288.
- ⁸⁹ Ibid. P. 289—291.
- ⁹⁰ Сумба-Хамбо. Указ. соч. С. 72.
- ⁹¹ Илларион. Указ. соч. С. 72.
- ⁹² Petech L. Notes on Tibetan History of the 18th Century // Selected Papers on Asian History. Roma, 1988. P. 210.
- ⁹³ Ibid. P. 211.
- ⁹⁴ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 131.
- ⁹⁵ Сумба-Хамбо. Указ. соч. С. 72.
- ⁹⁶ Petech L. Notes on Tibetan History... P. 212.
- ⁹⁷ Snellgrove D., Richardson H. A Cultural History of Tibet. L., 1968. P. 204.

ГЛАВА 5

- ¹ Цит. по: Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках. С. 116.
- ² Там же.
- ³ Petech L. Notes on Tibetan History... P. 208.
- ⁴ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо». С. 64.
- ⁵ Petech L. Notes on Tibetan History... P. 209.
- ⁶ Сумба-Хамбо. Указ. соч. С. 71—72.
- ⁷ Пагсам-джонсан. С. 49.
- ⁸ Petech L. Notes on Tibetan History... P. 213.
- ⁹ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 79.
- ¹⁰ Rockhill W.W. Op. cit. P. 33—34.
- ¹¹ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 132.
- ¹² Bell Ch. The Religion of Tibet. Oxford, 1931. P. 140.
- ¹³ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 80.
- ¹⁴ Ibid. P. 80.
- ¹⁵ Попов И. Указ. соч. С. 196.
- ¹⁶ Desideri I. Op. cit. P. 151.
- ¹⁷ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 82.
- ¹⁸ Ibid.

- ¹⁹ Rockhill W.W. *Op. cit.* P. 5.
²⁰ Пагсам-джонсан. С. 137.
²¹ Ya Hanzhang. *Op. cit.* P. 85.
²² Petech L. *Notes on Tibetan History...* P. 213.
²³ Desideri I. *Op. cit.* P. 148.
²⁴ Ibid.
²⁵ Shakabpa W.D. *Op. cit.* P. 135.
²⁶ Rockhill W.W. *Op. cit.* P. 5.
²⁷ Бичурин Н.Я. (Иакинф). *Историческое обозрение ойратов...*
С. 93.
²⁸ Shakabpa W.D. *Op. cit.* P. 15.
²⁹ Сумба-Хамбо. *Указ. соч.* С. 75—76.
³⁰ Пагсам-джонсан. С. 48.
³¹ Petech L. *China and Tibet...* P. 25—26.
³² Бичурин Н.Я. (Иакинф). *Историческое обозрение ойратов...*
С. 98.
³³ Petech L. *China and Tibet...* P. 28.
³⁴ Ibid. P. 29.
³⁵ Shakabpa W.D. *Op. cit.* P. 156.
³⁶ Desideri I. *Op. cit.* P. 153.
³⁷ Ya Hanzhang. *Op. cit.* P. 85.
³⁸ Тибет. Правда, основанная на фактах. С. 24.
³⁹ Schram L.M.J. *The Monguors of Kansu-Tibetan Border.* V. 3. Philadelphia, 1961. P. 57.
⁴⁰ Desideri I. *Op. cit.* P. 156.
⁴¹ Petech L. *China and Tibet...* P. 35.
⁴² Petech L. *Notes on Tibetan History...* P. 216—217.

ГЛАВА 6

- ¹ Пагсам-джонсан. С. 137.
² Сумба-Хамбо. *Указ. соч.* С. 75—76.
³ Пагсам-джонсан. С. 49.
⁴ Desideri I. *Op. cit.* P. 157.
⁵ Ibid. P. 164.
⁶ Ibid. P. 165.
⁷ Petech L. *China and Tibet...* P. 55.
⁸ Обстоятельное описание происхождения и состояния манджурского народа и войска, в осми знаменах состоящего. С. 134—135.
⁹ Desideri I. *Op. cit.* P. 167.
¹⁰ Ibid. P. 167.
¹¹ Илларион. *Указ. соч.* С. 473.
¹² Позднеев А. *Указ. соч.* С. 86.

- ¹³ Desideri I. *Op. cit.* P. 166.
- ¹⁴ Ahmad Z. The Historical Status of China in Tibet // *Journal of the Oriental Society of Australia*. V. 9. Sidney, 1972. P. 103.
- ¹⁵ Petech L. *China and Tibet...* P. 59.
- ¹⁶ *Ibid.*
- ¹⁷ Дугаров Р.Н. Указ. соч. С. 65.
- ¹⁸ Desideri I. *Op. cit.* P. 168.
- ¹⁹ Petech L. *China and Tibet...* P. 60—61.
- ²⁰ Илларион. Указ. соч. С. 474—475.
- ²¹ Desideri I. *Op. cit.* P. 172.
- ²² Дугаров Р.Н. Указ. соч. С. 65.
- ²³ Праздаускене И.А. Система управления в Восточном Тибете (XVIII — первая половина XX в.) // *Государство и общество в Китае*. М., 1978. С. 124.
- ²⁴ Там же. С. 124.
- ²⁵ Тибет. Правда, основанная на фактах. М., 1994. С. 24.
- ²⁶ Пагсам-джонсан. С. 49.
- ²⁷ Сазыкин А.Г. Описание Тибета, составленное в XVIII в. бурятским паломником Дамба-доржи Заяевым // *Страны и народы Востока*. Вып. XXVI. Кн. 3. М., 1989. С. 123.
- ²⁸ Описание Тибета в нынешнем его состоянии. СПб., 1826. С. 92.
- ²⁹ Там же. С. 91.
- ³⁰ Petech L. *Aristocracy and Government in Tibet*. P. 51—52.
- ³¹ Ahmad Z. *China and Tibet, 1708—1959*. Oxford, 1960. P. 7—8.
- ³² Petech L. *Aristocracy and Government in Tibet*. P. 99.
- ³³ Petech L. *China and Tibet...* P. 95.
- ³⁴ *Ibid.* P. 67.
- ³⁵ Petech L. *China and Tibet...* P. 71.
- ³⁶ *Ibid.* P. 75.
- ³⁷ Desideri I. *Op. cit.* P. 167.
- ³⁸ Petech L. *China and Tibet...* P. 76.
- ³⁹ *Ibid.* P. 76—77.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 71—72.
- ⁴¹ *Ibid.* P. 74.
- ⁴² *Ibid.* P. 80.
- ⁴³ Успенский В.М. Страна Кукэ-нор, или Цин-хай // *Записки имп. Русского географического общества*. Т. 6. СПб., 1880. С. 176.
- ⁴⁴ Там же. С. 176.
- ⁴⁵ Сумба-Хамбо. Указ. соч. С. 78—79.
- ⁴⁶ Успенский В.М. Указ. соч. С. 177.
- ⁴⁷ Schram L.M.J. *The Monguors of Kansu-Tibetan Border*. Philadelphia, 1961. V. 3. P. 58.
- ⁴⁸ *Idem.*

- ⁴⁹ Ibid. P. 58.
- ⁵⁰ Ibid. P. 58—59.
- ⁵¹ Пагсам-джонсан. С. 138.
- ⁵² Мэн-гу-ю-му-цзи. С. 426.
- ⁵³ Санчилов В.П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990. С. 82.
- ⁵⁴ Позднеев А. Указ. соч. С. 317.
- ⁵⁵ Успенский В.М. Указ. соч. С. 183.
- ⁵⁶ Позднеев А. Указ. соч. С. 317.
- ⁵⁷ Petech L. China and Tibet... P. 83—84.
- ⁵⁸ Дугаров Р.Н. Очерки истории и культуры Амдо (VII—XIX вв.). Улан-Удэ, 1995. С. 33.
- ⁵⁹ Petech L. Chine and Tibet... P. 86.
- ⁶⁰ Прусаускаене И.А. Система управления в Восточном Тибете. С. 124—125.
- ⁶¹ Описание Тибета в нынешнем его состоянии. С. 29.
- ⁶² Petech L. China and Tibet... P. 92.
- ⁶³ Ibid.
- ⁶⁴ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 101.
- ⁶⁵ Petech L. China and Tibet... P. 95.
- ⁶⁶ Ibid. P. 83.
- ⁶⁷ Беспрозванных Е.Л. Идеология «умиротворения варваров»: Цины и буддийская церковь в XVII—XVIII вв. // Общественная мысль и социально-политические движения в новое и новейшее время. Волгоград, 1995. С. 125.
- ⁶⁸ Reishauer E.O., Fairbank J.K. A History of East Asian Civilization V. 1. Boston, 1960. P. 372.
- ⁶⁹ Petech L. China and Tibet... P. 93—94.
- ⁷⁰ Ibid. P. 94—95.
- ⁷¹ Сумба-Хамбо. Указ. соч. С. 81.
- ⁷² Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1918. С. 299.
- ⁷³ Petech L. China and Tibet. P. 98.
- ⁷⁴ Ibid. P. 9.
- ⁷⁵ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 95.
- ⁷⁶ Petech L. China and Tibet... P. 98.
- ⁷⁷ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 142.
- ⁷⁸ Della Penna O. Brief Account of the Kingdom of Tibet // Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet. L., 1876. P. 322.
- ⁷⁹ Пагсам-джонсан. С. 49.
- ⁸⁰ Попов И. Указ. соч. С. 198.
- ⁸¹ Li Tieh-tseung. Op. cit. P. 42.

ГЛАВА 7

- ¹ Petech L. *China and Tibet...* P. 22.
- ² *Ibid.* P. 24.
- ³ *Ibid.* P. 53.
- ⁴ *Ibid...* P. 245.
- ⁵ Shakabpa W.D. *Op. cit.* P. 142.
- ⁶ *Ibid.* P. 243.
- ⁷ Ya Hanzhang. *Op. cit.* P. 96.
- ⁸ Petech L. *China and Tibet...* P. 246.
- ⁹ *Ibid.* P. 249.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 249—250.
- ¹¹ Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1. М., 1989. С. 262.
- ¹² Попов И. Указ. соч. С. 199.
- ¹³ Richardson H.E. *Op. cit.* P. 52.
- ¹⁴ Petech L. *China and Tibet...* P. 155.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 156.
- ¹⁶ Миньчжун-хутухта. География Тибета. СПб., 1895. С. 46.
- ¹⁷ Petech L. *China and Tibet...* P. 157.
- ¹⁸ Беспрозванных Е.Л. Калмыцко-китайские отношения на втором этапе (середина 20-х — середина 30-х годов XVIII в.) // Стрельный. Волгоград, 2000. С. 151.
- ¹⁹ Petech L. *China and Tibet...* P. 157.
- ²⁰ Пагсам-джонсан. С. 49—50.
- ²¹ Ya Hanzhang. *Op. cit.* P. 98.
- ²² Richardson H.E. *Op. cit.* P. 53.
- ²³ *Ibid.* P. 55.
- ²⁴ Petech L. *Aristocracy and Government in Tibet.* P. 51.
- ²⁵ Описание Тибета в нынешнем его состоянии. С. 64.
- ²⁶ Li Tieh-tseung. *Op. cit.* P. 44.
- ²⁷ Кулешов Н.С. Китай — пригималайские страны и Индия // Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982. С. 270.
- ²⁸ Ya Hanzhang. *Op. cit.* P. 104.
- ²⁹ Кулешов Н.С. Указ. соч. С. 270.
- ³⁰ Petech L. *The Kingdom of Ladakh.* Roma, 1977. P. 97.
- ³¹ Ya Hanzhang. *Op. cit.* P. 104.
- ³² Petech L. *The Kingdom of Ladakh.* P. 97.
- ³³ Ya Hanzhang. *Op. cit.* P. 104.
- ³⁴ White C.J. *Sikkim and Bhutan.* Delhi, 1984. P. 101—102.
- ³⁵ Petech L. *China and Tibet...* P. 70.
- ³⁶ Rahul R. *The Role of Lamas in Central Asian Politics* // *Central Asiatic Journal.* V. XII. № 3. 1967. P. 211.

- ³⁷ Petech L. China and Tibet... P. 146.
³⁸ Ibid.
³⁹ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 101.
⁴⁰ Ibid. P. 102.
⁴¹ Petech L. China and Tibet... P. 108.
⁴² Ibid. P. 70.
⁴³ Rose L.E. Nepal. Strategy for Survival. Berkeley, 1971. P. 16.
⁴⁴ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 102.
⁴⁵ Ibid. P. 103.
⁴⁶ Ibid. P. 114.
⁴⁷ Rahul R. The Role of Lamas... P. 212.
⁴⁸ White C.J. Op. cit. P. 16.
⁴⁹ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 146—147.
⁵⁰ Ходжаев А. Захват Цинским Китаем Джунгарии и Восточного Туркестана... С. 159.
⁵¹ Международные отношения в Центральной Азии. Кн. 1. С. 271.
⁵² Беспрозванных Е.Л. Калмыцко-китайские отношения... С. 150.
⁵³ Petech L. China and Tibet... P. 142.
⁵⁴ Ibid. 144.
⁵⁵ Позднеев А. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ»... С. 339.
⁵⁶ Там же. С. 339—347.
⁵⁷ Li Ung Bing. Op. cit. P. 418.
⁵⁸ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение... С. 97.
⁵⁹ Petech L. China and Tibet... P. 149—150.
⁶⁰ Ibid. P. 151.
⁶¹ Позднеев А. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ»... С. 351.
⁶² Petech L. China and Tibet... P. 153.
⁶³ Миньчжул-хутухта. География Тибета... С. 29.
⁶⁴ Petech L. China and Tibet... P. 154.
⁶⁵ Ibidem.
⁶⁶ Позднеев А. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ»... С. 360.
⁶⁷ Petech L. China and Tibet... P. 157.
⁶⁸ Ibid. P. 158.
⁶⁹ Li Ung Bing. Op. cit. P. 418.
⁷⁰ Petech L. China and Tibet... P. 160—161.
⁷¹ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 146.
⁷² Ya Hanzhang. Op. cit. P. 108.
⁷³ Илларион. Указ. соч. С. 479.
⁷⁴ Petech L. China and Tibet... P. 162.
⁷⁵ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 113.
⁷⁶ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 142.
⁷⁷ Ходжаев А. Джунгаро-цинский договор 1740 г. // Новое в изучении Китая: история и историография. М., 1988. С. 62—63.

- ⁷⁸ Там же. С. 64.
⁷⁹ Petech L. China and Tibet... P. 168.
⁸⁰ Ibid. P. 169.
⁸¹ Ibidem.
⁸² Ibid. P. 170.
⁸³ Ibidem.
⁸⁴ Ibid. 171.
⁸⁵ Ibidem.
⁸⁶ Ibidem.
⁸⁷ Ibid. P. 170.
⁸⁸ Ibid. P. 47.
⁸⁹ Ibid. P. 142—143.
⁹⁰ Пагсам-джонсан... С. 50.
⁹¹ Сумба-Хамбо. Указ. соч. С. 82.
⁹² Petech L. China and Tibet... P. 143.
⁹³ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 145.
⁹⁴ Ibid. P. 145—146.
⁹⁵ Petech L. China and Tibet... P. 172.
⁹⁶ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 147.
⁹⁷ Petech L. China and Tibet... P. 172.
⁹⁸ Ibid. P. 175.
⁹⁹ Ibid. P. 174.
¹⁰⁰ Ibid. P. 175.
¹⁰¹ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 116.
¹⁰² Ibid. P. 115.
¹⁰³ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 147.
¹⁰⁴ Petech L. China and Tibet... P. 164—165.

ГЛАВА 8

- ¹ Сувиоров Н.И. Тибет. Описание страны и отношение к ней Китая и Англии до последнего времени. СПб., 1905. С. 162.
² Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 141.
³ Там же. С. 120.
⁴ Дас С.Ч. Указ. соч. С. 240.
⁵ Там же.
⁶ Там же. С. 242.
⁷ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 134.
⁸ Дас С.Ч. Указ. соч. С. 134.
⁹ Там же. С. 242.
¹⁰ Кюннер Н.В. Описание Тибета. Ч. 2. Вып. 1. Владивосток, 1908. С. 43—44.
¹¹ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 14—15.

- ¹² Сувиоров Н.И. Указ. соч. С. 61.
- ¹³ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Указ. соч. С. 142.
- ¹⁴ Сувиоров Н.И. Указ. соч. С. 60—61.
- ¹⁵ Там же. С. 63.
- ¹⁶ Petech L. *China and Tibet...* P. 174.
- ¹⁷ Ya Hanzhang. *Op. cit.* P. 116.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 119.
- ¹⁹ Petech L. *China and Tibet...* P. 182.
- ²⁰ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834. С. 105—106.
- ²¹ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964. С. 429.
- ²² Petech L. *China and Tibet...* P. 185—186.
- ²³ Shakabpa W.D. *Op. cit.* P. 147—148.
- ²⁴ Li Tieh-tseng. *Op. cit.* P. 47.
- ²⁵ Журавлев Ю.И. Этнический состав Тибетского района КНР и тибетцы других районов страны // Восточно-азиатский этнографический сборник. М., 1961. С. 81.
- ²⁶ Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн. М., 1959. С. 559.
- ²⁷ Li Ung Bing. *Op. cit.* P. 446.
- ²⁸ *Ibid.* P. 448.
- ²⁹ Очерки истории Китая... С. 559.
- ³⁰ Petech L. *China and Tibet...* P. 185.
- ³¹ Пагсам-джонсан... С. 50.
- ³² Petech L. *China and Tibet...* P. 188.
- ³³ Ya Hanzhang. *Op. cit.* P. 121.
- ³⁴ Petech L. *China and Tibet...* P. 189.
- ³⁵ Ya Hanzhang. *Op. cit.* P. 121.
- ³⁶ Petech L. *China and Tibet...* P. 189—191.
- ³⁷ *Ibid.* P. 265.
- ³⁸ *Ibid.* P. 192.
- ³⁹ Petech L. *China and Tibet...* P. 192.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 191.
- ⁴¹ Ya Hanzhang. *Op. cit.* P. 120.
- ⁴² Petech L. *China and Tibet...* P. 196.
- ⁴³ Ya Hanzhang. *Op. cit.* P. 121.
- ⁴⁴ Li Tieh-tseng. *Op. cit.* P. 47—48.
- ⁴⁵ *Ibid.* P. 48.
- ⁴⁶ Сумба-Хамбо. Указ. соч. С. 82.
- ⁴⁷ *Ibid.* P. 255—256.
- ⁴⁸ Ya Hanzhang. *Op. cit.* P. 121.
- ⁴⁹ *Ibid.* P. 393.

- ⁵⁰ Petech L. China and Tibet... P. 208—209.
⁵¹ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 124.
⁵² Ibidem.
⁵³ Ibid. P. 124—125.
⁵⁴ Petech L. China and Tibet... P. 260.
⁵⁵ Kolmasj. Tibet and Imperial China. Canberra, 1967. P. 46.
⁵⁶ Petech L. China and Tibet...
⁵⁷ Ibid. P. 213.
⁵⁸ Petech L. China and Tibet... P. 214.
⁵⁹ Ibidem.
⁶⁰ Ibidem.
⁶¹ Международные отношения в Центральной Азии... Кн. 2. С. 14.
⁶² Petech L. China and Tibet... P. 265.

ГЛАВА 9

- ¹ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 123.
² Malik I.L. Dalai Lamas of Tibet. New Delhi, 1984. P. 38.
³ Златкин М.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957. С. 109.
⁴ Неру Дж. Открытие Индии. Кн. 1. М., 1989. С. 434.
⁵ Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн... С. 562.
⁶ Das S.Ch. Op. cit. P. 29—30.
⁷ Ibid. P. 30.
⁸ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 113.
⁹ Das S.Ch. Op. cit. P. 31.
¹⁰ Ibidem.
¹¹ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 135.
¹² Алдошин В.А. Легенды о стране Шамбала // Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста, 1987. С. 21—22.
¹³ Алдошин В.А. Указ. соч. С. 21.
¹⁴ Габорио М. Непал и его жители. М., 1985. С. 11.
¹⁵ Rahul R. The Role of Lamas... P. 211.
¹⁶ Редько И.Б. Непал // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967. С. 128.
¹⁷ Petech L. The Missions of Bogle and Turner to the Tibetan Texts // Selected Papers on Asian History. Roma, 1988. P. 53.
¹⁸ Das S.Ch. Op. cit. P. 34—35.
¹⁹ Petech L. The Missions of Bogle and Turner... P. 55—56.
²⁰ Ibid. P. 56.
²¹ Das S.Ch. Op. cit. P. 33.
²² Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet. L., 1876. P. 3.

- ²³ Ibid. P. 3.
- ²⁴ Ibid. P. 7.
- ²⁵ Ibid. P. 130.
- ²⁶ Ibid. P. 45.
- ²⁷ Леонтьев В.П. Иностранная экспансия в Тибете в 1888—1919 гг. М., 1957. С. 17.
- ²⁸ Беспрозванных Е.Л. Миссия Дж. Богля в Тибет (1774—1775) // Проблемы всемирной истории. Элиста, 1993. С. 43.
- ²⁹ Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet... P. 151.
- ³⁰ Ibid. P. 154.
- ³¹ Ibid. P. 155.
- ³² Ibid. P. 170.
- ³³ Ibid. P. 150.
- ³⁴ Ibid. P. 131.
- ³⁵ Ibid. P. 132.
- ³⁶ Ibid. P. 133.
- ³⁷ Das S.Ch. Op. cit. P. 35.
- ³⁸ Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet... P. 129.
- ³⁹ Ibid. P. 165.
- ⁴⁰ Ibid. P. 146.
- ⁴¹ Ibidem.
- ⁴² Ibid. P. 196—197.
- ⁴³ Ibid. P. 166.
- ⁴⁴ Ibid. P. 164.
- ⁴⁵ Ibid. P. 146—147.
- ⁴⁶ Ibid. P. 101.
- ⁴⁷ Ibid. P. 151.
- ⁴⁸ Ibid. P. 158.
- ⁴⁹ Ibid. P. 164.
- ⁵⁰ Ibid. P. 170.
- ⁵¹ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 138.
- ⁵² Diskalkar D.B. Bogle's Embassy to Tibet // The Indian Historical Quarterly. V. IX. Delhi, 1933. P. 2.
- ⁵³ Das S.Ch. Op. cit. P. 35.
- ⁵⁴ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 155.
- ⁵⁵ Cammann S. The Panchen Lama's Visit to China in 1780 // The Far Eastern Quarterly. V. IX. N.Y., 1949. P. 4.
- ⁵⁶ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 141—142.
- ⁵⁷ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 155.
- ⁵⁸ Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet... P. 208.
- ⁵⁹ Попов И. Указ. соч. С. 208.
- ⁶⁰ Das S.Ch. Op. cit. P. 37.

- ⁶¹ Turner S. An Account of an Embassy to the Court of Teshoo Lama in Tibet. L., 1800. P. 454.
- ⁶² Ya Hanzhang. Op. cit. P. 144.
- ⁶³ Ibid. P. 143.
- ⁶⁴ Ibid. P. 148.
- ⁶⁵ Das S.Ch. Op. cit. P. 40.
- ⁶⁶ Ibid. P. 40—41.
- ⁶⁷ Rochill W.W. The Dalai Lamas of Lhasa... P. 47.
- ⁶⁸ Ibid. P. 48.
- ⁶⁹ Turner S. Op. cit. P. 463—464.
- ⁷⁰ Ibid. P. 464.
- ⁷¹ Rockhill W.W. Op. cit. P. 48.
- ⁷² Можейко И.В., Узянов А.Н. История Бирмы, М., 1973. С. 124.
- ⁷³ Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн... С. 559—560.
- ⁷⁴ Попов И. Указ. соч. С. 205.
- ⁷⁵ Rahul R. The Role of Lamas in Central Asian Politics. P. 226.
- ⁷⁶ Cammann S. Op. cit. P. 18.
- ⁷⁷ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 155.

ГЛАВА 10

- ¹ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 170.
- ² Turner S. Op. cit. P. 366.
- ³ Ibid. P. 335.
- ⁴ Petech L. The Missions of Bogle and Turner According to the Tibetan Texts... P. 61—62.
- ⁵ Landon P. Nepal. V. I. L., 1928. P. 276.
- ⁶ Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках... С. 188.
- ⁷ Дуглас Н., Уайт М. Кармапа: тибетский лама в черной короне. СПб., 1998. С. 129.
- ⁸ Desideri I. Op. cit. P. 168.
- ⁹ Kirkpatrick W. An Account of the Kingdom of Nepal. L., 1811. P. 339.
- ¹⁰ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 156.
- ¹¹ Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet... P. 129.
- ¹² Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII вв... С. 181.
- ¹³ Kirkpatrick W. Op. cit. P. 340.
- ¹⁴ Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII вв... С. 181.
- ¹⁵ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 157—158.
- ¹⁶ Kirkpatrick W. Op. cit. P. 341.
- ¹⁷ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 158.
- ¹⁸ Lamb A. British India and Tibet. 1766—1910. L.; N.Y., 1986. P. 18.

- ¹⁹ Ibid. P. 19.
- ²⁰ Shakabpa W.B. Op. cit. P. 160.
- ²¹ Rose L.E. Strategy for Survival. L., 1971. P. 44.
- ²² Landon P. Op. cit. P. 276.
- ²³ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 161.
- ²⁴ Rose L.E. Op. cit. P. 44.
- ²⁵ Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках... С. 234.
- ²⁶ Fu Lo-shu. A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations. V. I. Tucson, 1966. P. 302.
- ²⁷ Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках... С. 277.
- ²⁸ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 158.
- ²⁹ История Монгольской Народной Республики. М., 1983. С. 218.
- ³⁰ Rose L.E. Op. cit. P. 45.
- ³¹ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 158.
- ³² Rose L.E. Op. cit. P. 46.
- ³³ Lamb A. Op. cit. P. 19.
- ³⁴ Shakabpa W.D. Op. cit. P. 164.
- ³⁵ Rose L.E. Op. cit. P. 52.
- ³⁶ Landon P. Op. cit. P. 277.
- ³⁷ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 161.
- ³⁸ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 160.
- ³⁹ Rose L.E. Op. cit. P. 54.
- ⁴⁰ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 162.
- ⁴¹ Rose L.E. Op. cit. P. 56—57.
- ⁴² Редько И.Б. Англо-непальские отношения во второй половине XVIII — первой половине XIX в. // Краткие сообщения института Востоковедения. Т. 25. М., 1959. С. 7.
- ⁴³ Rose L.E. Op. cit. P. 59.
- ⁴⁴ Редько И.Б. Указ. соч. С. 8.
- ⁴⁵ Цит. по: Rose L.E. Op. cit. P. 60—61.
- ⁴⁶ Kirkpatrick W. Op. cit. P. 348—349.
- ⁴⁷ Ibid. P. 350.
- ⁴⁸ Ibid. P. 349—350.
- ⁴⁹ Rockhill W.W. Op. cit. P. 62.
- ⁵⁰ Rose L.E. Op. cit. P. 65.
- ⁵¹ Ibidem.
- ⁵² Landon P. Op. cit. P. 280.
- ⁵³ Bell Ch. Tibet. Past and Present. Oxford, 1924. P. 277.
- ⁵⁴ Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений (XVII — середина XIX в.). Хабаровск, 1986. С. 91—92.
- ⁵⁵ History of Nepal. Calcutta, 1958. P. 159.
- ⁵⁶ Bell Ch. Tibet. Past and Present. Oxford, P. 275.
- ⁵⁷ Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках. С. 241.

- ⁵⁸ Bell Ch. Tibet. Past and Present... P. 278.
- ⁵⁹ Дуглас В., Уайт М. Указ. соч. С. 129.
- ⁶⁰ Rockhill W.W. Op. cit. P. 56.
- ⁶¹ Li Tien-tseung. Op. cit. P. 54.
- ⁶² Ibidem.
- ⁶³ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 165.
- ⁶⁴ Landon P. Op. cit. P. 277.
- ⁶⁵ Ya Hanzhang. Op. cit. P. 165—166.
- ⁶⁶ Shakabra W.D. Op. cit. P. 168.
- ⁶⁷ Rose L.E. Op. cit. P. 65—66.
- ⁶⁸ Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках... С. 215.
- ⁶⁹ Там же. 218.
- ⁷⁰ Уложение китайской Палаты внешних сношений. Т. 2. СПб., 1828. С. 241.
- ⁷¹ Rockhill W.W. Op. cit. P. 53.
- ⁷² Уложение китайской Палаты... 248.
- ⁷³ Там же. С. 247.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках... С. 242.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Уложение китайской Палаты... С. 271.
- ⁷⁸ Там же. С. 273—274.
- ⁷⁹ Дас С.Ч. Путешествие в Тибет. СПб., 1904. С. 236—237.
- ⁸⁰ Описание Тибета в нынешнем его состоянии. С. 134.
- ⁸¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Статистическое описание Китайской империи. Ч. 2. СПб., 1842. С. 159.
- ⁸² Rose L.E. Op. cit. P. 40.
- ⁸³ Rockhill W.W. Op. cit. P. 54.
- ⁸⁴ Ibid. P. 55.
- ⁸⁵ Ibid. P. 56.
- ⁸⁶ Тибет. Правда, основанная на фактах... С. 14.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

1. Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. Буддизм Тибета. М.; Рига, 1991.
2. Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. Свобода в изгнании. СПб., 1992.
3. Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. Доброта, чистота помыслов и проникновение в сущность. М., 1993.
4. Дас С.Ч. Путешествие в Тибет. СПб., 1904.
5. Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо» — источник по истории монголов Кукунора. Новосибирск, 1983.
6. Дуглас Н., Уайт М. Кармапа: тибетский лама в черной короне. СПб., 1998.
7. Их цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII века. М., 1981.
8. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969.
9. Международные отношения в Центральной Азии XVII—XVIII вв.: Документы и материалы. Кн. 1—2. М., 1989.
10. Миньчжул-хутухта. География Тибета. СПб., 1895.
11. Муллин Г. Избранные сочинения Далай-ламы II. М., 1998.
12. Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. СПб., 1895.
13. обстоятельное описание происхождения и состояния манджурского народа и войска, в осми знаменах состоящего. СПб., 1784.
14. Описание Тибета в нынешнем его состоянии. СПб., 1828.
15. О тибетском вопросе. Пекин, 1959.
16. Пагсам-джонсан. История и хронология Тибета. Новосибирск, 1981.
17. Позднеев А. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». СПб., 1883.

18. Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии (Из «Шэн у цзи») // Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 3. СПб., 1883.
 19. Сазыкин А.Г. Описание Тибета, составленное в XVIII в. бурятским паломником Дамба-Доржи Заяевым // Страны и народы Востока. Вып. 26. Кн. 3. М., 1989.
 20. Санчжай Чжамцо. Драгоценная шелковая ткань // Муллин Г. Избранные сочинения Далай-ламы II. М., 1998.
 21. Соднам Цзэмо. Дверь, ведущая в Учение. СПб., 1994.
 22. Сумба-Хамбо. История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы». М., 1972.
 23. Тибет. Правда, основанная на фактах. М., 1994.
 24. Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами. СПб., 1777.
 25. Уложение китайской Палаты внешних сношений. Т. 1—2. СПб., 1828.
 26. Уоддель А. Лхаса и ее тайны. СПб., 1906.
 27. Установления о соли и чае. М., 1975.
 28. Цаньян Чжамцо. Песни, приятные для слуха. М., 1983.
 29. Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1918.
 30. Чжэ Цонкапа. Большое руководство к этапам пути пробуждения. Т. I. СПб., 1994.
 31. Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века. М.; Л., 1957.
- * * *
32. Das S.Ch. Contributions on the Religion, History etc., of Tibet // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. V. LI. Calcutta, 1882.
 33. Della Penna O. Brief Account of the Kingdom of Tibet // Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet. L., 1876.
 34. Desideri I. An Account of Tibet. L., 1937.
 35. Diskalkar D.V. Bogle Embassy to Tibet // The Indian Historical Quarterly. IX. Delhi, 1933.
 36. Fu Lo-shu. A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations. 1644—1820. V. 1—2. Tucson, 1966.
 37. History of Nepal. Calcutta, 1958.
 38. Kirkpatrick W. An Account of the Kingdom of Nepal. L., 1811.

39. Landon P. Nepal. V. 2. L., 1928.
40. Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet. L., 1876.
41. Turner S. An Account of an Embassy to the Court of the Teshoo Lama in Tibet. L., 1800.

ЛИТЕРАТУРА

42. Алдошин В.А. Легенды о стране Шамбала // Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста, 1987.
43. Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений (XVII — середина XIX в.). Хабаровск, 1986.
44. Беспрозванных Е.Л. Миссия Дж. Богля в Тибет (1774—1775 гг.) // Проблемы всемирной истории. Элиста, 1993.
45. Беспрозванных Е.Л. Идеология «умиротворения варваров»: Цины и буддийская церковь в XVII—XVIII вв. // Общественная мысль и социально-политические движения в новое и новейшее время. Волгоград, 1995.
46. Беспрозванных Е.Л. Буддизм и политика: лидеры Тибета в XVII—XIII вв. Волгоград, 1998.
47. Беспрозванных Е.Л. Калмыцко-китайские отношения на втором этапе (середина 20-х — середина 30-х годов XVIII в.) // Стрежень: Науч. ежегодник. Вып. I. Волгоград, 2000.
48. Бичурин Н.Я. (Иакинф). История Тибета и Хухунора. Т. 1. СПб., 1833.
49. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834.
50. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Статистическое описание Китайской империи. Ч. 1—2. СПб., 1842.
51. Богословский В.А. Очерк истории тибетского народа. М., 1962.
52. Богословский В.А., Гуревич Б.П., Думан Л.И. Тибет // Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973.
53. Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911—1949). М., 1984.
54. Бокшанин А.А. Китай и страны Южных морей. М., 1968.

55. Бокщанин А.А. Соотношение политических и внешне-торговых функций в системе «дани» минского времени // Доклады, представленные на Международный синологический конгресс в Праге. М., 1968.
56. Бокщанин А.А. Особенности внешних отношений империи Мин и вопросы преемственности // Китай: традиции и современность. М., 1976.
57. Болсохоева Н.Д. Дэсрид Санчжяй Чжамцо — ученый-энциклопедист средневекового Тибета // Источниковедение и текстология памятников средневековых наук в странах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.
58. Буров В.Г. Мировоззрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуаншаня. М., 1976.
59. Васильев Л.С. История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество). М., 1983.
60. Владимирцов Б.Я. Надписи на скалах халхаского Цогту-тайджи // Известия АН СССР. Т. 21. № 3—4. М., 1927.
61. Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977.
62. Габорио М. Непал и его жители. М., 1975.
63. Горохова Г.С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства. М., 1980.
64. Гумилев Л.Н. Древний Тибет. Соч. Т. 5. М., 1996.
65. Гуревич Б.П. Освобождение Тибета. М., 1958.
66. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979.
67. Далай Ч. Монголия в XIII—XIV веках. М., 1983.
68. Доронин Б.Г. Завоевание Китая маньчжурами и официальная китайская историография XVII—XVIII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. Л., 1987.
69. Доронин Б.Г. Современный этап изучения в КНР истории династии Цин // Новое в изучении Китая: история и историография. М., 1988.
70. Дугаров Р.Н. Очерки истории и культуры Амдо: VII—XIX вв. Улан-Удэ, 1995.
71. Дугаров Р.Н. Буддизм в Монголии и Кукуноре (Амдо) в XVI—XVIII вв. Улан-Удэ, 1999.

72. Дугаров Р.Н. Кукунорские ханства в XV—XVIII вв. Улан-Удэ, 1999.
73. Дугаров Р.Н. Теократия в истории средневековой Монголии. Улан-Удэ, 1999.
74. Думан Л.И. Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. М.; Л., 1936.
75. Думан Л.И. Внешнеполитические связи Древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
76. Думан Л.И. Традиции во внешней политике Китая // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972.
77. Думан Л.И. Учение о Сыне Неба и его роль во внешней политике Китая (с древности до нового времени) // Китай: традиции и современность. М., 1976.
78. Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974.
79. Журавлев Ю.И. Этнический состав Тибетского района КНР и тибетцы других районов страны // Восточно-азиатский этнографический сборник. М., 1961.
80. Забровская Л.В. Политика Цинской империи в Корее. М., 1987.
81. Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957.
82. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964.
83. Златкин И.Я. Зая-пандита как политический деятель // 320 лет старокалмыцкой письменности. Элиста, 1970.
84. Илларион. Очерк истории сношений Китая с Тибетом // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. II. СПб., 1853.
85. История Китая. М., 1998.
86. История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.
87. История Монгольской Народной Республики. М., 1983.
88. История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986.
89. Кара-Мурза Г.С. К постановке национального вопроса в Китае // Проблемы Китая. № 13. М., 1934.
90. Кара-Мурза Г.С. Очерки по новой истории Китая. Вып. 1. М., 1939.

91. К.Вл. История Тибета // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XXXIII. СПб., 1901.
92. Кочетов А.Н. Буддизм. М., 1968.
93. Крапивина Р.Н. Культурно-историческая традиция Сакья // Соднам Цзэмо. Дверь, ведущая в Учение. СПб., 1994.
94. Кузнецов В.С. К вопросу о владычестве Джунгарского ханства над Восточным Туркестаном // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
95. Кулешов Н.С. Китай — пригималайские страны и Индия // Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982.
96. Крывелев И.А. История религий. Т. 2. М., 1976.
97. Кычанов Е.И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск, 1980.
98. Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги Страны снегов. М., 1975.
99. Кюннер Н.В. Описание Тибета. Ч. 2. Вып. 1—2. Владивосток, 1908.
100. Ларин В.Л. Система тусы в период Цин // Народы Азии и Африки. №3. М., 1990.
101. Леонтьев В.П. Против извращения истории китайско-тибетских отношений // Краткие сообщения ИВ АН СССР. Т. IX. М., 1952.
102. Леонтьев В.П. Иностранная экспансия в Тибете в 1888—1919 гг. М., 1956.
103. Луния Б.Н. История индийской культуры. М., 1960.
104. Ли Данянь. О Канси // Историческая наука в КНР. М., 1971.
105. Маланова Т.М. Тибетский канон Ганьчжур и Даньчжур как движущаяся система текстов // Источниковедение и текстология памятников средневековых наук в странах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.
106. Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
107. Мартынов Д.С. О некоторых особенностях политики цинского правительства в Тибете в конце XVIII в. // Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
108. Мартынов А.С. К проблеме обмена на фаньской периферии при династии Мин // История, культура, языки народов Востока. М., 1970.

109. Мартынов А.С. Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции // Народы Азии и Африки. № 5. М., 1972.
110. Мартынов А.С. Сила дэ монарха // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. М., 1974.
111. Мартынов А.С. О традиционной интерпретации внешних войн в официальных документах Китая VII—XVIII веков // Десятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1976.
112. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках. М., 1978.
113. Мартынов А.С. Значение приезда послов в императорском Китае // Народы Азии и Африки. № 1. М., 1979.
114. Мартынов А.С. Традиция и политика в период Цяньлун // Конфуцианство в Китае (проблемы теории и практики). М., 1982.
115. Махмутходжаев М.Х. Национальная политика гоминьдана. М., 1986.
116. Можейко И.В., Узянов А.Н. История Бирмы. М., 1973.
117. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980.
118. Мясников В.С., Шепелева Н.В. Китай и Монголия // Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982.
119. Насунов А.Б. Роль Тибета в осуществлении откочевки основной части калмыков в Джунгарию в 1771 г. // Цыбиковские чтения. Улан-Удэ, 1989.
120. Неру Дж. Открытие Индии. Кн. 1—2. М., 1989.
121. Новая история Китая. М., 1972.
122. Островская Е.А. Буддийский университет в духовной культуре средневекового Тибета // Восток. № 1. 1997.
123. Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн. М., 1959.
124. Попов И. Ламаизм в Тибете. Казань, 1898.
125. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 3. СПб., 1883.
126. Прусаускаене И.А. Некоторые тенденции в политике Центрального правительства Китая в отношении Тибета // IV

научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М., 1973.

127. Празаускене И.А. Система управления в Восточном Тибете (XVIII — первая половина XX в.) // Государство и общество в Китае. М., 1978.

128. Редько И.Б. Англо-непальские отношения во второй половине XVIII — первой половине XIX в. // Краткие сообщения ИВ АН СССР. № 35. М., 1959.

129. Редько И.Б. Непал // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967.

130. Рерих Ю.Н. Монголо-тибетские отношения в XIII—XIV вв. // Филология и история монгольских народов. М., 1958.

131. Рерих Ю.Н. Монголо-тибетские отношения в XVI и начале XVII в. // Монгольский сборник. М., 1959.

132. Савицкий Л.С. Введение // Цаньян Чжамцо. Песни, приятные для слуха. М., 1983.

133. Санчилов В.П. Теократия в Тибете и роль Гуши-хана в ее окончательном утверждении // Ламаизм в Калмыкии. Элиста, 1977.

134. Санчилов В.П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990.

135. Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство: Внешняя Монголия XVI — начала XX в. Новосибирск, 1988.

137. Сувилов Н.И. Тибет. Описание страны и отношение к ней Китая и Англии до последнего времени. СПб., 1905.

138. Тибет // Большая советская энциклопедия. Т. 54. М., 1946.

139. Туччи Дж. Тибетская живопись в свитках // Гумилев Л.Н. Соч. Т. 5. М., 1996.

140. Успенский В.Л. Ламаистский Пекин: от Шунь-чжи до Дао-гуана // Восток. № 4. 1996.

141. Успенский В.М. Страна Кукэ-нор, или Цин-хай. СПб., 1880.

142. У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980.

143. Фесенко П.И. Новая история Китая. Вып. 1. М., 1936.

144. Харнский К.А. Китай с древнейших времен до наших дней. Владивосток, 1927.

145. Хафизова К.Ш. Россия, Китай и народы Туркестана в публицистике В.П.Васильева // История и культура Китая. М., 1974.

146. Ходжаев А. Захват Цинским Китаем Джунгарии и Восточного Туркестана // Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982.

147. Ходжаев А. Джунгаро-цинский договор 1740 г. // Новое в изучении Китая: история и историография. М., 1988.

148. Цыбиков Г.Ц. О Центральном Тибете // Избранные труды. Т. 2. Новосибирск, 1981.

149. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М., 1978.

150. Чимитдоржиев Ш.Б. Хадхаский Цогт-тайджи (1582—1637) // Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1980.

* * *

151. Ahmad Z. China and Tibet. 1708—1958. Oxford, 1960.

152. Ahmad Z. The Historical Status of China in Tibet // Journal of the Oriental Society of Australia. V. 9. Sidney, 1972.

153. Bell Ch. Tibet. Past and Present. Oxford, 1924.

154. Bell Ch. The Religion of Tibet. Oxford, 1931.

155. Boulger D.Ch. History of China. V. 1—2. L., 1898.

156. Cammann S. The Panchen Lama's Visit to China in 1780 // Far Eastern Quarterly. V. IX. № 1. N.Y., 1949.

157. Cassinelli C.W., Ekwall R.B. A Tibetan Principality. The Political Sistem of Sa-skya. N.Y., 1969.

158. Chakravartin // The New Enciclopedia Brittanica. V. 5. Chikago, 1994.

159. Farquhar D.M. The Origins of the Manchu's Mongolian Policy // The Chinese World Order. Cambridge, Mass., 1968.

160. Farquhar D.M. Emperor as Bodhisattva in the Ch'ing Empire // Harvard Journal of Asiatic Studies. V. 38. № 1. 1978.

161. Francke A.H. A History of Western Tibet. L., 1907.

162. Hsu Shusi. An Introduction to Sino-Foreign Relations. Shanghai, 1941.

163. Kolmas J. Tibet and Imperial China. Canberra, 1967.

164. Lamb A. Sino-Indian and Sino-Russian Borders: Some Comparisons and Contrasts // Studies in the Social History of China and South-East Asia. Cambridge, 1970.

165. Lamb A. *British India and Tibet. 1766—1910.* L.; N.Y., 1986.
166. Landon P. *Nepal. V. 2.* L., 1928.
167. Latourette K.S. *The Chinese: their History and Culture.* N.Y., 1934.
168. Li Tieh-tseung. *The Historical Status of Tibet.* N.Y., 1956.
169. Li Ung Bing. *Outlines of the Chinese History.* Shanghai, 1914.
170. Macgowan J. *A History of China.* Shanghai, 1897.
171. Malik I.L. *Dalai Lamas of Tibet.* New Delhi, 1984.
172. Norbu Th.J., Turnbull C.M. *Tibet.* L., 1969.
173. Petech L. *China and Tibet in the Early 18-th Century.* Leiden, 1950,
174. Petech L. *Aristocracy and Government in Tibet. 1728—1959.* Roma, 1975.
175. Petech L. *The Dalai-Lamas and Regents of Tibet: a Chronological Study // Selected Papers on Asian History.* Roma, 1988.
176. Petech L. *The Missions of Bogle and Turner according to the Tibetan Texts // Selected Papers on Asian History.* Roma, 1988.
177. Petech L. *Notes on Tibetan History of the 18-th Century // Selected Papers on Asian History.* Roma, 1988.
178. Petech L. *The Tibetan-Ladakhi-Moghul War (1679—1682) // Selected Papers on Asian History.* Roma, 1988.
179. Petech L. *Central Tibet and the Mongols. The Yüan — Saksya Period of Tibetan History.* Rome, 1990.
180. Rahul R. *The Role of Lamas in Central Asian Politics // Central Asiatic Journal. V. XII. Fasc. 3.* Hague, 1969.
181. Reischauer E.O., Pairbank J.K. *A History of East Asian Civilization. V. I.* Boston, 1958.
182. Richardson H.E. *Tibet and its History.* L., 1962.
183. Rockhill W.W. *The Dalai Lamas of Lhasa and their Relations with Manchu Emperor of China.* Leiden, 1910.
184. Rose L.E. *Nepal. A Strategy for Survival.* Berkeley, 1971.
185. Rossabi M. *China and Inner Asia. From 1368 to Present Day.* L., 1975.
186. Schram L.M.J. *The Monguors of Kansu-Tibetan Border. V. 1—3.* Philadelphia, 1961.
187. Shakabpa W.D. *Tibet. A Political History.* New Haven; L., 1967.

188. Shen Tsung-lien, Liu Shen-chi. Tibet and the Tibetans. Stanford, 1953.
189. Snellgrove D., Richardson H. A Cultural History of Tibet. N.Y., 1968.
190. Steiger G.N. A History of the Far East. Boston; N.Y., 1936.
191. Suzuki Ch. China's Relations with Inner Asia: the Hsiung-nu, Tibet // The Chinese World Order. Cambridge, Mass., 1968.
192. Tung Chi-ming. An Outline History of China. Peking, 1959.
193. White J.C. Sikkim and Bhutan. L., 1909.
194. Ya Hanzhang. The Biographies of the Dalai Lamas. Beijing, 1991.
195. Ya Hanzhang. Biographies of the Tibetan Spiritual Leaders Panchen Erdenis. Beijing, 1994.

Для заметок

Научное издание

Беспрозванных Евгений Леонидович

**ЛИДЕРЫ ТИБЕТА И ИХ РОЛЬ
В ТИБЕТО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
XVII—XVIII ВВ.**

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редакторы: *С.А. Астахова, И.И. Незнаева*
Технические редакторы: *Н.Г. Романова, А.Е. Степанов*
Художник *Н.Н. Захарова*

ЛР № 020406 от 12.02.97

Подписано в печать 26.07 2001 г. Формат 60x84/16.
Бумага типографская № 1. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 20,69.
Уч.-изд. л. 22,25. Тираж 500 экз. (1-й завод 100 экз.).
Заказ . «С» 76.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.